АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТУВИНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР, в. 13

Н. Н. ПОППЕ

АЛАРСКИЙ ГОВОР

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР
ЛЕНИНГРАД 1931

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Апрель 1931 г.

Непременный Секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик Б. Я. Владимирцов

272
45

Тит. л. + 2 нен. + 216 стр.

Статформат $Б_5$

Ленинградский Областлит № 68447. — 14 печ. л. — Тираж 1000

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Тексты	1—110
jèрмē[i] боґдŏ хāң	1
хāң сеґсē мергĕң	61
ӧнĕшĕң хўбӯң	79
jандăрмāң хāң	88
алтăң шагā[i]	94
шоно бāтăр (первый вариант)	103
шоно̆ бāтăр (второй вариант)	106
тӯнсĕхĕндē ӧбĕгĕң	109
Переводы	111—212
Еремей Богдо Хан	111
Хан Сэксэй Мэргэн	159
Мальчик-сирота	178
Яндарман Хан	189
Алтан Шагай	196
Шоно Батор (первый вариант)	203
Шоно Батор (второй вариант)	207
Старик Тэнсэхэндей	211
Примечания к текстам и переводам	213
Исправления и дополнения к обеим частям	215

ТЕКСТЫ

JÈPMÈ[1] БОГДŎ ХĀН

уранӗ саҕтă,
ҕазăрĕ ҕазăр болхŏдŏ,
ҕалбīң тӧбĕ бӳт°хĕдĕ,
уһăнĕ уһăң болхŏдŏ,
ӳжăм дала[1]ң бӳт°хĕдĕ,
заҕăл jёхĕ буҕаң
туҕăлĕ шӗнӗң ба[1]хăдă,
заха[1]ң зандăр модŏнĕ
ӧртӗнӗнĕ шӗнӗң ба[1]хăдă,
ҕазадă jёхĕ дала[1]ң
ҕорхŏнĕ шӗнӗң ба[1]хăдă,
абăрҕă jёхĕ заҕăһăнĕ
жăраха[1] ба[1]хăдă —
шаңхă урдă зӳҕтĕ,
шамшīң шар[n] талдă,
шарă һа[1]хăң зӗлӗгӗдĕ,
орһŏң ҕолĕ узӳртă,
ҕарһăң жăлҕа[1]ң тол°гӧ[1]дŏ,
jёхĕ харă дала[1]ң ӗрjĕдĕ,
узӳр jёхĕ бејӗрӗ
ӳлгӗң делхĕ бӳрхӗнӗң,
ӳзӳр jёхĕ бејӗрӗ
оҕтŏргӧ[1]ң ојŏдŏл шаҕăһăң,
ҕушăң ҕурбăң булăнтĕ,
ҕурбăң мӥңҕăң шаҕабăртĕ,
шаҕабăр бӗрĕ шаҕнӳлтĕ,
ӳдĕң бӗрĕ харӳлтĕ,
арă бејĕ ханăja
алтăр сардăһăң,
ӧбĕр бејĕ ханăja
мӧңгӧр сардăһăң,
хӳлĕр мӧңгӗң пӧлтĕ,
боржŏ мӧңгӗң бонŏҕŏтĕ,
ӗржĕң мӧңгӗң ӳдĕтĕ,
тӳмĕң хӯнĕ
тӳрсĕлдĕжĕ урăлдăмă
тӳшӗтӗ мӧңгӗң херĕнсӗтӗ,
мӥңҕăң хӯнĕ
мінă хаjăжă урăлдăмă
наҕсăр мӧңгӗң херĕнсӗтӗ,
харă тӧмĕр хашăтĕ,
хабăһă мӧңгӗң буртăтĕ,
хаһăk салдăт харӳлтĕ,
хӳрĕ шулӯң хӳрӗтӗ,
хӯнĕ хӳбӯң харӳлтĕ,
арбăң ҕурбăң налăтĕ
наҕсăр мӧңгӗң серĕгӗтӗ,
арбăң ҕурбăң базăртĕ,
хорŏң табăң собŏртĕ,
холбō һа[1]хăң дасăнтĕ,
ҕурбăң шара[1]ң бурхăшӯл умшăлҕăтĕ,
арă ӧдĕ һӯдăлтĕ
арбăң мӥңҕăң албăтăтĕ,
арă ӧдĕ белшĕртĕ
арбăң мӥңҕăң адӯтĕ,
ӧбĕр ӧдĕ һӯдăлтĕ
ӯ[1] тӳмĕң албăтăтĕ,
ӧбĕр ӧдĕ белшĕртĕ
ӯ[1] тӳмĕң адӯтĕ,
хошӯржă белшĕхĕ

хоңӧң јамаң хојӧртē,
тўдʸī бāʲхă дōмāјĕ
єжĕлжĕ тĕрĕнĕң,
тўдʸī бāʲхă албăтāјĕ
тоᵱшӧлӧжӧ тĕрĕнĕң
јĕрмĕʲ боґдӧ хāң.
јĕрмĕʲ боґдӧ хāңĕ
хатăлăᵱшă хатăңīң
герēр дўрĕң hанāтē,
герлēр дўрĕң шараʲтē,
бўтўјĕ тāхă,
бўрхēјĕ номңӧхӧ,
герĕл уґā хатăң.
јĕрмĕʲ боґдӧ хāңĕ
ӧбĕр дĕрĕ ĕргĕнĕңīң
ӧлмĕʲ дĕрĕ хатăрўлhăң хўбўң
Ѻрīң ёдĕр шулўң мергĕң.
ӧглѺңĕ улаң нарăң болбӧ.
ӧглѺ бодӧбӧ.
герĕл уґā хатăңīң
алтăң стōлō татăжă
амтăтē шўхᵉрē ґарґăбă.
мӧңгĕң стōлō татăжă
мӧң шўхĕрē ґарґăбă.
арбăң ґурбăң бōдӧлґӧтē
абāʲ hāʲхăң збāндă
арᵱăң тоᵱōң арзă
хўјĕсĕ хāјăсă хēд асрā.
стōлдō ґурбўлдă hўжă
амт-амхăң ёдĕлē,
абăр-ебĕр зуᵱālăжă.
герĕл уґā хатăңīң
ёдĕр шулўнhā hуржă:
„сĕжĕтнā̆ hанāтĕдлĕ,
сесĕгĕтнā̆ нолмӧңӧтĕдлĕ“.
тīхĕдē ёдĕр шулўң мергĕң

желĕбĕ:

„арă Ѻдĕ белшĕхĕ
арбăң мīңґăң адўннāң
арбăң азăрґă̆ адăнă
шаңхă̆ барўңĕ зўᵱтĕ
ґушăң жілĕ ґазăрhā

хулăнăннā урґăнăң
хулăнăң саᵱāң мергĕң
олзӧјĕ олзӧлӧжӧ абā“.
тīгēт хелē бў̄ дā.
ґазā ґарбă.
ёдĕр шулўң мергĕң
хорӧңң табăң толгӧʲтē
собōр дēрĕ ґаршă,
алăґ ѐрĕң ңўдĕрē
алўт сāᵱўр ѐрјўlжĕ харā.
алтāʲң ардă,
хӧхēң хӧᵱшĕдĕ,
јёхĕ саᵱāң нўрĕ ѐрјĕ дēрᵉ,
ўјĕтᵉīң саᵱāң ӧбĕнĕң ёдĕлгĕтē,
јёхĕ саᵱāң нўр уhăлўртē,
заң шарґă̆ мӧрᵒнīң бāʲᵱāᵱшăдā.
хōлӧʲң hāʲґāр хуґāʲдăбă.
тўмĕң лўјĕ дў негĕдхĕжĕ
тёд бāʲсă̆ зандăбă.
мīңґăң лўјĕ дў негĕдхĕжĕ
ңăд бāʲсă̆ зандăбă.
унтăжă̆ хеᵱтĕнĕң мӧрӧң
барăң сāʲхăң шёхĕндĕ
жірт гежĕ дў абā:
„енĕ јёхĕ дўң
менī ежĕнĕ дўң“ гежĕ бодӧжӧ,
„енĕ ежĕнĕ хōʲнӧhӧн хāʲхăржă
меңĕ бāʲхă жарґăл ўбĕʲ.
хормōʲң шёнēң арбăңīм
хāʲлўлхăјā хўрē.
хамсʸīң шёнēң далăңīм
шёмĕлжĕ барᵃхăјā дўдā.
негĕ болhō —
хортӧ шортӧ дāʲндă
хорлӧжӧ ґархăңјĕ.
хојӧртхīң хедā —
hўʲтĕ хубăтă̆ хўгē
бедĕржĕ ґархăңјĕ.
енĕ хојӧрĕ негĕңīң“.
тохōʲ саᵱāң hўлē
ташāн дĕрĕ татăбă.
мандăлзăᵱшă делĕнējē

мандā дĕрĕ хаjā,
ґурбăң аршăм шĕхĕjē
хўзўн дĕрĕ хаjā.
ўхĕрĕ шĕнēң хар[a] шулўннā
ĕтхĕлбĕр хежĕ харā̈[i]лґăбă.
хĕхēң хĕ̆шĕ доңґ̆дбŏ,
хĕмĕнĕк сaнăң унăбă.
хадā̈ң шулўнĕ хаб̆ăсă
халўр бā̈[i]сă шĕлгĕнĕжĕ,
ınзăґăтē jĕхĕ гĕрō̆нĕң
ınзăґăннāн хаґăсăр гў̈[i]гē.
дā̈[i]дă геhĕң шĕлĕгдō̆,
далā̈[i] геhĕң солґ̆ŏдō.
мо̆р̆ŏң jĕрĕ jĕрĕhēр jĕрĕбĕ.
хабăhă мĕңгĕң буртāдā
булăґăң hā̈[i]хăң хоньшōрōрō
ханьхăнсă тўлсĕжĕ бā̈[i]бă.
ежĕньiн ґаршă jĕржĕ
буртāґā ньēгē.
арбăң ґурбăң hалāтē
наґ̆сăр мĕңгĕң сергĕдē
уjăhăң мо̆р̆ŏң бўтĕ бўмбē[i]жĕ,
унтăhăң тўлā̈[i] бўтĕ
дўрă дўрăжă бā[i]жă ёгō̆.
шорбō̈[i] мĕңгĕң ноґ̆тōрō ноґ̆ тŏлŏжŏ
шудхăмăл мĕңгĕң хазāрāрā
хазāрлăжă абā.
торґŏң хīдхўр тохŏмō
тōрŏґ̆-бĕjĕр тохŏжŏ
тохō̈[i] мĕңгĕң емēлē
шаб̆шўрлăжă тăбăбă.
арбăң ґурбăң олŏмōрō
атā̈сăрīн татăбă.
бўтў мĕңгĕң бĕгĕлдĕргēн бĕгĕл-
дĕрглō̆.
утă утăhăң жолōjĕ
сергĕдē уjăжă орхŏбŏ.
бўтў утă жолōjĕ
бўргĕдē бўргĕдлē.
„морŏнĕ зaнăл хўсē“ гежĕ,
„бejēң зaнăл дутăбă“ гежĕ
сōлдō орбŏ-дā.

алтăң хоб̆тŏjō ньēжĕ,
алтăң торґŏң хуб̆сăhăjā ґарґăжă
тўмĕң жілĕ борōндŏ тĕгдĕрхĕ-бē[i]
тўргē[i] хошўң сабăjā ёмĕдō̆.
саңāң торґŏң жĕлĕдхĕjē ёмĕдĕжĕ,
ньēмгĕхĕң торґŏң хубсăhā ёмĕдĕжĕ,
зў нā̈[i]мăң тоб̆шŏjō
захăдīн ґаршă тоб̆шŏлō.
саңāң мĕңгĕң бehĕjē
арбăң ґурбă ĕрjўlжĕ
урдă хō̈[i]нŏ хаб̆шўлā.
бул[a]ґăң хō̆мē[i] малґăjā
шаб̆шўрлăжă дĕрē тăбăбă.
адхă буд̆хă залājīн
хамăр амā сохўlжă,
ўдĕньĕ шĕнēң герĕлдē
ĕрjĕжĕ бā̈[i]жă хуб̆сăлнă.
бejĕдē тōрŏk jадăң бā̈[i]нă.
булăң берĕ hўдăлтē
бурхăшўlĕ hўрjē hўлдĕ хojŏртŏ
мĕргō̆.

ех[e] есĕгĕ хojŏрō
хĕлдīн мĕргĕжĕ,
„тāмньĕ hўң жарґăґ̆тī!“ гежĕ,
„бīтнă хортŏ шортŏ дā̈[i]нд[a] ошхŏмньĕ!
хең хўньĕ хўбўң ерĕ тĕржĕ
хўньĕ зō̆шō̆р зō̆шĕ хежĕ,
хең хўньĕ хўбўң ёзī тĕржĕ
гертē hўх[a]-īм!“ гежĕ,
тīгēт ґаршă бодŏбŏ.
ўтхĕjē аб̆шă,
ēм дĕрĕ ĕрjўlжĕ,
бат хасўргăнă бўтĕ
баґлā̈[i]сăрīн ёргō̆лĕжĕ,
тō̆д хасўргăнă бўтĕ
тĕглĕржĕ бā̈[i]жă,
сергĕдē ошшŏ,
морнō жолō тā̈[i]лăжă аб̆шă,
алтăң дёрō̆ татăжă,
алăмхăжă мордŏбŏ.
сергĕjē узўртă
ґурбă дахă тō̈[i]рбŏ.

ґурбаң тёшё харжӑ мёргёбё.
сергёjё узӯрhа̄ даӈ гӯlжё ґара̄.
адхӑ шороӯ бурт гежё харӯла̄.
терёнё санӑ ошо̄.
ґурбаң жалґаң санӑ
малґаң теӈхёр зала̄
хахас гехёнь харӯла̄.
тёнhёнь саша̄ ошо̄.
сёӈтё сӯмбёр ӯлаң орӧ'дӧ ґаршă
моӈӧнhӧнь бӯжа,
моӈӧ бejё амрӯлхă гежё,
харманґӑhа̄нь негё мушхала̄
ӱjётiң саґаң ёбёhӧ̄ аӈшӑ
моӈӧндо̄ табӑжӑ ёгӧ̄.
хамсʸiң шёнёң хёдёhёjӧ̄
хӑрiң шёнёң да̄hӑjа̄
басха̄' улаң тамхijё
баґса̄жӑ нерё.
тiжё hӯхă аjӑнда̄
алаґ ёрёң нӱдёрё
алӯт са̄ӈӯр ёрjӯлбё.
хурсӑ ёрёң нӱдёрё
холӯр са̄ӈӯр ёрjӯlжё харжӑ,
шаӈхӑ барӑң зӯӈтё
хулӑhӑнhа̄ урґӑhӑң
хулӑhӑң саӈаң мергёң
арбӑң азӑрґӑ ада́hа̄jiң тӯжӑ jабӑжӑ,
тёнё харā.
хорhӧң шорhӧң хojӧртӧ
дёшёң саӈаң шӱдёjё
дёлё ґарсӑр хабӑржӑ,
арбӑң саӈаң хурґӑjа̄
нажӑґӑнсӑр мушхӑжӑ
бohӧң хара́'жӑ бодӧбӧ.
„орhӧң ґазӑр тёшiң
орхӧм“ гежё,
„хулґӑна̄ң мёрӧ̄р
хорӧң жилдё мёшхёхёп!“ гежё,
„абаха̄'ң мёрӧ̄р
арбӑң жилдё мёшхёхёп!“ гежё,
ухёрё шёнёң харª шулӯjё
бутӑ дебʷhёжё,
мӧрӧндо̄ дёрӧ̄лёжё унажӑ алам̆хӑжӑ,
тiгёт хӧ'нʷhӧнь ӱлдёжё ошо̄.
урдiн гӯ'лгёжё оржӧ,
арбӑң азӑрґӑ адӑhajа̄
гер тёшё гедёргiн ӱлдё.
„есёгёмнё jалӑ гежё асª'ра̄jёш?
ехёмнё ёнжё гежё ас'ра̄jёш?
бӯргёң санӑ бӯлёhёң,
емёлё санӑ елёhёң,
хӯнё jӯмёдё хӯнёжё
хӯзӯнё тӧрӧм мӧlжёhёң
хуӈха' тӧ'мӧk!“ гежё,
„барӑ ёмʷ шударӑлдӑжӑ,
барӑң дёрӧ̄гӧ̄ хабӑсалӑдӑжӑ,
ерхёң хӯшёр болхʷiш?“ гежё,
„ёмёң хӯшёр болхʷiш?“ гежё.
хулӑhӑнhа̄ урґӑhӑң
хулӑhӑң саӈаң мергёң
„ерхёншхё хӯшёр болho
маха̄ ёдӯлхёбӧ̄п!“ гежё,
саӈаң мёӈгёң бенёjё та'лӑжӑ,
бӯргёдё ёлгёжё,
азӑрґӑ саӈаң хуhajё
hуґӑ татӑжӑ аӈшӑ,
бодӧлґӧ хежё,
ажӑґӑр улаң шёнёhё
hуґӑ татӑжӑ аӈшӑ,
бенё мушхӑжӑ хежё,
тiгёт —
нежёт татӑлдӑжӑ,
хошӧт татӑлдӑжӑ,
тебёрёлдёжё орот,
теӈшiң шёнёң маха́
оґлӧр татӑжӑ ба'жӑ,
херё шажґа'hӯт
„хеӈ хезё да'ла́лда́жӑ ба'ӷti!“
гежё ёрӧжё,
hарª'сӧ бӑрӑлдӑжӑ,
hарhа̄н ёӈґёржё,
ґурбаң hарӑ ба'ґа,
ґурбаң hарhаn ёӈґёржё,
жил турха' ба'ба́.

жıл турха̄ˈ ба̄ˈhӑң хо̄ˈно̆ ундаң хӯрē.
jёхӗ саӈа̄ң нӯртă
хàла̄ˈлдă hа̄р ошо̆бо̆.
ѐхӗ саӈа̄ң нӯрѐ
хурѐă̆ґă hорсо̆р ӯӈа̄.
тендѐhēй бошшо̆
бешē ґазăртă ошō.
тїгēт баhа̄ ба̀рăлдăжă ба̄ˈґа̄т.
тїжē ба̄ˈхӑ hамāндїй
гертїй герēл уґа̄ хатăйїй наба̄ˈла̄.
хӯбӯң хо̄хē jёрē.
ґурбӑ хоно̆hо̆ң хо̄ˈно̆
арᵃїң барба̄ң сохо̆жо̆
àмăтăң зо̄ˈгō суґлӯла̄.
ёбрō̄ барба̄ң сохо̆жо̆
ёбрō̄ тӯшēмēлнhē суґлӯла̄.
хорѐо̆ң тоґō̄ң архїjē
арзă хорзо̆ болґо̆жо̆,
негē хёхӯртē хē.
хорѐо̆ң ёрjїң мàха̄jē
хонто̆-шатă болґō.

тїгēт хо̄хējō̄ о̆бē̄ˈдᵉ орӯлжă, тїгēт барӯӈа̄р hӯhа̄ң ёбгёдтē мёргёжē: „ётлēhēң хо̄ˈнїм ґарhа̄ң хӯбӯндē нер ґарґᵃїт!“ гежē. ёбгēт нерᵉ ґарґăжă ёгō̄бē̄ˈ. „шī ґарґă!“ гēт „бī ґарґă!“ гēт. тїгēт хо̄ˈмо̆рō̄р hӯhа̄ң hамăґă̆дтă мёргёжē баhа̄ „хӯбӯндїм нер ґарґᵃїт!“ гежē, тедē нерᵉ ґарґăжă ёгō̄бē̄ˈ,— бejē бejē „шī ґарґă!“ гежē.

тїгēт зӯгēр hӯhа̄ң берѐнӯдтē мёргёжē „енē хӯбӯндёмнē нер ґарґăжă ёгᵉїт!“ гежē. тедїй ґарґăжă ёгō̄бē̄ˈ — „шī ґарґă, бī ґарґă!“ гēт.

ӯдēн дēр hӯhа̄ң хӯбӯдтē, басґă̆дтă, залӯhӯдтă мёргёжē „енē хӯбӯндёмнē нер ґарґăжă ёгᵉїт!“ гежē. залӯhӯт нер ґарґăжă ёгō̄бē̄ˈ. — „нохо̄ˈhōш бешēр нер ґарґᵃїт!“ гежē мёргёжē.

тїжē ба̄ˈхӑ аjăндїй ґаза̄ ґара̄.
улă̆-бē̄ˈ шархă̆тē,
орѐ̆ˈ-бē̄ˈ малґа̄ˈтē ёбгёң
улă̆k улă̆k харhа̄р,
урбӑk урбӑk нēhēр,
барă̆ң нӯдёндē
барба̀ӈа̄ң шёнēң нā̆ґăhă̆тē,
зӯң нӯдёндē
зӯгē̄ˈң шёнēң нā̆ґăhă̆тē

ӧбгӗӈ орӧт јёрӗ.
терӗ ӧбӗгӗјӗ ӯдӗн дӗр^{ӗ} ба^{ı}ӊӑӈ залӯӊӯт
ендӗӊӗӊшхӗ тӯлхӗжӗ,
тендӗӊӗӊшхӗ тӯлхӗжӗ,
јамӑӈ бӯтӗ шашхӯлжӑ,
ınзӑґӑӈ бӯтӗ бархӑрӯлжӑ.

тїгӗт јӗрмӗ^{ı} боґдӧ хӑӈ „јӑх^{ӑ}їм?“ гежӗ зандӑжӑ „хӑӈ хӯӈӗ гертӗ јамӑршхӗ хӯӈ орх^{ӧ}їм!“ гежӗ „ӧбгӗӈ хӯјӗ јӑх^{ӑ}їм ċiӊōлнӧт?“ гежӗ, тїгӗт тер^{ӗ} ӧбӗгӗјӗ ґарӊӑӊ хӗтлӧ̄т асрӑт барӑӈ тӗгӗ шӗрӗн дӗрӗ ӊӯлґӑжӑ,

хоӌӧӈ ӗрјїӈ мӑхӑјӗ
хонтӧ̄-шӑтӑ бӑӌӑжӑ,
хоӌӧӈ тоʂӧӈ арӽӑјӑ хамтӑ бӑӌӑжӑ,
хојӯлӑӈ тер ӧбгӗндӗ мӧргӗбӗ-дı.
јӗрмӗ^{ı} боґдӧ хӑӊїӊ
„енӗ хӯбӯ̄ндӗ нер ґарґӑжӑ ӧг^{ӗ}їт!“ гежӗ,
тїхӗдӗ тер ӧбгӗӈ хелӗжӗ:
„ӑ̄ бурхӑншӊӗ! хӑӈ хӯ̄ӈӗ хӯбӯ̄ндӗ
харсӑ борсӧ̄ меӊӗ нер ґарґӑхӑ зергӗ-бӗ^{ı}!“ гежӗ.
— „јӑх^{ӑ}їм!“ гежӗ
„нохӧ̄^{ı}ӊōшхӗ бешӗр нер ґарґ^{ӑ}їт!“ гежӗ.
тїхедїӊ мӧнӧ̄̆хїӊ
хонтӧ̆-шӑт^{ӑ}їӊ аʂшӑ,
хамӑр амӑра̄ турјӑжӑ,
хоӌӧӈ тоʂӧӈ арӽїјӗ аʂшӑ,
хојӧрхӧ ґурбӑхӑ балґӑжӑ,
„ӗдӗӈ ӗдӗӈ гежӗ,
јаӊӑтӗ мӑхӑјїш ӗдӗбӗп!“ гежӗ,
„ӯӈ ӯӈ гежӗ,
ортӗ арӽїјїш ӯбӑп!“ гежӗ, тїӊӗӈ хӧ^{ı}ӊӧ
„хӯбӯ̄ндӗшӊӗ нер ґарґӑхӑмӊӗ!“ гежӗ,
„ґазӑр дӗрӗ тӧрӗӊӗӈ
ґалтӑ могӧ̄^{ı} мергӗӈ!“ гежӗ нер ґарґа̄.

тїгӗт тер ӧбгӗӊїӊ мендӗ амӑр гӗт ґазӑшӑ ґарбӑ̄. ӯдӗндїӊ ба^{ı}ӊӑӈ залӯшӯлїӊ тӯлхӗжӗ татӑжӑ ба^{ı}ґӑт ӊӗлдӗ. јӗрмӗ^{ı} боґдӧ хаӊїӊ „болїт!“ гежӗ хоӌӧ.

мӧнӧ̄̆хӗ ӧбгӗӊїӊ
ӧрӧ̆ӊӗӈ хӧлїӊ ґазӑ̄,
ӧрӧ̆ӊӗӈ хӧлїӊ досӧ̄
гедӗргӗ харӑт хелӗнӗ:
„ӊӑ̄^{ı}хӑӈ геӊӗӈ басґӑ̆дтнӑ̄
мӯхӑ̄^{ı} хуӌӑхӑдӑ ошӧ̆k!“ гежӗ,

„мӯхӓ̄ᵎ геһӗң басґӑ̆дтнӓ̄
һӓ̄ᵎхӑң хурӓ̄хӑдӑ ошӧ̆k!“ гежӗ,

ҭӣгӗт ґарша јабӑшӗ. ӧдӗршӣң ґазӑр булжӑмӯр болӧт, тӗӈјӗртӗ дегдӗжӗ ґаршӗ.

ҭӣгӗт ӧбгӗӈӣӈ һамґӑӈӣӈ һӯґӓ. албӑтӑ зоӈӣӈ тарӓ. гертӗ гер бӗрӗ хӓрӓ̄.

ӧ̄бӗᵎдӧ̄ ґурбӑ хонӧт —
шаңхӑ зӯ̄ӈӗ зӯгᵉһӗ,
м̇иңґӑң жілӗ ґазӑрһӓ,
луӆсӑґӑлдᵉ̇ī маңґӑ̆дхӓ̄ᵎ
есᵉгӗһējē jӯһӯ̄лӗң,
ехӗһējē jӯһӯ̄лӗң
jӗрм̇ӗᵎ боґдӧ̆ хājӗ
олзӧ̆ґлӧ̆хӧ̆jō омӧ̆ґлӧ̆хӧ̆jō
ґазӑр дӧ̄ӆӯр jӗрӗ.

терӗӈӗ бӯтӯ̄jӗ тāхӑ герӗл уӆӓ̄ хатӑң jӗрм̇ӗᵎ боґдӧ̆ хāнһāӈ һурӓ̄: „ӣхӗдӗ jӯ̄ медӗӈӗш?“ гежӗ. — „шаңхӑ зӯ̄ӈӗ зӯгᵉһӗ хортӧ̆ шортӧ̆ даᵎң jӗрӗбӗ!“ гежӗ „олзӧ̆ґлӧ̆хӧ̆jō jӗрӗбӗ“, гежӗ, „ӗнӗ хӯбӯ̄гӗ хāнӑ хехᵉ̇ібдӗ?“ гежӗ. ҭӣгӗт ӧбгӗӈӣӈ хелӗжӗ. хӧ̄ᵎмӧр дӯлӗjӗ һуґӑ татāт аӆшӑ, хӧ̄ᵎмӧр дӯлӣң узӯртӑ сажӑң турхӓ̄ᵎ нӯхӗ малтӑжӑ, хӧ̄хӗjӧ̄ хӯбӯ̄гӗ тёмӗр ӧ̄бӗᵎтējīӈ мӗңгӗң ӧлгӯ̄ртēјīӈ терӗ малтӑһӑң нӯхӗнсō хē. ӧ̄бӗᵎң гезгӗдӗ мӗңхӗ носᵉхӧ зулӑ носōӆō. ӧ̄бӗᵎjӗ хӗл узӯртӣӈ теӆшӣң шӗнēң хеӈӣгӗ арӑ ӧбӗр ӯбӗᵎ алтӑң бешӗгēр бешē. алтӑң тамґӑjā дарā. ӧ̄бӗᵎң хажӯ̄ беjӗдӣӈ далӑң улāᵎшӑң ӈēгē һāгāт ӯһēӈ хē, тёмӗр бōшхӧ̆сō шӗжӗмēр уґжӑсōӈ орōт бāᵎхāр. ҭӣгӗт терӗ нӯхӗjӗ медӗгдӗхӗ-бӗjēр дӯлӗjӗ һӧ̄ргӣӈ һӯлґā. ӧбгӗӈӣӈ барӑң тēгē наᵎмӑң хӗлтē шӗрēн-дēр, наjӑң захӑ̄ң толбӧ̆ᵎ дēрӗ забӑлӑжӑ һӯґӓ. һамґӑӈӣӈ хӧ̄ᵎмӧртō алтӑң торґӧ̆ң хубсӑһā ojӧ̆жӧ̆ һӯґā.

нашӑң бӯргӗт дӗбӯ̄рнӗһēӈ
барӑндӑ шӯjӑжа,
ґурбӑң сажӑң болхӧ̆ ґурӑ шарӑ нохӧ̄ᵎ
ґурбӑң ӧдӗр улӓ̄.
ҭӣһӗң хӧ̄ᵎнӣӈ
ӧдӗрӗ ӗдēң хабӑдӑ
шаңхӑ зӯ̄ӈӗ зӯгӗһē
есᵉгӗһējē jӯһӯ̄лӗң
луӆсӑґӑлдᵃ̇ī маңґӑ̆дхӓ̄ᵎ
ґурбӑң харӑ мӧрōр,
тёмӗр харӑ пowōсхōр,
ґурбӑң jӗмшӗӆтӗ бōжлӯлāт,
тō тӧсӧ̆-бӗᵎ jӗрм̇ӗᵎ боґдӧ̆ хāндӑ тулӑжӑ jӗрӗ.
хӯжӗ мӗңгӗң буртāдӣӈ

тулăжă jёржё,
ӈăд бāˈсă зандăжă,
мiӈгăӈ лӱjё дӱjё негёдхёжё зандăжă,
тёд бāˈсă дӱгăршă,
тӱмёӈ лӱjё дӱjё негёдхёжё дӱгᵃра.
jёрмёˈ боґдо хāӈ гӱˈжё ґаршă jёрёбё.
хāӈё мендēр мендёшёлбёˌ
харсāӈ дорōбōр дорōбōлжŏ,

„jӯӈё мендё амăр баˈхăм!“ гежё, „ёдёр шулӱӈ мергёӈ гертējё?“ гежё hуржă.

Тiхёдiӈ хāӈiӈ урдăhāӈ ālăдăжă хёлёбё: „ёдёр шулӱӈ мергёмӈё гертёhёӈ ґарhāр jӱhёӈ жил болō!“ гежё „шаӈхă барӱӈё зӱґтё, jёрёӈ жiлё ґазăртă, хулăhăнā урґăhăӈ хулăhăӈ саӷāӈ мергёнтē даˈлăлда!“ гежё, „хулăhăӈ саӷāӈ мергёндё дарăґда!“ гежё.

Тiхёдiӈ маӈґăдхаˈӈ урдăhāӈ хелёбё: „ґазăр дёрё тёрёhёӈ ґалтă могōˈ мергёӈ гежё хӱбӯтē болō гежё дӱлāhăм!“ гежё, „терё хӱбӯгē асăр!“ гежё— „а бурханшӈё! jамăр haˈхăӈ амăтē ёбґёӈш!“ гежё, „iм ӧтлёhёӈ хōˈнōhо jамăр хӱбӯтē болхŏ гежё баˈхăм!“ гежё. Тiхлёрiӈ пожосхŏhоӈ хараˈжă бӱӷа.

орōˈ дёрхё оӈґŏӈ саӷāӈ нōhŏнhŏӈ
орōˈжŏ бāржă,
hухāˈ заӈjă мiнāґāра
далˈiӈ арhājё
далбă сохŏжŏ,
хондлōˈ дёрiӈ унāґāґā.
хондлōˈӈ арhājё
хӯ сохŏжŏ,
далă дёрiӈ унāґāґā.
jамāӈ бӱтё бархăрӯлжă,
iнзāґāӈ бӱтё шашхӯлбā.

герёл уґа хатāӈiӈ гӱˈжё ґаршă jёрёбё. — „а бурхāӈ! хаӈ бабаˈ!“ гежё, „jёндё ӧтлёhёӈ бejёдiӈ енё хӱjё мӱшiдёlжё, jӯӈ херёґтё jёрёhёмш?“ гежё, „херёґтёjё хӯ абă!“ гежё „хорт гехё утăhăӈё шёнёӈ утă амăн табiт! гежё.

Тiхёдiӈ лубсāґăлдᵃiˌ маӈґăдхăˈ урдăhāӈ хелёбё:

„обō бӱтё мёӈгёjŏ
оґлōлŏжŏ тёхŏрёґтi!“ гежё,
„олбŏґ бӱтё ehē
хомŏрӯlжă тёхŏрёґтi!“ гежё,
jёрмёˈ боґдо хāґā табăжă,
хāӈiӈ амăӈ хаˈрᵃтē.
арᵃiӈ барбāӈ сохŏжŏ,

ахӑ тӳшӗмӗлнһē суґлӯлжӑ,
ӗбрӧ̄ барбāӈ сохӧжӧ,
ӗбрӧ̄ hӓ̄ʲдӯhī суґлӯлжӑ,
тӳшӗмӗлнһīн̇ долōӈ мінӯ̆дсō
хӯ суґлӑрā.
албӑтӑ зӧ̄ʲґō шāс турхӓ̄ʲсō хӯ суґлӯлā.
обō бӳтӗ мӗӈгӗйӧ̄
оґлōлӧжӧ тӗхӧ̄рбӗ.
олбӧґ бӳтӗ ӗhē
хомӧрӯлжӑ тӗхӧ̄рӧ̄.
албӑтӑ зӧ̄ʲґō тоӈшӧлӧжӧ суґлӯлбӑ.
адӯ малā хомӧрӯлжӑ суґлӯлбӑ.
хāӈ хатӑӈ хойӧрīн̇
саӈāӈ мӗӈгӗӈ powōсхӧдӧ
ґурбāӈ шарґӑ морō ухᵃрā.
ґурӑ шарӑ нохӧйō
хӧ̄ʲнᵒhōн̇ дахӯлжӑ,
гертӗhē ґаршӑ,
шаӈхӑ зӯнӗ ґазӑртӑ
олзӧґлӯлӑжӑ јабӑбӑ.
ӧ̄дӧ̄ харжӑ ӈēжӗ,
урӯґā харжӑ уйӑржӑ јабӑнӑ.
албӑтӑ зоӈīн̇
ӧ модоӈ бӳтӗ харлӑжӑ јабӑнӑ.
оӈшōнӗ ӗбӗhӗӈ бӳтӗ мӑрлӑжӑ
јабӑнӑ.
адӯ мал —
урдӑ јабӑhӑнīн̇
ноӈōнӗ ӳзӯр гешхӗжӗ јабӑнӑ.
хӧʲнӧ јабӑhӑнīн̇
ӗбдӗӈтӗ хӯрсӗр шабӑрдӑжӑ јабӑнӑ.
хаӈ хатӑӈ хойӧрīн̇ гедӗргē харжӑ
„едʸī баʲхӑ албӑтӑ зоӈīмнā,
едʸі баʲхá адӯ малīмнā
луӈсаґӑлдᵃī маӈґӑдхаʲ
олзʺīӈ дӗжӗ бӑрӑбӑ!“ гежӗ
хелсӗжӗ јабӑнӑ.
„хойӧр хӯбӯмнā ерӗ тӧрӧ̄ хедā
хӧʲнӧhōмна јёрхӗ!“ гежӗ
хелсӗжӗ јабӑнӑ.
— „ёзі тӧрӧ̄ хедā
луӈсаґӑлдᵃīдӑ ӗдӯлхӗ!“ гежӗ.
тīгēт енēнhēн̇ сāшӑ
јабӑ јабӑhāр јабӑжӑ,
ошӧ ошӧhōр ошӧжӧ,
ӧ̄рйӧ̄ дӓ̄ʲдӑhā ґаршӑ,
маӈґӑдхӓ̄ʲӈ дӓ̄ʲдӑдӑ орбӧ.
јабӑ јабӑhāр јабӑбӑ.
дӓ̄ʲдӑ гежӗ баӈтӑжӑ,
далӓ̄ʲ гежӗ унд*лӯлжӑ јабӑба.
ошӧ ошӧhōр ошӧбӧ,
хӯрӗ хӯрӗhēр хӯрӗбӗ.
жіл турхӓ̄ʲ јабӑжӑ хӯрē.
луӈсӑґӑлдᵃī маӈґӑдхӓ̄ʲ
јёрмē̄ʲ боґдӧ хāнӓ̨
албӑтӑ зӧ̄йӗ
бӓ̄ʲрӑ берīн̇ бӓ̄ʲлґӑжӑ,
hӯдӑл берīн̇ hӯлґӑжӑ,
арӑ ӧ̄дӗ белшӗмӗ
арбӑӈ мӣӈгӑӈ адӯйīн̇ белшӯлбӗ.
ӗбӗр ӧ̄дӗ белшӗмӗ
ӯʲ тӳмӗӈ адӑhāн̇
бӓ̄ʲдӑл берīн̇ бӓ̄ʲлґӑжӑ орхӧбӧ.
јёрмē̄ʲ боґдӧ хāйӗ
барӑӈ ґарīн̇ хухӑлжӑ,
барӑӈ ӈӯдēн̇ тенӗлжӗ,
барӑӈ хӗлīн̇ гедӗршīн̇ харӯлжӑ,
герӗл угā хатāйӗ
барӑӈ ӈӯдēн̇ тенӗлжӗ,
барӑӈ ґарīн̇ хухӑлжӑ,
барӑӈ хӗлīн̇ булґӑлжӑ,
арӑ хӧ̄ʲтӧ зӯӈтӗ,
ґушӑӈ жілӗ ґазартӑ,
охӧтӧр шёбёрӗ узӯртӑ,
ёбӗhӗнhӧ̄ бӯхēк баӷӑжӑ ґарґӑбӑ,
мӧрӧнӗ бāhӑӈ ёдӗлгӗтē баʲжӑ.
тīгēт луӈсӑґӑлдᵃī маӈґӑдхӓ̄ʲ
байӑӈ дēрӗ
байӑӈ болжӧ,
нойӧн дēрӗ
нойӧӈ болжӧ,
арбӑӈ хӯӈӗ зергӗдӗ
арзӑ ӯлсӑжӑ hӯнӑ.
хорӧӈ хӯӈӗ хёрдӗ

холшӧрлӧжӧ hӯнӑ.
„jёрмē¹ боґдӧ хājӗ
обō бӯтӗ мӗңгējīң
оґлōлӧжӧ асӑрбӑ хеjāп!“ гежӗ,
„тоᵱшӧlшӧ-бē¹ албӑтӑ зӧjīң
тоᵱшӧлӧжӧ jёрбӗ хеjāп!“ гежӗ,
„томōрш-ӯбē¹ адӯjīң
томōрӧжӧ jёрбӗ хеjāп!“ гежӗ,
хёсӗжӗ зуᵰālӑжӑ hӯнӑ.
тīhӗң хӧ¹нīң ёдёр шулӯң мергёң
хулӑhӑннā урґӑhӑң
хулӑhӑң саᵰāң мергējӗ
хуᵱсӑрлӑжӑ еᵱхёжӗ
дарӑжӑ унӑᵰābӑ.
урдӑ тā¹ґᵃīң модōjӗ
hуґӑ татӑжӑ абӑжӑ ґалдā.
улāhӑң хӯрзēр
урāᵱшīң хīтхӯlжӗ,
хуhӑң хӯрзēр
хӧ¹шīң хīтхӯlжӗ,
тīhӗң хӧ¹нīң мӧрējīң
„мӧрӧндӧ jӯң земёп!“ гежӗ,
емēлīң аᵱшӑ,
хазāрīң мултӑlжӑ,
ӯсāң ёлбёжӗ,
„харґӑңґā хахӑ тарґӑлӑжӑ jабӑ!“
гежӗ
ёрᵱжӗ тӑбӑбӑ.
тīгēт ᵱрjᵱ мӧрӧ тā¹лӑжӑ аᵱшӑ,
хармāңґӑhāң негӗ мушхӑлā
ӱjётīң саᵰāң ёбёhӗ аᵱшӑ задӑlжӑ,
мӧрӧндō тӑбӑжӑ ёгбё.
хормӧ¹ґō ojōрhō
хорӧң ерjīң мӑхӑ аᵱшӑ,
ᵱрᵱ ёдёжӗ hӯнӑ.
тīгēт мӧрнīшхӗ хōл аᵱшӑ,
ᵱрᵱ тебēл аᵱшӑ,
мӧрӧндō ошӧжӧ,
морӧнhōн hурбӑ:
„бīшнӗ jӯшхӗ меднёбᵱп!“ гежӗ,
„хӯдʸīсō дā лӑлдӑжӑ бā¹бīбдӗ?“
гежӗ.
— „jӯhёң жил бā¹ᵰābдё!“ гежӗ
морнīн хелёжё.
тīгēт морᵒjō унӑжӑ,
гер тёшӗ гешхӯlжё,
дōмӧ тёшӗ дуᵱшӯlжӑ jёрёбё-дā.
jёрӗ jёрёhēр jёрёжё,
хӯрӗ хӯрёhēр хӯржё,
тīгēт сёᵱтӗ сӯмбёр ӯлʺīң
орӧ¹ дёр ґаршӑ,
мӧрӧннōн бӯжӑ,
ӯхёрӗ шёнёң гелёгёң харᵘ шу-
лӯндӑ
забӑлӑжӑ hӯна.
хармāңґӑhāн хамсʸīң шёнёң
хёдёhёjᵱ ґарґӑжӑ
хāрīң шёнёң дāhājā аᵱшӑ,
басхā¹ улāң тамхӑjа
баᵱсāрīн нерёжё,
шӯjӑсӑ hоржӧ,
шорхӧрсӧ ӯлёжё hӯна.
тīжё hӯхӑ аjӑнда
харᵃжӑ hӯнӑ.
алӑґ ерёң нӱдёрē
алӯт сāᵰӯр ерjӯlжё харжӑ,
тīжё харжӑ hӯхӑ аjӑндīн
хорӧң табӑң собōр дёрīн
ехёhē ¡тёрhᵱр нӯсёгёң хӯң харӯла.
харᵃ херē
хашхӑрātēдёлё,
шарᵃ ӯнёгёң
шёнжёжё,
асӑ хāᵱ урґӑжӑ
нā¹ґӑжӑ надхӑжӑ бā¹нӑ.
jёхё ӯр ӯрлӑжӑ,
дёшёң саᵰāң шӱдёjē
дёлё ґарсāр хабāра.
арбāң саᵰāң хуґґājа
лужґӑнсӑ мушхӑбӑ.
„īхёдē jӯм болōп?“ гежӗ,
„ётлёhёң бābā¹ ībijīмнё
олзōґлӧжӧ абāшӑбӑ хеjа-дā!
енё ежё-бē¹ болhӧң зергёдīн

jӯӈ adă zedxĕr dōmŏdīmnĕ xorґŏdŏžŏ bā̈ʲnă!“
gežĕ hanăžă hӯnă.
ṫīgēt terĕ urdă bohŏӈ xaṛā̈ʲžă bodŏhōr,
ẏxĕṛĕ šĕnēӈ gelĕgĕӈ xară šulӯjĕ
bută debĕhĕžĕ bodŏbŏ.
moṛŏjō xantărp̣ā̈n aǫ̆šă,
altăӈ dĕrō̲ dĕrō̲lĕžĕ,
alămxăžă mordŏbŏ.
jabă jabăhār jabăbă,
ošŏ ošŏhōr ošŏbŏ,
xẏrĕ xẏrĕhĕr xẏrĕžĕ,
ŏr°xŏӈ jĕrĕbĕ.
ŏ̈ʲrŏxŏӈ jĕrxlēṛīn
sobōr dĕr bā̈ʲhăӈ
nẏsĕgĕӈ xӯnīn gӯ̈ʲžĕ bӯbă.

gӯ̈ʲžĕ bӯґāt gertē gӯ̈ʲžĕ orbŏ. gӯ̈ʲžĕ orhŏӈ xŏ̈ʲnŏ xŏ̈ʲmŏr ẏrgĕlžĕ alāšxăjā hуґă tatăžă aǫ̆šă urdăhā baṛāt bā̈ʲžă, ĕdĕr šulӯӈ mergĕӈ burtādā gӯ̈ʲlgĕžĕ jĕrĕbĕ. burtādā jĕrēt moṛŏnhōn gӯ̈ʲžĕ bӯžă, hуxā̈ʲ zaǹjă mǐnāґā baṛăӈ ґartā gẏldĕržĕ, xojŏr tēšē ërtē altăӈ cābläjā zӯӈ ґartā baṛăžă gertē gӯ̈ʲžĕ orbŏ.

— „enĕ ežĕ-bē¹ bolhŏӈ zergĕdīn jӯӈ adă zedxĕr gertīm xorґŏdŏžŏ bā̈ʲґap?“ gežĕ, tẏmĕӈ lӯjĕ dӯ negĕdxĕžĕ, tĕd bā̈ʲcă zandăžă, nẏsĕgĕӈ xẏbӯӈ gešxĕhĕӈ xĕlō̲ zā̈ʲlăӈ-bejēr, harxā̈ʲ ǹӯdējē šaǫ̆šăӈ-bejēr bā̈ʲžă ĕgō̲.

ṫīžĕ bā̈ʲxă namāndă xarăӈ gehāǹ xŏ̈ʲmŏr dẏlīǹ obŏrґōtē bā̈ʲžă; xŏ̈ʲmŏr dẏlēǹ uzӯrtă sažăӈ turxā̈ʲ nẏxĕӈ xarӯlžă, tĕmĕr ō̲bē¹ mĕӈgĕӈ ĕlgӯrtĕjē bā̈ʲžă; ō̲bē¹ӈ gezgĕdĕ xarăӈ gehāǹ mĕӈxĕ nos°xŏ zulă bā̈ʲžă, xažӯ bejĕdīǹ tĕmĕr bōšxŏ hӯlґātē bā̈ʲžă; ō̲bē¹ӈ xĕl uzӯrtă xarxădīǹ, ṭeǫ̆šīӈ šĕnēӈ xeǹīgĕ altăӈ tamґār darātē bā̈ʲžă; jabӯt abāt dӯdāt ẏzĕnĕ: jĕrmē¹ boґdŏ xāǹĕ altăӈ tamґăӈ bā̈ʲžă. altăӈ bešĕjīǹ dẏdăna: „xĕl mĕrtīǹ xẏbӯӈ xō̲xē¹ jĕrē. ō̲bē¹dᵉ orōt, ґurbă honŏhŏӈ xŏ̈ʲnīǹ šaӈxă zӯnĕ zẏґ°hē, mǐӈґăӈ žilĕ ґazărhā, esĕgĕhējē jẏhӯlĕӈ, exĕhējē jẏhӯlĕӈ luǫ̆sărălda°ī maӈґădxā̈ʲ olzŏґlō“ gežĕ bešĕhĕӈ bā̈ʲp̣ā. „ĕdĕr šulӯӈ mergējē dā̈ʲґā darjă, dāp̣ājā hӯldĕžĕ jĕrē xedā, maǹĕ xŏ̈ʲn°hō oš°xŏ-bē¹!“ gežĕ bešĕhĕӈ bā̈ʲžă, „ămádī jaǫ̆xădā adӯ zō̲šĕ olxŏš!“ gežĕ bešĕhĕӈ bā̈ʲp̣ā. xeǹīgējē jabӯt dundă xajăžă,

xōlŏjō tată̊žă,
xormŏjō soxŏžŏ,
xŏ̈ʲmŏr ẏrgĕlžĕ,
alāšxăjā aǫ̆šă tabằžă orxŏžŏ,
nẏsĕgĕӈ xō̲xējō̲ tebĕržĕ aǫ̆šă,
bẏdӯӈ jĕxĕ xẏzẏnhĕǹ
bẏcĕt tatăžă zolґŏžŏ,
năṛăӈ jĕxĕ xẏzẏnhĕǹ

наχăт татăжă золгăжă,
балшăр баӷă нанăндīн орӯлжă,
бājăсă тāлăжă hӯжă,
ерхĕ баӷă нанăндīн орӯлжă,
ерхĕлӯлжĕ hӯжă,

хормӧ̄ĭгӧ̆нӧ̆н обӧ̄рг̆ӧжӧ̆ ӯзĕжĕ: негĕ толгӧ̄ĭ сāхăр аӷшă хелēмĕдĕ худхăжă, жажăлжă, хӧ̆хē̄ĭдӧ̆ ӧгшĕ, хӧ̆хĕjӧ̆ сасăрīн ĕдēллĕжĕ, — „īхĕдē ехĕ есĕгĕ-бē̄ĭ ӧнĕшĕн хоjӧр hӯнăмдĕ!“ гежĕ.

тīгēт ӯдĕшнĕ борӧ̆ хонӧ̆лгӧ̆ болжӧ̆, хоjӯлăндā орӧ̆ндӧ̆ унтăжă.

ӧглӧ̆ болбӧ̆. нар ґарбă. орӧ̆нӧ̆н бошшӧ̆ ахă дӯ хоjӧр, хоjӯлăн дā амтăмхăӈ ĕдēлĕжĕ, абăр ебĕрхĕӈ зуӷālăжă hӯнă.

тīгēт ĕдēлĕжĕ бодӧт, абдăрjā нēжĕ мӯ hăӈ шӯшӯнĕ ар^{а}hă суґлӯлжă, нӯсĕгĕӈ хӯбӯндĕ самсă дегĕл ojō. терēндē самсă дегĕл ӧмĕдхӯлжĕ, ґазā ґарґăжă.

— „ахā̄ĭ, ахā̄ĭ!“ гежĕ нашă бā̄ĭнă. „ахā̄ĭ, нāд^{а}jī-лā!“ гежĕ. — „хā̄ĭшăӈ-гēт нāдх^{а}jīбдĕ?“ гēт. — „хорґӧдӧт нāдăjīбдĕ!“ гежĕ. — „ахā̄ĭ, ґазā ґар!“ гежĕ. ахā̄ĭн ґазā ґарбă. ахăjā ґазā ґарhăӈ хӧ̄ĭнӧ̆ хӧмрӯлēтē бā̄ĭhăӈ бӯлӯрсō орōт бā̄ĭнă.

тīгēт ахāн ӧнĕ болhӧӈ хӧ̄ĭнӧ̆ „хорґӧдōjĕш?“ гежĕ. jӯншх-ӯбē̄ĭ. хоjӧрīхō хā̄ĭхăрā — jӯншх-ӯбē̄ĭ. ґурбăīхā хā̄ĭхăрā — jӯнш-ӯбē̄ĭ. орӧ̄ĭӈ нӧhӧӈ арбăґăт гежĕ гӯжĕ оржӧ̆ jĕрĕбĕ. jĕрēт гертē харāӈ геhāн — jӯнш-ӯбē̄ĭ. баран дӧ̆ӯр бед^{ᵉ}рē. хоӷтӧ̆ хорбӧ̆лӧ̆сō бед^{ᵉ}рē. hӯлґă торхӧ̆рӯґă бед^{ᵉ}рē. алāшхăjā обӧ̄ргӧ̆жӧ̆ бā̄ĭжă ӯзē. хӧ̄ĭмӧр дӯлĕjē hуґă татăжă ӯзĕбĕ. jӯнш-ӯбē̄ĭ.

ӧ̄дӧ̆ харжă — нēжĕ,
урӯґā харжă — уjăржă,
хеhĕк хурāӈ орhӧ̆ндлĕ
шорхӧ̆рсӧ̆ ӯ̄лăжă унăшē.

тīжĕ ӯ̄лăжă hӯхăдīн бӯлӯ̄рсō бā̄ĭhăӈ хӯбӯ̄нīн харăмнăжă гӯ̄ĭжĕ ґаршă jĕрĕбĕ-дā. ґаршă jĕрēт ахăjā толгӧ̄ĭjīн ӧ̄дīн ӧргĕбĕ. — „ахā̄ĭ jāӷăпшĕ?“ гежĕ, алăґă ташăжă бā̄ĭжă нēжĕ. — „ā̄, бурхăӈ! хӧ̆хē̄ĭ, хāнhā ґарāпшĕ? — „ахā̄ĭ! jāhăӈ тенĕк нӯдтē!“ гежĕ „бӯлӯрĕ сāнă бā̄ĭхăдīмнĕ алāшхăтē jӯтĕjē обӧ̄ргӧ̆жӧ̆ бā̄ĭжă ӯзēш!“ гежĕ. хӧ̆хĕjӧ̆ аӷшă „одӧ̆ īжĕ хорґӧдӧжӧ̆ б-нāд!“ гежĕ.

тīгēт нāшăл бā̄ĭнă. тīгēт хӧ̄ĭт$^{°}$ ӧдрīн болӧ̆. тīгēт баhā „нāд^{а}jī!“ гежĕ шēхĕнīн шīр таhăлā, „нāд^{а}jī!“ гēт. — „jāхāшхĕ jāхăм!“ гēт, тīгēт, ахăjа „ґазā ґар!“ гежĕ, ахāн ґазā ґарā. ахăjā ґазā ґарhăӈ хӧ̄ĭнӧ̆ ӯрсō орōт hӯґā. тīгēт ахāн бед^{ᵉ}рē. бедĕржĕ олжӧ̆ jадā. ґурбăӈ шāссō бед^{ᵉ}рē. тīжĕ „олхӧ̆ арґăмнĕ ӯбē̄ĭ!“ гēт, тīгēт мӧнӧ̆хĕ бішăхăӈ хӯбӯ̄нīн ӯрсōӧ̆нӧ̆н ґарāт jĕрē. тīгēт ґаршă jĕрēт „хӯд^{ӯ}īхĕӈ шēнēӈ хабāтē̄ĭмш!“ гежĕ „енĕ хорґӧдӧhӧӈ намăjĕ олнӧ̆бē̄ĭш!“ гежĕ хелē. тīгēт „хӧ̆хē̄ĭ“, гежĕ „хā̄ĭшăӈ гежĕ ӯрсō оржӧ̆ хорґӧдōшĕ?“ гежĕ. — „бī ӯрсō орхӧ̆hō болхӧ̆ харă jілāhăӈ болōт есĕгĕ малăӈ

тӗңгӗртӗ ґархӑ хабӑтӗп!“ гежӗ.—„хӧхӗ, хӧхӗ!“ гежӗ „демӗ^{i}, демӗ^{i} јёхӗ амӑ бе-хелӗ!“гежӗ ахӑӈ хелӗ.

тїгӗт ӳдӗшӈїӈ болӧ. ӯр сӑ^{i}бӑ. ӯр хӧхӗл сӧхӗл бӑ^{i}хӑдӑ, арӑ ӧдӗ бельшӗхӗ арбӑң азӑрґӑ адӑһӑннаӈ шарӑ бӑ^{i}тӑһӑ бӑржӑ, бішӑхӑң хӳбӯң сӧґтӗ сӳмбӗр ӯл^{a}ің орӧ^{i}дӧ хӧтлӧт ґарӑ. терӗӈӗ алӑт есӗґӗ малӑң тӗңгӗртӗ тӑ^{i}лӑґ орӯлӑ. јёхӗ јёхӗ тӗңгӗрӈ барӑң сӑ^{i}хӑң шӧхӗндїӈ жірт гежӗ дӯӈїӈ дӯлдӑжӑ „енӗ јӯӈӗ дӯм?“ гежӗ, зајӑнӑ шар^{a} ӈудӑр дӯдӑжӑ ӳзӗжӗ ӈӯнӑ.

шаңхӑ дӧд° замбӧдӑ
ґазӑр дӗрӗ тӧрӗӈӗң
ґалтӑ могӧ^{i} мергӗң
унӑхӑ тӑтӗ мӧрӧң,
ӧмӗдхӗ тӑтӗ хубсӑӈӑң,
бӑрӑхӑ тӑтӗ номӧ ґодӧлӧ
гежӗ мӧргӗжӗ бӑ^{i}нӑ.
тобшїң шӗнӗң тол°ґӧјӧ
дохӧжӧ мӧргӗжӗ бӑ^{i}нӑ.
тохӧнӧґтӧ ґарӑ тулӑжӑ мӧргӗжӗ бӑ^{i}нӑ.

јёхӗ бурхӑӈїӈ зајӑнӑ шар^{a} ӈудӑр абшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗжӗ: зајӑӈӗ шар^{a} ӈудӑртӑ унӑхӑ тӑтӗ мӧрӧ ерх^{e}їӈ зӧб болӧт бӑ^{i}жӑ, їбї бӑбӑ^{i} хојӧрїӈ шаңхӑ зӯӈӗ зӯґӗӈӗ міңґӑң жілӗ ґазӑрӈӑ лубсӑґӑлд^{a}ї маңґӑдхӑ^{i}ң абашӑһӑң бӑ^{i}ӡӑ. тїгӗт јёхӗ бурхӑӈїӈ дӗрбӗң тӗшӗ ӗлшӗ ґарґӑ, јёхӗ тӗңгӗрїӈ тӯшӗмӗлннӗ јёрхӗ гежӗ, суґлӑрхӑ гежӗ. барӑң тедӗӈ ґурбӑң мінӯдсӧ суґлӑржӑ, суґлӑрӈӑң хӧ^{i}нїӈ хубсӑһӑӈӗ ӳлгӗрїӈ есхӗжӗ тӗңгӗрїң ӯлӗншӗдӗ ӧґшӗ· ојӧхӧјӧ гёт. тїгӗт бӑрхӑ тӑтӗ номӧ ґодӧлїӈ хехӗјӗ дӑ^{i}бӑґӑр харӑ дархӑндӑ ӧгӧ. тїгӗт унӑхӑ тӑтӗ мӧрӧндїӈ ґурбӑң дӑлӑтӗ бурхӑјӗ ӗлгӗгӗ. јӯӈӗң хӯ^{i}лӗң аґтӑдӑ ӗлгӗгӗ. ґурбӑң дӑлӑтӗ бурхӑӈїӈ јӯӈӗң хӯ^{i}лӗң аґтӑјїӈ асӑржӑ, шӗӈјӗл шӗбӗ хӯрӗдїӈ хажӑ ӧгбӗ. ӗхӗ бурхӑӈїӈ хаһӑң хӧ^{i}нїӈ тӗңгӗрїң шӗґшӯрнӗһӗ ґарґӑбӑ. „ґалтӑ могӧ^{i} мергӗӈӗ унӑхӑ тӑтӗ мӧрӗјїӈ шӗґшӗжӗ бӑрӑґтї!“ гежӗ ґарґӑ. тедїӈ ґарӑт јӯӈеӈ хӯ^{i}лӗң аґтӑјїӈ шӗґшӗжӗ бӑ^{i}жӑ, „нежӗһӗрӗ негӗ ґарїјїӈ дахӑ-бӗ^{i}!“ гежӗ шӗґшӗжӗ бӑ^{i}нӑ. тїгӗт ӗхӗ бурхандӑ оржӧ јёржӗ хелӗжӗ „ґалтӑ могӧ^{i} мергӗӈїтнӑ ӧрӧӈӗң ґарӗ дахӑ-бӗ^{i}!“ гежӗ. ӗхӗ бурхӑӈїӈ тїжӗ хелхӗдїӈ мешӗгӗт гежӗ ӈӗжӗ „дӧд° замбӧдӑ шаңхӑ зӯӈӗ зӯґтӗ есӗґӗһӗ јӯһӯлӗң ехӗһӗ јӯһӯлӗң лубсӑґӑлд^{a}ї маңґӑдхӑ^{i} делхӗ^{i} дӗрӗ јӯшхӗ ӑ^{i}лґӑхӑбӗ^{i}-їм тёрӧ!“ гежӗ „анӑң хӳшӗтӗјёр табӑп!“ гежӗ „сӗжӗ бејїӈ хӳшӗң јӯӈӗң харӑ далӑјӑр тентӗ. бӳхӗ бејїӈ хӳшӗң јӯӈӗң харӑ ӯлӑр тентӗ. арӑ^{i} јӯһӯлӗндӗ неге мореӧң болхӧдӧ, арӑ^{i} зохӧхӑјӗ!“ гежӗ, тїгӗт ӗхӗ бурхӑң абтӑ жёбтӗ ӗхӗ дархӑјӑ јёрхӗ гӯлжӗ, терӗ дархӑӈїӈ јёржӗ,

шёӈјӗл шёбӗ хӯрёсӧӈ оржӧ,
арбӑң абӑ
алӑґӑн дёрӗ татӑжӑ,
хорӧң хубӑлґӑґӑ

хурăґăнĕ ӳзӳртĕ татăжă,
деб°нĕжĕ соӈхŏржŏ
дархăнă орӳлжă бāʲжă,

йӳнĕӈ хӳʲлĕӈ аґтаʰīн ӳлхĕлдĕжĕ, йӳнӳлĕӈ негĕтхēр йĕрēт ґархăдīн, негĕ мŏрŏӈ болōт хӳ; хойŏртхō йĕрхĕдīн нōнŏлжŏ, нōнŏ урґăжă; ґурбăтхăйăр йĕрхĕдīн ґол ӓмăӈ орхŏ дутāт бāʲжă, тīгēт хуӈсăнăнīн суґлăржă йĕржĕ хӳ, номŏ ґодŏлīн йĕрē хӳ. ӗхĕ бурхăӈ ґол ӓмă орӳлăм-бĕйĕр хуӈсăнāйīн зӳӈ ґанзăґăндīн ґанзăґăлăжă, номŏ ґод°лīн барăӈ ґанзăґăндīн ґанзăґаʰлăжă, барăӈ ташăндīн мелхēӈ харă yнāйĕ негĕ лоӈхŏ хармăӈлăбă. тĕрĕ лоӈхŏйō ґар хĕлō аршăлăхă гежĕ, бейē уґăхă гежĕ, барăӈ шĕхĕндīн ӓлăґăнĕ шĕнēӈ сāрнă ара ӗбĕр ӳбēʲ бешĕжĕ. тīгēт ґол ӓмīн орӳлхă дутāт бāʲжă. ӗхĕ бурхăӈ ґаршă йĕржĕ, барăӈ шĕхĕндīн турйăжă, барăӈ хамăррӳн ӳлēбĕ. мŏрŏнīн тершĕлжĕ, хӳʲлĕӈ аӷтă гӳʲжĕ бодобŏ. теӈхĕр харᵃ ӳлĕн дĕр гешхĕлдĕнēр бодŏбŏ. хойŏр далтă бурхăндă хойŏр тēшĕ жолōдŏнāр бодō. ӧрйӧ харă hăлхăндă ӗрйĕлдĕнēр бӳбă. харāнĕ ґазăр ошŏнŏӈ хӧʲнīн ӗхĕ бурхăӈ хāʲхăрбă: „шаӈхă урдă зӳґтĕ ӗхĕ саӷăӈ нӳр yнăлӳршнĕ!“ гежĕ хāʲхăржа, „ӳйĕтīӈ саӷăӈ ӗбĕнĕӈ ӗдĕлгĕшнĕ!“ гежĕ. тīгēт хойŏр дăлтă бурхăнīн бӳ бӳнāр бӳжă дōдᵒ зăмбī дĕрĕ хӳʲлĕӈ аӷтāйīн ӗхĕ саӷăӈ нӳрĕ ӗрйĕ дĕр тăбăжă орхō. утă утăнăӈ жолōйĕ шĕрӳлнēр тăбă. тīгēт хойŏр далтă бурхăнīн ґалтă могӧʲ мергĕнĕ дĕрĕ йĕржĕ ӓлăґăнĕ шĕнēӈ сāрнă урдīн хайăжă ӧгᵉбĕ. терĕ сāрнāн абāт дӳдāт ӳзĕжĕ „ерĕ тĕрō хедā шаӈхă урдă зӳгᵉнē ӗхĕ саӷăӈ нӳрĕ ӗрйĕ дĕрнē хӳʲлĕӈ аӷтăйă тендĕнē бăрăжă аӈхăш!“ гежĕ. ґалтă могӧʲ мергĕӈ шарґă бāʲтăнăнă мăхăйĕ дĕшĕ дōшīн бăрăжă. тīнĕӈ хōʲнō хамăр амāрā турйăжа мŏрŏнĕ хомоґ бāнăӈ болжŏ ӗрйӳ харă hалхăнăр ӗрйĕлдĕнēр теӈхĕр харă ӳлĕн дĕрĕ гешхĕлдĕнēр йабăшăбă дā.

ӗхĕ саӷăӈ нӳрĕ ӗрйĕ дĕр ошшŏ, ӳйĕтīӈ саӷăӈ ӧбĕнĕӈ болжŏ урґăжă нāʲґăжă надхăжă бāʲбă. дӧргĕмĕ халӯӈ болґŏжŏ. хӳʲлĕӈ аӷтаʰīн тō тохŏ-ʸбēʲ ундăнīн хӳржĕ ӗхĕ саӷăӈ нӳрт yнăлхăйā йĕржĕ, ӗхĕ саӷăӈ нӳрā ӗрйĕ дĕр йĕржĕ, хорт гēт ӳнĕрхĕжĕ гедĕргĕ ӗрйĕжĕ, мŏрŏӈ хōʲнōнōн ежĕ-бēʲ амăӈ болот хāʲсăржă.—„ӗхĕ саӷăӈ нӳрĕ шĕрĕкʻкʻĕ йорᵒīн татāйĕ?“ гежĕ „дӧшĕӈ саӷăӈ шӳдĕнĕшнĕ ӑрхă йорᵒīн татāйĕ?“ гежĕ. тīгēт мŏрŏнīн hӧргӧ гӳʲжĕ йĕржĕ демēʲ демēʲ ӳжă хайā. тīжĕ бāʲхă hамăндīн мӧм бейĕ бейĕлжĕ, утă утăнăӈ жолōйīн орōʲжŏ ґартă бăрᵃжă абăбă. мŏрŏӈ хӳʲлĕӈ аӷтаʰīн дошхŏрхŏжŏ, „бāʲс!“ гежĕ зандăжă „ежĕншнĕ бейĕрēп!“ гежĕ. мŏрŏӈ тоӷтŏжŏ бāʲжă ӧгʲбĕ. барăӈ шĕхĕндīн ӓлăґăнĕ шĕнēӈ сāрнăӈ бāʲжă. терēнīн аӈшă дӳдāт ӳзĕжĕ, „барăӈ ташăндīн мелхēӈ харᵃ yнăӈ хармăӈлāтē“ гежĕ бāʲжă. барăӈ ташăнтхă мелхēӈ харᵃ yнāйĕ аӈшă, нӳр ґарā уґăжă, хӳрзēӈ шĕнēӈ шӳдĕтĕ болᵒбŏ. хӳр-ʸлăӈ шараʲтĕ болжŏ бāʲнă. алдă харă сăжăтĕ болжŏ, алăґ ӗрēӈ нӳдтē болжŏ бāʲнă. тīгēт хуӈсăнăйā аӈшă, зӳӈ ґанзăґăннāн

тӳмĕӈ жілĕ борŏӷōндŏ тĕгдĕрхĕ-бēʲ
тӳргēʲ сабăйā аӈшă ӧмĕдĕбĕ.

нӱсӗгӗӈ беjӗдӗ ӧмӗдхӗ
ӈӗмкʻкʻӗӈ торгӧӈ хуӌсӑhӑ ӧмӗшѡ̄.
саӈӑӈ торгӧӈ жӧлӗдхӗjӗ ӧмӗшѡ̄.
ӈажӑрӗ саӷтӑ ӧмӗдхӗ
ӈӗмкʻкʻӗӈ торгӧӈ хуӌсӑhӑjӑ ӧмӗшѡ̄.
зӱӈ ӈа̄ʲмӑӈ тоӌшӧjӧ тоӌшӧlжӧ,
мӥӈгӑӈ алдӑ болхӧ
саӈӑӈ мӧӈгӗӈ беhӗjӗ аӌшӑ,
арбӑӈ гурбӑ орӧ̄ʲжӧ,
урдӑ хӧ̄ʲнӧhӧӈ хаӌшӱлбӑ.
булгӑӈ хѡ̄мӗʲ малгӑjӑ
орӧ̄ʲ дӗрӗ тӑбӑжӑ,
малгӑ̄ʲӈ адхӑ залӑjӗ
хамӑр амӑ соӽӱlжа бӑ̄ʲжӑ,
тӥгӗт номᵒ hӑдӑӈӑ ӧргӗжӗ,
бат хасӱргӑнӑ бӱтӗ
баgлӑрсӑ ӧргӗжӗ,
мӧрӧjӧ алтӑӈ дӧрѡ̄ татӑжӑ,
алӑмӽӑжӑ унӑжӑ амӑ̄ӈ уgзаржӑ,
ӗрӗӈ хасӑр тулгӑжӑ,
барӑӈ гарӑ hабӑжӑ,
мӧжӥӈ залӑ хадӑжӑ,
мӧрӧӈ —
газӑрhӑ абӑӈ галjӑжӑ,
гаӌшӑгӑjӑ hӑ̄ʲндӑ торӧжӧ,
тӗӈгӗрhӗ абӑӈ тӥрӗжӗ,
тегшӗ hӑ̄ʲндӑ торӧжӧ,
„бӑ̄ʲс!“ гежӗ мӧрӧ зандӑжӑ,

„jамӑр енӗ болсᵒрӧ булjӑбӑш?“ гежӗ hуржӑ. мӧрӈӥӈ тӥхӗдӥӈ хелӗжӗ: „делхӗ дӗр дӗрбӗӈ хӧлтӗ мӧрӧндӧ хӱсӱlӗ хедӑ, дӗрбӗӈ харӑ турӱмӈӗ бабӽӑрӑ мултӑрӑжӑ унӑк!“ гежӗ „дӧшӗӈ саӈӑӈ шӱдӗмӈӗ арӑӷӑрӑ ӑ̄ʲржӑ унӑк!“ гежӗ номнӧжӧ, таӈгӑрӑk хелӗжӗ.

мӧрӧӈӥӈ hурӑжӑ урдӑhӑӈ: „jамӑр хабӑтɛ хедӑ мӗӈӗ дӗрӗ торбӧш?“ гежӗ, галтӑ могӧ̄ʲ мергӗӈӥӈ урдӑр хелӗбӗ: „хоjӧр хӧлтӗ хоӽӧмӧ̄ʲдӧ дарӑгдӑ хедӑ ӗмᵒмӈӗ мултӑрӑжӑ унӑк! ӗрхӗʲтӗдӗ дагдӑ хедӑ ӗрхӗʲмӈӗ узӱрӑрӑ унӑк!“ гежӗ таӈгӑрӑk хелӗ. тӥгӗт ежӗӈ мӧрӧӈ хоjӱlӑӈ jабᵃбӑ.

харӑ далӑ̄ʲӈ хаjӑгӑрӥӈ
хаӈӽӑнсӑ хатӑргӑжӑ jаббӑ.
далӑ̄ʲ геhӗӈӥӈ долjӧдᵒжӧ,
дӑ̄ʲдӑ геhӗӈӥӈ шӗлгӗнӗжӗ,
хӗхӗʲ хӗӌшӥӈ доӈгӧдᵒжӧ,

хӧмᵉнӗк саһӑнїһ унӑжӑ,
хадя̄ң шулӯң хамхӑржӑ,
ха̀лӯр бя̄ᵢсᵃїһ шӗлгӗнӗжӗ,
урдӑ тя̄ᵢгᵃїң модо̄ң
хӧ̄ᵢшо̄ тӗшӗ,
хӧ̄ᵢто̄ тя̄ᵢгᵃїң модо̄ң
уря̄ᵢ̯ша̄ тӗшӗ,
бӯтӯ̄ манӑң болжо̄,
ынзӑ̆гӑтӗ гӗрӧ̄нӗң
ынзӑ̆гӑннаһ тӧ̄ржӗ,
ошо̄ ошӧ̄хо̄р ошӧ̄жо̄,
јабӑ̆ јабӑ̆хар јабӑ̆жӑ,
гертӗ хӯрбӗ.

гертӗ хӯрӗт, буртя̄ᵢ̯ӷа̄ ӈӗжӗ оржо̄ ахя̄ᵢ̯ӈ зан шарґӑ мо̀рӧ̄ң емӗлтӗјӗ хазя̄ртя̄јя̄ сергӗдӗ ујятӗ бя̄ᵢжӑ. ахя̄ᵢ̯ја̄ мо̀рӧ̄ӈӗ хажӯдⁿ абя̄шшӑ мо̀рӧ̄ӧ ујя̆жӑ, гедӗргӗ ӗрјӗт харя̄ң геһя̄ӈ ахя̄ᵢ̯ӈ мо̀рӧ̄ң унӑґӑндлӗ бя̄ᵢжӑ, номо̄ һя̄дя̆ӷя̄ сергӗдӗ ӧлгӗжӗ гертӗ орбо̄. ахя̄ᵢ̯ӈ харя̄т, я̄ᵢжӑ гӯᵢжӗ бодо̄т, баран дор орӧ̄т һӯрдӗжӗ унашӗ. ґалтӑ могӧ̄ᵢ мергӗнїһ ха̀лӯң хамся̆јя̄рā сохӧ̄жо̄ „хя̄ң хӯӈӗ хӯбӯң бя̄ᵢжӑ хӯ ӯзӗ-бӗᵢ хя̄нӑ јабӑ̆ʰїмш!“, гежӗ зандя̆жӑ. гӯᵢжӗ бодо̄жо̄, ӗдӗр шулӯң мергӗң „я̄ бурхя̆ншӈӗ!“ гежӗ, ӗрјӗжӗ тӧᵢршӗт „јахя̆дя̄ тїгӗпшӗ?“ гежӗ урдӑня̄ӈ һуржӑ, „дӯгӗ ӯбӗᵢ болӷӧшхӗт бедӗр бедӗрһӗр нарā болхо̄јо̄ бя̄ᵢнам!“ гежӗ „ӧдӗршхӗ бедӗржӗ, һӧӈӗшхӗ бедӗржӗ унтя̆хӑ нӧ̄ᵢр-бӗᵢ, ӗдӗхӗ хо̄л-бӗᵢ болшӗт бя̄ᵢнам!“ гежӗ. тїхӗдїӈ „хя̄нӑ ошӧ̄ʰїм?“ гежӗ һуржӑ. „јӯшхӗ медӗнӗбо̄п. унтя̆ӈң хӧᵢнїмӈӗ ӯбӗᵢ болшӗ!“ гежӗ „шӯшӯ̄ӈӗ арā̆ӈң дегӗл ојо̄жо̄, тїмӗ дегӗлтӗ хӯӈӗ ӯхӗбӯ̄ харя̄шхӗ бїзӗ!“ гежӗ һуржӑ. — „а̀лӑ ґазя̆рӗ хӯбӯң хӯмӗгӗптӗ?“ гежӗ һуржӑ. — „шаңхӑ барӯӈӗ зӯгӗхӗп!“ гежӗ „јӗрӗң жилӗ ґазря̄п!“ гежӗ, „сажӑң номо̄ң ха̀ӈӗ герӗлтӗ сӗжӗ хӯбӯ̄м!“ гежӗ хелӗжӗ. — „хя̄ӈһа̄ ха̀ᵢшӑ јабя̄птя̆?“ гежӗ һуржӑ (ґалтӑ могӧ̄ᵢ мергӗң „герӗлтӗ сӗжӗ хӯбӯ̄м!“ гежӗ хелӗ). тїжӗ „меӈӗ јабя̆хӑ аја̄ндя̆ меӈӗ дӯјӗ харя̄шхӗ бїзӗ?“ гежӗ һуржӑ. — „дӯтна̄ јамя̆р дегӗлтӗм?“ гежӗ һурнӑ. тїхӗдїӈ „шӯшӯ̄ӈӗ арā̆ӈң дегӗлтӗ-јїм!“ гежӗ. — „шӯшӯ̄ӈӗ арā̆ӈң дегӗлӗ негӗ харґя̄ӈң узӯртя̆ сохо̄ хорхо̄ᵢ болшӗт арбя̆лзя̆жӑ бя̄ᵢнял!“ — „ӯбӗᵢмӈӗ, ӯбӗᵢ!“ гежӗ „терӗш меӈӗ дӯ̄ мӧң хеја̄-да̄!“ гежӗ о̄до̄ харжӑ ӈӗжӗ, урӯ̄ӷа̄ харжӑ ујя̆ржӑ, хеӈӗк хура̄ң орһо̄ндлӗ шорхӧрсо̄ ӯᵢля̆жӑ, „ґанся̆хя̄ң дӯгӗ сохо̄ хорхо̄ᵢдо̄ ӗдӯ̄лшхӗӈӗӈ хӧᵢно̄ шарā̆ дала̄ᵢ̯д оржо̄ ӯкʿкʿӗмӈӗ!“ гежӗ, ґазя̄шя̄ гӯᵢжӗ ґарбя̆. гӯᵢжӗ ґархя̆дїӈ ґалтя̆ могӧ̄ᵢ мергӗнїӈ хӧᵢно̄ӈо̄ӈ гӯᵢжӗ ґаршя̆, ӗрјӗсӗ татя̆жӑ абя̆бя̆, „ахя̄ᵢ, јя̄ӷя̄пш!“ гежӗ „јамя̆р хя̄ң хӯӈӗ хӯбӯ̄ң бя̄ᵢжӑ їм охӧрхӧ̄ң нанятӗᵢјӗмш!“ гежӗ „дӯшӈӗ бејӗрӗлбӗ!“ гежӗ. — „худля̄хя̆нар бе-хелӗ!“ гежӗ ӗтхӗжӗ ӧгӗм-бејӗр бя̄ᵢжӑ. тїгӗт ӗдӗр шулӯң мергӗң „хуӷся̆ҥа̄ тя̄ᵢл!“ гежӗ „ӯнӗншӈӗ дӯ̄ хедїшӈӗ арā̆ бејӗдїш алтя̆ң бешӗк бя̄ᵢхӑ!“ гежӗ хелӗжӗ. ґалтӑ могӧ̄ᵢ мергӗнїӈ јабӯт хӧрӧндо̄

хуҫсăhā тӓ̄ᵢлăжă ёгёбё: ёдёр шулӯӈ мергёӈ далăдīӈ хӯржё јадăнă. ґалтă могӧ̄ᵢ мергёӈ ёбдёглӧ̄т ёгбё: арă беjётхё алтăӈ бешёjīӈ jёрмӗᵢ боґдӧ хāндă хӯбӯӈ болжӧ тёрхёhӧ̄ӈ абăӈ бешёhёӈ бӓ̄ᵢ ҕā.

хōлӧjō татăжă,
хормӧjō сохӧжӧ,
бӯдӯӈ jёхё хӯзӯ̄ннēӈ
бӯхʸīсёрīӈ татăжă золґӧжӧ,
наṛăӈ jёхё хӯзӯ̄ннēӈ
наҳīсăṛīӈ татăжă золґӧбӧ.
jёхё баjăрлăжă,
jёхё хёсёжё,
„дӯмӈё хӓ̄ᵢшăӈ гехёдē
īмё шӯмᵃҕӓ̄ᵢ мандăґăр болжӧ,
хӯӈ хемдē орōпшё?“ гежё
hурăжă бӓ̄ᵢнă.
ґӓ̄ᵢхăжă таґнăжă бӓ̄ᵢнă.
алтăӈ стōлō татăжă,
амтăтă шӯхёрē ґарґăжă,
мёӈгёӈ стōлō татăжă,
мёӈгётē ёдē ґарґăжă,
арбăӈ ґурбăӈ бōдӧлґӧтē
абӓ̄ᵢ hӓ̄ᵢхăӈ збāндă
арбăӈ тоҕō
арзӓ̄jё хежё асăрăбă.

ҳатăт мёӈгёӈ таґшăjā хēт баṛăжă ёгёбё. тӯӈё аҕшă духăрӓ̄ґā андăлдāт ӯжă. тīгēт хоjӯлăӈ улāӈ зēрдё болсӧрō ӯжă, арбăӈ хӯӈё хёрдё аjăґлăжă зуҕālăжă, ахӓ̄ᵢн арбăӈ тоҕōӈ арзӓ̄jё хē̤д̤ асăрăжă ӯлґăжă, ґалтă моṛӧ̄ᵢ мергёнīӈ „ахӓ̄ᵢ, болō!“ геже, „jёхё ӯҕāт jёхё болхӧбōбдё!“ гежё, „енё ёдējīшӈё ӯжă hӯжă, hӓ̄ᵢӈ хӯӈ мӯ болхᵒīм!“ гежё, „сеҕ сёсёӈ хӯӈ тенёк болхᵒīм!“ гежё, „сеҕ дёрё болō!“ гежё. — „ахӓ̄ᵢ!“ гежё „унăхă тātē моṛӧjō асрāлбё! мōṛījīмнē ґаршª ӯзīш!“ гежё, „шёнё заӈ шарґă мōṛӧнhō jамăр бӓ̄ᵢнăп?“ гежё. ахӓ̄ᵢн анăӈ тудăӈ гӯᵢжё ґарбă. ґарāт херёнсē дёрё харāт бӓ̄ᵢжă, hӧргӧ̄ гӯᵢжᵉ орбӧ. — „ӓ̄ бурхăншӈё!“ гежё ґалтă могӧ̄ᵢ мергёндё, „меӈё заӈ шарґă мōṛӧӈ jамăр хабӓ̄ᵢӈ мōṛӧм, гежё hанăҕшăhăм!“ гежё, „меӈё заӈ шарґă мōṛӧндᵒ орхӧдō хадāндлāр бӓ̄ᵢнă!“ гежё. тīгēт ӯдёшӈё борӧ хонӧлґӧ болᵒбӧ. ґалтă могӧ̄ᵢ мергёӈ ґазā ґарбă. хоjӧр мōṛӧjō хазāṛīӈ аҕшă таба̄бă. тīгēт ёглӧ̄ болӧбӧ. ӯр сӓ̄ᵢбă. тīгēт ёглӧ̄нīӈ бодӧбӧ. ахă дӯ хоjӧр стōлдō hӯжă зуҕālăжă, ахªīӈ хелёжё: „хеӈё хӯбӯӈ ерё тёржё хӯӈё зӧ̄шӧ̄р зӧ̄шё хехᵉīмё!“ гежё, „хеӈё хӯбӯӈ ёзī тёржё гертē hӯхªīм!“ гежё „ехё есᵉгёjē хӧ̄ᵢнᵒhō ошхӧмнё!“ гежё.

ґалтӑ могӧ̄ᵎ мергёӊ „шёӊё ошхӧ шадӑл бӑ̄ᵎхӑ-бе̄ᵎ!“ гежё. тїхёдїӊ ёдёр шулӯӊ мергёӊ „хоjӯлдӑ ошӧjї!“ гежё „мењї шамһа һалӑхӑ арґӑмӊё ӱбе̄ᵎ!“ гежё ёдёр шулӯӊ мергёӊ. — „ӑ бурхӑӊ! ахӑ̄ᵎ jӑӌапшё?“ гежё „хӑрӑ ӓмӑтӑӊ хӑрӑр ґӑ̄ᵎхӑлдӑхӑ!“ гежё, „есёґёӊ хоjӧр хӱбӯт ахӑ-алтӑjа охӧшхёт jабӑнӑ, гежё хелёхё!“ гежё. ёдёр шулӯӊ мергёӊ „jӑхӑшхё jӑхӑм!“ гежё „бїшӊё герӗ харӑһӯмдӑ! шїмӊё ошїш-дӑ!“ гежё. ґалтӑ могӧ̄ᵎ мергёӊ тёхӧржё ехё есёґёjё хӧ̄ᵎнӧһӧӊ ошӧхӧjӧ. тїгёт мӧрӧjӧ харӑ. мӧрӧjӧ бӑрӑжӑ

торґӧӊ хїдхӯр тохӧмӧ
тӧрӧґ-бёjёр тохӧжӧ,
бухӑлё шёнёӊ
саӌӑӊ мёӊгёӊ емёлё тӑбӑжӑ,
арбӑӊ ґурбӑӊ олӧмӧрїӊ
атӑ̄ᵎсӑрїӊ татӑжӑ,
бӱтӯ мёӊгёӊ бёгёлдёргёӊ
бёгёлдёрглёжё,
мӧрӧjӧ сергёдё уjӑжӑ,
сӧлдӧ орӧжӧ,
алтӑӊ хоӌтӧjӧ ӊёжё,
хуӌсӑһӑ ґарґӑжӑ,
тӱмёӊ жілё борӧӌӧндӧ тёгдёрх-ӱбе̄ᵎ
тӱргё̄ᵎ хошӯӊ саб̄ᵎjӑ ёмёшӧ̄.
нажӑрӑ саӷтӑ мёӌхё
нӑрӑӊ торгӧӊ суӌсӑґӑ ёмёшӧ̄.
саӌӑӊ мёӊгёӊ бєһёjё
арбӑӊ ґурбӑ ёрjӯлжё,
урдӑ хӧ̄ᵎнӧ хаӌшӯлбӑ.
булґӑӊ хӧ̄мё̄ᵎ малґӑjа
орӧ̄ᵎ дёрё тӑбӑбӑ.
адхӑ болхӧ залӑӌӑ
хамӑр амӑ сохӯлжӑ бӑ̄ᵎжӑ,
ӱдёӊё шёнёӊ герёлдё
ёрjёжё бӑ̄ᵎжӑ хуӌсӑlжӑ,
беjёдё тӧрӧk jадӑжӑ бӑ̄ᵎжӑ,
ахӑ̄ᵎтӑjа мендёшёlжё:
„шїмӊё гертё амӑр һӯ!
бїшӊё jабӑӊ jаӌхӑмӊё
хортӧ шортӧ дӑ̄ᵎндӑ!“ гежё,
ґазӑ ґарбӑ-дӑ.
алтӑӊ сергёһёӊ
хӱ̄ᵎлёӊ хёхё мӧрӧjӧ аӌшӑ,
алтӑӊ дёрӧ̄ дёрӧ̄лёжё,

сергёjē узӯртă ґурбăң тēшĕ
харжă мёргёжĕ даᵭ гӯlжĕ ґарбă.
бар амā̆ӈ уґзăржă,
ӗрēң хасăр тулґăжă,
барăң ґарā ӈабăжă,
мёжlң залā хадā̆жă,
харбăӈăң ӈомŏ бӳтĕ
шӯjăсă хатăрґăбă,
хаjăӈăң шулӯң бӳтĕ
ёршlтсĕ хатăрґăбă.
хёхĕлзĕᵭшĕ тӗңгёрjē арā̆ᴵ дōᵭӯр,
хёбĕлзĕᵭшĕ ӯлĕӈĕ арā̆ᴵ дēгӯр,
сеjӯ̄лĕжĕ ґарбă.
мlңґăң жlлĕ ґазрljĕ
нā̆ᴵмăң жlлдĕ болзŏжŏ,
нā̆ᴵмăң жlлĕ ґазрljĕ
нā̆ᴵмăң чāстă болзŏшŏ,
ӯр ӯрлăжă jабăнă,
„луᵭсăґăлдᵃlˇ маңґăдхā̆jĕ
ӈёӈĕ хӳсхā̆jĕп,
ёдĕр хӳсхā̆jĕп!“ гежĕ.

ṫlгēт ѻӈёнѻ дā̆ᴵдᵃӈā ґаршă, маңґăдхā̆ᴵң дā̆ᴵдăдᵃ орбŏ. таждᵃ улāң нарăӈăң бā̆ᴵжă. таждᵃ улāң нарăӈансōᵭӯр jаᵭхăдlӈ узӯрāрlӈ тā̆ᴵрāт, ӳзӯрēрlӈ хербēт баᵽăӈăң сōл бā̆ᴵжă. — „ендĕ jӯӈlӈ ӈӯхlмāп?“ гежĕ „ундă сlдĕм ӯхăдă jāхlмāп?“ гежĕ орбŏ. орŏң геӈāӈ хŏ̄ᴵмŏр талдă хōлŏ̆jōрō нарӈē туjā балā̆мă ґол ʸзӯрāрā ӈарāң туjā балā̆мă ґā̆ᴵхăмă ӈā̆ᴵхăң абăхā̆ᴵ ӈӯжă. хāӈĕ мендēр мендĕшĕlжĕ, барăң сā̆ᴵхăң талдlӈ харăң геӈāӈ·толбŏ̄ᴵ саᵭāң ӈejē делгētē бā̆ᴵжă. терēн дĕрᵉ харăң геӈāӈ дёрбĕң хёлтē остōл дӯрĕң ёдētē бā̆ᴵжă. „аlă ґазрā̆ белēт?“ гежĕ ӈуржă ӈӯнă. — „шаңхă барӯӈĕ зӯгēп!“ гежĕ „ґалтă могŏ̄ᴵ мергём!“ гежĕ хелĕжĕ. мёнѻхĕ ӈā̆ᴵхăң абăхā̆ᴵ гӯ̄ᴵжĕ бодŏбŏ. „барăң тēшĕ ӈӯ!“ гежĕ ґарӈāӈ хётĕlжĕ jабăнă. „ӈӯ̄ᴵтĕ хубăтă хӯ̄мӈĕ оржŏ jёрбĕш!“ гежĕ, „хӯlē хӯlēӈēр арбăң долōң жил болōп!“ гежĕ. ṫlгēт барăн тēшĕ ошŏжŏ jабăнă. остōлдlӈ ӈӯхăjā jабăӈăр толбŏ̄ᴵ саᵭāң ӈejējĕ хёлѻрѻ етёржĕ хаjăхăдlӈ дёрбĕң хёлтē остōлlӈ наjăң сажăң тамăдă хаӈхăннāр ошŏжŏ унăшăбă. тамāң ojōртŏ харăң геӈāӈ хā̆ᴵшă шёбёгĕ хоṫŏґŏ ӳзӯрēрē ѻдѻ хадхāтē бā̆ᴵжă, ґалтă могŏ̄ᴵ мергёң „нӳґĕлтĕ шёбĕлтĕ емĕ!“ гежĕ харāжă, „jорлŏӈŏнō толгŏ̄ᴵдō абă!“ гежĕ, наjăң сажăң тамăсōӈ таṙхā̆рlӈ урӯ хаjăжă орхŏбŏ-дā.

ґаршă jёрёбё. гедёргē харжă ноlмŏшхēт, шаңхă зӯӈĕ зӯᵭтĕ jабă jабăӈăр jабăжă ӈарlң могŏ̄ᴵ баᵭтăшă-ӳбē̄ᴵ шёбёр шуґʸlбā̆ᴵжă, хӯ̄ᴵлёң хёхē аᵭтăӈāӈ ӈуржă: „енĕ шёбёрljĕ jāжă ґархă белējёбдё?“ гежĕ, „шорŏң ханґā̆ᴵ ӈомошӈĕ jāᵭāӈăм?“ гежĕ, ґалтă могŏ̄ᴵ мергёң шорŏң ханґā̆ᴵ ӈомŏjō абшă,

оно̆ jёхӗ зӯлґӓжӑ,
татӑсӑjа̄ татӑжӑ,
та̇хӑм дӗрӣн тоґто̄жо̆,
делӗсӗjӗ̄ дєлӗжӗ̆,
делӗ̨ дӗрӣн тоґто̄жо̆
„ха̄нӗ̆ дардӑм харг^{y}ӣ
ґарӑкʿкʿӑш!“ гежӗ̆ шӗ̨шӗжӗ̆ та̇бӓбӑ.
шоро̨̆ хаӈґа̄^{i} hом^{o}ӣн
ха̄нӗ̆ дардӑм харг^{y}ӣ ґарґӓжӑ,
модо̆ шулӯjӣн арлӑґӓжӑ,
ха̄нӗ̆ дардӑм харг^{y}ӣ ґаршӑ,
ханхӑнсӑ хатӑрґӓжӑ
сӑдӑ бежӗ̆дӣн ґаршӑ,
jабӑ jабӑhа̄р jабӑбӑ,
ошо̆ ошо̆hо̄р ошо̆бо̆.
оґто̆рґо̆до̆ хӯрӗмӗ̆ ба̄^{i}сӑ ба̄^{i}жӑ.
урӯншхӗ̆ хатӑрґӓжӑ,
ґархӑ намтӑрӣн jадӑжӑ,
о̄дӗншхӗ̆ хатӑрґӓжӑ,
ґархӑ jол^{o}ӣн jадӑжӑ,
хӯ^{i}лӗ̨ хёхӗ̆ мо̇ро̆jо̄
гедӗршӗ̄ харӯлӑ̨-бежӗр сухӑрӯlжӑ,
ґурба̨̄ ӗдӗршӣ̨ ґазӑр ошо̆жо̆,
шоро̨̆ хаӈґа̄^{i} номо̆jо̄ а̨шӑ,
оно̆ jёхӗ зӯлґӓжӑ,
татӑсӑjа̄ татӑжӑ,
делӗсӗjӗ̄ делӗжӗ̆,
делӗ̨ дӗрӣн тоґто̄жо̆,
„ӱкʿкʿ^{e}ӣ̨ зajа̨̄ болhо̄
о̄^{i}̨ дӯрӗ̨ боло̆жо̆ арлӑхӑш!“ гежӗ̆
шӗ̨шӗжӗ̆ та̇бӓбӑ.
„ахӑх^{a}ӣ̨ зajа̨̄ болhо̄
ха̄нӗ̆ дардӑм харг^{y}ӣ ґарӑк!“ гежӗ̆
шӗ̨шӗжӗ̆ та̇бӓбӑ.
ха̄нӗ̆ дардӑм харг^{y}ӣ ґарґӓжӑ,
до̄д^{o} бежӗрӣн хатӑрґӓжӑ ґарбӑ.
сӑдӑ бежӗ̆дӣн ґаршӑ,
шоро̨̆ хаӈґа̄^{i} hомо̆jо̄ а̨шӑ,
хормо̆ґо̆до̄ ха̨шӯlжӑ,
тӗнhӗ̄н сӑшӑ ошо̆жо̆,
тӣжӗ̆ ja̧хӑ а jа̄ндӑ
харӑ̨ геhа̄н,
ӗхӗ̆ харӑ дала̄^{i}
ӗдӗршӣ̨ ґазӑрhа̄ е̨хӗржӗ̆,
хоно̆ґшӣ̨ ґазӑрhа̄ хомо̆ржо̆,
хӯjӗжӗ̆ ха̄jӓжӑ ба̄^{i}нӑ.
„ӣмӗ̆ jёхӗ дала̄jӗ
ха̄^{i}шӑ̨ гежӗ̆ ґархӑjӣбдӗ?“ гежӗ̆
мо̇ро̆ндо̄ хелӗжӗ̆,
—„менӣ дӗрӗ̆ торхо̆jо̄ медӗрӗш!“
гежӗ̆;
бар^{a} ама̄н уґзӑржӑ,
барӑ̨ ґара̄ hабӑжӑ,
шаӈґӑ ташӯр хаjӓжӑ jабӑбӑ.
хоjо̆р шёхӗнӣн шӯjӓжӑ,
хоjо̆р нӱдӗнӣн харлӑсӑ гӯ^{i}бӗ.
сӑдӑ бежӗ̆дӣн ґаршӑ,
сӑдӑ бежӗ̆дӣн ґарӑт,
гедӗргӗ̄ харжӑ:
ӗхӗ̆ харӑ дала̄^{i}
hа̄^{i}ртӑ̆ хатӑжӑ,
дала̄^{i}̨ ojо̄рто̆
аґта̄ншхӗ̆ jаhа̨̄
арґӓлӑ̆-хергӗлӗ̆ хе̨тӗжӗ̆,
арӑт^{a}ӣншхӗ̆ jаhа̨̄
арґӓлӑ̆-хергӗлӗ̆ хе̨тӗжӗ̆,
негӗ̆ мо̇ро̆нӗ̆ jаhӑ а̨шӑ,
мо̇ро̆нhо̄ зергӗлӯлӗт ӱзӗжӗ̆:
о̄hӗнӗ̆ мо̇ро̆нӗ̆ семгӗнhӗ̄ hо̄м дутӯ
ба̄^{i}жӑ;
тӗнhӗ̄н сӑшӑ jабӑбӑ.
ґушӑ̨ алдӑ бежӗтӗ,
ґурба̨̄ аршӑм hобо̆^{i}тӗ
ґурӑ шарӑ шоно̆
ӗдӗршӣ̨ ґазӑрhа̄
е̨хӗржӗ̆ оржо̆ jёрбӗ
мо̇рӗ̄ бежӗтӗ̄ за̇лjӓхӑjа̄.
шоро̨̆ хаӈґа̄^{i} номо̆jо̄
оно̆ jёхӗ зӯлґӓжӑ,
„амӑрґӓл са̨а̨̄ хӯзӯjӣн
таhӑ харбӓхӑш!“ гежӗ̆
шӗ̨шӗжӗ̆ та̇бӓбӑ.
амӑрґӓл са̨а̨̄ хӯзӯjӣн
таhӑ харбӓжӑ унӑ̨а̄бӑ.

јабӯт хōрŏндŏ
ґазăрĕ ґурбăң хĕрhĕ hуґă татăжă,
мŏртē бејĕтē оржŏ,
ґурбă хонсŏ хеҕтĕжĕ,
ґурбăң ĕдĕр хеҕтē.
харăң геhāн
ӧ модŏң хоҳӯрлăшēт,
оҕшŏнĕ ӧбĕнĕң шарлăшēт бӓ̄ʲжă.
тендĕнēн сāшā
јабă јабăhāр јабăбă.
ґурбăң тӧмĕр толгӧ̄ʲтē могӧ̄ʲ
ĕдĕршīң ґазăрhā ӯрĕбхĕжĕ
тō тоҳŏбē ʲ мŏртē бејĕтĕјē
ӯрĕбхӯлхĕјē hанăжă;
шорŏң хаңґӓ̄ʲ hомŏјō аҕшă,
„ӯкʻкᵉīң зајāң болō хедā
ӧ̄ʲң дӯрĕң болжŏ ăрлăхăш!“ гежĕ шĕҕшĕжĕ орҳŏбŏ.
„ахăхᵃīң зајāң болō хедā
амăрґăл саҕāң хӯзӯ̆јīн
таhă тудăхăш!“ гежĕ
шĕҕшĕжĕ орҳŏбŏ.
шорŏң хаңґӓ̄ʲ hомᵒīн
амăрґăл саҕāң хӯзӯ̆јīн
танă харбăжă ӯнăҕābă.
ґазăрĕ ґурбăң хĕрhĕ hуґă татăжă,
мŏртē бејĕтĕјē оржŏ хеҕтĕнĕ.
ґурбă хонōт ґаршă јĕрĕбĕ.
ӧ̄ʲ модŏң шарлăшēт бӓ̄ʲнă.
тēнhēн сāшā ошŏбŏ.

тĕңјĕрīң хоң херēнӯт „хōң! хāң!“ гелдĕнēр јĕржĕ, — „мŏртē бејĕтēшнē ңӯдētнă ĕдĕхĕмнӓ̄!“ геhēр, белĕң ӯтăсōҕŏhāн ңӯдē аҕшă хајăжă ӧгбĕ. „хӯдʸī-шхĕ hӓ̄ʲң ерĕнӯт јабăґшăhăң, белĕң ңӯдē ӧкʻкᵉīн ӯзēбѿбдĕ!“ гежĕ — „дӓ̄ʲҕā даржă, дāҕăјā нӯлдĕжĕ јабăґтī!“ гежĕ ӧрѿжĕ; тēнhēн сāшā ошŏбŏ.

шӯрмĕнĕтĕ басăҕăт тӧмĕр дегē бăрāт — „мŏртē бејĕтēш шӯрмĕнĕтнă аҕхăмнӓ̄!“ гежĕ, белĕң шӯрмĕнĕ хајāт ӧҕшĕ; — „дӓ̄ʲґā даржă јабă!“ гежĕ ӧрѿжĕ, дегĕјē хачʻхēт јабăшăба-дā.

маңґăдхăјā ӧтĕк āлă хојŏртīн
хӯрхĕ болŏжŏ јабăнă.
хорŏң шорŏң хојŏрō бăржă,
хоржŏ јадăжă,

арбăң абā
алăґăндā татăжă,
хорōң хубăлґāңā
хурăґăнĕ ӳзӳртĕ ґарґăжă,
мӧрнō дӧрбĕң харᵃ турӯндă
хāⁱш-хāⁱшā дӧшĕң сажăң
ґал нурмă дӧрĕбхӯлбĕ.
мӧрнō урдă мандā дӧрĕ
заґнӯ тоңō тодхōжŏ
заңăнăнĕ мăхă шанăжă,
мӧрнō хōⁱтŏ ӯсă дӧрĕ
ажăґăр улāң шӧнĕнĕ урґӯлжă,
далăң зӯⁱлīң жӧрјēхēⁱ
жӧрјӯлжĕ јабăнă.
ошŏ ошŏнōр ошŏбŏ.
захāⁱң āⁱлдă орбŏ.
ґазā бāⁱнăң аӎтᵃнīн
ґазā бāⁱжă ґāⁱхăлдăжă,
гертĕ бāⁱнăң албăтă зонīн
гертē бāⁱжă ґāⁱхăлдăжă бāⁱнă.
„јамăр гӯннē ґарнăң унăґăм?
јамăр хӯннē ґарнăң хӳбӯм?“ гежĕ
ґāⁱхăлдăжă бāⁱнă.
зӯң нāⁱмăң толгōⁱтē
зӯдăk шарă маңґăдхāⁱ
медēндē медĕжĕ,
еңēң баңă дӯгē ӳлдĕжĕ:
„шаңхă барăң зӯгĕнēмнāⁱ
ґалтē тӯⁱмĕр јĕрĕбĕ!“ гежĕ ӳлдĕжĕ,
нāⁱмăң дӯннē нāⁱмӯлāⁱ ӳлдĕбĕ,
„ґалтē тӯⁱмĕр унтăрăңāґтī!“ гежĕ.
арбăң табăң толᵒгōⁱтē
аӎјăр шарăᵒманґăдхāⁱ
дōр улāң мӧрјō унăжă,
малᵃґāⁱ ӳбēⁱ гӯлгĕжĕ урдăнāⁱ
јĕрĕбĕ.
хāⁱнĕ дардăм харгʸīдă,
āⁱсă бāⁱсă золґŏжŏ
бāⁱс гежĕ зандăжă,
ґалтă могōⁱ мергĕң
„есĕңēмнĕ ӧрĕ јалă, гежĕ асăр-
бăјīш?“ гежĕ,
ехēмнĕ ёнжĕ тōнōң, гежĕ hанāјĕш?“
гежĕ,
„хӯнĕ јӯмĕдĕ хӯнĕжĕ,
ӳзӯнĕ тōрōм мӧлжĕнĕң
хубᵃхāⁱ тōⁱмŏӯт бāⁱңā хеjīмтĕ!“ гежĕ,
орōⁱ дĕрхĕ
оңґōң саңāң нōнŏннōн аӈшă,
шĕрĕ заӎjă мīнāңārā
далāⁱн арнă
далбă сохŏжŏ,
ӯсᵃ дĕрīн унăңăжă,
ӗрмĕґтĕ саңāң шулӯнĕ
ӗрмĕк харăжă шӳдĕбĕ-дā.
маңґăдхāⁱjĕ
ӳхĕрĕ шӧнжĕхĕ jанă-беjēр,
ӳнĕгĕнĕ шӧнжĕхĕ hебĕнĕ-беjēр
бутă шӳдĕбĕ-дā.
тēннēн сāшă jабăбă.
хорŏң табăң толгōⁱтē
хōⁱдŏл шарă маңґăдхā
āⁱсă бāⁱсă золґŏбŏ,
бāⁱс гежĕ зандăбă.
„есĕгēң ӧрĕ гежĕ,
„ехēң ёнжĕ ґежĕ hанāјĕш?“ гежĕ,
„хӯнĕ зōшĕ ёдĕнĕң
хубхāⁱ тōⁱмŏӯт!“ гежĕ,
орōⁱ дĕрхĕ
оңґōң саңāң нōнŏннōн аӈшă,
ӗрмĕґтĕ саңāң шулӯнĕ
ӗрмĕк харжă шӳдĕжĕ,
ӳхĕрĕ шӧнжĕхĕ jанă-беjēр
ӳнĕгĕнĕ шӧнжĕхĕ hебĕнĕ-беjēр
шӳдĕбĕ.
тēннēн сāшă ошŏбŏ.
ґушăң табăң толᵒгōⁱтē
ґурă шарă маңґăдхāⁱ
дōр улāң мӧрŏjō унăжă
урдăнāн гӯⁱлгĕжĕ јабăнă.
орōⁱ дĕрхĕ
оңґŏң саңāң нōнŏннōн
орōⁱжŏ бāржă,
ӗрмĕґтĕ саңāң шулӯнĕ

ѐрмĕк харжă шӳдĕжĕ орхŏбŏ.
ӳхĕрĕ шĕнжĕхĕ јаһă-бејēр,
ӳнĕгĕнĕ шĕнжĕхĕ һебĕһĕ-бејēр
шӳдĕжĕ орхō.
тēнһēн сāшă јабăбă.
дĕшĕң табāң тол°гӧ'тē
дĕјō харă маңгăдха'
ā'сă бā'сă золгŏжŏ,
„барă ēмĕ шудăрăлдăжă,
ѐрхēң хӳшēр болх°ӣмӣш?“ гежĕ,
„ēмēң хӳшēр болх°ӣмӣш?“ гежĕ,
орӧ' дēрхĕ
оңгŏң саҕāң нōһŏнһōн баржă,
шĕре заһјă мӣнāҕārā
јамāң бӳтĕ шашхӳлжă,
ӣнзăҕāң бӳтĕ бархăрӯлжă,
ѐрмĕ̆гтĕ саҕāң шулӯнĕ
ѐрмĕк харжă бутă шӳдĕбĕ-дā.
тēнһēн сāшă јабăжă,
табӑң табāң толгӧ'тē
тат харă маңгă̆дха'
тō тохŏ-бē' тулăжă јĕрĕбĕ.
„зōшĕнōрĕмһĕ
есĕҕēң ӧрō̆р
ехēң ĕнжĕ
тӧһō̆р асăрбă̆јīт?“ гежĕ хелĕжĕ,
орӧ' дēрхĕ
оңгŏң саҕāң нōһŏнһōн аҕшă,
ғазăр һабăжă,
дал°ӣн арһāјĕ
далбă сохŏжŏ,
хондлӧ' дēрӣн унăҕāжă
ѐрмĕ̆гтĕ саҕāң шулӯнĕ
ѐрмĕк харжă бутă шӳдĕбĕ.
тēнһēн сāшă ошŏбŏ.
жорŏң табāң толгӧ'тē
жорō јĕхĕ маңгă̆дха'
хӳрĕң жорō мӧрӧрō
гӳ'лгĕжĕ оржŏ јĕрĕбĕ.
хāнĕ дардăм харгʸīдă
тулăжă оржŏ јĕрĕбĕ.
ғалтă могӧ' мергĕнĕ
хажӯҕārīн гӳ'лгĕжĕ ғарбă.
ғалтă могӧ' мергĕнīн
гедĕргē һарбăғăт гежĕ аҕшă,
мӧрŏнһō удхă аҕшă,
„хӳнĕ јӳмĕдĕ хӳнĕжĕ,
хӳзӳнĕ тōрŏм мӧлжĕжĕ,
дĕјō̆ржĕ јабăнăш!“ гежĕ хелĕжĕ,
ѐрмĕ̆гтĕ саҕāң шулӯнĕ
ѐрмĕк харжă бутă шӳдĕбĕ-дā.
тēнһēн сāшā ошŏбŏ.
далăң табāң толгӧ'тē
даһјăл шарă маңгă̆дха'
ā'сă бā'сă золгŏжŏ,
орӧ' дēрхĕ
оңгŏң саҕāң нōһōјīн
орӧ'жŏ аҕшă ѐрјӳлжĕ шӳдĕбĕ-дā.
ѐрмĕ̆гтĕ саҕāң шулӯнĕ
ѐрмĕ̆гтĕ шӳдĕбĕ.
тēнһēн сāшā јабăжă,
најăң табāң толгӧ'тē
нархăң шарă маңгă̆дха'ӣ јĕрēт,
ā'сă бā'сă золгŏжŏ,
баһā метĕр заңгāр
ѐрмĕ̆гтĕ саҕāң шулӯнĕ
ѐрмĕк харжă шӳдĕжĕ,
ӳхĕрĕ шĕнжĕхĕ јаһăл-бē',
ӳнĕгĕнĕ шĕнжĕхĕ һебĕһĕ-бē' шӳдĕжĕ,
тēнһēн сāшă ошŏжŏ,
јĕрĕң табāң толгӧ'тē
јĕхĕ ӯҕā маңгă̆дха',
дēһĕк дēһĕк гешхӳлһēр,
демē' демē' хур[а] унăһāр,
хāнĕ дардăм харгʸīдă
ā'сă бā'сă золгŏжŏ,
ғалтă могӧ' мергĕң
дēгӯр харжă,
„хā'ш ошхŏшнĕм?“ гежĕ һуржă,
„хӳнĕ јӳмĕдĕ хӳнĕжĕ
хӳзӳнĕ тōрŏм мӧлжĕнĕң
хуҕхā' тӧ'мŏk јабăнăт!“ гежĕ хелĕжĕ,
һарбăғăт гежĕ,
оңгŏң саҕāң нōһōјīн

орӧ̄ʲжӧ̆ ба̀ржӑ̆
шёрё̆ за̀ӈ̡ӑ̆ мі̀нӑ̄ӷӑ̄рӑ̄
ґурбӑ̆ орӧ̄ʲжӧ̆ сохӧ̆жӧ̆,
хондло̄ʲӈ̣ арʰӑ̄йё̆
хӯ сохӧ̆жӧ̆,
далӑ̆ дӗ̄рі̀ӈ̇ унӑ̄ӷӑ̄жӑ̄,
далӑ̄ӈ̣ арʰӑ̆
далбӑ̆ сохӧ̆жӧ̆,
хондлӧ̄ʲ дӗ̄рі̀ӈ̇ унӑ̄ӷӑ̄жӑ̆,
ӗрмё̆ґтё̆ сӑ̄ӷӑ̄ӈ̣ шулӯ̀ӈ̇ё̆
ӗрмё̆ӡі̀ӈ̇ харжӑ̆ хаӡӑ̆бӑ̆.
тёнӈ̇ёӈ̇ сӑ̄шӑ̆ ошӧ̆бӧ̆.
ошӧ̆ ошӧ̆ӈ̇ӧ̄р ошӧ̆жӧ̆,
хӯрё̆ хӯрё̆ӈ̇ёр хӯрёжё̆,
луӌсӑ̆ґӑ̆лдʰі̄ маӈґӑ̆дхӑ̄ʲдӑ̆ ӧ̄ʲртӧ̆жӧ̆ јёрбё̆.
луӌсӑ̆ґӑ̆лдʰі̄ маӈґӑ̆дхӑ̄ʲ харӑ̆жӑ̆,
ґурбӑ̆ӈ̣ јѐмшё̆гӗ̄ хуґӑ̄ʲдӑ̆жӑ̆,

„мо̀рёмӈ̇ё̆ ба̀ржӑ̆ хёлі̄т!“ гежё̆ „шаӈхӑ̆ барӯӈ̇ё̆ зӯгё̆ӈ̇ё̄ тӧ̄ тохӧ̆-бё̄ʲ дӧмӧ̆мӈ̇ё̆ дёрёкʻкʻёӡ̌ӧ̄ ґалтӗ̄ тӯʲмёр јёрёбё̆!“ гежё̆, „нӑ̄ʲмӑӈ̣ дӯнӯ̆дӈ̇ё̆ ёнё̆ тӯ̄ʲмёр унтӑ̆рӷӑ̄ӈ̣-бе̄ӡ̌ёр ӈ̇анӑ̄ тӧ̄ржё̆ јӑӽхʰі̄мӑ̄бӑ̆дӑ̄!“ гежё̆ ґурбӑ̆ӈ̣ јёмшё̆-гі̀ӈ̇ ґурбӑ̆ӈ̣ харӑ̆ мо̀рі̀ӈ̇ ба̀ржӑ̆ тёмёр харʰ ноwӧ̄схӧ̆ді̀ӈ̇ ґурбӯ̀лӑ̆ӈ̣ хӧ̀лё̆жё̆, маӈ-ґӑ̆дхӑ̆ӡ̌ӑ̄ ӈ̇ӯлґӑ̆жӑ̆ бӧ̄жӧ̀лжӧ̆ ґарбӑ̆.

ґурӑ̆ шарӑ̆ нохӧ̆ӡ̌ӧ̄ дахӯ̀лжӑ̆, нашӑ̆ӈ̣ бӯргё̆д дёбӯ̄рнё̆ӈ̇ё̄ дахӯ̀лжӑ̆, хӑ̄ӈ̇ё̆ дардӑ̆м харґӑ̆јӑ̄р мо̀рнӧ̄ тухӑр харӑ̄ʲлґӑ̆жӑ̆ јабӑ̆нӑ̆. ті̀жё̆ јабӑ̆ӈ̇ӑ̄р ґурбӑ̆ӈ̣ харӑ̆ мо̀рі̀ӈ̇ і̀ерхё̆жё̆, бо̀рбӧ̆ дёрё̆ ӈ̇ӯшӑ̆нӑ̆. ґурӑ̆ шарӑ̆ нохӧ̄ӈ̇ улӑ̆ӈ̣ татӑ̆жӑ̆ хусӑ̆жӑ̆, ноwӧ̄схӧ̆сӧ̄ӈ̇ ґӯʲжё̆ орнӧ̆. нашӑ̆м-бӯргёт хоӡ̌о̀рі̀ӈ̇ ӈ̇уґӑ̆ до̀рі̀ӈ̇ орнӧ̆. „ёнё̆ жахрӑ̄лдӑ̆мӑ̀ршӈ̇ё̄!“ гежё̆ харӑ̆жӑ̆, нашӑ̆м-бӯргёт хоӡ̌о̀рӧ̄ бі̀сӑ̆ бажӯжӑ̆ хаӡӑ̆жӑ̆, ґурӑ̆ шарӑ̆ нохӧ̆ӡ̌ӧ̄ „мёнё̆ ӯкʻкᵉʻі̄ јорлӧ̄јёш?“ гежё̆, ґурбӑ̆ӈ̣ ондӧ̄ таӈ̇ӑ̆ татӑ̆жӑ̆,

ноwӧ̄схӧ̆сӧ̄ӈ̇ харӑ̄ʲжӑ̆ бӯжӑ̆,
шёрё̆ за̀ӈ̡ӑ̆ мі̀нӑ̄ӷӑ̄рӑ̄
арбӑ̆ӈ̣ ґурбӑ̆ ӗрӡ̌ӯ̀лжё̆,
ґурбӑ̆ӈ̣ харӑ̆ мо̀рӧ̆ӡ̌ӧ̄ сохӧ̆жӧ̆ бӑ̄ʲнӑ̆.
ті̀жё̆ бӑ̄ʲхӑ̆ ӈ̇амӑнді̀ӈ̇
ґазӑр дёрё̆ тёрё̆ӈ̇ёӈ̣
ґалтӑ̆ могӧ̄ʲ мергёӈ̣
ґӯʲлгё̆жё̆ оржӧ̆ јёрёбё̆.
хӑ̄ӈ̇ё̆ дардӑ̆м харґʸі̀дӑ̆
ӑ̄ʲсӑ̆ бӑ̄ʲсӑ̆ тулӑ̆жӑ̆ оржӧ̆ јёрбё̆.
хӑ̄ӈ̇ё̆ мендёр мендё̆шӗ̀лжё̆,
харсӑ̄ӈ̣ дорӧ̄бӧ̄р дорӧ̄бӧ̀лжӧ̆,
луӌсӑ̆ґӑ̆лдʰі̄ маӈґӑ̆дхӑ̄ʲ ӗрӡ̌ёжё̆ харжӑ̆,

медӗндӗ медӗжӗ,
ухандā ӧ̄ʲлгӧжӧ,
„ґалтӗ тӯʲмӗр гежӗ һанӑһӑмнӗ —
емӗлӗ сānӑ елӗнӗң,
бӯргӗң сānӑ бӯлӗнӗң,
хуӌхӑʲ тӧʲмӧk јабӑхīмш?“ гежӗ,
„зӯр худрā ӧʲ модӧ отлӧп гежӗ һанājӗш?
оґшӧнӗ ӧбӗнӗ шаӌшājӗш?“ гежӗ хелӗжӗ,
„ехӗң ёнжӗ гежӗ,
есӗгӗң ӧрӗ гежӗ,

меӈӗ адӯ малӗ, албӑтӑ зӧјīмнӗ, ївī бābāʲмнӗ олзӧґлōјӗш?“ гежӗ „ерхӗң хӯшӗр болхӧмнājӗ?“ гежӗ „ӗмӗң хӯшӗр тулхӑмнājӗ?“ гежӗ хелӗжӗ бāʲнӑ.

луӌсӑґӑлдᵃī маңґӑдхāʲ урдӑһāй хелӗбӗ: „мёнӧ̄ есӗнӗң бејӗдīшнӗ хӯдʸī шёнēң хӯшīшнӗ туршӑхӑмнӗп!“ гежӗ, „манāдӑ ошӧјī!“ гежӗ, „негᵉ арбӑ хонсӧр амӑр!“ гежӗ, „хојӯлдā нег орӧндӧ унтхӑбдӗ!“ гежӗ, „негӗ ајӑґӑһā ёдхӗбдӗ!“ гежӗ, „негӗ лōшхōр ӯхӑбдӗ!“ гежӗ хелӗжӗ зуӆāлӑжӑ бāʲнӑ.

ґалтӑ могӧ̄ʲ мергӗң „јāӆāшхӑһā јāхām!“ гежӗ хојӯлдā ӗрјӗбе. луӌсӑґӑлдᵃī маңґӑдхāʲндᵃ ошӧжӧ, алтӑң сергӗдīн хӯʲлӗң хӧхӗ мӧрӧјō ујӑң татӑжӑ орхӧбӧ. номӧ һādӑґā сергӗдīн ёлгӗжӗ гертīн орбӧ.

ӗржӗ мӧңгӗң ӯдējīн
еӌтē һāʲӆāр ӈēжӗ орбӧ.
хӧʲмӧр сāʲхӑң талдīн
хōлӧјōрō нарӈӗ туjā бāлāмӑ,
ґол узӯрāрā һарāʲң туjā бāлāмӑ
ґāʲхӑмӑ һāʲхӑң абӑхāʲ һӯжӑ,
алӑґӑӈӗ шёнēң торґōр
арбӑң захӑтē бӯтēжӗ,
хурӑґӑӈӗ шёнēң торґōр
хорӧң захӑтē бӯтēжӗ һӯнӑ.
ґалтӑ могӧ̄ʲ мергӗӈӗ орхлāр
арᵃ бīјдӗ хајӑжӑ,
хаӌ јаӌ гēт һӯжӑ,
ґалтӑ могӧ̄ʲ мергӗң
хāӈӗ мендēр мендӗшӗlжӗ,
харсāң дорōбōр дорōбōlжӧ,
барāң тēшē ошӧжӧ,
нāʲмāң хӧлтē шӗрēндīн,
најāң захāң толбӧӆтӧ,
дōд захāң шӗрēн дēр
заӧӑ татӑжӑ һӯбӑ.

луӷсăґăлдᵃī маӈґăдхāӈ хатăнīн сāʲӻā хежĕ баӄжă асăрбă. — „ăлă ґазăӄрĕ, ăлă уһăнĕ хӳбӯӈ хӳмĕгēптĕ?“ гежĕ һуржă. — „ăлă хāнĕ албатăпшă?“ гежĕ. — „ґазăӄрĕ холᵒīм, уһăнĕ утāм!“ гежĕ хелĕжĕ һӯнă. — „шаӈхă барӯнĕ зӳгēхĕп!“ гежĕ, „мīӈґăӈ жīлĕ ґазрāп!“ гежĕ хелĕжĕ, „јĕрмēʲ боґдŏ хāнĕ ґазăр дĕрĕ тĕрĕһĕӈ ґалтă могōʲ мергĕм!“ гĕжĕ хелĕбĕ. мĕнōхĕ хатăнīн хōлŏјō татăжă, хормŏјō сохŏжŏ „јĕндĕ јĕрēпш?“ гежĕ, „ăмăдī јабăһăӈ хӯндĕ зō̆ше урдīн!“ гежĕ хелĕжĕ, „ендĕшнĕ јĕрĕһĕӈ хӯӈ јĕрхᵉīн ӳзӯлхĕ, ґархᵃīн ӳзӯлх-ӳбēʲ-īмĕ!“ гежĕ хелĕжĕ бāʲнă. мĕнōхĕ хатăјā урдăһāн һуржă: „хеӈ хӯнĕ басăґăмш?“ гежĕ. — „есĕгĕ малāӈ тĕӈгĕрīӈ басăґăм!“ гежĕ, „уһăндă ӧʲмŏжŏ бāʲһāр саӈāӈ шубӯӈ хуӷсăһăјā мехĕлĕгдĕжĕ аӷтăшхēт ґазăрдăжă бāʲшăһīмăп!“ гежĕ хелĕжĕ зуӈāлăжă һӯнă.

алтăӈ стōлō аршăжă,
амтăтē ĕдēгē таб̆ăжă,
арбăӈ ґурбăӈ сĕхĕтē
абāʲ һāʲхăӈ збāндă
арбăӈ тоӈōӈ арзăјā,
хорŏӈ тоӈōӈ хорзŏјō
хежĕ асăржă таб̆ăжă,
тїжĕ һӯхă ајăндīн
луӷсăґăлдᵃī маӈґăдхāʲ оржŏ јĕрĕбĕ.
ӯдĕ ёрхō̆рō̆ баґтăжă јадăһāр оржŏ јĕрĕбĕ.
хӳхĕншᵉ-ӳбēʲ пōлō
хӳхĕнсĕ гешхĕһēр оржŏ јĕрбĕ.
дōд захăјā шĕрēн дĕрĕ
заб̆ă татăжă һӯбă.
арбăӈ тоӈōӈ арзăјā ӯжă,
хорŏӈ тоӈōӈ хорзŏјō ӯжă,
арбăӈ хӯнĕ хеӈдĕ
ајăґлăжă һӯнă.
хорŏӈ хӯнĕ хеӈдĕ
холшŏрлŏжŏ һӯнă.
нег орŏндᵒ унтăжă,
нег ајăґăһā ĕдĕлĕжĕ,
негĕ лōшхōр ӯжă,
ґурбă хоноб̆ō,
дĕрбĕ хоноб̆ō.
хӯшăӈ хӯр хелсĕбĕ,
уӈāнĕ тӯхĕ хелсĕбĕ.
ґазăрĕ ґазăр болхŏһō абăӈ
ґалб̆īӈ тĕбīӈ бӳтᵉхĕһē абăӈ зуӈāлăжă,
оӷтŏргō̆ӈ мīӈґăӈ бурхăнĕ

бурхăң болхŏhō нāшхĭjĕ,
jёрёң jўhĕң хāhī
хāд болхŏhō абăң зуɣālăнă.
хўшăң хўрē балāлдăжă,
„енĕшнĕ тĭм бешĭjĕм!“ гежĕ,
„терĕшнĕ терĕ бешĕ!“ гежĕ,
захă захă дёрhēн бāрăлсăжă,
уґзăрăлдăжă,
нежēт татăлдăжă,
нежēт āлăґăдăлдăжă,
остōлhōн хоjўлăң гў'жĕ бодŏжŏ
ўдĕjē олŏң-бejēр,
таhăлґăjā енēгўрĭн терēгўрĭн
тёгдёр ётхĕлжĕ ґазāшā ґарбă.
хāлă'лдăhāр татăлдăhāр ґаршă,
шамшĭң шар[a] талдă,
шарă hă'хăң зёлĕгēдĕ
хормŏjō hў'бĕдĕжĕ бă'нă.
бенĕдē хаɣшўlжă,
нежēт татăлдăжă,
мăхă баґсăр бажўлдăжă,
тебшĭң шёнēң мăхă
оɣlŏ татăлдăжă хajăжă,
херē шāжґă'hўт суґлăржă,
„хеɣ-хезē дă'лăлдăжă бă'ґтī!“ гежĕ ёрŏжĕ,
ґурбă хонсŏ татăлдăбă.
ґурбăң хонŏґhōн ёңгёржĕ,
ґурбăң hарсō бă'бăт.
ґурбăң hарāн ёңгёржĕ,
ґурбăң жıл тулăбă.
ґурбăң жılēн ёңгёржĕ,
табăң жıл бă'бă,
табăң жıл бă'ɣāт,
ўхă уhăнĭн hанўлжă,
„ундă сĭдĕм аб[a]jī!“ гежĕ,
шарă далă'дă
нōhŏ нōhŏнhōн бāрăлсăhāр,
хāлă'сă татăлдăhāр ошŏжŏ ундălжа,
шар[a] далă' хурăґă hорсŏр ўжă,
тендĕhēн бошшŏ хоjўлăң,

„енĕ дă'дăмнă ўндрē! елўр дă'дăдă ошŏjī!“ гежĕ, хоjўлăң ошŏжŏ, орŏлсŏжŏ, тебрĕлдĕжĕ орбŏт-дā.

табāң жилһēн ӳлĕжĕ jӳһĕң жил бāʲбă. jӳһĕң жил болһŏң хōʲнŏ луᵕсăґăлдᵃī маңґăᵈхāʲ гер тēшĕ харжă хāʲхăрбă. хĕᵕгшĕнīн ґаршă, „jĕр!“ гежĕ, хĕᵕгшĕнīн ґаршă jĕрᵕбĕ. хĕᵕгшĕндō хелĕжĕ: „саᵕā һанăһăң хӳндĕ саᵕāң будā хаjăхă!“ гежĕ, „харă һанăһăң хӳндĕ харă будā хаjăха!“ гежĕ хелĕжĕ; хĕᵕгшĕнīн һōргō гӳʲжĕ оржŏ, барāң ґартā харă будāґā баᵲăжă, зӳң ґартā саᵕāң будā баᵲжă, барāң ґарᵲхă будāᵕā маңґăᵈхāʲң хӧл дор хаjăбă. зӳң ґарᵲхă будāᵕā баᵲāһā хĕлдĕ хаjăбă. маңґăᵈхāʲң дор мӧлĕһĕң болжŏ, маңґăᵈхāʲ хăлтăржă, баᵲāһīң дор елĕһĕң болжŏ, берĕ гешхĕдīн һāʲң бāʲнă. маңґăᵈхāʲн хăлтăржă унăбă. маңґăᵈхāʲ дӧрбĕ хӧллōт бāʲнă. ґалтă моґōʲ мергĕң тӳлᵲхĕжĕшхĕ унăᵕāжā jадăбă, татăжăшхĕ унăᵕāжă jадăбă. хĕᵕгшĕнһōн һуржă: „зӳң пӳᵈ болхŏ тармӯр һӳхēн дāхᵃīш?“ гежĕ һурбă. хĕᵕгшĕнīн һōргō гӳʲжĕ гертē ошŏбŏ. тармӯр һӳхēн шĕржĕ jадāң гежĕ асăрᵃбă. ґалтă моґōʲ мергĕң һӳхēн аᵕшă маңґăᵈхăjā шаᵕшăбă.

елтĕр халтăр шаᵕшăжă, саᵕāң шулӯндлĕ сăхălжă бāʲжă, харᵃ шулӯндлĕ ханᵲханжă бāʲжă, һӳхĕдē дāґдāң-бejēр бāʲнă. луᵕсăґăлдᵃī маңґăᵈхāʲн хелĕжĕ: намăjĕ бŏ-зобō!“ гежĕ, „алăхᵃīмă хедā зобōң-бejēр алᵃīш!“ гежĕ, „алăхă адăһājĕ шуһāн хадᵈхăжă алăхᵃīмă!“ гежĕ, „алăхă хӳjĕ хӳрīн һуржă алăхᵃīмă!“ гежĕ хелĕнĕ. ᵲīхĕдīн ґалтă моґōʲ мергĕң „шамājĕ хāʲшāң гежĕ алăхᵃīмă?“ гежĕ һуржă, маңґăᵈхāʲ ᵲīхĕдīн хелĕбĕ: „хӳбӯлһĕң хĕᵕгшĕнĕ hejē асăржă толгōʲjīм орōʲᵕтī!“ гежĕ хелĕжĕ ёгĕбĕ. хĕᵕгшējīн ӧлгēбĕ. хĕᵕгшĕнīн гертē ошŏжŏ, аlăґăнĕ шĕнēң сāрһă пеwēсхĕ бешĕжĕ, наʲмāң тēшē нāрăшнāʲ ґарґăбă. — „хӳбӯлһĕң хĕᵕгшĕнĕ hejē асăрхă!“ гежĕ нāрăшнāʲ ґарґā. hejējīн асăрбă. маңґăᵈхăjā толгōjĕ орōʲбŏ. маңґăᵈхāʲн —

алдălжă унăжă,
арăңхălжă хеᵕтĕбĕ.
урдă таʲґāң модŏ
орбоңґōрīн суґлӯlжă,
маңґăᵈхăjā ґалдăбă.
дӧрбĕң талᵃһāн хōргō
тодᵈхōжŏ хōргĕдĕжĕ,
тӧмĕрĕ бāһāң болŏжŏ,
шӧмĕлĕжĕ барăґдăбă.
улāһāң хӳрзēр
уᵲāᵕшīн ᵲīдᵈхĕбĕ.
хуһāң хӳрзēр
хōʲшīн ᵲīдᵈхĕбĕ.
дāʲᵕā даржă
дāᵕăjā һӯлдĕбĕ.

мӧнōᵈхĕ маңґăᵈхāʲң хĕᵕгшĕң ґалтă моґōʲ мергējĕ барāң ґарһāн хӧтĕlжĕ гертē абāшăбă. гертē абāшшă ӯдĕң хӳрēсōᵕō һӯлґăжă, хojŏр тēшē ёртē сāблāн аᵕшă, орjŏһōн абāң заңґăжă, хojŏр тēшīн хахă шаᵕшăжă унăᵕāжă,

досо̄хо̆ мӯ ha̋ʲjīn хархӑ бурхʲīji̇n хӯ аб̮шӑ хаjӑбӑ. jӯhе̋ӈ булӑjӗ э̀хе̄р уӈа̄жӑ, jӯhе̋ӈ арса̄ӈ де̄же̄р а̀рӯlжӑ, мелхе̋ӈ хар аршаӈа̄р аршалӯlжӑ, урда̀хӑ̀нha̋n урӑӈ болґо̆жо̆, э̀ртэ̆хэ̆нhэ̆n ӭлӯ болґо̆жо̆, гертэ̄ аб̮шӑ орбо̆. гертэ̄ аб̮ша jёржэ̆ барӑӈ тэ̄гэ̄ hӯлґӑжӑ, алтӑӈ сто̄ло̄ аршажӑ, амтатэ̄ ӭдэ̄гэ̄ ґарґӑжӑ, зуӈа̄лажӑ hӯнӑ.

тʲīжэ̆ hӯхӑ hамандă hурбӑ: „баба̋ʲ ībī хоjо̆рʲīмнэ̆ ханӑ hӯлӈа̄hам? а̀мӑдī ӯхэ̄jᵉ?“ гежэ̆. тʲīхэ̆дʲīn мӭно̄хэ̆ абахʲа̋ʲn хелэ̆жэ̆: „арӑ хо̄ʲто̆ зӯ̮тэ̆, охо̆то̆р шӭбэ̆рэ̆ узӯртă ӭбэ̆нэ̆ӈ бӯхэ̄ӈтэ̆ ґарґа̄, гежэ̆ дӯла̄hам!“ гежэ̆. ґалтӑ мого̄ʲ мергэ̆ӈ амтамхаӈ ӭдэ̆лэ̆жэ̆, абар ebэ̆р зуӈа̄лажӑ, „мэнэ̆ hӯхӑ жарґӑл ӯбэ̄ʲ!“ гежэ̆ „ехэ̆ есэ̆гэ̆jэ̄ бедэ̆рхэ̆мнэ̆!“ гежэ̆ хӯʲлэ̆ӈ хӭхэ̆ а̀ӷта̀jа̄ емӭллэ̆жэ̆, арӑ хо̄ʲто̆ зӯ̮тэ̆, охо̆то̆р шӭбэ̆рэ̆ узӯртă ґаршă ошо̆бо̆-да̄. ошо̆ ошо̆hо̄р ошо̆бо̆. тʲīжэ̆ jаб̮ха̀да̄ хараӈ гeha̋n охо̆то̆р шӭбэ̆рэ̆ узӯртă ӭбэ̆нэ̆ӈ бӯхэ̄гэ̆hэ̄ бӯр-бӯр утаӈ ґаршă. тендэ̆ ошо̄т ґазаn ба̋ʲжӑ, мо̀рʲо̆нhо̄n бӯжӑ, ӯдэ̄n татат харжӑ: бараӈ са̋ʲха̀ӈ талдӑ э̀ро̄нэ̆ӈ нӯ̮дтэ̄, э̀ро̄нэ̆ӈ ґартэ̄ ӭбэ̆гэ̆ӈ hӯжӑ; хо̄ʲмо̀рʲтīn хараӈ гeha̋n, баhа̄ э̀ро̄нэ̆ӈ нӯ̮дтэ̄, э̀ро̄нэ̆ӈ ґартэ̄ hамаґаӈ hӯжӑ. бӯхэ̄jīn ӯдэ̀р баґтам-бejэ̄р ба̋ʲжӑ ґазаn ба̋ʲжӑ, хаn̋э̆ мендэ̀р мендэ̆шеlжэ̆, харсаӈ дорӭбо̄р дорӭбо̄lжо̆; э̀ро̄нэ̆ӈ нӯ̮дтэ̄ ӭбгэ̆нʲīn нӯ̮дэ̄ hараб̮шалаат урда̀hаn̋ hуржӑ „ха̄нhа̄ ха̋ʲшӑ, ендэ̆hэ̄n īншэ̆ jабаптă?“ гежэ̆ hуржӑ, „а̀лӑ ґазра̄, jамар уhа̀на̄, хеӈ хаn̋э̆ хӯбӯӈ хӯмэ̆гӭптэ̆?“ геже, „jамар хаn̋э̆ албатīнт?“ гежэ̆ hуржӑ. — „шаӈха̀ барӯn̋э̆ зӯгӭп!“ гежэ̆, „мʲīӈґаӈ жилэ̆ ґазрэ̄п!“ гежэ̆, „сажаӈ номо̆ӈ хаn̋э̆ гeрэ̆лтэ̆ сэ̄жэ̆ хӯбӯм!“ гежэ̆ хелэ̆жэ̆. jэрмэ̄ʲ боґдо̆ хаӈ „а̋ бурханшнэ̆!“ гежэ̆, „маn̋э̆ ґазарэ̆ хӯбӯӈ хӯмэ̆гӭпшэ̆?“ гежэ̆, „манаhха̀hа̄ сашă jэрэ̄ӈ жил hӯхᵃīмат!“ гежэ̆, „ӭдэ̆р шулӯӈ мергэ̆ӈ шаӈха̀ барӯn̋э̆ зӯ̮тэ̆ ґушаӈ жилэ̆ ґазартӑ хулаhаннhа̄ урґаhаӈ хулаhаӈ саӷа̄ӈ мергэ̆нэ̄р да̋ʲлалдажӑ ба̋ʲнīмэ̆!“ гежэ̆, „да̋ʲґа̄ дарhа̋n дӯлашхэ̆ бīзӭп!“ гежэ̆. тʲīхэ̆дʲīn урда̀hаn̋ хелэ̆бэ̆: „ӭдэ̆р шулӯӈ мергэ̆ӈ хулаhаӈ саӷа̄ӈ мергэ̆ндэ̆ дараґда̄ гежэ̆ дӯла̄hам!“ гежэ̆. мӭно̄хэ̆ ӭбгэ̆нʲīn о̄до̄ харжӑ нэ̄жэ̆, урӯґа̄ харжӑ уjаржӑ, hамґаnʲīn хеhэ̆к хурдлэ̆ шорхо̆рсо̆ ӯ̮лажӑ, jэрмэ̄ʲ боґдо̆ хаӈ hамаґаjа̀ харажӑ, „емэ̆ сӯхэ̆!“ гежэ̆, тʲīгэ̄т „ґалтӑ мого̄ʲ мергэ̆jэ̄ халӯхаӈ нӯрʲīn ӯзӭп гежэ̆ зӯ̮дэ̆лэ̄ хелэ̄hэ̆мшīп!“ гежэ̆ — „худлар зӯ̮дэ̆лэ̄ш!“ гежэ̆, негэ̆ адхӑ халӯӈ нурмӑ аб̮шӑ урда̀hаn̋ бурт ба̋ʲсӑ шӯ̮дэ̆жэ̆. — „о̄ро̄ӈ зӯ̮дэ̆лэ̄hэ̆мбо̄пш!“ гежэ̆ хелэ̆жэ̆, „нутаґтӑ харжӑ, хаӈ хуб̮сӑhаjа̀ ӭмэ̆шшэ̆, хӯлаjа̀ аб̮шӑ, хортоjо̄ зӯжэ̆, шэрэгэ даржӑ, хаӈ болжо̆, хаӈ шэрэгэ даржӑ hӯhар hерӭп, гежэ̆ хелэ̄hэ̆мбо̄пш?“ гежэ̆ хелэ̆жэ̆. хӭґшэ̆нʲīn урда̀hаn̋ негэ̆ адхӑ нурмӑ шӯ̮дэ̆бэ̆, бурт ба̋ʲсӑ. „дэршэ̆ ба̋ʲhаӈ ґалда̄ дэржэ̆ ӯкʻкʻэ̆мна̄!“ гежэ̆ ґалрӯ оржо̆, тʲīгэ̄т ґалтӑ мого̄ʲ мергэ̆ӈ „ӭбэ̆гэ̆ӈ jаӷӓпшэ̆?“ гежэ̆, „зуӈа̄лᵃīш!“ гежэ̆, „jӯ медэ̆нэ̄т?“ гежэ̆ hуржӑ, „jӯ дӯлнат?“ гежэ̆. — „jӯ медэ̆хэ̆мнап?“ гежэ̆, „нарӑ-бе̋ʲ да̋ʲдӑ болhо̄р jӯhе̋ӈ жил болō!“ гежэ̆, „бӯтӯӈ нэрjэ̄ӈ, бӯтӯӈ шӯjаӈ болжо̆ ба̋ʲӷа̄!“ гежэ̆ хелэ̆жэ̆, ґалтӑ мого̄ʲ урда̀hаn̋ hуржӑ: „терэ̆ шӯjаӈ jӯn̋э̆ шӯjам гежэ̆ hанаптă?“ гежэ̆ hуржӑ. — „jӯшхэ̆ медэ̄бо̄п-да̄!“ гежэ̆ урда̀hаn̋ хелэ̆жэ̆. — „терэ̆ шӯjантна̋, терэ̆ тӭбжэ̆рго̄нтна̋ — ґалтӑ мого̄ʲ мергэ̆ӈ луб̮сӑґӑлдᵃī маӈґӑдха̋ʲ хоjо̆рэ̆ тӭбжэ̆рго̄ӈ!“ гежэ̆ хелэ̆жэ̆, „ґалтӑ мого̄ʲ мергэ̆нтна̋ бī бejэ̄рэ̄ hӯнам!“ гежэ̆

хелӗжӗ. ӧбӗгӗң hамăґăң хоjӧрiң „енӗ болhӧң беjӗдiмнӑ худлăр бе-хелӗ!“ гежӗ, „шоґлӧң-шоґлӧң маньӗ шоґлӧхӧшньӗ дутăjӗ?“ гежӗ хелӗжӗ ӗтхӗжӗ ӧгӗң-бӗ[i], „маньӗ хӳбӯң бешӗш!“ гежӗ, „ґалтă моґӧ[i] мергӗмнӑ iмӗ шӯмӷӑ[i] хӯң хемдӗ орӧ-бӗ[i]!“ гежӗ хелӗжӗ hӯнăт. — „хӳбӯнтнӑ бежӗрӗп!“ гежӗ хелӗжӗ шӗхӗнiң шiр таньăлжă. „ӳнӗң меньӗ хӳбӯң хедă хубсăhă тă[i]лăжă ӧгӗбӗ. ӧбӗгӗң hамăӷăң хоjӧр арă бежӗдiң jёрӗжӗ ӧбдӗглӗжӗ унăшăбă-дă. арă бежӗтхӗ алтăң бешӗjiң jёрмӗ[i] боґдӧ хăндă хӳбӯң болжӧ тёрӗхӗhӧн абăң дӯдăжă,

бӳдӯң jёхӗ хӳзӯннēн
бӳх[ӳ]iсӗрiң татăжă золґӧжӧ,
нăрiң jёхӗ хӳзӯннēн
нăхiсăрiң тебёржӗ золґӧжӧ,
менд-амрā хелсӗжӗ,

ґалтă моґӧ[i] мергӗң хармăңґăhăń негӗ толґӧ[i] сăхăр аӷшă ӧбӗгӗң hамăӷăң хоjӧртӧ бутăлăжă жăжălжă ӧґше, тебӗл теңхӗл абӯлăжă, ехӗjӗ урдăhă тебёржӗ, есӗгӗjӗ хӧ[i]нӧhӧ hундăлдӯlжă аӷшă ґаршă jёрӗбӗ. jёрӗ jёрӗhер jёрӗбӗ. маңґăдхă[i]ң ґӯлă ӧргӧ̆ртӗ jёржӗ орбӧ. мӧнӧ̆хӗ маңґăдхă[i]ң абăхă[i] ґӯ[i]жӗ ґаршă jёрӗбӗ. хоjӧр тӗшӗ ёртӗ сăблăjă бараң ґартă бăржă ґаршă jёрӗбӗ. jёрмӗ[i] боґдӧ хăjӗ орjӧhӧн абăң заңґăжă, хахă саӷшăжă унăӷăжă, досӧхӧ мӯ hă[i]jiн, хорхӧ[i] шаӷхă[i]jiн ґарґăжă, jӳhӗң булăjӗ ӗхёр уӷăжă, jӳhӗң арсăң дёжёр аръӯlжă, мелхёң хар[a] аршăӷăр аршăлӯlжă; hамăӷă[i]jiн орjӧhӧн абăң заңґăжă, хахă саӷшăжă, унăӷăжă, досӧхӧ мӯ hă[i]jiн, хорхӧ[i] шаӷхă[i]jiн хӯ арлăґăжă хаjăжă, jӳhӗң булăjӗ ӗхёр уӷăжă, jӳhӗң арсăң дёжёр аръӯlжă, ёртёнхёhён ёлӯ болґӧжӧ, урăнхăhăн залӯ болґӧжӧ бă[i]нă. хоjӯлăjiн гертӗ hуґăдăжă аӷшă орбӧ. бараң сă[i]хăң талдă аӷшă орбӧ. дёд захăjа шёрёндӗ hӯлґăжă, hамăӷă[i]jiн дӧд захăң шёрёндӗ hӯлґăбă.

арбăң тоӷӧң
арзăjă ґарґăжă,
хорӧ̆ң тоӷӧң
хорзӧ̆jӧ ґарґăжă,
арбăң хӳньӗ хёрдӗ
аjăґлăжă зуӷălăжă hӯнăт.
хорӧ̆ң хӳньӗ зергёдӗ
холшӧ̆рлӧ̆жӧ зуӷălăжă hӯнăт.

ґалтă моґӧ[i] мергӗң хелёбӗ: „хӳң гертӗ хăрхăмньӗ! хӳньӗ дă[i]дă[a] jёндӗ бă[i]хăмнă?“ гежӗ. тiжӗ хелхёдiң маңґăдхă[i]ң абăхă[i] хелёбӗ: меньӗ саӷаң шубӯң хуӷсăhăмньӗ шаңхă зӳньӗ зӳґтӗ, ґушăң жiлӗ ґазăртă шулӯньӗ забăнăртă хаӷшӯлhiмă!“ гежӗ хелёбӗ. „терёньёмньӗ хă[i]рлăжă аӷшă ёґ[ӳ]iш!“ гежӗ хелёбӗ.

хӯ[i]лёң хёхӗ аґтăдă ошӧжӧ, емёллӗжӗ, хазăрлăжă, шаңхă зӳньӗ зӳґтӗ, ґушăң жiлӗ ґазăртă, тебхёр саӷаң бă[i]сăдă ошӧжӧ тулăжă бă[i]бă.

шулӯнӗ забăнăр сāблāрā ґасăжă ӧргӗжӗ, саӷāӈ шубӯӈ хубсăнāн абăбă. маӈґăдхāндă јӧрӗбӗ. есӗґӗ малāӈ тӗӈјӗрӣӈ басăӷăӈ саӷāӈ шубӯн хуӌсăнăјā ӧмӗшӗ, ӧрхӗhōн дōшō дӗбӗжӗ ӈīшӗ бāнă, саӷāӈ шубӯӈ болōт. тīжӗ бāхăдā ґалтă могӧ̄ мергӗндӗ хелӗбӗ: „ōрјō зōшīјӗ, ōрјō албăтāјӗ абāрāш! ӗжē абрāбē зōшīјӗ абāшхăбēш!“ гежӗ хелӗбӗ. тīгēт менд-амрā хелӗжӗ, мендӗшӗлжӗ, ӧрхōрō саӷāӈ шубӯӈ болжӧ есӗӷӗ малāӈ тӗӈјӗртӗ дегдӗжӗ ґаршă јабăшăбă-дā.

ґалтă могӧ̄ мергӗӈ
ар^{а}īӈ барбāӈ сохӧжӧ,
ӓмăтăӈ зӧ̄ґō суґлӯлбă.
ӧбрō барбāӈ сохӧжӧ,
ӧбрō зоӈӗ суґлӯлбă.
нāмăӈ ӧдӗр
нāр хежӗ,
јӯhӗӈ ӧдӗр
јӗхӗ зуӷā хежӗ,
арбăтхă ӧдрō
нāрā тар^{а}жă, селмӗжӗ,
гертӗ ӓмăтăӈ
„гертē хăрăјī!“ гежӗ,
дōмӧтӧ ӓмăтăӈ
„гер дōмӧдō ошӧјī!“ гежӗ хелӗбӗ.

ґалтă могӧ̄ мергӗӈ маӈґăдхāӈ зōшӗд албăтăдīӈ хелӗжӗ: „маӈґăдхāӈ хатăӈ ōрјō албăтāјӗ, ōрјō адӯ мал абāш гежӗ, ӗжē абрā ӯбē зōшīјӗ абāшхăбēш! гежӗ хелӗбӗ!“ гежӗ, ґалтă могӧ̄ мергӗӈ маӈґăдхāӈ зōшӗд албăтăдīӈ маӈґăдхāӈ тӯшӗмӗлнhē хā орӯлжă, ōрјō албăтāјӗ, ōhӗнō адӯ малīјӗ хомӧрӯлжă тӗхōрбӗ.

обō бӯтӗ мӗӈгӗјō
оґлōлжӧ тӗхōрбӗ.
олбӧk бӯтӗ ehē
хомӧрӯлжă тӗхōрбӗ.
саӷāӈ мӗӈгӗӈ nowōсхӧдō
ехӗ есӗґӗ хојӧрō hӯлґăжă,
ґурбăӈ шарґă мӧрӧјō ухăржă,
ґурбăӈ јӗмшӗгē бōжлӯлжă,
хāӈ хатăӈ хојӧр
јӗхӗ хӗхӗжӗ, јӗхӗ бајăрлăжă,
„хӯбӯтē хӯӈ īм īм хејīм-дā!“ гежӗ,
„тӗрӗhӗӈ дāдă,
ґарhăӈ ӈутăӷтā
hōргō ошхӧмнā!“ гежӗ,
хӗхӗжӗ зуӷāлăжă јабăнă.

албăтă зоӈīӈ
уӄăлдăхᵃīӈ уӄăлдăжă,
баӄăлдăхᵃīӈ баӄăлдăжă,
хёсёhёӈ хо̄рhёӈ хоjо̆ртō.
шӯjāӈ нёрjёӈ jабăнă,
jабă jабăhāр jабăнăт.
дā̄ дă гежĕ баɣтăжă,
далā̄ гежĕ ундлӯлжă,
урдīӈ jабăhăӈ
адӯ малīӈ, албăтă зоӈīӈ —
ноɣо̄ӈĕ ӱзӯр гешхĕжĕ jабăнă.
хо̄ноˇ jабăhăӈ
адӯ малīӈ албăтă зоӈīӈ
ёбдĕгто̆ хӱрсĕ шабăрсō jабăнă.
о̄ модо̆ндлĕ мӓрлăжă,
оɣшо̆ӈĕ ёбĕhёндлĕ хомо̆ржо̆ jабăнă.
jабă jабăhāр jабăжă,
ошо̆ ошо̆hōр ошо̆бо̆т.
маӈгăдхā̄ӈ дā̄ дăhā ɣаршă,
о̆hёно̆ дā̄ дăдă орбо̆.
jёрĕ jёрĕhёр jёрёжĕ,
алăк ӗрēӈ ӈӱдērē
алӯт сāɣӯр ӗрjӯлжĕ харжă,
оɣто̆рɣо̆ хӱрĕмĕ
ордо̆ī мёӈгёӈ ёрго̄jīӈ
jалăгăнăжă харӯлжă,
jёрĕ jёрĕhёр jёрбĕ.
буртāдă jёржĕ,
ёдĕр шулӯӈ мергёӈ
медёндē медёжĕ,
ухāндā о̄ī лго̆жо̆,
заӈ шарɣă мо̆рŏjō унăжă,
урдăhăӈ уɣтăжă ошо̆бо̆.
ɣурбāӈ ёдĕршīӈ ɣазăр ошо̆жо̆,
хāӈĕ дардăм харɣӱīдă
урдăhāӈ золгŏжŏ,
ɣалтă могŏī мергётĕjē золгŏжŏ,
есĕгётĕjē золгŏжŏ,
бӱдӯӈ jёхĕ хӱзӯнhёӈ
бӱхӱīсĕрīӈ татăжă золгŏжŏ,
ехĕтĕjē золгŏжŏ,
тēнhēӈ нāшā jёрбёт.

ахă дӯ хоjо̆р
хāӈĕ дардăм харɣăjăр
хаӈхăнсă хатăрɣăжă jёрбёт.
ёдĕр шулӯӈ мергёӈ
jёхĕ баjăрлăжă, jёхĕ хёхĕжĕ,
„дӯмӈ̄ ерhē сāнă
ерĕ тёро̄ хejēмш!“ гежĕ,
„хӯнhē сāнă
хӯӈ тёро̄ хejēмш!“ гежĕ,
гертē jёржĕ, буртāɣā ӈēжĕ,
алтăӈ сергёдē ошо̆жо̆,
мо̆рŏjō уjăжă,
буртāɣā ɣазā хӱлēгēт бā̄жă,
ехĕ есёгĕ хоjŏрīӈ
jёрĕ jёрĕhёр jёребе.
мо̆рēӈ хётĕлжĕ,
ɣазāɣā орӯлжă,
ехĕ есёгĕ хоjŏрō
powōсхŏhōӈ бӯлɣăжă,
гертē аɣшă орӯлжă,
алтăӈ стōлō аршăжă,
амтăтē шӱхёрē ɣарɣăжă
арбăӈ тоɣōӈ арзăjā
абā̄ hā̄хăӈ збāндā
хӯjăсă хежĕ асăржă,
дёрбӯлдē ӯжă hӱнă.
албăтă зоӈīӈ тулăжă jёрбĕ.
jёрмē̄ боɣдо̆ хāӈ ɣаршă,
албăтă зоно̄ тоɣшо̆лжо̆ абăбă,
адӯ малā тӧмōро̆жо̆ абăбă.
нā̄мăн-дёр
нахīмă нā̄р хежĕ,
jӱhён-дрɣ
jёхĕ бāл зуɣā хежĕ,
арбăтхă-дрē селмёжĕ,
арă о̄дĕ белшёхĕ
арбăӈ мӈɣăӈ адӯɣā
арă о̄дĕ белшӯлжĕ,
ёбёр о̄дĕ белшёхĕ
ӱхёр хоӈŏӈ хоjŏрō
ёбёр о̄дīӈ белшӯлжĕ,
албăтă зо̄ī гō

hӯдӑл берӣн hӯлґӑжӑ,
бӑ̄ʲдӑл берӣн бӑ̄ʲлґӑжӑ,
хӑң хуᴗсӑhӑjā ӧмӗдӗжӗ,
хатӑң хуᴗсӑhӑjā ӧмӗдӗжӗ,
хӯлӑjā бӑржӑ,
хортӧjō зӯжӗ,
сӑблӑjā бӑржӑ,
хӑң шӗрēгē даржӑ,
налӑ̄ʲжӑ тӗӈӗжӗ,
hанāӈā дӯржӗ hӯнӑ.
хоjӧр хонӧбӧ.
хоjӧрт̀хō хонōт,
хоjӧр хӳбӯнӣн
„аӈjӑ мӑхӑң hанӯлбӑ“, гежӗ
„адӑhӑӈӗ мӑхӑң хашӑрӯлбӑ!“ гежӗ,
„аґӑнӑхӑмнӑ̄!“ гежӗ ґарбӑ.
хоjӧр хӳбӯӈ хоjӧр тēшē ґарбӑ.
ґалтӑ могӧ̄ʲ мерґӗӈ
халӯӈӗ харӑ̄jӗ,
булґӑӈӗ борӧ̄jӗ алӑжӑ,
аӈjӑ таргӑ̄jӗ бӑржӑ,
турӑӈхӑ̄ʲjīн тӑбӑжӑ,
ашā тегнē дӯргӗжӗ,
ӳдӗшӈӗ улāӈ нарӑндӑ гертē jёрӗбӗ.
ёдӗр шулӯӈ мергӗӈ
аᴗґӑ̄ʲ баᴗґӑ̄ʲ алӑжӑ,
ашā тегнē дӯргӗжӗ,
ӳдӗшӈӗ улāӈ нарӑндӑ гертē jёрӗбӗ.
бӳтӯjӗ тāхӑ,
бӳрхējӗ номнӧхӧ
герӗл уᴗӑ̄ хатӑӈīн
ед̀ болхᵒīн —
ед̀ болхӧ тēшīн,
ёд̀ēӈ болхᵒīн —
ёдēӈ болхӧ тēшīн зѻ̄бӗ.
хаӈjӑлтӑр
хар тоᴗōᴗō тӑбӑжӑ,
аӈґā мӑхӑ шанӑжӑ ёдēлӗжӗ,
ӳдӗшӈӗ хонӧлґӧ болӧжӧ унтӑбӑ.
ёглѻ̄ болӧбӧ, бодӧбӧ,
остōлдō hӯбӑ.
амтӑмхӑң ёдēлӗжӗ,

абӑр ӧбӗрхӗӈ зуӷӑлӑжӑ.
герӗл уӷа хатӑнӣӈ
ӗдӗр шулӯӈ мергӗннӗӈ
ӱгӗлӗжӗ hурбӑ:
„хӱбӯм, хӱбӯм!“ гежӗ,
„сӗжӗтнӑ hанатӑдлӗ,
сесӗгӗтнӑ ноλмӧнӧтӑдлӗ!
јӗндӗ hанандӑ барӑґдаӈшӗ?“ гежӗ hуржӑ.

— „ґалтӑ могӧ́ мергӗјӗ хортӧ шортӧ да́ндӑ ӓлгӗшхӗт, унтӑхӑ нӧр ӱбӗ́, ӗдӗхӗ хӧл ӱбӗ́ ба́ӷап!“ гежӗ хелӗжӗ, „хојӧрӌхӣӈ hӯ́тӗ хубӑтӑ хӯндӗ hанатӗ ба́нам!“ гежӗ хелӗжӗ hӯнӑ.

јӗрмӗ́ боґдӧ хӑнӣӈ „бӣ медӗхӗбӧп!“ гежӗ, „hӯ́тӗ хубӑтӑ хӯгӗ ӣбӣдӗ зӑлґӑ!“ гежӗ. герӗл уґа хатӑӈ хелӗжӗ: „шаӈхӑ урдӑ зӱӷтӗ, дӧшӗӈ жиλӗ ґазӑртӑ, одӧӈ ӯлӑӈ оро́дӧ јӗртӗнсӗ бајӑӈ хӑнӗ басӑӷӑӈ алтӑӈ шӗӷшӯр абӑхӑ́ — терӗ басӑӷӑӈ ӈӱдӗндӗ ґалтӗ гежӗ hанӑӷшам!“ гежӗ. — „терӗндӣӈ тӗхӧрхӗмӈӗ!“ гежӗ,

таhӑрhӑнӑ ӈӑжӑ,
тандӑрhӑнӑ ӱдӗжӗ,
ӗдӗр болхӧдӧ
нарӈӗ тујаӷар тӗхӧржӗ,
hӧӈӗ болхӧдӧ
зулӑӈ тујаӷар тӗхӧржӗ,
ґурбӑӈ ӗдӗр тӗхӧржӗ,
тӗхӧґӧ хӱсӗжӗ,

ґалтӑ могӧ́ мергӗӈ „аха́!“ гежӗ, „ӧрјӧ мӧрӧр ошхӧ шадӑлшӈӗ ба́хӑ-бе́!“ гежӗ, „меӈӗ мӧрӧр ошӧ!“ гежӗ. — „јахашхӗ јахам-да!“ гежӗ ӗдӗр шулӯӈ мергӗӈ.

ґалтӑ могӧ́ мергӗӈӣӈ мӧрӧјӧ емӗллӗжӗ ӧгӗбӗ. ехӗ есхӗ хојӧрӧ хӧлдӗ мӧргӗжӗ, ґалтӑ могӧ́ мергӗӈӗ хӧлдӗ мӧргӗжӗ, ґазӑ ґаршӑ,

номӧ hадӑґа ӗрјӯлжӗ,
мӧрӧнӧ жолӧ та́лӑжӑ,
алтӑӈ дӧрӧґӧ татӑжӑ,
алӑмхӑжӑ унӑжӑ
сергӗјӗ узӯрhа ґарбӑ.
шаӈхӑ урдӑ зӱӷтӗ
сејӯлӗжӗ ґарбӑ.
ошӧ ошӧhӧр ошӧбӧ.
хӱрӗ хӱрӗhӗр хӱрӗбӗ.
јӗртӗнсӗ бајӑӈ хӑнӗ да́дӑ хӱрӗбӗ.

ґазāн ошӧбӧ. буртāдiн бāiжă орбӧ. сергĕдiн ошӧжӧ, мӧрjӧ уjăжă, гертiн орбӧ. хāнĕ мендĕр мендĕшĕlжĕ, харсāң дорӧбӧр дорӧбӧlжӧ. jĕрмĕi боґдӧ хāнĕ хӳбӳң ĕдĕр шулӳң мергĕң менд-амăр hурнă. jĕртĕнсiң баjăң хāң: „хāнhā хāiшă, ендĕhĕн ĕншĕ jабāӧтă?“ гежĕ hуржă, „ăлă ґазрā белĕӧшĕ?“ гежĕ, „ăлă хāнĕ албăтăӧшĕ?“ гежĕ. ĕдĕр шулӳң мергĕң ӳгĕлĕжĕ хелĕбĕ: „арă хӧiтӧ зӳгĕп!“ гежĕ, „дӧшĕң жiлĕ ґазрāп!“ гежĕ, „jĕрмĕi боґдӧ хāнĕ ĕдĕр шулӳң мергĕң гĕшĕп!“ гежĕ, „jӳнĕ нӳсă бāiхăhăм-дā!“ гежĕ,

„енĕ бejĕмнĕ хӳргĕң болхōр jĕрē!
хеӧ хӳр хелсĕхēр,
хетĕ хоiӧґӧ андăлдăхāр,
урăң хӳрē хелсĕжĕ,
утăhăң бенē андăлдăхāр jĕрēп!“ гежĕ хелĕжĕ бāiнă.
тiжĕ хелхĕдiн jĕртĕнсēi баjăң хāң

„амăлшă ӳбēi амāмнĕ амăлăжă хелĕбĕш!“ гежĕ, „болзӧртiң ґазăртă ошӧjī!“ гежĕ хелĕжĕ, „ерхēң хӳшēр болхºiш?“ гежĕ хелĕжĕ номӧ hāдăk хojӧрō аӧшă ґаршă jабăшăбă-дā.

харґāi хejĕр мӧрjӧ унăжă ґарбă. ґарhăң хӧiнiн jĕртĕнсēi баjăң хāнĕ хатăң саӈā хежĕ асăржă ӧгбĕ. менд-амрā хелсĕжĕ зуӈālăжă бāiнă.

тiжĕ бāiґāт хелĕнĕ: „хӳртē орӳlжă jадăшхēп!“ гежĕ хелĕнĕ, „урāнhā хӧiшӧ хорӧң табăң хӳргĕ алā!“ гежĕ хелĕбĕ. „хӳргĕң болхōр jĕрĕhĕң хӳбӳhi ăмăдă хăрӳлхă-бēi!“ гежĕ хĕґшĕнiн. ĕдĕр шулӳң урдăhăн хелĕбĕ: „намāi алāшхĕ болhō намhā сāнă хӳң тушăлдăхă!“ гежĕ хелĕбĕ. ĕдĕр шулӳң мергĕң хелĕбĕ: „менĕ hӳхă жарґăл ӳбēi!“ гежĕ, ґазāшā ґарбă. сергĕhĕн ошӧжӧ, мӧрjӧ тāiлăжă абăбă.

алтăң дĕрѽ дĕрѽлĕжĕ алăмхăжă мордӧбӧ. шаӈхă зӳнĕ зӳ̆тĕ шуhăтă болдӧ̆тӧ ґарбă. jĕртĕнсē баjăң хāң тоhӧтӧ болдӧjĕ орӧiдӧ бāiнă. ĕдĕр шулӳң мергĕң мӧрӧнhōн бӳжă, хормӧjō hӳiбĕдĕжĕ, захă тоӧшӧjō тāiлăжă, мӧрнō бӳтӳ утăhăң жолōjĕ бӳргĕдĕ гӳлдĕржĕ, тiхĕдiн мӧрнiн урдăhăн дӳ ґаршă хелĕбĕ: „жолōjiмнĕ бӳргĕ дĕрмнĕ гӳлдĕржĕ хантāiсă jендĕ татāӧшĕ?“ гежĕ hурбă. утă утăhăң жолōjiн хӳзӳндiн орӧiжӧ уjăбă.

ĕдĕр шулӳң мергĕң „алăжă hурhăң хӳң алă!“ гежĕ хāiхăржă jĕртĕнсēi баjăң хāндă. „даржă hурhăң хӳң дарāт hанāӈā амăр!“ гежĕ хелĕжĕ.

jĕртĕнсē баjăң хāң
шорӧң.хаӈґāi hомӧjō аӧшă,
онӧ зӳлґăжă,
татăсăjā татăжă,
тохӧнӧ̆тō тулґăжă,
дел°сējē делĕжĕ,
теӧхĕдiн орӳlжă,
таӧăжă ӧрхӧбӧ.

шорŏŋ хаŋгā¹ hомŏнīн
jёрĕ jёрĕhēр jёрĕбĕ.
ёдёр шулӯŋ мергёнĕ
хаŋгā¹ харă сēжījĕ
хахă делбĕ тудăбă.
ӯдёŋ бӳтĕ ӳндёжĕ,
ёрхĕ бӳтĕ hегēлгёжĕ,
ӯшхă ӗлĕгёŋ хojŏрījīн
онōрō хаᵕшăжă ґархăдīн,
ёдёр шулӯŋ мергёŋ
гедёргē hарбăґăт гежĕ абăбă.
hᵕ̄ргīн арăмăрӯӈā хежĕ,
урдă бejē арăмājĕ
унăґăнĕ шёнёŋ шулӯӈār бёглёжĕ,
хŏ¹тŏ бejē арăмājĕ
хонŏнĕ шёнёŋ шулӯӈār бёглёжĕ,
алдălжă унăжă,
арăŋхălжă хеᵕтёбĕ.

ҭīгēт мŏрнō утă ӳтăhăŋ жолōjĕ хӳзӯндīн орŏ¹жŏ уjăжă ёдёр шулӯŋ мергёŋ алдălжă унăhăŋ хŏ¹нīн jёртёнсē баjăŋ хāнĕ харґа¹ хejёр мŏрŏŋ бухăжă гӯ¹жĕ оржŏ jёрĕбĕ. ґалтă могŏ¹ мергёнĕ хӯ¹лёŋ хёхĕ аᵕтăдă тō тохŏ ӳбē¹ оржŏ jёрбĕ. хӯ¹лёŋ хёхĕ мŏрŏŋ „енĕ жалдăмăршнĕ намăjă ёдёхĕ ӯхăра jёрбĕ хejīмш!“ гежĕ,

марjăжă —
манă татăжă,
турjăжă —
тōhŏ унăӈāжă,
хаjăhăŋ шулӯндлĕ шӯjăсă,
харбăhăŋ hомŏндлĕ ёршётсĕ
харā¹жă jёрĕбĕ.
ґунăŋ дā¹дă
ґурбă ерjёбĕ,
дёнĕŋ дā¹дă
дёрбĕ ерjёбĕ.

ӳлĕ хӳсёбĕ. jёрмē¹ боґдŏ хāнĕ алтăŋ мёŋгёŋ ёргŏjĕ ґурбă ерjёжĕ гӯ¹бĕ. ґурбă тŏ¹ржŏ, дёрбĕтхĕjŏ тŏ¹рхŏдō хӯ¹лёŋ хёхĕ аᵕт¹ā¹ĭн „харґа¹ хejёр мŏрŏŋ, таŋгăрăᵕшнĕ хӳсējĕ?“ гежĕ хелёжĕ. харґā¹ хejёр мŏрŏŋ

ґурбă ерjёжĕ хӳсēт,
дёрбĕтхĕjŏ ерjёжĕ jабăhăр,
дёшĕŋ саӈāŋ шӳдёнīн

арāӄāрā а̄ʼржă унăбă.
дёрбĕӈ харă турӯнʼ
бāбха̄рā мултăржă унăбă.
харга̄ʼ хеjёр мо̆р̆оӈ
утăhăнʼĕ шёнēӈ
улāӈ амăнʼ ґаршă
тēжĕ терхēжĕ унăбă-дā.

хӯ̄ʼлĕӈ хёхĕ аґтă ґалтă могӧ̄ʼ мергĕнē унтăжă хеӆтĕнʼĕӈ таhăлґăдʼ jёржĕ, нăжăґăнсă ётхĕлбĕ ханāн. ґалтă могӧ̄ʼ мергĕӈ тӧлĕк нӧр дундā „jӯм болбӧ̆?“ гежĕ шошӧ̆жӧ̆ харā̄ʼжă бодӧ̆бӧ̆. ґазāӄā ґаршă jёрĕбĕ. ґазāӄā ґаршă jёрĕӈ гehāн хӯ̄ʼлĕӈ хёхĕ аґтăʼ ін „ёдĕр шулӯӈ мергĕӈ аха̄ʼшнʼĕ хадăм бāба̄ʼ̄дā харбӯлжă, алдăлăжă унăжă, арăӈхăлжă хеӆтĕнĕ“, гежĕ інсăӄăжă ба̄ʼнă. гедĕргē jабӯт хӧрӧ̆ндӧ̆ гӯ̄ʼжĕ орбӧ̆.

шёрĕ заʼнjă мʼінāӄā
hуґă татăжă аӆшă,
барăӈ ґартā гӯлдĕржĕ,
беhĕ jӯшхĕ-бĕjēр hелдĕӈгēр,
ґодӧ̆hӧ̆-бĕ̄ʼ хёл нӯсĕгēр
хӯ̄ʼлĕӈ хёхĕ аґтăдā jёржĕ,
алтăӈ дёрѺ̆гѺ̆ дёрѺ̆лĕжĕ,
шаӈхă урдă зӯ̆ґтĕ,
ґушăӈ жілĕ ґазăрʼіjĕ
ґурбăӈ hардă болзӧ̆жӧ̆,
ґурбăӈ hараӈ дотӧ̆рʼіjĕ
ґурбăӈ шāсāр болзӧ̆жӧ̆,
хёхĕлзĕ̆ґшĕ тʼеʼнjĕрʼіӈ ара̄ʼ дōӄӯр гӯ̄ʼлгĕжĕ,
хёбĕлзĕ̆ґшĕ ӯ̄лʼĕнĕ дēд беjēр сеjӯ̄лĕжĕ,
ґурбăӈ шăстă хӯржĕ,
саӄāӈ мёӈгĕӈ буртāдʼін jёржĕ,
нʼăд ба̄ʼ̄сă зандăжă,
мʼіӈґăӈ лӯjĕ дӯjĕ негĕ̆дхĕ̆жĕ зандăжă,
тёд ба̄ʼ̄сă дӯґăршă,
тӯмĕӈ лӯjĕ дӯjĕ негĕ̆дхĕ̆жĕ зандăжă,
хаjāдă ба̄ʼhăӈ мёнĕhĕнʼін
хаʼнjăнсă зандăжă,
hібĕртē уhăнʼĕ
долjӧ̆дсӧ̆р дӯґărбă.

„jертĕнсē баjăӈ хāӈ! алăжă hурhăӈ хӯ̄ӈ ётĕр тӯргĕӈ дундă ґаршă jёрĕ!“ гежĕ ха̄ʼхăржă, „болзӧ̆ртʼіӈ ґазăртăʼ ошӧ̆jі!“ гежĕ хелĕжĕ.

jертĕнсē баjăӈ хāӈ гӯ̄ʼжĕ бодӧ̆жӧ̆, барāндă хорґӧ̆дӧ̆жӧ̆ орбӧ̆. jертĕнсē баjăӈ хāнʼĕ хатăӈ „шамājĕ урдʼін хелĕ̆гшĕhĕмбѺ̆jĕп!“ гежĕ, „hанā орӧ̆!“ гежĕ,

„хӯннӗ сāнӑ хӯң бāʼхӣмӗ!“ гежӗ, „ӣмӗ хӯнӗрӗ ушᵃрāш!“ гежӗ хелӗжӗ. йӗртӗнсӗ байăң хāнĭн баран дорһōн гӯʼжӗ ґаршӑ йӗрӗ. гӯʼжӗ ґаршӑ йӗрӗт хӗ̆ґшӗйӗ̄ негӗ шāбӑ, „йӗндӗ хелӗ̆шӗ?“ гежӗ. тендӗнӗн хӗ̆ґшӗйӗ̄ негӗ шāӈāт тăґ дор орӗ. хатăнĭн хāʼхăрбӑ „тăґтĭң ґолдӗ орӗ!“. тăґ дорһōн гӯʼжӗ ґаршӑ йӗрӗт хӗ̆ґшӗйӗ̄ негӗ шāбӑ. ґазā ґаршӑ йӗрӗбӗ. йӗрӗң генāн — ґалтӑ могӗ̄ʼ мергӗң ӳбӗʼ, болзӗ̆ртĭң ґазăртӑ ошӗ. ошӗт сӗ̆ґтӗ сӳмбӗр ӳлāң орӗ̄ʼдӗ ґаршӑ ошӗ̆бӗ̆. тендӗнӗ бāʼґāт тоһӗ̆тӗ̆ болдӗ̆йӗ орӗ̄ʼдӗ ґарāт, тендӗ.мӗ̆рӗ̆нһӗ бӳжӑ, тохӗ̆мӗ йӗбӗ̆шшӗ амăржӑ хеӈтӗнӗ. ӣĭжӗ ґурбӑ хонӗ̆бӗ̆.

йӗртӗнсӗ байăң хāнӗ хатăң басхăтăйā

хоӈрӗ̆ң ӗрйī мăхāйӗ
хонтӗ̆ шāтӑ болґӗ̆жӗ̆,
хоӈрӗ̆ң тоӈӗ̆ң арӽīйӗ
негӗ хӗхӯртӗ хежӗ,
алтăң подноӕсӗрӗ
амтăтă ӗдӗнӗ дӗжīйӗ дӯрӗ хежӗ,

ґалтӑ могӗ̄ʼ мергӗндӗ бăржӑ йӗрбӗ. йӗрӗ йӗрӗнӗр йӗрӗбӗ. ӗдӗршīң ґазăр йӗрӗт йӗртӗнсӗ̄ʼ байăң хāнӗ хатăң тоӈшīң шӗнӗң толґӗ̆йӗ доӽӗ̆жӗ̆ мӗргӗжӗ, тохӗ̆нӗ̆ӈтӗ ґарā тулăжă мӗргӗжӗ ґалтӑ могӗ̄ʼ мергӗндӗ, „йӗндӗ хӯндӗ мӗргӗ̆ӈтӗ?“ гежӗ зандăжă, „бодӗ̆ мăхăтӗ хӯндӗ мӗрӗкʻкʻī ӳзӗ-ӳбӗ̆п!“ гежӗ, „нāшā йӗрхᵉīм хедā ӗтӗр тӳргӗң йӗрӗ̆ґтī!“ гежӗ. тедīн шаӈґăлжă йӗрбӗ. — „енӗ йāхᵉīмйā бăрăжă йабăнăт?“ гежӗ зандăжă, „ӗлдӗ̆т дāрāт йӗрӗ гежӗ hанāйӗт?“ гежӗ. ӣĭхӗдīн йӗртӗнсӗ байăң хāнӗ хатăң урдăhăн ӳгӗ ґарґăжă хелӗбӗ. — „ă бурхăншнӗ!“ гежӗ, „ӯрā охīт!“ гежӗ, „ӯлаң тӳргӗң — мӗрӗ̆ зобӗ̆хӗ̆, ӯрӗ тӳргӗң — бейӗ зобӗ̆хӗ̆! ерӗ хӯнӗ досӗ емӗлтӗ хазāртӗ мӗрӗ̆ң гешкӗhāң!“ гежӗ. ӣĭхӗдīн ґалтӑ могӗ̄ʼ мергӗң „шуhăтă болдӗ̆йӗ орӗ̄ʼдӗ бейӗрӗ хӳргӗнтнā хеӈтӗнӗ!“ гежӗ, „терӗннӗ ошӗ̆жӗ̆ ґол ăмă орӯлжă, тăʼлґă таʼжă таӽăжă мӗргӗжӗ нӗгӗдӗжӗ бāʼґтī!“ гежӗ хелӗбӗ.

ӣĭгӗт ехӗ басăӈăң хойӗ̆рīн шуhăтă болдӗ̆ӈӗ̄ орӗ̄ʼдӗ ошӗ̆бӗ̆. ґалтӑ могӗ̄ʼ мергӗң хӯʼлӗң хӗхӗ аґтăдă hӳжă, марйăжă манă татӯлжă, турйăжă тӗhӗ̆ татӯлжă, хӗ̆ґшӗң басăӈăң хойӗ̆рӗ ґурбӑ хонсӗ̆ тӧ̆рӯлшхӗбӗ.

ӗдӗр шулӯң мергӗнӗ йаhăн дӗр йӗрӗбӗ. йӗрӗң генāн шулӯнӗ забăнăртă хаӈшӯлшхăнăң бāʼжă. тендӗнӗ ґарґāт алтăң хāʼрсăйīн ӳндӗжӗ мӗңгӗң хāʼрсăк ґарґăбă. мӗңгӗң хāʼрсăйīн ӳндӗжӗ хеӈтӯлжӗ, ахăйā негӗ алхăжă, негӗ нолмӗ̆жӗ̆, харᵃ торґӗ̆ң пăлāнāрā негӗ нӗбӗ̆бӗ. хойӗр алхăжă, хойӗр нолмӗ̆жӗ̆, ґурбӑ нолмӗ̆жӗ̆, ґурбӑ нӗбӗ̆жӗ, „бодӈ!“ гежӗ зандăжă, ӗдӗр шулӯң мергӗң харāʼжă бодӗ̆бӗ̆. бошшӗ̆ нōһӗ̆ зӯнӗйӗ ӗлбӗжӗ, ӳнӗ йӯгӗ заhăжă „йамăр ӧнӗ холӗ̆ унтăбīп!“ гежӗ хелӗжӗ, „йамăр унтăхăйā алдăhīмш?“ гежӗ hурбӑ урдăhăн, „хӗ̆ґшӗ бедӗржӗ йабăнăң хōʼнӧ хадăм бабāʼдă харбӯлжă унăшӗт хеӈтӗжӗ ӧнӗ холӗ̆ унтāп гежӗ зуӈāлăжă бāʼнăш!“ гежӗ хелӗжӗ. „ендӗнӗ негӗ хӯдʸīсӧ хӯлӗжӗ нӯхăш!“ гежӗ хелӗбӗ. „ӗзī ехӗ хойӗ̆рīшнӗ hанā орӯлжă ґурбӑ хонсӗ̆ тӧ̆рӯлēп!“ гежӗ. тендӗнӗ ӗдӗр шулӯң мергӗң ґурбӑ хонсӗ̆ хӯлӗбӗ. hă hă

hаб̆ар̆алдʰhар урдă хо̄ʲнŏhō орŏлдŏhōр jёрбё. jёрēт хажӯдiн jёрё̆бё. хāнё̆ мендēр мендёшёлжё̆, харсā̆ң дорōбōр дорōбŏлжŏ, тiгēт jёртёнсē баjӑң хāнё̆ хатă̆ң поднōстē ёдē yhă̆jā урдă̆hāн баржă jёрбё. хорŏ̆ң ёрjiң мăхă хонтŏ шāтă болґŏжŏ, хорŏ̆ң тоǭнё̆ аржijё̆ баржă, тоǫ̆шiң шёнēң толґŏjō дохŏжŏ мёргё̆жё̆, тохŏнŏ̆ґтō ґарā тулă̆жă мёргё̆жё̆ ба̄ʲнă.

„хорºiң ӯрā орхiт!“ гежё̆, „хадă̆м бāбā̄ʲтнā̄ хӯң хӯнhē бурӯшăhă̆ң мӯ хӯң!“ гежё̆ хелё̆жё̆ мёргё̆жё̆ ба̄ʲнă. „басă̆ǫ̆ănā хорŏ̆ хӯрхё̆hē абă̆ң ґурбăхă̆ң жiлсō хорŏ̆ң табă̆ң хӯргё̆ң болхŏ хӯjё̆ алā!“ гежё̆ хелё̆жё̆ ба̄ʲнă. тiжё̆ хелхё̆дiн „мёнŏ̄ хеǫ̆ хӯрē хелсё̆хёр jёрбё̆jiт?“ гежё̆ hурбă. jёртёнсē баjӑң хāнё̆ хатă̆ң „зёǫ̆ хӯртё̆ зергё̆ ӯбē̄ʲ!“ гежё̆, „хеǫ̆ хӯрē хелсё̆хёп, хетё̆ хоŏ̆ǫ̆ŏjō андă̆лдă̆хă̆п!“ гежё̆, „бенhётнā худă̆ болхŏ, бежётнā хӯргё̆ң болхŏ!“ гежё̆ хелё̆бё̆.

хорŏ̆ң тоǭң ăрсijiн аǫ̆шă ӯжă ёгё̆бё̆. хорŏ̆ң ёрjiң мăхā̄jё̆ аǫ̆шă, хамăр амāрā турjăбă. мёңгё̆тё̆ шӯхёр ёдējё̆ ёдё̆бё̆. ёдёр шулӯң мергёнē хӯʲлё̆ң хёхё̆ мŏрijiн жолōдŏжŏ хётё̆лжё̆, ёдёр шулӯң мергёjē hуґă̆дă̆жă ехё̆ басă̆ǫ̆ă̆ң хоjŏр гертē абāшăбă. гертē абāшă̆ң геhāн jёртёнсē баjӑң хāң шёлжёршё-бē̄ʲ шёрēнhēн шёлжёржё̆ бӯбă. „дёшē hӯгiт!“ гежё̆ ґуjă̆жă ба̄ʲнă. ёдёр шулӯң мергёң

хāнё̆ мендēр мендешелжё̆,
харсā̆ң дорōбōр дорōбŏлжŏ,
урдiнхă̆hāн абă̆ң
урлӯлă̆жă зуǫ̆ālă̆жă hӯнă.
алтă̆ң стōлō аршă̆жă,
амтă̆тă ёдёгē ґарґăбă.
мёңгёң стōлō татă̆жă,
мёңгётё̆ шӯхºрē ґарґăбă.
арбă̆ң ґурбă̆ң бōдŏлґŏтē
абā̄ʲ hā̄ʲхă̆ң збāндă̆
ăрхă̆ дурºhă̆ң хоjŏрō хежё̆ баржă jёрбё̆.
таңґă̆т hā̄ʲхă̆ң таґшă̆дā дӯре хежё̆ баржă ёгё̆бё̆.
jёртёнсē баjӑң хāнāрā
духă̆рā андă̆лдă̆жă ӯбă.
ӯжă hӯнă̆т.
арбă̆ң хӯнё̆ хёрдё̆
аjă̆ґлă̆жă зуǫ̆ālă̆жă hӯнă.
хорŏ̆ң хӯнё̆ зергё̆дё̆
холшŏрлŏжŏ зуǫ̆ālă̆жă hӯнă.
арºiң барбāң сохŏжŏ
амă̆тă̆ң зō̄ʲґō суґлӯlжă,
ёбрō̆ барбāң сохŏжŏ
ёбрō̆ тӯшёмёлнhē суґлӯлбă.
нă̄ʲмă̆н-др.

нахӣмӑ зуӷа хежӗ,
йӳhӗн-др.
йёхӗ бӑл зуӷа хежӗ,
арбӑтхӗ-дрē
урӑӈ хӳрē хелсӗжӗ
утӑhӑӈ бенē андӑлдӑбӑ.
хеӷ хӳрē хелсӗжӗ
хетӗ хотӧӷӧйӧ андӑлдӑжӑ,
нӑр нāдӑӈ болґӧжӧ,
ахӑ йёхӗ тӳшӗмӗлнhӳдтӗ
хоӈӧ алӑжӑ, мӧрӧ алӑжӑ,
йӗртӗнсē баййӑӈ хāӈӗ басӑӷӑӈ нāдӑжӑ,
ґол беӈӗ ґаршӑ нāдӑжӑ,
тӣргӗӈ беӈӗ оржӧ нāдӑжӑ,
хойӧр hарсō нāдӑбӑ.

„ёӈӗ холӧ болӧбӧп!“ гежӗ ёдӗр шулӳӈ мергӗӈ хелӗбӗ. „гертē хӳӈ — ґертē хаӈхӑ, ахӑ дӳтē хӳӈ ахӑ дӳдē ошхӧмӈӗ!“ гежӗ хелӗжӗ бāнӑ. йӗртӗнсē баййӑӈ хāӈ ӳгӗлӗжӗ хелӗбӗ: „ā бурхӑншӈӗ!“ гежӗ, „бӣтнā танhāӈ hалӑбӑл хосӧрhӧӈ зергӗ болхӧ!“ гежӗ, „далӑӈ ґурбӑтē болшӧбӧп!“ гежӗ, „ӳхӗhē танāрā, ахӑhā танhāӈ hалхӑбӧп!“ гежӗ хелӗбӗ. ёдӗр шулӳӈ мергӗӈ тӣхӗдӣӈ урдӑhāӈ хелӗбӗ: „обō бӳтӗ мӗӈгӗйѡ̄ оґлӧлжӧ тёхѡ̄рхӗтнāӷшӗ-дā!“ гежӗ, „адӯ мал хойӧрō, албӑтӑ зоӈ хойӧрō барӈӑ абāшхӑмнā-дā!“ гежӗ.

йӗртӗнсē баййӑӈ хāӈ
ар^{a}ӣӈ барбāӈ сохӧжӧ
аӎмӑтӑӈ зӧ̄^{i}ӷō суґлӳлбӑ.
ёбрѡ̄ барбāӈ сохӧжӧ
ёбрѡ̄ албӑтāйӗ суґлӳлбӑ.
обō бӳтӗ мӗӈгӗйѡ̄
оґлӧлӧжӧ тёхѡ̄рбӗ.
олбӧk бӳтӗ ehē
хомӧрӯлжӑ тёхѡ̄рбӗ.
адӯ малā суґлӳлжӑ,
албӑтӑ зӧ̄^{i}ґō хомӧрӯлжӑ
тёхѡ̄ржӗ ґаршӑ йёрёбӗ.

сāжӑӈхā̄^{i} nowōсхӧдō ґурбāӈ хейёр мӧрӧ ухӑржӑ йемшӗӷтӗ бōжлӳлжӑ, хатӑтӑйā хӧ̄^{i}нӧhōн ґаршӑ йёрёбӗ. йӗртӗнсē баййӑӈ хāӈӗ алтāӈ шӗӷшӳр абӑхā̄^{i} алтāӈ шарґӑ мӧрēйīн емēллӗжӗ хазāрлӑжӑ ёгёбӗ.

уӎрā̄ хуӎрā̄^{i}хӑтӑйā
албӑтӑ зӧ̄^{i}ґō
адӯ малā дахӳлжӑ,

да^{i}дă гежĕ баґтăжă,
дала^{1} гежĕ ундлӳлжă
хомŏрсҫ тӳжă јабăнă.
јĕрĕ јĕрĕһĕр ӭĕрĕбĕ,
хӳрĕ хӳрĕһĕр хурĕбĕ.
јĕрмĕ^{i} боґдŏ хāнāдā
тулăжă оржŏ јĕрĕбĕ.
ґазăр дĕрĕ тĕрĕһĕң
ґалтă могӗ^{1} мергĕң
хӳжĕ мӧңгĕң буртāҕā
хӳњхĕнсĕ тӳлхĕжĕ њĕж^{e} ӧгбĕ.
ĕдĕр шулӳң мергĕң хатăтăјā
алтăң сергĕдē јĕржĕ тулăжă бā^{1}нă.
мŏрŏнһōн бӳжă,
мŏрŏһō алтăң сергĕдĕ ујăң дӧңгĕжĕ
орхŏбŏ.
ҭĭжĕ бā^{i}хă аjăндĭн
јĕртĕнсē баjăң хāң
саҕāң шāжăңх^{y}ĭ nowōсхōрō
гӳ^{1}лгĕжĕ оржŏ јĕрĕбĕ.
буртāдĭн јĕржĕ,
алтăң сергĕдĭн бӳжă,
ґалтă могӗ^{1} мергĕң
мŏрĕњ жолōдŏжŏ баӄăжă,
сергĕдē уjăбă.
гертē аӈшă орбŏ.
хāњĕ мендĕр мендĕшĕlжĕ,
харсāң дорōбōр дорōбŏlжŏ,
барăң сā^{i}хăң талдĭн
нā^{1}мăң хӧлтē шĕрēндĕ,
наjăң захāң олбŏґтŏ
заба татăжă hӳбă.
герĕл уҕā хатăң
саҕā хежĕ асăржă ӧгĕбĕ.
менд-амрā хелсĕжĕ бā^{1}нă.
герĕл уҕā хатăң
нахăр нахăр гешхĕlжĕ,
нарăң сесĕк ургӳlжă,
хотŏр хотŏр гешхĕlжĕ,
холбō сесĕк ургӳlжă бā^{i}нă.
оґтŏргӧң мĭңґăң бурхăњĕ
бурхăң болхŏһō абăң зуҕăлăжă,

јĕрĕң јӳњĕң хāһī
бӳхăһā абăң зуҕăлăбă.
арбăң ґурбăң хāњĕ
хāң болхŏһō нашхĭ зуҕăлăжă бā^{1}нă.
ӳдĕшњĕ улāң нарăң болŏбŏ,
орŏндō оржŏ унтăбă.
ӧглѡ̆ болбŏ, ӳр сā^{1}бă, бодŏбŏ.
алтăң стōлō татăжă —
амтăтă ĕдēгē ґарґăжă,
мӧңгĕң стōлō татăжă —
мӧңгĕтĕ ĕдēгē ґарґăжă,
ĕдēлһĕң ӳґāл^{a}hăң хӧ^{1}нŏ
јĕрмĕ^{1} боґдŏ хāң
ар^{a}ĭң барбāң сохŏжŏ,
ӓмăтăң зӧ^{1}гō суґлӳлбă.
ӧбрѡ̆ барбāң сохŏжŏ,
ӧбрѡ̆ тӳшĕмĕлнһē суґлӳлбă.
хормō хежĕ бā^{1}нă.
нӳр бӳтĕ аӄхă белдĕбĕ,
болдŏk бӳтĕ мăхă белдĕбĕ.
тӳд^{y}ĭ бā^{1}хă албăтă зонĭн —
хоjŏр хāњĕ албăтă
негĕдĕжĕ зуҕā нāр хебĕ.
нӳр бӳтĕ архăдĭн
ӧ^{i}мŏжŏ бā^{1}жă ӳбă.
болдŏk бӳтĕ мăхăндĭн
шӳдĕлдĕжĕ бā^{i}жă ĕдĕбĕ.
ӧдĕршхĕ hоґтӳ,
hӧњĕшхĕ hоґтӳ,
ӳ^{i}мāң ӓ^{1}мāң бā^{1}нăт.
нā^{i}мăн-др$_{o}$
нахĭмă нāр хебĕ.
јӳњĕн-др$_{o}$
јĕхĕ бāл зуҕā хебĕ.
арбăтхă-дрē —
„хӳњĕ архіjĕ ӳжă бар^{a}хăбōбдĕ!“ гежĕ,
хӳњĕ мăхājĕ ĕдĕжĕ бар^{a}хăбōбдĕ!“ гежĕ,
„гертē^{1} ӓмăтăң
гертē хăрăjĭбдĕ!“ гежĕ хелсĕбĕ.
„дōмŏтē ӓмăтăң
дōмŏдō хăрăjĭбдĕ!“ гежĕ хелсĕбĕ.
тар^{a}жă хăрăбăт барăң.

jėrmē^{i} boґdŏ xāŋ xelĕbĕ: „xŭ̄nĕ dōmŏdŏ hŭ̄žă šadălnā̆ bā̆^{i}xă̆-bē^{i}!“ gežĕ, „ō̆dō̆ ërgō̆k bodxōjī!“ gežĕ xelĕbĕ. ґaltă mogö̆^{i} mergĕŋ „terĕšxĕ xŭ̄r bodŏtē!“ gežĕ xelĕbĕ. xarmāŋґă̆hān̆ xar torgŏ̆ŋ pălăt ґarґă̆žă jėrmē^{i} boґdŏ xānhā zŭ̄ŋ bejĕdĭn ošŏbŏ. ĕdĕršīŋ ґazăr ošŏžŏ ґazăr ґurbă̆ heb̆ĕbĕ pălăhārā.

teŋgĕrtĕ xŭ̄rĕmĕ teo̯xĕr mĕŋgĕŋ ërgō̆k bodŏbŏ. oґtŏrgŏdŏ xŭ̄rĕmĕ ordō̆jĕ mĕŋgĕŋ ërgō̆k bodŏbŏ. jėrmē^{i} boґdŏ xāŋ terĕ̆ ërgō̆ktō̆ xatătă̆jă ošŏžŏ hŭ̄bă̆.

ĕdĕr šulŭ̄ŋ mergĕnĭn jėrmē^{i} boґdŏ xānhā zŭ̄ŋ bejĕdĭn urāo̯ārā ërgō̆k bodxōžŏ ō̆dējō̆ ërgō̆o̯tĕ orbŏ. nalā̆^{i}žă žarґă̆žă hŭ̄nă̆t.

ґaltă mogö̆^{i} mergĕŋ hŭ̄^{i}tĕ xubă̆tă̆ xŭ̄gē exĕ esĕgĕ xojŏrhōn̆ huržă̆. esĕgĕjē xĕldĕ mërgĕžĕ „hŭ̄^{i}tĕ xubă̆tă̆ xŭ̄jīmnĕ zāž^{a} ërg^{o}īš!“ gežĕ. esĕgĕn̆ tĭxĕdĭn xelĕ̆nĕ: „bī medĕnĕbō̆p!“ gežĕ, „exĕhēn̆ hură̆!“ gežĕ. exĕhēn̆ huržă̆, mërgĕžĕ bā̆^{i}nă̆. tĭxĕdĭn exĕn̆ xelĕžĕ „ară̆ xö̆^{i}tŏ zŭo̯tē, mĭŋґă̆ŋ žilĕ ґazărtă̆ tĕŋgrĭŋ xažā xară̆ bëx^{ö}ĭŋ budărґănā̆ hā̆^{i}xă̆ŋ abă̆xā̆^{i}, terĕ̆ nŭ̄dĕndĕ ґaltē basăo̯ăŋ bolxŏ“ gežĕ, „urā̆ basăo̯ăŋ jao̯xădă bor ėrēŋ bulžămūr bolžŏ, teŋgĕrtĕ degdĕžĕ jao̯xădā, tėnjĕrĭŋ xažā xară̆ bëxĕtē xudă̆ xudăґʸī bolxŏbdĕ gežĕ xelsēnĕmdĕ!“ gežĕ. tĭgēt ґaltă̆ mogö̆^{i} mergĕŋ: „enĕ̆ xŭ̄r zëo̯tē!“ gežĕ šëxĕndĭn xužărtă̆jār dŭ̄ld^{a}nă̆. tĭxĕdĭn jėrmē^{i} boґdŏ xāŋ xelĕbĕ: „bōs^{c}ĭn̆ ămăštā̆^{i}m!“ gežĕ, „terĕ̆ jëxĕ bōs^{c}ĭjĕ jăžă ґarxăp!“ gežĕ xelĕbĕ. „xojŏr xëltē xoxŏmö̆^{i} ґarā-bē^{i} gežĕ dŭ̄lāhăm!“ gežĕ.

xŭ̄^{i}lĕŋ xëxĕ̆ aґt^{a}ĭn̆
altā̆^{i}ŋ ardă̆,
xëxēŋ xëo̯šĕdĕ̆ belšērtē bā̆^{i}nă̆.
„enĕ̆ hŭ̄să̆ ŭbē^{i}“ gežĕ, „edĕndĕ ošŏxŏ̆ jao̯xămnĕ̆!“ gežĕ hŭ̄nă̆.
ĕdĕr̆ bolxŏdŏ narăn̆ĕ̆ tujāo̯ār tëxō̆ržĕ,
hën̆ĕ̆ bolxŏdŏ zulāŋ tujāo̯ār tëxō̆ržĕ,
tahărhănā ńăžă,
tandărhănā ŭdĕžĕ,
tëxō̆gō̆ xŭ̄sĕžĕ,
xorŏŋ tabăŋ tolgö̆^{i}tē
sobōr dērĕ ґaršă,
altājĕ arlăžă,
xëxējĕ xëo̯šĕlžĕ,
alaґ ėrēŋ ńŭ̄dērē
alŭ̄t sāo̯ŭ̄r ėrjŭ̄lžĕ xaržă,
xursă ėrēŋ ńŭ̄dērē
xolŭ̄r sāo̯ŭ̄r ėrjŭ̄lžĕ xaržă bā̆^{i}nă̆.
tĭžĕ bā̆^{i}xă̆ ajăndă̆ xarăŋ gehān̆ —
altā̆^{i}ŋ ardă̆,
xëxē^{i}ŋ xëo̯šĕdĕ̆,

нәжәрĕ ґаң гемĕ халӯндә
мо̣рнїн хоїӯлӓң унтӓжӓ јаӷӓжӓ хеӱтĕнĕ.
тӯмĕң лӯјĕ дӯјĕ негĕдхĕжĕ
тĕд ба̄ісӓ дӯ ґарбӓ.
мїңґӓң лӯјĕ дӯјĕ негĕдхĕжĕ
нәд ба̄ісӓ зандӓжӓ дӯ ґарбӓ.
хӯ̄лĕң хӧхĕ аґтӓ
барӓң са̄хӓң шĕхĕндē
ежĕнē жірт гехĕ дӯјїн аӱшӓ,
„енĕ јĕхĕ дӯң
меңĕ ежĕңĕ дӯң хејāштā!“ гежĕ
боңӧң хара̄жӓ бодӧбӧ.
„енĕ меңĕ ежĕң хедā
нӯ̄тĕ хубӓтӓ хӯ̄ндĕ ошхӧшнĕш хедā,
ежĕнē уәнӓң хӧ̄нӧ
меңĕ ба̄хӓ жарґӓл ӯбē̄!“ гежĕ
ĕдĕр шулӯң мергĕнĕ
зан шарґӓ мо̣рӧндӧ хелĕбĕ.
мандӓлзӓґшӓ делнĕјē
мандā дĕрĕ хаjӓжӓ,
тохӧ̄ саӷāң нӯлē
ташāн дĕрĕ унӓӷāжӓ,
сурма̄ са̄хӓң шĕхĕjē
хӯзӯн дĕрĕ хаjӓбӓ.
ӯхĕрĕ шĕнēң елĕгĕң хар[а] шулӯннā
ётхĕлбĕр хежĕ хара̄бӓ.
хаjӓнӓң шулӯндлĕ
шӯjӓсӓ харӓ̄бӓ,
харбӓнӓң номӧң бӯтĕ
ёршĕтсĕр харā̄бӓ,
да̄да̄ генĕң шĕлгĕнĕбĕ,
дала̄ генĕнїн солjӧдбӧ.
хĕхē̄ң хĕбшĕ шĕлгĕнĕжĕ,
хĕмĕнĕк санӓң унӓбӓ.
хадāң шулӯң хамхӓржӓ,
халӯр ба̄сӓ шĕлгĕнĕбĕ.
мо̣рӧң јĕрĕ јĕрĕнĕр јĕрĕбĕ.
ґазāӷā јĕржĕ,
хабӓнӓң мĕңгĕң буртāдā јĕрĕбĕ.
бул[а]ґӓң хӧ̄мē̄ хоңшōрōрō
буртāӷā тӯлхĕжĕ,
ханхӓнсӓ інсӓӷāжӓ ба̄нӓ.
ґалтӓ моґӧ̄ мергĕң
гӯ̄жĕ ґаршӓ јĕрĕбĕ.
буртāӷā нēжĕ ёгбĕ.
шормӧ̄ мĕңгĕң ноґтōрō
ноґтӧлжӧ абӓбӓ.
шудхӓмӓл мĕңгĕң хазāрāрā
хазāрлӓжӓ абӓбӓ.
торґӧң хїдхӯр тохӧмō
тōрӧґ-бĕjĕр тохӧжӧ,
тохӧ̄ саӷāң емēлē тӓбӓбӓ.
арбӓң ґурбӓң олӧмōрō
ата̄сӓрїн татӓбӓ.
бӯтӯ мĕңгĕң бĕгĕлдĕргēн
бĕгĕлдĕрглĕбĕ.
бӯтӯ утӓнӓң жолōӷō
бӯ̣ргĕдĕ гӯлдĕрбĕ.
утӓ утӓнӓң жолōӷōрō
сергĕдē уjӓң татӓжӓ орхӧбӧ.
„мо̣рӧнĕ тёхӧ̄ хӯсĕбĕ!
бejēң тёхӧ̄ дутӓбӓ!“ гежĕ
гертē орӧбӧ.
алтӓң хоӱтӧ нēжĕ,
торґӧң хуӱсӓнājā ґарґӓжӓ ёмĕдĕжĕ
ба̄нӓ.
нажӓрĕ саґтӓ мӧдĕхĕ
нәрӓң торґӧң суӱсӓӷā ёмĕшшĕ,
саӷāң мĕңгĕң бенĕjē
арбӓң ґурбӓ ерjӯлжĕ
урдӓ хӧ̄нӧ хаӱшӯлжӓ,
булґӓң хӧ̄мē̄ малґājā
орӧ̄ дĕрĕ шаӱшӯрлӓжӓ тӓбӓбӓ.
адхӓ болхӧ залājїн
хамӓр амā набӯлжӓ ба̄нӓ.
ӯдĕнĕ шĕнēң герĕлдē
ерjĕжĕ ба̄жӓ хубсӓлжӓ
бejĕдē тōрӧk jадӓжӓ ба̄нӓ.
булӓң берĕ нӯдӓлтē
бурхӓшӯлā нӯрĕ нӯлдĕ хоjӧртїн
зулӓ носōжӧ мĕргĕжĕ ба̄нӓ.
есĕгĕjē ёбдẹ̆гтїн мĕргĕжĕ,
ехĕjē ёбдẹ̆гтїн мĕргĕбĕ,
ахӓ бергĕндē мĕргĕбĕ.

— „тāмнĕ герē, адӳ малā, албăтă зӧ̄ӷō заҳăржă харжă бā̄ӷтī!“ гежĕ хелĕжĕ бā̄нă. „бӧтнā ґазăрĕ холӧ, уһăнĕ утă јаӈхăмнĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. хормӧґӧhō ојōрhō нежĕт номӧ аха̄тăјā таӈґăрăк хелĕжĕ андăлдăбă: „енĕ менĕ да̄ндă дарăґдā хедā, дāӈăндă хӳсĕгдē хедīмнĕ, енĕ номӧмнĕ ĕрĕ бејĕн жĕбĕрхĕ!“ гежĕ, „ĕдĕн бејĕн шурдăхă!“ гежĕ таӈґăрăк хелĕбĕ. ĕдĕр шулӯӈ мергĕӈ баhā ҭīмĕ таӈґăрăк хелĕбĕ. ҭīгĕт ґазāшā ґарhāн баӄжă мендĕшĕлжĕ дӧрбӯлēјīн сергĕдē ошӧжӧ мӧрӧјō та̄лăжă абăбă.

алтăӈ дӧрӧ̄ дӧрӧ̄лĕжĕ,
алăмхăжă мордӧбӧ.
сергĕјē узӯрhā бурт гӯлжĕ ґарбă.
адҳă шоро̄ӈ бурт гехᵉīн харӯлжă,
тĕнhē сāшā ошӧжӧ,
арă хӧ̄тӧ зӯґтĕ
ґурбăӈ жалґāӈ сānă
малăӷāӈ залāјĕ јалґăт гехᵉīн харӯлбă.

тĕнhē сāшā бӯтӯ тĕбжĕргӧ̄ӈ ґаршă ошӧбӧ. ошӧ ошӧhор ошӧбӧ. ҭīжĕ јаӄхăдā харжă јабăӈ гehāн — таж улāӈ нарăhăӈ харӯлбă. таж улāӈ нарăhăндă хӯрĕ хӯрĕhēр хӯрĕбĕ. таж улāӈ нарăhăнсō хатарґăжă јабăнă. ҭīжĕ јабāт харăӈ гehāн — ӯзӯ̄рēрīн та̄ржă, узӯрāрīн отӧлжӧ бāрăhăӈ сӧл бā̄жă, „ендĕ јӯнīн hӯхᵃīмāп?“ гежĕ орбӧ. орӧӈ гehāн хӧ̄мӧр талдă хӧлӧјōрō нарнĕ тујā балāмă басăӷăӈ hӯнă. ӯдĕӈ талдīн бā̄жă, хāнĕ мендēр мендĕшĕлжĕ, харсāӈ дорōбōр дорōбӧлжӧ, барăӈ сā̄хăӈ талдīн харăӈ гehāн — толбӧ̄ саӷāӈ hejē делгētē бā̄нă. терēн дēрĕ харăӈ гehāн — дӧрбĕӈ хĕлтē остōл дӯрĕӈ ĕдĕтē бā̄жă. мĕнӧ̄хĕ басăӷăӈ „ā̄ бурхăӈ!“ гежĕ, „хӯ̄тĕ хĕӈшĕтĕ хӯмнĕ īжĕ орōт јĕрхīм!“ гежĕ, „нāшā дĕшē hӯґтī!“ гежĕ гӯ̄жĕ јĕржĕ, барăӈ ґарhāн баӄжă мендĕшĕлбĕ. барăӈ сā̄хăӈ талдā хĕтĕлжĕ орбӧ. толбӧ̄ саӷāӈ hejējĕ хĕлӧ̄ ĕлмē̄гēр етĕрбĕ. толбӧ̄ саӷāӈ hejē најăӈ сажăӈ тамăдă ĕдē уһăтăјā унăбă. — „мӯ номтē сӯхĕ!“ гежĕ харāжă, „јорлӧhӧнō толго̄дō абă!“ гежĕ тамăдīн тарҳăрīн урӯ шӯдĕжĕ орхӧбӧ. тамāӈ ојōртӧ хархăдīн хоҭоґӧ шӧбĕгĕ хā̄шă ӯзӯрēрē ӧ̄дĕ hӯлґāтē бā̄нă.

тендĕhēн ґаршă јабăбă. таж улāӈ нарăhăннāн ґаршă ґобīӈ саӷāӈ хĕртĕ ханҳăнсă хатăрґăбă. ҭīжĕ јаӄхăдā харăӈ гehāн — ашăтīӈ алăк азăрґă хĕндлĕӈ тō тохӧ-бē̄ хĕндĕлдĕжĕ јĕрĕбĕ. урдīн јĕрēт ā̄сă бā̄сă тодōт бā̄нă.

алтăӈ харă ӈӯдĕннēн.
адҳăлӯлжă бā̄нă,
мӧлтĕӈ харă ӈӯдĕннēн
мелгĕрӯлжĕ бā̄нă.

тō тохӧ ӯбē̄ „баhā негĕ сā̄нĕ ерĕ јабāт хортӧ шортӧ да̄ндă дарăґдăhīмĕ хеjā!“ геже нанăжă бā̄нă. аштīӈ алăк азăрґăтē ѐрјĕжĕ гедĕргē ошӧбӧ.

ашӑтіӈ алӑk азӑрґӑ дахӯlжӑ јабӑнӑ. јёрё јёрёһёр јёрёбё. ѐжёнё јаһӑн дёр асӑрбӑ.

хӯрзёӈ шёнёӈ шӯдётё,
хӯр улāӈ шараⁱ̄тё,
ерё бешё —
ердёӊё,
хӯм бешё —
хӯдёрё,
алдӑlжӑ унӑшёт
арӑӈхӑlжӑ хеᵥтёнё.
мо̣рӧнһōӊ бӯжӑ,
негё алхӑжӑ, негё нолмӧжӧ,
јаһӑӊіӊ залґӑрӑлдӑжӑ,
хојӧр алхӑжӑ, хојӧр нолмӧжӧ,
мӑхӑӊіӊ тёржё,
ґурбӑ алхӑжӑ, ґурбӑ нолможӧ,
„боᵥд!“ гежё зандӑбӑ.

„ӓ бурхаӈ!“ гежё, „јамӑр ёнё холӧ унтӑбіп!“ гежё хелёжё, ті̣гёт сурхаӈ сӯлāⁱ мергёӈ хелёбё: „хортӧ шортӧ дāⁱндӑ јабӑжӑ јабӑһӑр хулӯшӑр харбӯлāп!“ гежё хелёжё hӯнӑ. ті̣хёдіӊ ґалтӑ могӧⁱ мергёӈ hурбӑ: „јӯнёрē ёһ̄тē бāⁱһімш?“ гежё hурнӑ. ті̣хёдіӊ сурхаӈ сӯлāⁱ мергёӈ хелёбё: „арӑ хӧⁱтӧ зӯᵥґтё тёӊјёріӈ хажā ха̣рӑ бёхёдё ошӧжӧ јабӑһӑр хулӯшӑр харбӯлāп!“ гежё хелёбё. „будӑрґӑнӓ hӓⁱхаӈ абӑхāⁱдӑ хӯр ёкʻкʻёјō јабӑһім!“ гежё. ті̣хёдё ґалтӑ могӧⁱ мергёӈ хелёбё: „хојӯлдā баһā орӧлсӧхӧ болōт бāⁱнӑ гёшёбдё!“ гежё. ті̣хёдіӊ сурхаӈ сӯлāⁱ мергёӈ хелёбё: „ӯхёһёмнё бодхōһӧӈ хӧⁱнӧтнӓ, ӯбёⁱрё-һёмнё бајӑжӯлһаӈ хӧⁱнӧтнӓ менё тоᵥґтōт ёхё зергё бāⁱнӑ!“ гежё хелёжё, „тāмнё зо̣рӧһӧӈ ґазӑртā хӯрёᵥґті! тёрёһёӈ дāⁱдӑдā техёрёᵥґті!“ гежё хелёжё бāⁱнӑ. хојӯлӑӈ хормӧґӧһōӊ нежēт hомӧ андӑлдӑбӑ-дā. хојӧр тёшē hалӑжӑ јабӑбӑ.

ґалтӑ могӧⁱ мергёӈ
ошӧ ошӧһōр ошӧбӧ,
јабӑ јабӑһāр јабӑбӑ.
бāбāӈаⁱ толʻгӧⁱтē
бахрāⁱ мергёјē
арбāӈ жілдё
абāхāⁱӈ мёрѻ̄р мёршёлбё,
хо̣рӧӈ жілдё
хорхӧⁱӈ мёрѻ̄р мёршёлжё,
ґунāӈ дāⁱдӑ —
ґурбӑ ѐрјёжё,

дёнĕӈ дāʲдă—
дёрбĕ ӗрјёжĕ,
āʲсă бāʲсă хўсёхĕ тēшĕ болбŏ.
дарă дарһăр дарăбă.
хŏʲнің јёржĕ
„баʲс!“ гёжĕ зандăбă.
„хўбӯӈ, хўбӯӈ!“ гежĕ,
„есĕӷēӈ ёһŏгŏрīш?
ехēӈ земĕ зёӈхŏрīш?“ гежĕ,
„енĕ болсᵒрō
јёндĕ намāјĕ нехёбĕ дахăбă јӯш?“ гежĕ.
тїхĕдїӈ ґалтă могŏʲ мергёӈ урдăһāӈ хелĕбĕ:
„ёлĕгēʲтĕјёһŏӈ ёнсĕлһёӈ
мансїтăјāһāӈ māӈăлһăӈ
тёӈгёрїӈ хажā харă бёхᵒїӈ
будăрґăнā haʲхăӈ абăхāјĕ
баӆāлдăжă баʲһăӈ хŏʲнїшӈĕ
шамāјĕ ўлдёӈ дахăм-бĕјēр јāхăһīм!“ гежĕ хелĕжĕ баʲнă.
„ёдёр болŏӈ-бĕјēр
ўјēшӈĕ таһăлхăп!
хоноk болŏӈ-бĕјēр
хојїшӈĕ таһăлхăп!
ґалїшӈĕ унтᵃрăӷāхăп!
ґадăһāјїшӈĕ һуґăлхăп!“ гежĕ хелĕбĕ.

— „хўбӯӈ, хўбӯӈ!“ гежĕ урдăһāӈ хелĕжĕ „шеӈі зергᵉїӈ залӯ хӯӈ јāхăдā īмĕ јёхĕ амă хелĕнёш?“ гежĕ хелĕбĕ. „јёхĕ амă хелĕӈхēр јёхĕдĕ ёмхёк гежĕ хелĕһёӈ таӈґăрăk баʲхїмĕ!“ гежĕ хелĕбĕ.

тїхĕдїӈ ґалтă могŏʲ мергёӈ урдăһāӈ хелĕбĕ: „енĕ шамдă дарăґдă хедă ēмĕмӈĕ ўжёк!“ гежĕ, „ерхēмӈĕ мултăрăk!“ гежĕ хелĕбĕ. „ерхēӈ хўшер болхᵒїмїш?“ гежĕ һурᵃбă. „ēмēӈ хўшēр болхᵒїмїш?“ гежĕ һурбă. бāбᵃӷăʲ толᵒгŏʲтē бахрāʲ мергёӈ „ерхēншхĕ хўшēр тулăхăп, ēмēншхĕ хўшēр тулăхăп!“ гежĕ хелĕбĕ. тїхĕдїӈ ґалтă могŏʲ мергёӈ азăрґă саӷăӈ хуһāр бōдŏлґŏ хежĕ, ажăґăр улāӈ шөнĕһŏр беһĕ мушхăжă хебĕ.

тебĕрĕлдёжĕ орбŏ.
нежēт татăлдăжă,
хошōт татăлдăжă,
ґурбăтхădā хум-хам гежĕ
негĕ сахăрăk болґŏжŏ,
ӗрмĕӷтĕ харă шулӯӈĕ
ӗрмēјїӈ харжă бутă шӯдёжĕ орхŏбŏ.

урдӑ тӑ'ґӑң модӧ̄јӗ
орбӧ̆ңґӧ̄рӏ̄ӈ суґлӯлжӑ ґалдӑбӑ.
улӑ̄нӑң хӳрзӗ̄р
уӈӑ̄ґшӑ тӏ̄дхӗ̆бӗ̆,
хуӈӑң хӳрзӗ̄р
хӧ̄'шӏ̄ӈ тӏ̄дхӗ̆бӗ̆.

амӑржӑ буґӑ ӈоӻӧ̄ң хојӧ̆рӗ̆ шорлӧ̆жӧ̆ ӈӯнӑ. тӏ̄жӗ̆ ӈӯхӑ ӈамӑндӑ „амӑ хелӗ̆ ӳбӗ̄' адӑӈӑндӑ земӗ̆ бӑ̄'хӑ-бӗ̄'!“ гежӗ̆ хелӗ̆бӗ̆. мӧ̆рӗ̄јӏ̄ӈ емӗл хазӑ̄рӏ̄ӈ аӻшӑ „наӈӑнсӧ̄ӻӧ̄ харґӑңґӑ хахӑ тарґӑлӑжӑ јабӑ!“ ґежӗ̆ номӧ̆жӧ̆ тӑ̆бӑбӑ. тӗнӈӗ̄ӈ сӑшӑ̄ ошӧ̆бӧ̆.

хојӧ̆р дӯннӗ̄ӈ бедӗ̆ржӗ̆ ґунӑң дӑ̄'дӑ ґурбӑ ӗ̆рјӯ̄лжӗ̆, дӗнӗ̆ң дӑ̄'дӑ дӗрбӗ̆ ӗ̆рјӯ̄лжӗ̆, јӯ̄ншх-ӳбӗ̄', олӧ̄-ӳбӗ̄'. хӯ̄'лӗ̆ң хӗхӗ̆ аґтӑјӑ бӑ̄ӻхӏ̄ң шӗнӗ̆ң болґӧ̆жӧ̆ хармӑндӑ хежӗ̆ бор ӗ̆рӗ̆ң булжӑмӯр болжӧ̆ асӑ̆рӏ̄ң нӑ̄'мӑң тӗңгӗ̆ртӗ̆ дегдӗ̆жӗ̆ ґарбӑ.

тендӗ̆ ґарӑт мӗм бејӗ̆ бејӗ̆лжӗ̆, мӗңхӗ̆ дӯрӗ̆ӈӗ̄ дӯрӗ̆ӈӗ̄лжӗ̆ бедӗ̆ржӗ̆, „бахрӑ̄' мергӗ̆ӈӗ̆ дӯнӯ̄т шишас бӯнӑӈӑң!“ гежӗ̆, дӧд зӑмбӏ̄дӑ халӯң мӗрӧ̄рӏ̄ӈ ӯлдӗ̆бӗ̆. дӧд зӑмбӏ̄дӑ бедӗ̆ржӗ̆ јабӑжӑ харӑң геӈӑ̄ӈ — ахӑ дӯ̄ хојӧ̆р ӗхӗ̆ харӑ дала'дӑ хӳрхӗ̆јӗ̆ ӗдӗ̆ршӏ̄ӈ ґазӑр дутӑт јабӑнӑ.

бар* амӑ̄ӈ уґзӑржӑ,
барӑң ґарӑ ӈабӑжӑ,
шаңхӑ таӆӯр хаӻӑбӑ.
харбӑнӑң ӈомӧ̆ндлӗ̆
шӯ̄ӻӑсӑ оржӧ̆ јӗрӗ̆бӗ̆.

јабӯ̄д-дундӑ урдӏ̄ӈ харӑ̄'лґӑжӑ орбӧ̆. „бӑ̄'с!“ гежӗ̆ зандӑбӑ. хојӯлӑ̄јӏ̄ӈ орӧ̄' дӗрхӗ̆ оңґӧ̆ң саӻӑң нӧ̆ӈӧ̆нӈӧ̆ӈ орӧ̄'жӧ̆ абӑбӑ. јамӑң бӳтӗ̆ шашхӯлжӑ, ынзӑґӑң бӳтӗ̆ бӑрхӑрӯлжӑ, тӧ тохӧ̆-бӗ̆' шӗрӗ̆ зӑӈӑ мінӑӻӑрӑ ӑмӏ̄ӈ таӈӑ сохӧ̆бӧ̆. урдӑ тӑ'ґӑң модӧ̄јӗ орбӧ̆ңґӧ̄рӏ̄ӈ суґлӯлжӑ аӻшӑ ґалдӑбӑ-дӑ.

тӏ̄гӗт тендӗ̆нӗ̆ӈ бахрӑ' мергӗ̆нӗ̆дӗ̆ ошӧ̆бӧ̆. ошӧ̆ ошӧ̆ӈӧ̄р ошӧ̆бӧ̆. гертӏ̄ӈ хӳрӗ̆бӗ̆. ґӯлӑ мӗңгӗ̆ң буртӑдӑ ошӧ̆жӧ̆ бӑ̄'жӑ гертӏ̄ӈ орӧ̆бӧ̆. орӧ̆ң геӈӑ̄ӈ — мӧ̄'с харӑ ӈамӑӻӑң ӈӯнӑ. хандӑӻӑң арӈӑ̄јӗ̆ хӑ̄јӑсӑ татӑжӑ ӈӯнӑ. буӻӑ̄ң арӈӑ̄јӗ̆ бурхӑрсӑ татӑжӑ ӈӯнӑ. хӑ̄ӈӗ̆ мендӗр мендӗшӗ̆лжӗ̆, харсӑ̄ң дорӧбӧ̄р дорӧбӧ̄лжӧ̆, хедӗргӗрӗ̄ зоӻхӧ̄ ӗргӧ̄т харӑнӑ. „ӯ-ӈӯм!“ гежӗ̆, „ӯдӗшӗ̆ ӗглӧ̄ӈӗ̆ болтӧ̆рјӗ̆ шӗлӗ̆ң оржӧ̆ јӗрӗ̆бӗш!“ гежӗ̆, „ґазӑр дӗрхӗ̆ ґалтӑ могӧ̄' мергӗ̆ң, мӑхӑң бејӗшӈӗ̆ булбӑрӑ̄'хӑң!“ гежӗ̆, „јаӈӑшӈӗ̆ мӗгӧ̄ӈӗ̆ң!“ гежӗ̆ хелӗ̆жӗ̆ ӈӯнӑ. хојӧ̆р тӗшӗ̆ ӗртӗ̆ сӑблӑјӑ ӈуґӑ татӑжӑ, орӧ̄'рӯӈ хахӑ шаӻшӑжӑ унӑӻӑбӑ. досӧ̄ӻӧ̄ӈӧ̄ӈ шулӯң бӗхӗ̆тӗ̆, шӗрӗм сӗжӗ̆тӗ̆ хӳбӯң ґаршӑ ӗрхӧ̄рӧ̄ дегдӗ̆жӗ̆ ґаршӑбӑ-дӑ. ґалтӑ могӧ̄' мергӗ̆ң шорӧ̆ң хаңґӑ̄' ӈомӧ̆јӧ̄ ӈуґӑ татӑжӑ аӻшӑ онӧ̆ јӗхӗ̆ зӯлґӑжӑ: „амӑрґӑл саӻӑң хӳзӯ̄гӗрӏ̄ӈ таӈӑ харбӑжӑ унӑӻӑ!“ гежӗ̆ шӗӻшӗ̆жӗ̆ тӑ̆бӑбӑ. шорӧ̆ң хаңґӑ̄' ӈомӧ̆ӈӏ̄ӈ ошӧ̆жӧ̆ тӗӈјӗ̆рӏ̄ӈ ӯдӗндӗ̆ хӳрхӗ̆јӗ̆ јаӻхӑдӏ̄ӈ

амӑрґӑл саӷӑң хӳзӳ̈їй таһӑ харбӑжӑ унӑӷӑбӑ. терӗнїй суґлӳ̈жӑ аӷшӑ ґалдӑжӑ орхӧбӧ-дӑ. тӗнһӗн сӑшӑ ошӧбӧ.

хадӑмӑ ӈутӑӷтӑ орбӧ (хажӑ харӑ бӗхӗ бӑтрӗ ӈутӑӷтӑ). хойӧр ґӳлӑ ёргӧк јалӑґӑнжӑ харӳлжӑ ба̄ӈнӑ. хажӑ харӑ бӗхӗндӗ орбӧ. хабӑһӑң мӗңгӗң буртӑдӑ хӳрӗбӗ. буртӑјїй ӈӗж-орбӧ. арбӑң ґурбӑң һалӑтӗ наӷсӑр мӗңгӗң сергӗдїй мӧрӧјӧ уӈӑжӑ гертїй орбӧ. барӑң са̄ӈхӑң талдїй харӑң геһӑӈ — на̄ӈмӑң хӗлтӗ шӗрӗндӗ наӈӑң даӷхӑр толбӧӷтӧ хажӑ харӑ бӗхӗ зӑбӑ татӑжӑ һӳнӑ. хӑнӗ мендӗр мендӗшӗлжӗ, харсӑң дорӧбӧр дорӧбӧлжӧ, „нашӑ дӗшӗ һӳӷтї!“ гежӗ. барӑң са̄ӈхӑң талдїй ошӧжӧ, забӑлӑжӑ һӳбӑ. хажӑ харӑ бӗхӗ̈їң хатӑнїй бошшӧ, саӷӑ хежӗ бӑрӈжӑ асӑржӑ ёгбӗ. менд-амӑр һуржӑ. — „хӑнһӑ хӑ̄ӈшӑ јабӑӷтӑ?“ гежӗ, „ендӗһӗн ёншӗ јабӑӷтӑ?“ гежӗ, „ӑлӑ ґазрӑ белӗт?“ гежӗ һуржӑ, „јамӑр хӑнӗ албӑтӑӷтӑ?“ гежӗ һурһӑ. — „шаӈхӑ урдӑ зӳгёп!“ гежӗ, „ӎиңґӑң жілӗ ґазрӑп!“ гежӗ, „јёрмӗ̄ боґдӧ хӑнӗ ґазӑр дёрӗ тёрёһӗң ґалтӑ могӧ̄ мергӗң гёшёп!“ гежӗ хелӗбӗ. ӭїжӗ хелхӗдїй хажӑ харӑ бӗхӗ һурбӑ урдӑһӑн: „хӑнһӑ хӑ̄ӈшӑ, ендӗһӗн ёншӗ јабӑӷтӑ?“ гежӗ һурбӑ. „јӯң херёгёр, јӯң зорӧґӧр јабӑӷтӑ?“ гежӗ һурбӑ. ґалтӑ могӧ̄ мергӗң — „јӯнӗ ӈӳсӑ ба̄ӈхӑһӑм-дӑ!“ гежӗ, „бенӗмнӗ худӑң мёрӧр, бејёмнӗ хӳргӗң болхӧр јёрё!“ гежӗ хелӗжӗ. ӭїжӗ хелхӗдїй хажӑ харӑ бӗхёӈ „терӗ хӳртнӑ зӧӷтё!“ гежӗ хелӗжӗ һӳнӑ. арбӑң тоӷӧң арзӑјӑ ӯжӑ һӳнӑ. ахӑ ба̄ӈхӑ тӳшёмёлнһїй барӑндӑ јёржӗ зуӷӑлӑжӑ һӳнӑт. ӭїжӗ һӳһӑр ґурбӑ хонсӧ зуӷӑлӑжӑ һӳнӑт.

будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ „бабӑ̄ӈдїмнӗ јӯң јёржӗ ӑрхӑ тӑмхӑ ӯжӑ хёӷхӗлжӗ хӧ̄ржӗ ба̄ӈнӑ“, гежӗ шёхёӷшхёң барлӑӷӑ ёлгёжӗ, „јабӯт дундӑ терӗ хӳјё ӳзёт јёрхё!“ гежӗ ёлгёбё.

шёхёӷшхёнїй јёрёбё бабӑ̄ӈдїй. ӯдёндїй јёржӗ харжӑ ба̄ӈнӑ. јабӯт јёрхё геһёң хӯнїй ґурбӑ хонсӧ ба̄ӈшӑбӑ. ha̋ӈ ha̋ӈхӑң хойӧртїй зуӷӑшӑ дӯшӑ хойӧрїїй шаґнӑ шаґнӑһӑр ґурбӑ хонӧшӧбӧ. гемтӗ ба̄ӈһӑр һанӑң туһӑң гедёргё ёрјёжӗ гӯ̄жӗ ґарбӑ. будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ӈдӑ ошӧбӧ. ӯдёндӗ орӧмслӑрїй будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ӈ зандӑбӑ: „јамӑр ёнӗ холӧ болӧ̄шё!“ гежӗ зандӑбӑ. шёхёӷшхёң барлӑк урдӑһӑн хелёбё: „ӑ бурхӑншнӗ!“ гежӗ, „намӑ̄јё јӯшхӗ медё-бе̄ӈдёлё јӯндӗ зандӑбӑш?“ гежӗ хелӗжӗ ба̄ӈнӑ. „бабӑ̄ӈдїмнӑ барӑң ӈӯдёндё барбӑӷӑң шёнёң нӑӷӑһӑтӗ, зӯң ӈӯдёндё зӳгё̄ӈ шёнёң нӑӷӑһӑтӗ ётлёһёң ёбёгёң јёржё, ӑрхӑ ӯжӑ, зуӷӑ хежӗ ба̄ӈнӑ“, гежӗ хелӗжӗ ба̄ӈнӑ. „хӳргёң хӳбӯң гелдёжё ба̄ӈжӑ, ӑрхӑ ӯжӑ ба̄ӈнӑ“. ӭїхёдїй будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ӈ хелёбё: „тӳргёң дундӑ ошӧжӧ терӗ хӳргёң хӳбӯнїй мӧрёјё намдӑ асӑр!“ гежӗ хелёбё. шёхёӷшхёң барлӑк ӯдёндё ба̄ӈһӑнӑ гедёргё ёрјёжӗ ґарбӑ. хӑң бабӑ̄ӈдӑ ошӧжӧ хӳрёсӧӷӧһӧӈ тежёбёр борсӧґӧрхӧң борӧ дӑӷӑӈ бӑрӈжӑ емёллёжӗ хазӑрлӑжӑ, тӑр тохӧм, талӽӑ емёл тохӧбӧ. зартӑґа̄ӈхӑң номӧ, шёртёнёхёң ґодӧлӧ ашӑжӑ ґанзӑґӑндїй, будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ӈдӑ абашшӑ ёгбё. шаӷабӑртїй јёржӗ ха̋ӈхӑрбӑ. „хадӑмӑ хӯбӯнӗ мӧрёјё ha̋ӈса харжӑ абӑ!“ гежӗ хелёжё. будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ шаӷабӑрӑ ӈёжӗ харабӑ. „ётёр тӳргёң намдӑ харӳлӑң-бёјёр сашїй абаш!“ гежӗ хелёбё. шёхёӷшхёң абашшӑ, хӑң бабӑ̄ӈдӑ табабӑ. һӧргӧ будӑрґӑнӑ ha̋ӈхӑң абӑхӑ̄ӈдӑ јёрбё. јёрёт

орбŏ. будăргăнā hа'хăң абăхā̄' хелĕбĕ: „шī герē харжă бā̄' зāң-бĕjēр, бĭшнĕ дĕд замбĭдă ґархăмнĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. „ґурбăң жилсō оґтŏргō̄'ң ojŏдŏл ojŏ-хŏмнĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. бор ĕрēң булжăмӯр болжŏ ӧрхо̄рō̄ дегдежĕ ґарбă.

будăргăнā hа'хăң абăхā̄'ң таhăлґăсō оржŏ унтăжă орхŏбŏ шĕхĕ̆ғшхĕң барлăk. негĕ унтăhăр сӯдхĕсō унтăбă.

ґалтă могō̄' мергĕң хажā харă бĕхĕтĕjо̄ хелсĕбĕ: „хӗғ хӯрē хелсĕjībдĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. „хӯдʸī-берĕ хӯдʸīсō ӓрхă тăмхă ӯжă бā'хăмнāп?“ гежĕ хелĕбĕ. хажā харă бĕхĕ арāң барбāң соxŏжŏ, ӓмăтăң зō̄'гō суґлӯлжă, ӧбрō̄ барбāң соxŏжŏ, ӧбрō̄ тӯшĕмĕлнhĕ суґлӯлбă. тедĭн суґлăржă jĕрбĕ барāң. нӯр бӯтĕ ӓрхă белдĕжĕ, болдŏk бӯтĕ мăхă белдĕжĕ тӧхо̄ржĕ бā'нă. утăрхā̄' hарă тӧхо̄рбĕ.

тĭжĕ бā'хă hамāндă хажā харă бĕхĕ мартăhăнā hанăжă, унтăhăнā hерĕжĕ „ā бурхăншнĕ!“ гежĕ, „хӯргĕң хӯбӯң!“ гежĕ хелĕбĕ. „бĭшнĕ бāбāғā̄' толгō̄'тē бахрā̄' мергĕнēр дā'лăлдăhăр ґурбăң жил болh°ĭмăп!“ гежĕ хелĕбĕ. „ґурбăң жилсō амăр*jī гежĕ хелсĕh•ĭмдĕ гежĕ хелĕбĕ. терĕ тō тохŏ-ӯбē' дā'-ғāр jĕржĕ болх°ĭм! терēнē jāхă херĕкʿкʿĕ белējĕбдĕ?“ гежĕ hурнă. ґалтă могō̄' мергĕнĭң урдăhāн хелĕбĕ: „ĭмĕ jĕхĕ хортŏ шортŏ дā'тēhăң хō'нō jӯ hанăжă, jӯ шĕ̆ғшĕжĕ hӯғāғтă хелĕм-бĕjēр?“ гежĕ урдăhāн хелĕбĕ. хажā харă бĕхĕ урдăhāн хелĕбĕ: „баjăрлăhăң херē бāрхăрхĭм!“ гежĕ, „хĕсĕжĕ хо̄ржĕ мартăшхēп!“ гежĕ хелĕбĕ. „даршă ӯбē' дā'jĭмнĕ дархāрā jĕрēл бĭзĕш-тā!“ гежĕ хелĕбĕ. „зуғāдā болhōр баjăртā хелхĕjē мартăшхēп!“ гежĕ. ґалтă могō̄' мергĕң урдăhāн хелĕбĕ: „хадăм бāбā', бă-hармăдă, jӯндĕ hанā-шăрхăнăш?“ гежĕ хелĕбĕ. „терēнĭшнĕ jĕржĕ jaғхăдă ĕдĕхĭң урдӯр ĕдĕнĭмēп! дарх*ĭң урдӯр дарăнĭмāп!“ гежĕ хелĕбĕ. хажā харă бĕхĕ урдăhāн ăлăдăжă hурбă: „ā бурхăң! хā'шăң гежĕ намтē дā'тē бā'hāн медĕжĕ дарбăш?“ гежĕ hуржă бā'нă. тĭхĕдĭн ґалтă могō̄' мергĕң хелĕбĕ: „нāшā ґаршă jaғхăдĭмнĕ таnĕ дā'дăдă орōт jaғхăдĭмнĕ, хāнĕ дардăм харґăjăр хаnхăнсă хатăрґăжă jaғхăдĭмнĕ, шаңхă зӯнĕ зӯгhē аштĭң алăk азăрґă хāнĕ дардăм харґʸĭдă jĕржĕ, харґʸī бōжŏ хĕндĕлдĕжĕ бā'hĭмĕ!“ гежĕ хелĕжĕ, „терēнĭн ошŏжŏ мŏрĭн дахăжă ошōп!“ гежĕ, „ошŏң генāмнĕ — сағāң jаnăң болшŏhŏң хӯң алдăлжă унăжă арāңхăлжă хеғтĕнĕ. терēнĭjĭн баhā менĭдлĕ хӯң jабāш гежĕ. hанăжă мŏрŏнhōн бӯжă, негĕ алхăжă негĕ нолмŏжŏ, хоjŏр алхăжă хоjŏр нолмŏжŏ, ґурбă алхăжă ґурбă нолмŏжŏ, ґол ӓмă орӯлāнăм!“ гежĕ. „терĕ хӯмнĕ бодōт менд-амрā хелсĕжĕ, ехĕ есĕгĕjē hурăлсăжă, — шаңхă зӯнĕ зӯгēп гежĕ хелĕбĕ. — сурхăң сӯлā' мергĕм гежĕ хелē. — jӯң дā'ндă дарăґдāғшĕ? гежĕ hурāп. — арă хō'тŏ зӯг•hē бāбăғā̄' толгō̄'тē бахрā̄' мергĕң тĕңгĕрĭң хажā харă бĕхēндĕ хӯргĕң басґăнĕ мĕрō̄р ошшŏ jабăсăрнĕ хулӯшăр хō'нŏhōмнĕ харбā гежĕ хелĕhĭмĕ бā'нă. зā, тĭгēт — хоjӯлăң баhā орŏлсŏхŏ зергĕтē болōт бā'нăмдĕ гежĕ хелĕжĕ hӯғāнăм!“ гежĕ хелē. „тĭхĕдĭмнĕ ӯхĕhēмнĕ бодхōғōт гежĕ, бĭтнā тоґтŏжŏ ӧгĕhӯп! гежĕ гедĕргē техĕржĕ ошōhŏң!“ гежĕ хелĕбĕ. „тĭгēт терĕ хӯннĕ дӯлăжă бāхрā̄' мергējĕ бедĕржĕ, ґунăң дā'дăjĕ ґурбă ĕрjӯлжĕ, дĕнĕң дā'дăjĕ дĕрбĕ ĕрjӯлжĕ бедĕржĕ дарāнăм!“ гежĕ хелĕбĕ. „мō'с

харӑ hамгӑндіӣ ошӧжӧ орӧ́рӯӣ шаӷшӑжӑ унӑӷӑжӑ, досоӷоhоӣ долоӣ hартӗ хӯбӯӈ хӧ̄хӗ́ гаршӑ асӑрІӣ на́мӑӈ тӗӈгӗртӗ дегдӗжӗ гарӑ!“ гежӗ хелӗбӗ. тІихӗдІӣ хажӑ харӑ бӧхӗ хелӗбӗ: „ӑ бурхӑншӈӗ!“ гежӗ, „долоӣ hартӗ хӯбӯӈ хӧ̄хӗ дегдӗжӗ гарӑ хедӑ енӗ маӈӗ ӑмӑдӑ hӯхӑ ажӑл ӯбе́!“ гежӗ хелӗбӗ. „терӗ хӯбӯӈ беjӗ хӯсӗжӗ хӯӈӗ хемдӗ орӧбӧл jӯгӗршхӗ дӑлгӑхӑ-бе́, jӯндӗшхӗ дарӑгдӑхӑ-бе́ хӯӈ тӧрӗхӗ!“ гежӗ хелӗбӗ. тІихӗдІӣ галтӑ могӧ́ мергӗӈ хелӗбӗ: „терӗнӗшӈӗ тӗӈгрІӣ ӯдӗндӗ хӯрхӗjӗ jаӷхӑдІӣ бӧ̄hӗнӗ шӗнӗӈ харӯлӑжӑ jаӷхӑдІӣ амӑргӑл саӷӑӈ хӯзӯjІӣ таhӑ харбӑжӑ унӑӷӑжӑ галдӑhӑм!“ гежӗ хелӗбӗ. хажӑ харӑ бӧхӗ галтӑ могӧ́ мергӗнӗ барӑӈ гарІӣ бӑржӑ хелӗбӗ: „даршӑ ӯбе́ да́jімнӗ дархӑр jӗрӗ ба́нӑт!“ гежӗ хелӗбӗ. jӗхӗ хӧхӗжӗ, jӗхӗ баjӑрлӑжӑ, арбӑӈ хӯнӗ зергӗдӗ аjӑгӑлӑжӑ зуӷӑлӑжӑ hӯнӑ.

тІижӗ hӯхӑ аjӑндӑ хажӑ харӑ бӧхӗ хелӗбӗ: „хӯргӗӈ хӯбӯӈ!“ гежӗ хелӗбӗ, „бенӗjӗ андӑлдӑхӑ тӗшӗ болӧбӧбдӗ!“ гежӗ хелӗбӗ.

урӑӈ хӯрӗ хелсежӗ
утӑhӑӈ бенӗjӗ андӑлдӑбӑ.
хеӷ хӯрӗ хелсӗжӗ
хетӗ хотӧгӧjӧ андӑлдӑбӑ.
нӑр зуӷӑ хежӗ ба́нӑ.
на́мӑн-др°
нахІімӑ нӑр хебӗ,
jӯнӗн-др°
jӗхӗ зуӷӑ хебӗ.
арбӑтхӑ-дӗрӗ селмӗжӗ,
будӑргӑнӑ háхӑӈ абӑхӑ́дӑ
сӑжӑӈхӑ́ nowӧсхӧ хӗлӗжӗ,
гурбӑӈ шаргӑ мӧрӧ ухӑржӑ,
гӯрбӑӈ jемшӗк бӧжлӯjжӑ ӗлгӗбӗ.

гурбӑӈ jемшӗjІӣ ошӧжӧ, ошӧӈ генӑн — будӑргӑнӑ hа́хӑӈ абӑха гертӗ ӯбе́ ба́жӑ, шӗхӗӷшхӗӈ барлӑгӑhӑн нуржӑ: „будӑргӑнӑ hа́хӑӈ абӑхӑ́ хӑ́ш ошӧп?“ гежӗ, тІихӗдІӣ шӗхӗӷшхӗӈ барлӑk хелӗбӗ: „дӗд ӑмбІдӑ тӗӈгрІӣ ojӧдӧл гурбӑӈ жілӗр ojӧхӧjӧ гарӑ!“ гежӗ хелӗбӗ. jемшӗjІӣ негӗнІӣ jабӑӷар хажӑ харӑ бӧхІндӗ jӗрӗбӗ. — „ӑ бурхӑншӈӗ!“ гежӗ, „jӑхӑ херӗкгкӗ белӗjӗбдӗ?“ гежӗ хелӗбӗ, „будӑргӑнӑ hа́хӑӈ абӑхӑ́мнӑ тӗӈгӗрІӣ ojӧдӧл ojӧхӧjӧ гурбӑӈ жілӗр гаршӗ!“ гежӗ хелӗбӗ. хӑӈ бабӑ́н хургӳішӑжӑ орхӧ гархӑ газрӑ olжӧ jадӑжӑ — „jӑхӑ херӗкгкӗ белӗjӗбдӗ?“ гежӗ, ахӑ ба́хӑ тӯшӗмӗлнӗ hігӗдхӗ́жӗ ба́на. тІігӗт басӑӷӑнӑдӑ ошӧбӧ барӑӈ. ошӧт шӗхӗӷшхӗӈ барлӑгӑhӑн нурбӑ. — „будӑргӑнӑ hа́хӑӈ абӑхӑ́ тӗӈгрІӣ ojӧдӧл ojӧхӧjӧ гарӑ!“ гежӗ хелӗбӗ. тендӗ ба́ӷӑт аргӑ нӧбӗjӗ jадӑжӑ хӑнІн хелӗбӗ: „ӑ бурхӑӈ! jӯӈ гежӗ хелхӗ белӗjӗбдӗ?“ гежӗ, „jӯтӗ гежӗ зуӷӑлӑхӑ белӗjӗбдӗ?“ гежӗ хелӗжӗ ба́нӑ. „басгӑмнӑ хӑ́шӗ гежӗ хелхӗjІбдӗ?“ гежӗ, „даршӑ-ӯбе́ дӑ́jімнӑ дархӑр jӗрӗ!“ гежӗ хелӗбӗ, „таhӑ харбӯлхӑjа дӯдӑбӑбдӗ!“ гежӗ хелӗбӗ.

тīхĕдīн шĕхĕ̆шхĕң барлăк хелĕбĕ: „jӯндĕ терĕ болсро̄ hанāшăрхăнăт?“ гежĕ хелĕбĕ. „басăгăндā басăгăң ӧ̄рӧ̄ jімāп!“ гежĕ хелĕбĕ. „будăрғăнā hā̄ʲхăң абăхā̄ʲң хуҫсăhă ӧмĕ̆дхӧ̄гӧ̄т, темēнĕ ӯхēр теӈшӯхĕң болґӧжӧ, хоӈӧӈĕ ӯхēр хоӈшӯхăң болґӧжӧ, ӳхĕрĕ ӯхēр ӳнĕртē болґӧжӧ, далăң тоӽōң уhă халāӽтī! долōң hӯнтĕ мīлĕ белдĕ̆ӽтī!“ гежĕ, „дал̆īң намăрhājĕ далбă хуhăӽă, далăң жілīмнĕ дajījĕ далбăр холбӧр хуhăӽтī!“ гежĕ хелĕжĕ. зā̄, тīгēт хāң бāбā̄ʲ зӧ̆тīн орбӧ. „jāхăшхĕjē jāхām!“ гежĕ хелĕбĕ. „тīсĕр jāсăрнā будăрғăнā hā̄ʲхăң абăхā̄ʲмнā jĕрĕхĕ бīзĕ!“ гежĕ хелсĕбĕ.

далăң тоӽōң уhā̄jīн халāлґăжă
долōң hӯнтĕ мīлĕjē белдĕбĕ.
шĕхĕ̆шхĕң барлăґājā нӳсĕглӯlжĕ уӽāбă.
далăң тоӽōң уhāрā jĕ̆тēжĕ,
долōң hӯнтĕ мīлĕрē ӳрĕжĕ,
далăң жілĕ дajījĕ
далбăр холбӧр хуhăбă.
ӳхĕрĕ ӯхĕ тӳрхĕжĕ
ӳнĕртē болґӧжӧ,
хоӈӧӈĕ ӯхĕ тӳрхĕжĕ
хоӈшӯхăң болґӧбӧ.
темēнĕ ӯхĕ тӳрхĕжĕ,
теӈшӯхĕң болґӧбӧ.
будăрғăнă hā̄ʲхăң абăхā̄ʲң
таhăлґăдīн аҫшă орбӧ.
будăрғăнā hā̄ʲхăң абăхā̄ʲң хуҫсăhă мӧдхӧ̄бĕ.
ӯдĕнĕ шĕнēң герĕлдĕ
ĕрjĕжĕ бā̄ʲжă хуҫсăлăбă.
бejĕдē тōрӧk jадăжă бā̄ʲнă.
хуҫсăhājīн ӧмĕ̆дхӧ̄жĕ
тĕхӧ̄jīн хӳсĕжĕ аҫшă
ґаршă jĕрĕбĕ.
сāжăңхā̄ʲ nowōсхӧ̆дīн hӯлґăжă jĕрĕбĕ.
хāнā ґазā jĕржĕ бӯжă
гертīн оржӧ jĕрĕбĕ.
хāнĕ мендēр мендĕшĕlжĕ,
харсāң дорōбōр дорōбӧlжӧ,
алтăң остōлдīн hӯбă.
амтăтă шӳхĕрē ґарґăжă,
мӧңгĕң остōлō аршăжă,
мӧңгĕтē шӳхᵉрē ґарґăжă,
басхăjā нāдăхă гежĕ
ахă jĕхĕ тӳшĕмĕлнhӯдīн нāдăбă.

hарāң дотор нāдāжă. зā, тігēт тендēhēн jēржē, хāнāдā хормō тēхōржē, ґалтă могō мергēң мōрōjō емēллēжē: „бітнā ōрō ондō ӈутăк абхăм!“ гежē, барӯ урдă зӯґтіӈ ошōбō. ґурбāң ēдēршіӈ ґазăр ошōжō, хармāңґāhāн харă торґōң пāлāhā ґарґăбă. ґазăр ґурбă hебēжē, саӄāң ордō мēңгēң ēргōк бодōбō.

ґушăң ґурбăң бāтăртăjā,
ґурбāң зӯң серēґтējē,
ґурбāң міңґăң албăтăтăjā бодōбō.
нӯр бӯтē архă белдēжē,
болдōk бӯтē мăхă белдēбē.
хорміӈ jēрēбē.
ґурбāң зӯң морijē
ґушăң морōӈē хēрдē
уґтăжă абăбă.
ґушăң ґурбāң бāтăрнhēӈ
ґурбāң зӯң тӯшēмēлнhēӈ
морōнhēӈ уґтăжă абăбă.
гертē оржō jēрēбē.
хормō хежē, басăӄā мēргӯlжē,
нāiмăн-др.
нăхімă нāр хежē,
нӯр бӯтē архăдіӈ
ōiмōлдōжō бāiжă ӯбă.
олбōk бӯтē мăхăндіӈ
шӯдēлдēжē ēдēлēжē,
ēдēршхē hоґтӯ,
hēӈēшхē hоґтӯ бāiжă,
jӯhēн-др. зуӄā хебē.
арбăтхă ēдēртō
хāӈē албăтă —
„хӯӈē архіjē ӯжă бархăбōбдē!“ гежē,
„хӯӈē мăхājē ēдēжē бархăбōбдē!“ гежē хелēбē.
гертē ăмăтăң —
„гертē хăрăjі!“ гежē,
дōмōтō ăмăтăң —
„дōмодō хăрăjі!“ гежē хелēжē бāiнă,
морōhō хōлēжē гертē хăрăбăт, тарбăт.
ӯдēшӈē борō хонōлгō болōжō, орōндō орбō.
далăң хēшēгēң сāнă
ґалтă могō мергēң зуӄālăбă:
ґушăң ґурбăң бурхăӈē
бурхăң болхōhō абăң,

ґурбăң ґолтŏ гегēнĕ
гегēң болхŏhō абăң зуғалăбă.
оҷтŏргŏң мiңгăң бурхăнĕ
бурхăң болхŏhō абăң зуғалăбă.
арбăң ґурбăң хāнĕ
хāң болхŏhō абăң зуғалăбă.
шĕхĕҷшĕң барлăк зуғалăбă:
туґăл ҷурӯ харһăнā,
хоиŏ хуґăнāр алăлдăһăнā,
хурă борōндŏ орһŏнō,
харă бурӯғā арһāјĕ
толгŏ[i] дĕрĕ хеһĕнē зуғалăжă,
хеһĕк јĕхĕ хурăдă
шĕрбĕдхĕјē һанăһăнā зуғалăжă хеҷтĕнĕ.
ґалтă могŏ[i] мергĕң
јĕхĕ ґă[i]хăжă
јĕхĕшхĕ таґнăжă хеҷтĕнĕ.
тiгēт ĕглŏ̄нiн болŏбŏ.
ӯр сă[i]бă, нарă ґарбă.
шĕхĕҷшхĕң орŏнһōн бодŏң ӳбē[1];
ґалтă могŏ[i] мергĕң
бодŏхŏјiн хӳлēжĕ јадāт
„бод°iш!“ гежĕ һеиēжĕ бодхōбŏ.
тiгēт шĕхĕҷшхĕң бодŏжŏ ґарбă.
ґӯлă сағāң һӯлґăјā баижă ґарбă.
ӈӯр ґарā уғāң-бĕјēр ґарāт
ӈēгē һābă.
ӈēгē һāғāт оржŏ јĕрĕбĕ.
самбāрā таӈăжă бусăлґăжă,
алтăң стōлō аршăжă,
амтăтă ĕдēгē ґарґăжă
хојӯлăң остōлдō зуғалăжă һӯнăт.
ґалтă могŏ[i] мергĕң остōлһō бодŏжŏ,
хӯ[i]лĕң хĕхĕ аҷтăјā емĕллĕжĕ,
„аӈјĕ мăхăң һанӯлбă,
адăһăӈĕ мăхăң хашăрӯлбă!“ гежĕ аґăнăжă ґарбă.
алтā[i]ң ардă,
хĕхē[i]ң хĕҷшĕдĕ
халӯӈĕ харāјĕ,
булґăӈĕ борō̄јĕ
алăжă јабăнă.
ашā тегнē дӯргĕжĕ јабăнă.

терēнē аґнăжă ґарһăң хӭ̄ʲнӧ шёхёӈшхёң барлăk далăң хӧшёгёjӧ̄ сāнạ оржӧ нӭ̄ʲр гӯрём баӈржă харӽхăржă хурӽхăржă хебтёнё. ӵīжё хеӈтёсёрīн будăрґāнā hā̄ˈхăң абăхāˈ ёрхӧ̄рӧ̄ бор ёрēң булжăмӯр болжӧ оржӧ jёржё гертē jёржё, мём беjē беjёlжё, мёңхё дӯрёhē дӯрёhёlжё, „ӯпфēх!“ гежё, „мӯ емēң hӯдăл — ӯнёр танăр!“ гежё ӯмёхёрхёжё, хамăр амăjā уjăжă, далăң хӧшёгēң сāнă оржӧ, шёхёӈшхёң барлăӽā толгӭ̄ʲ ташāнīн деб°hёжё бодхӧбӧ. шёхёӈшхёң харāʲжă бодӧбӧ. будăрґāнā hāˈхăң абăхāˈ абдăрjā нёжё, алтăң торґӧ ґарґăбă. негё дегёл есхёжё ojӧжӧ зӧӈхёжё hӯнă.

алăґăнё шёнēң торґӧр
арбăң захăтē бӯтēжё hӯнă.
хӯрăґăнё шёнēң торґӧр
хорӧң захăтē бӯтēжё hӯнă.
хӭ̄ʲш ӯрāӈшīн хаjăжă hӯнă.

ӵīжё hӯхă hамāндă шёхёӈшхёң барлăґā харāжă: „ӯхёhёң нӯгёлтё емё сӯхējё шамājё!“ гежё, „хӯнhē сāнă хӯjё мехёлжё муӊхāжă бāʲнăш!“ гежё хелёжё hӯнă, зӯң нāʲмăң тоӈшījīн хадăжă, ˈзахă тобшīн хадăм-бёjēр ӯлēжё орхӧбӧ. „ӯхēр емё!“ гежё харāжă, „ёнё захă тоӈшījī хадăхăш!“ гежё хелёбё, „ёнё захạ тоӈшījё хадăхăдā негё хӯр дӯлхă бīзёш!“ гежё хелёбё. бор ёрēң булжăмӯр болжӧ ёрхӧ̄рӧ̄ дегдёжё ґаршăбă.

ґалтă могӭ̄ʲ мергёң гер тēшё гешхӯlжё, дӧмӧ тēшё дуӷшӯlжă jабăнă. гертē jёржё ашā тегнēгē холбӧ тӯлхёжё хатăjā хāʲхăрнă. хатăнīн харāʲжạ ґаршă jёрёбё. „ӯхё-бīшнё!“ гежё хелёбё, „ёнёhē ӯр сāʲсă унтā-бēˈ болӧт унтăшēп!“ гежё хелёбё. ед болх°īн ед тēшīн зӧ̄жё, ёдēң болх°īн ёдēң тēшīн зӧ̄бё.

ґалтă могӭ̄ʲ мергёң шаӽăбăрāр харāт hӯнă. шёхёӈшхёң барлăk зӧ̄хёдӧ̄ тарґăң ӯхётējīн нулґāжă херёжё jабăнă.

ґалтă могӭ̄ʲ мергёң jёхё ґāʲхăжă, jёхё таґнăжă: хāң хӯнё басăӽăң бāʲжă jӯмёдё садā-бēʲ гедē-бēʲ jабăхʲīм!“ гежё ґāʲхăжă таґнăжă hӯнă.

шёхёӈшхёң барлăjīн оңгӧс°īң шёнēң теӈшёдē шанăхă тāтē мăхăjā хежё оржӧ jёрёбё. хаӊjăлтăр харă тоӿōӿō дӯлё дēрё тăбăбă. бусăлґăжă аӈшă хаӊjăлтăр тоӿōнhōн оңґӧсāң шёнēң теӈшёдē хежё асăрбă. хojӯлăндā hӯжă ёдёбё, остōлō хурāбă. орӧндō орбӧ. баhā зуӿăлăжа хеӈтёнё.

ґалтă могӭ̄ʲ мергёң зуӿăлăнă:
урдăнхăнāн абăң
урлӯлăжă бāʲжă зуӿāлăбă.
ертёнхёhēн абăң
еблӯлёжё бāʲжă зуӿāлăбă.
шёхёӈшхёң барлăjīн зӯӿāлăнă:
хурă борōндӧ орhӧнō,
туґăл бурӯ харhăнā,

харӑ јамӑ̄ньӗ арһӑјӗ
толгӧ̄ᵎ дӗрӗ̆ хеһӗнӗ̄ зуӈӑ̄лӑбӑ.
ґалтӑ могӧ̄ᵎ мергӗӈ
јёхӗ ґӑ̄ᵎхӑл ґӑ̄ᵎхӑжӑ,
јёхӗ таґнӑл таґнӑжӑ:
„хӑ̄ӈ хӯ̈ньӗ басӑӈӑ̄ӈ бӑ̄ᵎжӑ
јӯ ӧ̄ᵎлґӧжӧ̆, јӯ медӗжӗ̆,
јӯшхӗ̆ дӯлӑм-бӗ̆јӗр,
јӯшхӗ̆ ӳзӗм-бӗ̆јӗр јабӑхᵃ̈м!“

гежӗ̆ һанӑжӑ хеѳтӗнӗ̆. бурӯ харӑт ӈурґӑрӑ̄ хеѳтӗнӗ̆. ёглӧ̄ бодӧбӧ̆. ӯр сӑ̄ᵎбӑ, нар ґарбӑ. ёдӗр болшӧбӧ̆. шёхӗ̆ѳшхӗнӗ̄ бодхᵒїјӗ хӳлӗжӗ̆ јадӑбӑ. һеӈӗбӗ̆, „бодᵒїш!“ гежӗ̆. шёхӗ̆ѳшхӗӈ гӯᵎжӗ̆ ґаршӑ, ґӯлӑ̄ саӈӑ̄ӈ һӯлґӑјӑ̄ баӈржӑ, ӈӗгӗ̄ һӑжӑ оржӧ̆ јёрӗ̆бӗ̆. сӑ̄ᵎґӑ̄ бусӑлґӑжӑ, ґалтӑ могӧ̄ᵎ мергӗјӗ̆ неӈӗбӗ̆. стӧлдӧ̄ һӯбӑ. сӑ̄ᵎлӑбӑ, ёдӗлӗбӗ̆. — „бїшньӗ̆ шамдӑ̄ дегӗл ојӧһӧм!“ гежӗ̆ хелӗжӗ̆, дегӗлӗ̄ аѳшӑ ёгбӗ̆. дегӗлїӈ аѳшӑ мёдӗбӗ̆. зӯӈ нӑ̄ᵎмӑӈ тоѳшїјїӈ захӑдїӈ ґарсӑ тоѳшӧлбӧ̆. шёлгӗгӗт ӳзӗжӗ̆: захӑ тоѳшїӈ таһӑршӑбӑ. — „енӗ̆ захӑ тоѳшїјїмньӗ̆ јаһӑндӑ їжӗ̆ мӯсӑ хадӑ̄ѳшӗ̆?“ гежӗ̆ һурӑбӑ. „терӗ̆-бӗ̆ᵎ ојӧдӧлшньӗ̆ ојодӧл һӑ̄ᵎн-дӑ!“ гежӗ̆, „ґансӑхӑӈ земёшньӗ̆ енӗ̆ захӑ тоѳшїјїмньӗ̆ мӯсӑ хадӑш!“ гежӗ̆ хелӗбӗ̆. „мӧнӧ̄ хӧ̄ᵎшӧ захӑ тоѳшїјїмньӗ̆ һӑ̄ᵎсӑ бёхӧ̄р хадӑ!“ гежӗ̆ хелӗбӗ̆, „бїшньӗ̆ бӑтӑр хӯм!“ гежӗ̆, „хортӧ̆ шортӧ̆ дӑ̄ᵎндӑ ґархӑјӑ тёхӧ̄рбӗлньӗ̆ утӑ ајӑндӑ јаѳхӑдїмньӗ̆ захӑ тоѳшӧ̆ таһарбӑл отӧл сӗртӗ̆ јїмӗ̆!“ гежӗ̆ хелӗбӗ̆.

шёхеѳшхӗӈ урдӑһӑ̄ӈ хелӗбӗ̆:
„темӗ̄ньӗ̆ нӧһӧр
тендӗ̆ ендӗ̆ ојӧһӧм!“ гежӗ̆,
„тендӗ̆хӗ̆ ендӗ̆хӗ̆ урӑґньӗ̆ јёрхї гежӗ̆
тебӗ̆шӗ̆ һӯжӑ ојӧһѳм!“ гежӗ̆,
„хоӈӧньӗ̆ нӧһӧр
холӧ̆ ӧ̄ᵎрӧ̆ хадхӑжӑ,
холӧ̆дхӧ̆ ӧ̄ᵎрӧ̆дхӧ̆ урӑk елӗгӗмньӗ̆ јёрхї гежӗ̆
мендӗжӗ̆ һӯжӑ ојӧһӧм!“ гежӗ̆ хелӗбӗ̆.

ґалтӑ могӧ̄ᵎ мергӗӈ мӧрӧ̆јӧ̄ емӗллӗжӗ̆ баһӑ̄ аґнӑжӑ ґарбӑ. алтӑ̄ӈ ардӑ, хӧхӗӈ хӗѳшӗдӗ̆ аґнӑжӑ ґарһӑӈ хӧ̄ᵎнїӈ шёхеѳшхӗӈ барлӑk далӑӈ хёшёгёјӧ̄ сӑнӑ̆ оржӧ̆ унтӑжӑ нӧ̄ᵎр гӯрём баӈржӑ̆ унтӑжӑ хеѳтёхёдїӈ будӑрґӑнӑ̄ һӑ̄ᵎхӑӈ абӑхӑ̄ᵎ ёрхӧ̄рӧ̄ оржӧ̆ јёрӗбӗ̆. мӧӈ беје̄ бејӗлжӗ̆ далӑӈ хёшёгёӈ сӑнӑ̆ оржӧ̆, шёхеѳшхӗӈ барлӑӈӑ̄ негӗ̆ деѳһӗжӗ̆ бодхӧбӧ̆. „мӯ емёӈ һӯӈ һӯдӑл ӯнёр танӑр ӯмᵉхӗ̆ᵎ!“ гежӗ̆ хамӑр амӑ̄ ујӑжӑ абдӑрјӑ̄ ӈӗжӗ̆ алтӑ̆ торґӧјӧ̄ ґарґӑжӑ, ёбӗлӗ̆ саґтӑ мёдхӗ̆ ёӈгӗ̆ торґӧӈ суѳсӑӈӑ̄ ојӧжӧ̆, ојӧжӧ̆ дӯдӑжӑ ојӧдӧл ӯбӗᵎ хуѳсӑһӑ̄ ојӧжӧ̆, зӯӈ нӑ̄ᵎмӑӈ тоѳшїјӗ хадӑжӑ, захӑ тоѳшӧ̆ ӯлӗжӗ̆, „нӯгӗлтӗ̆ шёбӗлтӗ̆ емёјӗ шамӑ̄јӗ!“ гежӗ̆, „енӗ̆ захӑ тоѳшӧ̆ хадӑхӑш!“ гежӗ̆, „енӗ̆ захӑ тоѳшӧ̆ хадӑ-хӑдӑ̄ негӗ̆ таѿӯр ёдӗхӗ̆ бїзёш!“ гежӗ̆ хелӗбӗ̆. дӯдӑт јабӯт хӧрӧ̆ндӧ̆ тарлӑ̄ᵎ ӗрӗӈ һодӧ̆јӧр урґӯлжӑ, булӂӑмӯр болжӧ̆ ёрхӧ̄р дегдёжӗ̆ ґаршӑбӑ.

ґарһăң хӧ'нiһ шёхёҫшхёң барлăк далăң хёшёгёң сăнă оржӧ нӧ'р гӳрём баӈжă хурхăржă хархăржă хеҫтёнё.

ґалтă могӧ' мергёң
халӯӈё хараӈё алăжă,
булґăӈё боробӧё алăжă,
баґтă' баґтă' ашă тегнё медёжё,
гер тёшё дуртё дур-ӳбё'
гелжёр ґалжăр гӯlжё ӈёрёбё.

гертё ӈёрёжё ґазăҕă оржӧ, ашă тегнёгё холбӧ тӳлхёжё, мӧрӧӈӧ емёлiһ аҫшă, алтă'ң ардă таӡăжă орхӧбӧ. гертё оржӧ ӈёрёбё. оржӧ ӈёрёң геһăӈ шёхёҫшхёң барлăк хархăржă хурхăржă хеҫтёнё. далăң хёшёгёң сăнă оржӧ, ётхёлжё боӡхӧбӧ. шёхёҫшхёң барлăк ӈӳдё харăң-бёӈёр гӯ'жё ґаршă, ашă тегнёӈiһ орӯлбă, тарґăң тарґăӈ нулгăжă херёжё јабăт. ґалтă могӧ' мергёң шаҕăбăрăр харжă ӈёхё ґă'хăжă, ӈёхё таґнăжă һӯнă. „хăң хӯнё басăҕăң ба'жă ӈӯндё садăжă, ӈӯндё гедёжё јабăхiмё?“ гежё, „енёнёш енёнёмё ёдёң-бёӈёр хăнă јабăхiмёп?“ гежё, „iмё хёҫшё абăшхăдă ха'шă харжă орхӧ белёӈёп?“ гежё ґă'хăжă һӯнă. шёхёҫшхёң барлăк оңгӧс°iң шёнёң теҫшёдё шанăхă тăтё мăхăӈё хежё асăрбă. ханӈăлтăр харă тоҕӧҕӧ дӯлё дёр тăбăбă. бусăлґăжă аҫшă, хоӈӯлăң дундă тăбăжă ёдёжё һӯнă.

ґалтă могӧ' мергёң амт-амхăң ёдёлёжё, абăр ёбёрхёң зуҕăлăжă, „садăп!“ гежё бодӧбӧ. шёхёҫшхёнё урдăһă тӳлхёжё ёгбё, „сасрă ёдёл!“ гежё. шёхёҫшхёң ёдё ёдёһёр ёдёбё. хӯ ёдёжё, далă јаһă нохӧ'дӧ ёгбё. остӧлӧ хурă'жă, хурă'һăң хӧ'нӧ „шамдă ёбёлё саґтă ёмёдхё ёңгё торґӧң дегёл ојӧһӧм!“ гежё хелёбё. асăржă ёгбё дегёлё. ґалтă могӧ' мергёң дегёлё ёмёшшё ӳзёбё. зӯң нă'мăң тоҫшӧӈӧ захăдiһ ґарсă тоҫшӧлӧбӧ. саҕăң мёңгёң беһёӈё беһёлёбё. шёлгёжё ӳзёбё. захă тоҫшiһ таһăржă унăшăбă. „ӳбё' шi iжё ојӧһӧң хӧ'нӧ јамăр хӯнё хӯр дӯлх ӳбё' хӯмшё!“ гежё хелёбё. „бiшнё бătăр хӯм! утă аӈăндă јаҫхăшхă бă'хăп, хортӧ шортӧ дă'ндă ошхӧдiмнё захă тоҫшӧ таһăрбăл отӧлдӧ сёртё iмё!“ гежё хелёбё. тiхёдiң шёхёҫшхёң урдăһăң хелёбё: „темёнё нӧһӧр тендё ендё хадхăһăм! тендхё ендхё урґнё ӈёрхi гежё мендёжё һӯжă ојӧһӧм!“ гежё хелёбё. — „јамăр ходӧ терё берё ӈёрхё урăк елёгёншнё бă'хiм!“ гежё хелёжё, зӯң ґара ӳзӯрёр зӯң хасăрiң алăґăдăжă, барă алăшхă дорӧ хеҫтёһёр һегё оржӧ бодӧбӧ. ӳдёшё болбӧ. ӳдёшнё борӧ хонӧлґӧ болбӧ. далăң хёшёгёң сăнă оржӧ,

урдăнхăһăң абăң
урлӯлăжă зуҕăлăжă,
ертёнхёһёң абăң
еблӯлёжё зуҕăлăбă.
арбăң ґурбăң хăнё
хăң болхӧһӧ абăң зуҕăлăбă.

шёхёᵩшхёнїн зуᵪалăбă:
хоньŏ хурăґă харһăнā,
хурă борондŏ орһŏнō,
харă јамānă арһāјё
толгō̄ї дёрё хеһёнē зўᵪалăжă хеᵩтёнё.

ґалтă могō̄ї мергёң јёхё шўбёртē хеᵩтёнё. ёглō̆ болжŏ, нарă ґарбă. шёхёᵩшхёнё „бодᵒїш!“ гежё бодхōбŏ. шёхёᵩшхёң барлăк ӈўр ґарā уᵪāңбёјēр ӈēгē hāжă, hāжă оржŏ јёрёбё. санăбārā бусăлґăжă, сā̄ї лăжă хојўлāң остōлдō hўнă. сā̄ї лăжă бодōт ґалтă могō̄ї мергёң шарª торґŏң пăлāhārā толґŏјō уjăжă hўнă.

ҭїжё hўхăдїн хажā харă бёхēӈхёhō̆ ґурбāң тўргёң ѐлшё јёрёбё. сāжāңхʸї powōсхōр јёрёбё. хāӈё мендēр мендёшёлжё, харсā̄ң дорōбōр дорōбŏлжŏ оржŏ јёржё, менд-амрā хелсёжё „бабā̄ї тнā̄ танā јёрхё гежё уръăжă ѐлгēнёһёң!“ гежё хелёбё. шёхёᵩшхёң барлăк хӧхёжё „бабā̄ї јā јёрхё геһёң хō̄ї нŏ маӈё hўхă жарґăл ўбē̄ї!“ гежё хелёбё. ґалтă могō̄ї мергёң „шїмӈё ошŏжŏ ӯжă ёдёжё јёрїш-тā!“ гежё хелёбё. — „жалдă!“ гежё, „меӈї бāбā̄ї дă јёхёрхёхёш!“ гежё хелē. — „бāбā̄ї дїшӈё јёхёрхёхёбō̄п!“ гежё хелёбё ґалтă могō̄ї мергёң, „толгō̄ї мнё ӧбёдō̄!“ гежё. шёхёᵩшхёң тёхō̄ржё ґарбă. шāжăңхʸї powōсхŏдїн hўжă дōм хўр татăжă јабăнă. ґалтă могō̄ї мергёң мо̀рŏјō хашăјё шёнёң болґŏжŏ хармāндā хежё, ō̄рō̄ харă јілāһăң болжŏ ханăдă адăжă hўнă.

ҭїжё hўхă hамāндїн будāрґанā hā̄ї хăң абăхā̄ї ёрхō̄рō̄ оржŏ јёрёбё. хёшёгёсōӈ гў̄ї жё орбŏ. хёшёгёсō ўбē̄ї бā̄ї нă. „ўпфēх!“ гежё ўмхēрхёжё хамăр амă уjăжă абдăрjă ӈēжё алтă торґŏјō ґарґăжă негё захăтē есхёжё ојŏжŏ, ăлăґăӈё шёнёң торґōр арбāң захăтē бўтēжё hўнă. ҭїжё hўхăдă харāжă хелёжё hўнă: „ўхёһёң мӯ адăлă нўгёлтё шёбёлтё емё!“ гежё харāжă hўнă. „хӯ зобōжŏ мехёлёжё мунхā̄жă бā̄ї нă!“ гежё хелёжё hўнă.

ҭїжё hўхă hамāндїн ґалтă могō̄ї мергёң мём бејē бејёлжё, мёңхё дўрёһē дўрёһёлжё, арă дундăhāн hуґă дōᵪўрїн тебёржё абăбă. будăрґанā hā̄ї хăң абăхā̄ї залт гежё јёхё шошŏжŏ боһŏң харā̄ї жă бодŏбŏ. — „јамăр емёң хўбўң, хемёр емёң хўбўң, хӯ шошōжŏ бāрăбăш?“ гежё хелёбё. hежёржё уґзăржă, мултă hежёрбё. бор ѐрёң буλжăмўр болжŏ ӧрхō̄рō̄ дегдёжё јабăшăбă.

ґалтă могō̄ї мергёң
дёшёң саᵪāң шўдёјē
дёλё ґарсăр хабăрбă.
арбāң саᵪāң хурăґăjā
уһā ґарсă мушхăбă.
харā̄ї жă бошшŏ ґарбă.
шорŏң ханґā̄ї hомŏјō
hуґă татăжă аᵩшă,

„хажā харă бёхējё ӧргō̄ᵩтējїн таһă харбăжă унăᵪāхăмнё!“ гежё шорŏң ханґā̄ї hомŏјō оно̆ јёхё ᵪўлґăжă, бїлсā̄ї сăрїн татăжă, будăрґанā hā̄ї хăң абăхā̄ї

ґазăр теӈĭĕр хоjŏрĕ тегнĕжĕ jабăhăр медĕндĕ медĕжĕ, ухăндă ӧ̄ʲлґŏжŏ, „енĕ ĭхĕдĕ беjĕдĕ мӯ-ĭмĕ хехĕмнĕ!“ гежĕ, „есĕгĕjĕмнĕ ӧргӯ̆ґтĕjĭн таhă харбăжă унăӻăбăл енĕ намā̆jĕ тĕӈĭĕртĕ ґаршă олŏжŏ jадхă-бе̄ʲ!“ гежĕ гедĕргĕ ĕрjĕжĕ бӯбă.

ґалтă могӧ̄ʲ мергĕндĕ jĕрĕжĕ, ӧбдĕ̆ґтĭн мӧргĕжĕ унăбă. „jалā̆jĕ херĕглĕjĕш?“ гежĕ, „ерĕ хӯ̆нĕ досō ємĕлтĕ хазāртĕ мо̆рŏӈ!“ гежĕ, „ӯрā дарhăӈ хӯ̆ӈ дā̆ʲґā дарăх-ĭмĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. „ӯлăӈ тӯргĕӈ — мо̆рŏ зобōхŏ, ӯрĕ тӯрґĕӈ — бејĕ зобōхŏ!“ гежĕ хелĕбĕ. тĭхĕдĭн ґалтă могӧ̄ʲ мергĕӈ номŏ hăдăӻā тăбăжă, ӯрā ґаршă, будăрґăнā hā̄ʲхăӈ абăхā̄ʲ хăнĕ мендĕр мендĕшĕлжĕ, харсā̆ӈ дорōбōр дорōбōлжŏ, будăрґăнā hā̄ʲхăӈ абăхā̄ʲ сōлдĭн гӯ̆ʲжĕ орбŏ.

хоjŏр тĕшĕ ĕртĕ сăблījĭн ӑӻшă ґаршă jĕрĕбĕ.
орjŏhōн абăӈ заӈґăжă,
улᵃдĭн хӯ̆рсĕ хахă шаӻшăжă унăӻăбă.
досōгŏhōн борхŏ хархă
мӯ hā̄ʲӈ хорхӧ̄ʲ шаӻхā̄ʲ хаjăжă,
jӯ̆hĕӈ булăjĕ ехēр уӻăжă,
jӯ̆hĕӈ арсā̆ӈ дĕжēр ăрӯлбă.
мелхēӈ хар аршāӻăр аршāлӯлбă̄.
гертĕ ӑӻшă орбŏ.
алтăӈ стōлō аршăжă
амтăтă шӯ̆хĕрē ґарґăжă,
мĕӈгĕӈ стōлō аршăжă,
мĕӈгĕтĕ шӯ̆хĕрē ґарґăбă.
будăрґăнā̄ hā̄ʲхăӈ абăхā̄ʲ зуӻāлăбă:
о̆ґтŏргōӈ мĭӈґăӈ бурхăнĕ
бурхăӈ болхŏhō абăӈ зуӻāлăбă.
ґушăӈ ґурбăӈ гегēнĕ
гегēӈ болхŏhō абăӈ зуӻāлăбă.
арбăӈ ґурбăӈ хāнĕ
хāӈ болхŏhō абăӈ зуӻāлăбă.

тĭжĕ hӯ̆сăрĭн шĕхĕ̆ӻшхĕӈ барлăк гертĕ jĕрĕбĕ. дӯлăнăр бō̆лĕнō̆р jĕрĕбĕ. ґазāӻā jĕрĕжĕ, ӯдĕндĕ nowōсхŏjō залӯлăжă, ґалтă могӧ̄ʲ мергĕӈ ґаршă „jĕр!“ гежĕ хā̄ʲхăрбă. „ĕзīдĕ херĕ̆ґтĕ ĭм хедā абāш!“ гежĕ хелĕбĕ. ґалтă могӧ̄ʲ мергĕӈ ӧндĕгĕт гежĕ гӯ̆ʲжĕ бодŏбŏ. будāрґăнā hā̄ʲхăӈ абăхā̄ гедĕргĭн hӯлґăжă, ō̆рō̆ хоjŏр тĕшĕ ĕртĕ сăблăjā гӯ̆ʲдĕл дундă ӑӻшă, ґалтă могӧ̄ʲ мергĕӈ „ō̆рō̆ залăндă хӯ̆нĕ хӯ̆ртĕ, хӯ̆нĕ мехĕдĕ орhŏӈ хӧ̄ʲнō земĕ бејĕhĕн абă!“ гежĕ хāхăрбă. — „хӯ̆нĕ харжă hӯсăр ґарāрā ӓмăдă хӯ̆ бă-алă!“ гежĕ хелĕбĕ. терĕ хӯ̆рĭн ухăндă ӑӻшă ӯр орхŏбŏ. ґаза ґаршă шĕхĕ̆ӻшхĕнhĕн hурбă: „далăӈ улāґшăӈ нĕнĕ ӧбĕртĕ дуртā̆jĕш?“ геже hурбă. „далăӈ ажăґăр улăӈ шӧнĕ-hĕнĕ орӧ̄ʲдŏ дуртā̆jĕш?“ гежĕ hурбă. тĭжĕ хелхĕдĭн шĕхĕ̆ӻшхĕӈ барлăк хелĕбĕ урдăhăн: „намā̆jĕ алāт jӯ̆нĕ нерĕ ӑӻхăшнĕм? jамăрмā̆ӈ хорŏ тā̆ʲлхăш-

нім?“ гежĕ хелĕбĕ. „далăң улăғшăң нēгē hăжă ухĕсᵉрē ехĕ есĕгēйĕшнĕ хархăп!“ гежĕ хелĕбĕ. будăрғăнă hăⁱхăң абăхăⁱ хойŏр ғӯлă hӯлғă мӧңгĕң тēгтēйĭн баŗӯлжă, „хеҫ хезē нанăнсōҫō ехĕ есĕгĕдĭмнĕ уhă зо̄го̄шĕ болŏ!“ гежĕ хелĕбĕ.

шĕхĕҫшхĕң хажă харă бĕхēндо̄ хойŏр ғӯлă hӯлғăйă ĕргĕлĕжĕ орŏбŏ. хажă харă бĕхĕ гӯⁱжĕ бодŏбŏ.—„ă бурхăншнĕ! медĕгдēш ӱбēⁱйĕш?“ гежĕ hурбă. тĭхĕдĭн шĕхĕҫшхĕң барлăk хелĕбĕ: „ендĕhē ошŏң геhăмнĕ будăрғăнă hăⁱхăң абăхăⁱмнă йĕрēт hӯнă!“ гежĕ хелĕбĕ. хажă харă бĕхĕ хатăтăйă йĕхĕ хĕсĕжĕ йĕхĕ байăрлăжă јабӯт хōрŏндŏ ғурбăң тӱргĕң ĕлшĕ ĕлгēбĕ. сăжăңхʸі powōсхŏдō ғурбăң шарғă мŏрŏйō ухăржă ошŏбŏ. ошŏжŏ хӱрĕбĕ. ӱдēн татăжă орбŏ. хăнĕ мендēр мендĕшĕлжĕ, харсăң дорōбōр дорōбōлжŏ.—„зă хӱргĕң басăҫăң бабăⁱтнă йĕрхĕ гӯлжĕ ĕлгēгē!“ гежĕ хелĕбĕ. јабӯт хōрŏндŏ тĕхо̄ржĕ, ғалтă могō̄ⁱ мергĕң мŏрŏйō емĕллĕжĕ, мŏрŏйō унăжă ошŏбŏ. будăрғăнă hăⁱхăң абăхăⁱ powōсхŏдō hӯбă. бабăⁱндă ошŏбŏ. орбŏт. хăнĕ мендēр мендĕшĕлжĕ, харсăң дорōбōр дорōбōлжŏ hӯнăт.

арбăң тоҫōң
арзăйă ғарғăбă,
хорŏң тоҫōң
хорзŏйō ғарғăбă.
арᵃĭң барбāң сохŏжŏ
ăмăтăң зоно̄ суғлӯлбă.
ӧбро̄ барбāң сохŏжŏ
ӧбро̄ hăⁱдăңғăhī суғлӯлбă.
нăⁱмăн-др。
нăхĭмă нăр хежĕ,
јӱhĕн-др。
јĕхĕ зуҫă хебĕ.
арбăтхă-дĕрē таржă,
ғалтă могō̄ⁱ мергĕң хелĕбĕ:
„гертĕhēн ғарhăр ӧнĕ холŏ болŏбōп!“ гежĕ хелĕбĕ.
„гертĕ хӯң—
гертē хăрхăмнĕ“, гебĕ.
дōмŏтŏ хӯң—
дōмŏдō хăрхāмнĕ“, гебĕ.

тĕнјĕрĭң хажă харă бĕхĕ „будăрғăнă hăⁱхăң абăхăⁱң мŏрŏ баŗăғтī!“ гежĕ хелĕбĕ. будăрғăнă hăⁱхăң абăхăⁱң мŏрŏ асăржă хābă. харă хеjĕр мŏрŏ баŗăжă емĕллĕжĕ хазāрлăжă ӧгĕбĕ. ғушăң ғурбăң̄ бāтрā ӧгĕбĕ. ғурбăң зӯң серĕк хубāжă ӧгбĕ. алтă мӧңгĕннō̄н утăрхăйĭн ӧгĕбĕ. хӱргĕтĕjĕ барăң ғартā зӯжĕ јабăнăң боржŏгŏр мӧңгĕң беhĕлĕгē андăлдăжă зӯбĕ.—„хеҫ хезē hăⁱң hăⁱхăң јабā хедĭмнă беhĕлĕгнă јалăғăнжă ӧңгĕ ғаршă јабăхă!“ гежĕ хелсĕбĕ.

будăрґăнā hāĭхăң абăхāĭ ехĕ есхĕjē хӧлдĕ мӧргĕжĕ мендĕшĕлжĕ ґаршă jĕрĕбĕ. „хаРăдă номтŏ хӯнтнā хаРăдā ошхŏмнĕ!“ гежĕ хелĕжĕ, тендĕнēн ґаршă jĕрбĕт.

jĕрĕ jĕрĕнēр jĕрĕжĕ, хӯрĕ хӯрĕнēр хӯрĕжĕ, ґушăң ґурбăң бāтрĭн, ґурбăң зӯң серĕjĭн хӯсĕжĕ jадăжă, таНăр таНăрнāр таНăржă, мŏРŏнĭн есĕжĕ, есĕнĕң мŏРŏнĕ елĕгĕ ĕдĕжĕ, елĕгĕң дегĕлĕ танăсăk ӧмĕдĕжĕ — „маНĕ танāр jабăхă алтă ӯбĕĭ-ĭмĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. „мŏРŏ бejē зобōжŏ jабăнăмдĕ!“ гежĕ хелĕбĕ.

ґалтă могōĭ мергĕң хелĕбĕ: „тĕхрō̆ зураНăндĭмнĕ хоножŏ, тō̆ зураНăндĭмнĕ jабāрāт!“ гежĕ хелĕбĕ. тĭгēт jабă jабăнāр jабăбă. хӯрĕ хӯрĕнēр хӯрĕбĕ. ō̆рjō̆ дāĭдăдă орбŏ.

ĕдĕр шулӯң мергĕң медēндē медĕжĕ, ухāндā ōĭлґŏжŏ, урдăнāн гӯĭлгĕжĕ jĕрĕбĕ. хāнĕ дардăм харгӯĭдă āĭсă бāĭсă золґŏжŏ, хāнĕ мендĕр мендĕшĕлжĕ, харсāң дорōбōр дорōбōлжŏ, ґурбӯлдā ĕрjĕжĕ сāшā jабăбă. jĕрĕ jĕрĕнēр jĕрĕжĕ, ґазāҕā орбŏ. алтăң сергĕjē узӯртă мŏРŏнō уjăжă, гертē оржŏ, хāнĕ мендĕр мендĕшĕлжĕ, харсāң дорōбōр дорōбōлжŏ.

алтăң стōлō татăжă,
амтăтă ĕдĕгē ґарґăбă.
мӧңгĕң стōлō татăжă,
мӧңгĕтĕ ēдēгē ґарґăбă.
арбăң тоҕōң
арзăjā асăрбă,
ар^{а}ĭң барбāң соХŏжŏ
аМăтăң зōĭгō суґлӯлбă.
ӧбрō̆ тӯшĕмĕлнНē суґлӯлбă.
нāĭмăн-др$_{о}$
наХĭмă зуҕā хебĕ,
jӯНĕн-др$_{о}$
jĕхĕ нāр хебĕ.
хоРŏмō хежĕ,
хоjŏр хāнĕ албăтă
jĕхĕ зуҕā хежĕ бāĭнă.
нӯр бӯтĕ арХăдĭн
ōĭмŏжŏ бāĭжă ӯбă.
болдōk бӯтĕ маХăндĭн
шӯдĕлдĕжĕ бāĭжă ĕдĕбĕ.
арбăтхă-дĕрē
аМăтăң зоНĭн
гер берĕ хаРăбă.
аң hӯжă, налāĭжă жарґăжă,
ашăтă бурхăндā тӯшĕжĕ hӯнă.

ХАН СЕҰСЕ МЕРГЕН

уръ саҰта
ґазаръе ґазар болходо,
ґалбіҢ тебе бутхеде,
уһаҥе уһаҢ болходо,
ужам талаҢ бутхеде,
захаҢ зандар модоҥе
ёртеһеҥе шёнёҢ баіхада,
заҕал јёхе буҕаҢ
туґалье хабаҢ баіхада,
ґазада јёхе далаҢ
ґорходҥе шёнёҢ баіхада,
абарґа јёхе заҕаһаҥе
жарахаі баіхада,
шаҥха барунье зуҰтё,
ехе саҕаҢ нурье ерје дёр —
узур саіхаҢ бејёрё
улгёҢ делхё дарһаҢ,
саҕаҢ мёҢгёҢ ёргок баібаа.
ґушаҢ ґурбаҢ булантё,
ґурбаҢ зуҢ удётё,
ґурбаҢ міҢґаҢ шаҕабартё,
хулёр мёҢгёҢ полтё,
боржо мёҢгёҢ боһодоотё,
ержё мёҢгёҢ удётё,
міҢґаҢ хуҥе
міна хајажа урялдама
наҰсар мёҢгёҢ херёнсётё,
туҥе ґаза бодоһоҢ
хурье шулуҢ хурётё,
хужё мёҢгёҢ буртатё,
хуҥе хубуҢ харултё,
харя тёмёр хашатё,
хабаһаҢ мёҢгёҢ буртатё,
хаһак салдат харултё,
арбаҢ ґурбаҢ базартё,
хорёҢ ґурбаҢ собортё,
ара одё белшёмё
арбаҢ міҢґаҢ адутё,
ёбёр урў белшёмё
уі тумёҢ адутё,
ара одё һудялтё
арбаҢ міҢґаҢ албататё,
ёбёр урў һудялтё
уі тумёҢ албататё;
тудуі баіха албатајё
тоҕшоложо тёрёһёҢ
емтё тарха мергёҢ.
емтё тарха мергёҥе
ёбёр дёрё ёргёһёҥіһ
хаҢ сеҰсё мергёҢ.
хаҢ сеҰсё мергёҥе ду басаҕаҥіһ —
амараҢ ґохоҢ абаха.
хаҢ сеҰсё мергёҥе
унахя татё морҥіһ
ґушя алда бејётё,
ґурбя аршам шёхётё
заҥ шарґа морёҢ.
заҥ шарґа морјо
алтаіҢ арда табажа орхо.
хоіт ехеіһ:
„хубуҢ аґнїш!“ гежё,
„аҥје махаҢ һанулбя,
адаһаҥе махаҢ хашарулбя!“ гежё хелёбё.

хāӈ сеᵹсē мергĕӈ
ехĕjē хӯр дӯлăжă,
хоᵽŏӈ табăӈ собōр дēр ґаршă,
алтājĕ арлăжă,
хӧхējĕ хӧᵹшĕlжĕ харжă бāʲнă.
заӈ шарґă моᵽӈīӈ
ехĕ саᵸāӈ нӯрĕ ерjĕ дēр
jаᵸāжă унтăжă хеᵹтĕнĕ.
хōлōʲӈ hāʲᵸар хӯᵸāʲджă,
моᵽŏӈ барăӈ сāʲхăӈ шĕхĕндē
жирт гехĕ дӯjīӈ аᵹшă:
„енĕ jĕхĕ дӯӈ
ежĕӈĕ дӯӈ хеjāш-тā!“ гежĕ хелĕжĕ,
„хормōʲӈ шĕнēӈ арбăӈjīмӈĕ
хāʲлӯлжă барăхăдă хӯрбĕш!“ гежĕ.
„негĕ хедā — аґнăжă таґнăжă орхŏшӈĕ,
хоjŏрōр хедā — hӯʲтĕ хубăтă хӯjĕ бедĕрхĕшӈĕ!“ гежĕ,
моᵽŏӈ хаᵽāʲжă бодŏжŏ
ӱхĕᵽĕ шĕнēӈ шулӯнhā
ӧᵭхĕлбĕр хежĕ хаᵽāʲбă.
моᵽŏӈ jĕрĕ jĕрĕhēр jĕрĕбĕ.
ґазāᵸā jĕрхĕдīӈ
буртāᵸā ӈēжĕ ӧгбĕ.
шормōʲ мӧӈгĕӈ ноᵹтōрō ноᵹтŏлŏжŏ,
шуᵭхăмăл мӧӈгĕӈ хазāрāрā хазāрлăжă,
емēллĕжĕ, номŏ hāдăᵸā аᵹшă,
аґнăжă таґнăжă ґарбă.
халӯӈĕ харājĕ алăбă,
булґăӈĕ борōjĕ алăбă,
буᵸă hоᵸō алăбă.
ашā тегнē дӯргĕжĕ,
гертē jĕрĕжĕ,
амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāʲ
гӯʲжĕ ґаршă jĕржĕ,
ашā тегнējīӈ тāʲлăжă,
ед болхᵒīӈ —
ед тēшīӈ,
ёдē болхᵒīӈ —
ёдēӈ тēшīӈ зŏбĕ.
шанăхă тāтē мăхăjā шанăжă,
дӧрбӯлĕндē ёдĕжĕ ёдēт hӯсăрīӈ,
шаӈхă зӯӈĕ зӯґhē,

дёшёӈ жілё ґазăрhā
ґурбăӈ ѐлшё јёрёбё.
алăӷăнё шёнёӈ сāрhă
ара ёбёр ӯбē бешёӷтē ёгбё.

хāӈ сеӷсē мергёӈ дӯдăжă ӯзёбё: амăрăӈ ґōхŏӈ абăхăᵉ̄ӈ нерēр јёрёhёӈ бāнă. амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāдă абāт оржŏ јёрбё. амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāᵉ̄ аӷшă задăлжă дӯдăӈ дорлŏӈ бāжă: шаӈхă урдă зӯґёhē дёшёӈ жілё ґазăрhā шāжґă бајăӈ хāнё алтăӈ шёӷшӯр абăхāᵉ̄ хадăмдă ошхŏјō нāдăхăјā уӯра. амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāᵉ̄: „ажāᵉ̄, бī ошхŏмнё!“ гежё hурăбă. ахāн āᵉ̄сă бāᵉ̄сă хоӈŏбŏ. „хāӈ хӯнё басăӷăӈ уӯăнăӈ хŏᵉ̄нŏ јӯӈ јёхё бејёдё томрŏkʿkʿŏп?“ гежё, „тō тохŏ-бēᵉ ошхŏмнё!“ гежё.—„ошŏhō ошīш-тā!“ гежё зан шарґă мо̄рᵒјō емёллёжё ёгбё.

амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāᵉ̄
абдăр̄јā нēжё,
алтă торґŏӈ хуӷсăhā ґарґăжă ёмёдёбё.
ґазā ґаршă,
зан шарґă мо̄рŏ̄јō тāᵉ̄лăжă,
алтăӈ дёрō̄ дёрō̄лёжё,
шаӈхă зӯнё зӯґтё сејӯлёжё ґарбă.
ошŏ ошŏhōр ошŏбŏ.
ō̄рјō̄ дāᵉ̄дăhā ґаршă
хӯнё ӈутăӷтă орбŏ.
нажăр̄īӈ јёхё ґазăр̄īјё
алтăӈ ґурґăлдāӈ дӯӷăр тендёглёжё,
ёбёлīӈ јёхё ґазăр̄īјё
алăk шāжґāӈ дӯӷăр тендёглёжё,
ошŏ ошŏhōр ошŏбŏ,
шāжґāᵉ̄ бајăӈ хāнāдā тулăжă орбŏ.

ґазāн харăӈ гehāн — хӯӈ хӯрē нāдăӈ хатăржă бāᵉ̄нă. терё нāдăнсōӷō хатăржă орбŏ. нāдăӈ хојŏр тēшē хахă hō̄ржё ёгбё. алтаӈ шёӷшӯр абăхāᵉ̄ гӯᵉ̄жё јёржё, ӈуґăдăжă аӷшă орбŏ. алтăӈ стōлō татăжă амтăтă шӯхёрē ґарґăжă, хӯндёлёжё бāᵉ̄нă. ёдёлёжё ӯӷăлăжă садăжă ґаршă ґазā нāдăндă, амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāᵉ̄ нāдăндīн оржŏ дӯлăжă, хоӈŏӈ хӯнё хёрдё холшŏрлŏжŏ дӯлăбă. тӯдʸī бāᵉ̄хă аммăтăӈ хӯ барăндă дӯлᵃхăјā болŏжŏ шаґнăжă, амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāᵉ̄ ґансāрā дӯлăжă бāᵉ̄нă. тӯдʸī бāᵉ̄хă аммăтăӈ „īмё hāᵉ̄хăӈ хōлō̄ᵉ̄тё хӯӈ аллă ґазăр тёрёhīм?“ гежё ґāᵉ̄хăлдăжă бāᵉ̄нă. јӯhёӈ-дёр нāдăбă. арбăтхадёрē унтăхă гежё, амăрăхă гежё марґāш хоӈᵒмō хӯрёkʿkʿё! гежё унтăбăт.

шāжґāᵉ̄ бајăӈ хāнāдā hёнīӈ тең хабăдă зан шарґă моӈŏӈ деӷхёржё соӷхŏржŏ ханхăнсă інсăӷăбă. амăрăӈ ґōхŏӈ абăхāᵉ̄ хеӷтёhēр мо̄рнō дӯ дӯлăжă, боhŏӈ харāᵉ̄жă бошшŏ, харāᵉ̄жă ґаршă јёрёбё. мо̄рŏндō гӯᵉ̄жё јёржё, „ā бурхăншнё!“ гежё, „јӯ медёжё, јӯ дӯлăжă інсăӷăбăш?“ гежё хелёбё.

мо̆р̆о̄ң урдя̆ha̅ң хелӗбӗ: „урда̄ йӯ харя̄бӯшӗ? хо̅ нō йӯ ӯзӗ̄бӯшӗ?“ гежӗ хелӗбӗ. „ґазя̆р дӗрхӗ ґанся̆хя̆ ахя̆йӣшӈӗ мӯ йортӑ мӯ нӯґӗлтӗ хо̅ тӑ ӣбӣшӈӗ хорӑ ӯлґя̆жя̆ аля̆шхӗ!“ гежӗ хелӗбӗ. амя̆ря̄ң ґōхōң абя̆ха̅ хōлӑйō татя̆жя̆, хормӑйō сохӑжӑ hо̄ргӯ̄ гӯ̅жӗ оржӑ, уля̆hӣ унтя̄ӿя̄р, уня̆ӿя̆ӈӗ хеӿтēгēр хуӿся̆hя̆йя̄ аӿшя̆ ґаршя̆ йӗрӗбӗ. мо̆р̆ондō унажя̆ гӯ̅лґӗжӗ йӗрӗбӗ. йӗрӗ йӗрӗhēр йӗрӗбӗ. хӯрӗ хӯрӗhēр хӯрӗбӗ. ґазя̄ӿя̄ йӗржӗ орбӑ. шӗрӗ заӈйя̆ мӣня̄ӿя̄ бя̆ря̄ң ґартя̄ гӯлдӗржӗ оржӑ йӗрӗбӗ. оржӑ йӗрӗң геня̆ӈ — ехӗ есӗгӗ хойӑрӣӈ унтя̆жя̆ хеӿтӗнӗ. hерӗжӗ хойӯля̄йӣӈ: „ахя̄̅ мӈӗ хя̆нам?“ гежӗ. ех-есхӗ хойӑр бодӑжӑ: „ахя̄йӣшӈӗ медӗнӗбӑ̄бдӗ!“ гежӗ. — „хя̆нам?“ гежӗ шӗхӗӈӗ шӣр таня̆лбя̆. — „медӗнӗбӑ̄бдӗ!“ гежӗ хелӗжӗ ӧгӗң-бе̅. ех-есӗгӗ хойӯля̄йӣӈ орӧ̅ дӗрхӗ оңґӑң саӿя̄ң нōhӑнhōӈ орӧ̅жӑ бя̆ржя̆, шӗрӗ заӈйя̆ мӣня̄ӿя̄рā йамя̄ң бӯтӗ шашхӯлбя̆, инзя̆ӿя̆ң бӯтӗ бархя̆рӯлбя̆. сохӑ сохӑhōр сохӑбӑ. — „я̄̆ бурхя̆ншӈӗ!“ гежӗ ех°ӣӈ хелӗбӗ, „ахя̄̅ шӈӗ бя̆ря̆ң барансōӿō унтя̆жя̆ хеӿтӗнӗ!“ гежӗ хелӗбӗ. баряңґа̄ ӈӗжӗ ӯзӗжӗ, ахя̆йя̄ ґарґя̆жя̆, тоӽōӈӗ хӑдлӗ харля̆шē. ехӗ есӗгӗ хойӑрhōӈ hурбя̆: „енӗтня̄ ӣхӗдē йāhӣмӗ?“ гежӗ. — „арбя̆ң тоӽōң арзя̆, хорӑң тоӽōң хорзӑ нерӗhӣмӗлдя̄!“ гежӗ, „терēӈӗ ӯӿя̆т унтя̆hӣмӗ!“ гежӗ есӗгēӈ хелӗбӗ. ех-есӗгӗ хойӑрō шулӯӈӗ забя̆hя̆ртя̆ абя̄шшя̆ ямя̆дя̄р хаӿшӯлбя̆, „нӯґӗлē ендē ґаршя̆ бя̄̅ґтӣ!“ гежӗ. тендӗhēӈ йӗржӗ, ахя̆йя̄ хӯзӯннēӈ тебӗржӗ ґурбя̆ хонсӑ ӯ̅ля̆жя̆, „ӯ̅лāшхӗ болhōмӈӗ ґол орхӑйō болō!“ гежӗ хелӗжӗ, алтя̆ң хя̄̅рся̆ґсō хежӗ, алтя̆ң хя̄̅рся̆ӿя̄ ґазя̄ӿӯр шӗрӗм хя̄̅рся̆к хежӗ, ӯжӗхӗ-бе̅ ґутя̆хя̆-бе̅ ґазя̆ртя̆ абя̄шшя̆ шулӯндя̆ хаӿшӯлбя̆. тендӗhēӈ йӗржӗ, зайя̄ӈӗ шаря̆ hудя̆р татя̆жя̆ ахя̆йя̄ ґол орӯлхя̆ хӯ зя̄лґя̆жя̆: „аря̆ хӑ̅тӑ зӯґтӗ, йӗрēң жілӗ ґазя̆ртя̆ есӗгӗ маля̆ң тēңгēрӣң ґурбя̆ң бася̆ӿя̆т ӯхēhē бодхōхӑ, ӯбе̅рēhē байя̆жӯлхя̆ тендē бӯӿя̆“, гежӗ зайя̄ӈӣӈ hудя̆ртя̆ бя̄̅жя̆. „бя̄̅хӣң бя̄̅ӿя̆т хойӑр хӧлтӗ хохӑмӑ̅, дӗрбēң хӧлтӗ хӯлӗк хӯрхӣӈ холӑ!“ гежӗ, „йӯhēң бōґӑлӣӈ ґархя̆ арґя̆-бе̅!“ гежӗ хелӗжӗ бя̄̅нӑ.

ӣгēт мӧнӑ̄хӗ бася̆ӿя̆ң тӧхӑ̄рбӗ. ӧдēр болхӑдӑ наря̆ӈӗ туйя̆ӿя̄р тӧхӑ̄рбӗ, hӧӈӗ болхӑдӑ зуля̄ң туйя̆ӿя̄р тӧхӑ̄рбӗ.

тӧхӑ̄гӑ̄ хӯсӗжӗ,
ахя̆йя̄ тӯмēң жілӗ борōндӑ
тēгдӗрхӗ-бе̅ тӯргē̅ сабя̆йя̆ ӧмӗдӗбӗ.
ахя̆йя̄ хуӿся̆hя̆ ӧмӗшшӗ
булґя̆ң хӑ̄мē̅ маля̆ӿя̄йӣӈ
орӧ̅ дēрē тябя̆жя̆,
адхя̆ болхӑ залāйӣӈ
хамя̆р амā сохӯлжя̆,
хӯрзēң шӧнēң шӯдӗтē,
хӯр улāң шара̅тē,
алдя̆ харя̆ сāжя̆тē,
аля̆ґ ӗрēң ӈӯдӗтē
ерӗ бешӗ — ердӗӈӗ
хӯбӯң бешӗ — хӯдӗрӗ болжӑ,

хўшӗн дӗрӗ
хўшӗ немӗжӗ,
ӯдӗң шӗнӗң гӗрӗлдӗ
ӗрӈӗжӗ ба̄ʲжӑ хуƍсӑлжӑ,
бӗӈӗдӗ тōрӧk ӈадӑжӑ ба̄ʲнӑ.
булӑң бӗрӗ hӯдӑлтӗ
бурхӑшӯлā хӗлдӗ
зулӑ носōжӧ мӗргӗжӗ:
„зоӇӧhӧндō хўрхӗмнӗ,
тӗрӗhӗң да̄ʲдӑдā техӗрхӗмнӗ!“
гежӗ мӗргӗжӗ ба̄ʲнӑ.
гертӗhēн ґаршӑ,
заӈ шарґӑ мӧӇнō жолōӈīӈ та̄ʲлӑжӑ,
алтӑң дӗрѺгѺ татӑжӑ дӗрѺлӗжӗ,
арӑ хѺ̄ʲтӧ зўƍтӗ
даƍ гӯлжӗ ӈабӑбӑ.
ошӧ ошӧhōр ошӧбӧ,
ӈабӑ ӈабӑhāр ӈабӑбӑ.
ѺhӗнѺ да̄ʲдӑhā ґаршӑ,
хӯнӗ да̄ʲдӑдӑ оржӧ,
тīжӗ ӈаƍхӑ аӈӑндӑ
харжӑ ӈаƍхӑдīӈ —
наӇӑң могѺ̄ʲ баƍтӑш ўбē
шӗбӗр шуґʸī ба̄ʲнӑ.
терӗ ӈёхӗ шӗбӗӇīӈӗ
шорӧң ханґа̄ʲ hомӧӈō аƍшӑ,
оно ӈёхӗ зӯлґӑжӑ,
татӑсӑӈā татӑжӑ
таӈӑжӑ орӽӧбӧ.

„хāнӗ дардӑм харґʸī ґарӑk!“ гежӗ, шорӧң ханґа̄ʲ номʿīнь хāнӗ дардӑм харґʸī ґарґӑжӑ, сāдӑ бӗӈӗдīӈ ґаршӑ ґазӑртӑ баƍсӑ хаƍхӑлдӑжӑ hӯнӑ.

хāнӗ дардӑм харґӑӈāр ханӽхӑнсӑ хатӑрґӑбӑ. сāƍ бӗӈӗдīӈ ґаршӑ, мӧӇӧн дӗрē hӯжӑ, hарбӑƍӑт гежӗ шорӧң ханґа̄ʲ hомӧӈō аƍшӑ хормӧґӧдӧ худӑржӑ сāшā хатӑрґӑжӑ ӈабӑбӑ.

сāшā ошӧ ошӧhōр ошӧбӧ. тӗңгӗрhē дōшӧ ґал нурмӑ дёршӗ ба̄ʲнӑ. Ѻдёӈшхӗ хатӑрґӑбӑ, ґарха ӈолӧӈ ӈадӑбӑ. мӧӇӧннōӈ hурбӑ: „енӗ ӈёхӗ ґалīӈӗ ӈамӑр арґӑ ба̄ʲхап?“ гежӗ hурбӑ. мӧӇīӈ хелӗбӗ: „нама̄ʲ ґурбӑң ёдӗршīң ґазӑр гедӗргē харӯлӑң-бӗӈēр сухӑрӯлхӑ!“ гежӗ. гедӗршē сухӑрӯлба ґурбӑң ёдӗршīң ґазӑр.

бар амāӈ уґзӑржӑ
ӗрēң хасӑр тулґӑжӑ,

бараӑ ӷарā һежӗржӗ
шаӈхӑ ташӯр хаjӑжӑ,

хаjӑһаӈ шулӯӈ бӯтӗ шӯjӑсӑ гӯ^{i}лгӗжӗ, харбӑһаӈ һомо̆ндлӗ ӧршӗдсӗ хараӣ^{i}лгӑбӑ. терӗ jёхӗ ӷалīн бӯргӗ о̄дӗ дӧрӗо̧хӗжӗ, ӷурбаӈ шассō гӯ^{i}лгӗжӗ, сӑдӑ беjӗдīн ӷаршӑ гедӗргē харӑнӑ: ӷал jӯншхӗ-бē^{i} замӑршēт бāi^{i}нӑ. дӧшō харӑбӑ: заһ шарӷӑ мо̆рһīн бараӈ хō^{i}тӧ ноһӧӷāӈ нōһӧ дӧргӗжӗ ӷарā. — „īм jёхӗ ӷал ӷатӑлхӑ хабāтēӈ хō^{i}нō утӑ аjӑндӑ jабӑжӑ нōһӧjō jёндӗ дӧргō̧шё?“ гежӗ мо̆рӧjō земӗлжӗ. мо̆рӧнīн тīхӗдīн урдāһаһ хелӗбӗ: „īмӗ jёхӗ ӷал ӷарһӑӈ хō^{i}нō беjӗдӗ тендӗк ӧгӗӈ-бӗjӗр ӷархӑдӑ ӷал ӷомӧ̧дхӧ!“ гежӗ хелӗбӗ. — „енёшхӗ хӯр зӧ̧тē!“ гежӗ сāшā jабӑбӑ.

сāшā jабӑжӑ харӑжӑ jабӑнӑ.
теӈгӗртӗ хӯрёмӗ
теo̧хӗр саӷāӈ бāi^{i}сӑ бāi^{i}нӑ.
урӯ̧шīһшхӗ ӗрjӯлжӗ харӑнӑ —
ӷархӑ намтӑр ӱбē^{i} харӯлнӑ.
шорӧӈ хаӈгāi^{i} һомӧjō аo̧шӑ,
оно̆ jёхӗ зӯлгӑжӑ,
татӑсӑjā татӑжӑ,
тахӑм дēрӗ тоӷтōжӧ,
ӱдёшһӗ улāӈ нарӑндӑ шёo̧шёжӗ,
ёглō̆һӗ улāӈ нарӑндӑ шёo̧шёлгӗjē хӱсёжӗ,
„ӱкᶜкᵉīӈ заjāӈ болһō —
ӧ^{i}ӈ дӯрёӈ болӧ̆жӧ арлӑхӑш!“ гежӗ,
„ахӑхᵃīӈ заjāӈ болһō —
хāһӗ дардӑм харгʸī ӷарӷӑхӑш!“ гежӗ тӑбӑжӑ.

шорӧӈ хаӈгāi^{i} һомᵒīн ошō ошӧ̆нōр ошо̧бӧ. теo̧хӗр саӷāӈ бāi^{i}сījӗ хахӑ делбӗ тудӑжӑ, хāһӗ дардӑм харгʸī ӷарӷӑжӑ, шорӧӈ хаӈгāi^{i} һомᵒīн сӑдӑ беjӗдīн ӷаршӑ шулӯ шёӈгӗл хоjӧ̆рī онōрō ӑрлӑгӑжӑ ӷарбӑ. хāһӗ дардӑм харгӑjāр хаһхӑнсӑ хатӑрӷӑжӑ ӷарбӑ. сӑдӑ беjӗдīн ӷаршӑ моо̆рнō гӯ^{i}дӗл дундӑ һарбӑгӑт гежӗ аo̧шӑ шорӧӈ хаӈгāi^{i} һомӧjō хормӧ̆ӷӧjō оjōртӧ худӑржӑ хатӑрӷӑбӑ.

сāшā jабӑбӑ. тīжӗ jабāт хархӑдīн jёхӗ харӑ далāi^{i} ёдӗршīӈ ӷазӑрһā еo̧хӗржӗ, хоно̆ӷшīӈ ӷазӑрһā хомӧ̆ржӧ хӯjӑжӑ хājӑжӑ бāi^{i}нӑ. амӑрāӈ ӷōхōӈ абāхāi^{i} мо̆рӧ̆ннōһ һурбӑ: „енӗ jёхӗ далājӗ хāi^{i}шāӈ гежӗ ӷархӑ белējёбдё?“ гежӗ. „намājā jабӯлхājā медӗрēш!“ гежӗ хелӗбӗ. „меннīгē дēрӗ о̄рō̆ торхӧjō медӗрēш!“ гежӗ.

бараӑ амāһ уӷзӑржӑ, бараӈ ӷарā һабāжӑ, шаӈхӑ ташӯр ӧгӗбӗ. харӑ далāӈ ӧрмō̆р хаһхӑнсӑ гӯ^{i}лгӗбӗ. хоjӧ̆р ӈӯдёнīн харлāжӑ, хоjӧ̆р шёхёнīн шӯjāжӑ, сӑдӑ беjӗдīн ӷарһāнā медём-бёjēр jабāнӑ.

сӑдӑ беjӗдīн ӷаршӑ, моо̆рнō тоӷтӧжӧ бāi^{i}хӑдӑ гедӗргē харāӈ гехāһ — ёхӗ харӑ далāi^{i} һāi^{i}ртā хатāжӑ бāi^{i}нӑ. ёхӗ харӑ далāӈ оjōртӧ аӷтāншхӗ jаһāӈ арӷӑлӑ

хергӗлӗ, арӑтӑншхӗ јаһӑң арґӑлӑ хергӗлӗ харха̄̈жӑ хеҕтӗнӗ. сӑдӑ бејӗдїһ ґархӑјӑ јабӑһар унӑһӑң мо̆рӧ̆нӗ хӑрӑ семӗгӗјӗ аҕшӑ мо̆рно̆ хӑрдӑ зергӗлӯлӗт ӯзӗнӗ: ӧ̄нӗ̄нӗ мо̆рно̆ семӗгӗннӗ хурӑґӑ дутӯ ба̄̈жӑ. — „баһа̄ меңдлӗ зобӧ̆жӧ̆ тулӑжӑ јабӑжӑ есӗнӗң мо̆рнӗ елӗгӗ ӗдӗжӗ, елӗгӗң дегӗлӗ танӑсӑк ӧмӗшшӗ енӗ јёхӗ дала̄̈дӑ амӑржӑ уна̄-хејїм-да̄!“ гежӗ ӧдӧ̆ харжӑ нӗжӗ, урӯҕа̄ харжӑ ујӑржӑ сӑша̄ јабӑбӑ. тӗнһӗ сӑша̄ ошӧбӧ̆.

ґурӑ шарӑ шонӧ̆ ӗдӗршїң ґазӑрһа̄ деҕхӗржӗ оржӧ̆ јӗрӗбӗ. — „енӗ жалдӑмӑршнӗ ӗдӗхӗ ӯхӑра̄ јӗрӗбӗ!“ гежӗ шорӧ̆ң ханґа̄̈ номӧ̆јӧ аҕшӑ, онӧ̆ зӯлґажӑ, амӑрґӑл саҕӑң хӯзӯ̄јїһ баржӑ харбабӑ. шорӧ̆ң ханґа̄̈ номӧ̆нїһ ошӧжӧ̆ амӑрґӑл саҕӑң хӯзӯ̄јїһ таһӑ харбажӑ унӑҕабӑ. ґазӑрӗ ґурбӑң хӗрһӗ хӯ татӑжӑ мо̆ртӗ бејӗтӗјӗ орбӧ̆. ґурбӑң сӯ̆дхӗ хеҕтӗжӗ ґарбӑ: ӧ̄ модӧ̆ң хохӯрлӑжӑ, оґшӧ̆нӗ ӧбӗ̆нӗ̆ң шарлӑшӗт ба̄̈нӑ.

тӗнһӗн сӑша̄ ошӧбӧ̆. ґурбӑң тӧмӗр толго̄̈тӗ мого̄̈ таж улӑң нарӑһӑјӗ узӯртїн хеҕтӗт оро̄̈жӧ̆ ӯзӯ̄ртїн ґарсӑр оро̄̈жӧ̆ хеҕтӗнӗ. терӗ мого̄̈ медӗжӗ улӑң хӗрһӗјӧ̄ татӑжӑ ӧрӗҕхӗбӗ. тӧ тохӧ̆-бе̄̈ мо̆рто̆јӧ тїшӗ ошӧбӧ̆. һанӑң туһӑң һанӑжӑ шорӧ̆ң ханґа̄̈ номӧ̆јӧ абшӑ оно̆ јёхӗ зӯлґажӑ — „ӄ‘к‘ӗ̊ң зајӑң болһо̆ — ӧ̄ң дӯрӗң болжӧ̆ ӑрлӑ!“ гежӗ, „ахӑх‘ӗ̊ң зајӑң болһо̆ амӑрґӑл саҕӑң хӯзӯ̄јїһ таһӑ харбажӑ ґархӑ!“ гежӗ шӗҕшӗбӗ. шорӧ̆ң ханґа̄̈ номӧ̆нїһ ошӧжӧ̆, амӑрґӑл саҕӑң хӯзӯ̄јїһ таһӑ харбажӑ ґарбӑ. ӯшхӑ елӗгӗң хојӧ̆рїһ ӧбӗ̆нӗ̆ң толго̄̈ берӗ ӯрӗжӗ ґарбӑ: амӑрӑң ґӧхӧ̆ң абӑха̄̈ ґазӑр ґурбӑң хӗрһӗ хӯ татӑжӑ, мо̆ртӗ бејӗтӗјӗ оржӧ̆ хеҕтӗбӗ. ґурбӑң сӯ̆дхӗ хеҕтӗт ґаршӑ, ґарӑт харӑң генӑһ — ӧ̄ модӧ̆ң хохӯрлӑшӗт, оґшӧ̆нӗ ӧбӗ̆нӗ̆ң шарлӑшӗт ба̄̈нӑ.

тендӗ̆нӗ сӑша̄ ошӧбӧ̆. зудандӑ харӑ̄̈лґажӑ ґарбӑ. буҕӑ ноҕӧ алӑжӑ шӯрмӗ̆нӗлӗжӗ, шӯрмӗ̆нӗ̆н аҕшӑ, хојӧр ӈӯдӗ̆нїһ аҕшӑ, буҕӑ ноҕӧ̆нӗ̆ мӑхӑјӗ шорлӧжӧ̆, хормӧ̆ҕојӧ ојӧрһӧ негӗ бухӑл ӧбӗ̆нӗ̆јӗ аҕшӑ мо̆рӧ̆ндӧ задӑлжӑ ӧгбӗ. мо̆рнїһ тебӗл теңхӗ аҕшӑ, буҕӑ ноҕӧ̆нӗ̆ мӑхӑјӗ хамӑр амӑра̄ турјӑжӑ, ӈӯдӗ̆нӗ шӯрмӗ̆нӗјӗ ӯтӑдӑ хежӗ сӑша̄ јабӑбӑ. сӑша̄ јабӑ јабӑһар јабӑбӑ.

алӑґ ӗрӗң ӈӯдӗрӗ алӯт сӑҕӯр ӗрјӯ̆лжӗ харӑжӑ јабӑнӑ. тӗңгӗрһӗ дӧшӧ̆ тӧмӗр дегӗ бӑрӑшхӗт дӯрӗң басӑҕӑт дегӗдӗлдӗжӗ ба̄̈нӑ. ошӧ̆ ошӧ̆нӧр ошӧбӧ̆, хӯрӗ хӯрӗнӗр хӯрӗбӗ. „дӧдӧ̆ бејӗрӗ хојӧр хӧлтӗ хохӧ̆мӧ̆ ґарӑк‘к‘ӑ-бе̄̈ номтӗбдӗ!“ гежӗ, „дӗҕ бејӗрӗ дӑлӑтӑ шубӯ ґарӑк‘к‘ӑ ӯбе̄̈ номтӗбдӗ!“ гежӗ, „мо̆ртӗ бејӗтӗшнӗ шӯрмӗ̆нӗшнӗ аҕхамна̄̈!“ гежӗ дегӗдӗлдӗжӗ ба̄̈нӑ. мӧнӧ̄̈хӗ амӑрӑң ґӧхӧ̆ң абӑха̄̈, „хем басӑҕӑдтна̄̈ шӯрмӗ̆нӗндӗ херӗґтӗп?“ гежӗ, ӯтӑһаң белӗң шӯрмӗ̆нӗ хајӑжӑ ӧгӗнӗ. мӧнӧ̄̈хӗ басӑҕӑт тӧмӗр дегӗгӗ хајӑжӑ белӗң шӯрмӗ̆нӗндӗ балӑ̄̈лдӑжӑ унӑшӗт, хажӯҕа̄рїң ханхӑнсӑ ґарбӑ. „ходӧ̆ ӧнӗ һа̄̈ң ерӗһӯт јабӑґшӑһаң“ гежӗ, „белӗң шӯрмӗ̆нӗ аҕшӑ јаҕхӑ хӯ ӯзӗбӧ̄бдӗ!“ гежӗ, „зо̆рһо̆ндӧ хӯрӗґтї!“ гежӗ, „тӗрһӗң да̄̈дӑда̄ техӗрӗґтї!“ гежӗ ӧрӧ̄л ха̄̈хӑржӑ ба̄̈нӑ. „урӑлдана̄ урдӑ захӑн абшӑ, баӑрӑлдана̄ пӗрwӗ па̄̈ аҕхӑш!“ гежӗ ха̄̈-хӑржӑ ба̄̈нӑ.

тӗнһӗн сӑша̄ ошӧбӧ̆. тӗңгӗрһӗ дӧшӧ̆ хоң херӗһӯт хонхӧ̆нӧлдӧһӧр јӗрӗбӗ. „мо̆ртӗ бејӗтӗтна̄̈ ӈӯдӗ̆нїтна̄̈ ӗдӗхӗ таңґарӑґтӗбдӗ!“ гежӗ хонхӧ̆нӧлдӧжӧ̆ тулӑжӑ јӗрӗбӗ. амӑрӑң ґӧхӧ̆ң абӑха̄̈ јабӯт хӧрӧ̆ндӧ ӈӯдӗ̆нӗ аҕшӑ хајӑжӑ

ӧгӗбӗ. хоӈ херӗнӯт ӈӳдӗнīӈ баӄжӑ ӳрӗ̄дӗжӗ ӧгӗбӗ. хоӈ херӗнӯдīӈ ӈӳдӗнēӈ балӑ̄лдӑжӑ ґазӑртӑ нӯбӑ. терӗ намāндīӈ хатӑрґӑжӑ ґаршӑ, хоӈ херӗнӯт хӧ̄ноӈӧ̄ӈ харжӑ „нӑ̄ншхӗ хӯӈ, мӯшхӗ хӯӈ јабӑ̆ґшӑнӑӈ!“ гежӗ, „белӗӈ ӈӳдӗ аӄшӑ јаӄхӑ хӯ ӳзӗ ӳбӧ̄бдӗ!“ гежӗ, „јамӑр нāӈ хӯм!“ гежӗ ӧрӧ̄жӗ бӑ̄нӑ. „зӧрӧ̄ӈӧ̄ӈ ґазӑртӑ хӳржӗ, тӧрӗ̄нӗӈ дӑ̄дӑдӑ хӳрӗ̆ттī!“ гежӗ ӧрӧ̄жӗ бӑ̄нӑ.

тēнӈēӈ сāшā ошӧбӧ. ґурбāӈ мӧнгӗӈ ӧргӧ̄к јалӑґӑнжӑ бӑ̄нӑ. дēд захāӈ ӧргӧ̄ӈтӗ ошшӧ орбӧ. хӧ̄мӧр сӑ̄хāӈ талдīӈ ґӑ̄хӑмӑ нӑ̄хāӈ абӑхӑ̄ нӯнӑ. алӑӈӑнӗ шӗнēӈ торґӧр арбāӈ захӑтē бӳтēжӗ нӯнӑ. хӳрӑґӑнӗ шӗнēӈ торґӧр хорӧӈ захӑтē бӳтēжӗ нӯнӑ. харāт ојожӧ нӯнāӈ јӯмēјā арӑ бејӗдӗ хајӑшхēт нӯнӑ. мӗнӧ̄хӗ хӳбӯӈ — амӑрāӈ ґӧхӧӈ абӑхӑ̄ — ӗржӗ мӗӈгēӈ ӯдēӈ ебӧтē нӑ̄ӄāр ӈēжӗ орбӧ. хāнӗ мендēр мендӗшӗлжӗ, харсāӈ дорӧ̄бӧр дорӧ̄бӧлжӧ, барāӈ сӑ̄хāӈ талдīӈ забӑлӑжӑ нӯбӑ. мӗнӧ̄хӗ абӑхӑ̄ бошшӧ саӄā хежӗ ӧгӗбӗ. — „хāннā хӑ̄шӑ, ендēнē ӗншӗ јабāбӧтӑ?“ гежӗ, „ӓлӗ ґазрӑ̄ белēт?“ гежӗ, „ӓлӑ хāнӗ албӑтӑбӧтӑ?“ гежӗ нуржӑ бӑ̄нӑ. — „шаӈхӑ урдӑ зӳгēп!“ гежӗ, „дӧшӗӈ жилӗ ґазрāп!“ гежӗ, „емтӗ тӑрхīӈ хӳбӯӈ — хāӈ сеӷсē мергӗм!“ гежӗ хелӗбӗ. „јӯнӗ ӈӯсӑ бӑ̄хӑнāм!“ гежӗ хелӗбӗ. „бенӗмнӗ худāӈ мӧрӧ̄р, бејӗмнӗ хӳргēӈ болхӧр јēрēп!“ гежӗ хелӗбӗ. мӗнӧ̄хӗ басхāнīӈ ӗдē ґарґӑжӑ, алтāӈ стӧлӧ татӑжӑ, амтӑтӑ шӳх°рē ґарґӑжӑ зуӄӑлӑжӑ бӑ̄нӑ. нӑхӑр нӑхӑр гешхӗлжӗ нӑрӑ нӑрāӈ ноӄō урґӯлжӑ хајādā бурӯ тēшӗ харжӑ бӑ̄жӑ, алӑӄӑнӗ шӗнēӈ сāрнāндӑ арӑ ӧбēр ӳбē алтāӈ бешēк дарӑжӑ есӗгӗ малāӈ тēӈгӗртӗ ґарґӑбӑ.

есӗгӗ малāӈ тēӈгӗрīӈ аӄшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗбӗ. ӈӧргīӈ алӑґӑнӑ шӗнēӈ сāрнāндӑ алтāӈ бешӗгē бешӗжӗ ӗлӗгēбӗ. хӳргӗјē бӑрӑлдӯлжӑ хӳшēн туршӑхӑ гежӗ ӗлӗгēжӗ. есӗгӗ малāӈ тēӈгӗрīӈ јēхӗ басӑӄāӈ сāрнāјē аӄшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗжӗ тēӈгӗрīӈ тенēк бӧхӗтē бӑрӑлдӑхӑ гежӗ ӗлӗгēнēӈ бӑ̄жӑ. јēхӗ басӑӄӑнīӈ ар°īӈ барбāӈ сохӧжӧ ӑмӑтāӈ зонō суґлӯлжӑ, ӧбрӧ̄ барбāӈ сохӧжӧ ӧбрӧ̄ тӳшӗмӗлннē суґлӯлжӑ. тēӈјӗрīӈ тенēк бӧхӗдӧ̄ ӗлгēбӗ. тēӈјӗрīӈ тенēк бӧхӗ тӧмӗр харӑ nowōсхōр ґурбāӈ хејӗр мӧрӧ ухӑржӑ јӗрēбӗ. nowōсхāӈ мӧ̄р булӯдӑ хӳрсē шабӑрдӑжӑ јабāнӑ. мӗнӧ̄хӗ басӑӄāӈ харжӑ̄ ґӑ̄хӑжӑ бӑ̄нӑ. „хāннāӈ бӑржӑ тулхӑ белēјēп?“ гежӗ, „оӷтӧргӧмнӗ мīӈґāӈ бурхāӈ негӗ баӷтӑ̄ туһӑ ӧгӗһē-дӑ!“ гежӗ, „ӯлӑ̄мнӗ ежēт!“ гежӗ, „дӑ̄дӑ делхēмнӗ сабдӑӄӯт хӳшēјē хабāјā орӯлһӑ̄!“ гежӗ бӑ̄нӑ. тенēк бӧхӗ јēржӗ, nowōсхӧнōӈ бӯлґӑжӑ hуґӑдӑжӑ, бӑ̄нāӈ-бӑ̄нāӈ ґазӑртӑ шаӄӑ̄дӑ хӳрсē баӷсӑ гешхӗжӗ бӑ̄нӑ. „хӳргēӈ хубӯнтнӑ ӓлӑм?“ гежӗ бӑ̄нӑ. „ӗмēӈ шалā ґарӑкʻкʻӑ!“ гежӗ бајӑрлӑжӑ бӑ̄нӑ. хубӧсāһā тӑ̄лӑхӑ гежӗ тенēк бӧхӗ армāхӑ тӑ̄лӑжӑ јабāжӑ бӑ̄нӑ. мӗнӧ̄хӗ хӳргēнīӈ бурӯ тēшē харжӑ утāнāӈ беһērē сēжējē орӧжӧ ујāжӑ бӑ̄нӑ. „хортӧ шортӧ дӑ̄ндӑ јабāт сēжēмнӗ ебӗрхē болшнīмӗ!“ гежӗ, „сēжēнēмнӗ јēхӗ бӑ-бӑрāраш!“ гежӗ хелӗжӗ бӑ̄нӑ. нежēт татӑлдӑжӑ, хошōт татӑлдӑжӑ, хам орӧлсӧжӧ тебрӗлдӗжӗ, ґурбāтхӑдā тēӈгӗрјē тенēк бӧхēјē газāрē ґурбāӈ хӧрнēндē баӷсӑ шӳдēбӗ, шēхēнīӈ нертēсē шӳдēбӗ. ґаһāнāтнīӈ ґаһāнāјā бāржӑ, хӳрзēтнīӈ хӳрзēјē бāржӑ јēржӗ, мӗнӧ̄хӗ хӳргēнīӈ нурбӑ: „енēнē јāхāтнāп?“ гежӗ, „īхēдē хӳгē ӑмӑдāр хадӑлӑкʻкʻāтнā?“

гежӗ. — „ӑ бурхӑншӗнӗ!“ гежӗ аӎӑтӈӣӈ хелӗбӗ. „хӧ̄ʲтӣӈ хӧ̄ʲнӧ̆ хоjӧр негӗндӗ туhӑтӗ!“ гежӗ, „малтӑжӑ ґарґӑжӑ аӷхӑмнӑ̄!“ гежӗ. мӗнӧ̆хӗ хӳргӗнӣӈ hуґӑ татӑжӑ аӷшӑ ӧгӗбӗ. тенӗк бӧхӗ хуӷсӑhӑ тебрӗт пowӧсхӧ̆дӧшхӧ̆ hӳм-бӗjӗр, хӧ̄ʲшӧшхӧ̆ харӑм-бӗjӗр jабӑшӑбӑ.

мӗнӧ̆хӗ есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗрӣӈ jёхӗ басӑӷӑнӣӈ „хӳргӗӈ хаjӑ!“ гежӗ алӑґанӑ̄ шӗнӗӈ сӑрhӑ бешӗжӗ есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗртӗ ґарґӑбӑ.

есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗр аӷшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗбӗ: тӗӈґӗрӣӈ тенӗк бӧхӗjӗ хӳргӗӈ хӳбӯӈ хаjӑ гежӗ бӑʲнӑ. есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗр hӧ̆ргӣӈ сӑрhӑ бешӗжӗ орӯлбӑ. есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗрӣӈ jёхӗ басӑӷӑнӣӈ сӑрhӑ аӷшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗбӗ: тӗӈґӗрӣӈ тенӗк бӧхӗjӗ хаjӑ хедӑ ґазӑрӗ ґаӈӑk бӧхӗтӗ бӑрӑлдӯлхӑ гежӗ бешӗбӗ. ґазрӑ̄ ґаӈӑk бӧхӗjӗ асӑрӑбӑ. баhӑ мӗнӧ̆хӗ хӳргӗӈ сӗжӗjӗ бенӗрӗ уjӑжӑ бӑрӑлдӑжӑ ґаӈӑk бӧхӗтӗ, хоjӧр татӑлдӑжӑ, hамӑржӑ, ґурбӑтхӑдӑ ґазӑрӗ ґаӈӑk бӧхӗjӗ шӗхӗӈӣӈ hертӗсӗ, шӗгӗшӗӈ бултӑ̄ʲсӑ ґазӑрӗ ґурбӑӈ хӧрhӗндӗ баґсӑ хаjӑбӑ. ґаhӑнӑтӈӣӈ ґаhӑнӑjӑ бӑржӑ, анзӑhӑтӈӣӈ анзӑhӑjӑ бӑржӑ малтӑжӑ бӑʲнӑ. — „нӗӷӗрӗ jахӑтнӑп?“ гежӗ hуржӑ — „мандӑ херӗґтӗ-jём!“ гежӗ шӗгӗшӗjӗhӗӈ аӷшӑ хаjӑбӑ. ґаӈӑk бӧхӗ хуӷсӑhӑjӑ тебрӗт jабӑшӑбӑ.

есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗрӣӈ ґурбӑӈ басӑӷӑнӣӈ „хоӷӧӈ долӧтӗ болсӧр долӧӈ жил бӧӷӧл бӑʲӷӑhӑм!“ гежӗ, „арӑjӑ шорӧ̄ʲдӧ-бӗʲ імhӑм!“ гежӗ басӑӷӑт, „мӗнӧ̆ хӑрдӑ номтӗ улӑт хӑрдӑ ошӧ̆ґтӣ!“ гежӗ хелӗжӗ jабӑшӑбӑ. „хӳргӗӈ пӑ̄ʲӷӑ абӑ̄!“ гежӗ, „худӑjӑ орхӧ̆!“ гежӗ албӑтӑ зоӈӣӈ хӯjӑжӑ бӑʲнӑ. есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗрӣӈ jёхӗ басґӑӈӣӈ есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗртӗ сӑрhӑ ёлгӗбӗ. есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗрӗ дӯдӑжӑ ӳзӗбӗ: ґазӑрӗ ґаӈӑk бӧхӗjӗ хаjӑ гежӗ бӑʲнӑ. есӗґӗ малӑӈ тӗӈґӗр алӑӷӑнӗ шӗнӗӈ сӑрhӑjӗ бӯлґабӑ. сӑрhӑ̄ӈ аӷшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗбӗ: мӧрӧ̆hӣ урӑлдӯлхӑ гежӗ, ґурбӑӈ шар сӧхӧр мӧрӧ̆ асӑржӑ урӑлдӯлхӑ гежӗ бӑʲнӑ.

мӗнӧ̆хӗ хӳбӯӈӣӈ мӧрӧ̆jӧ емёллӗжӗ, бʲишӑхӑӈ хӳбӯ унӯлбӑ. дӗрӧ̄ґӧ̄ аҳӑжӑ, мӧрнӧ ґӳдёнёӈ дӧӷӯр олӧмнӧ̆жӧ̆ татӑжӑ уjӑбӑ.

мӗнӧ̆хӗ дӗрбёӈ мӧрӧӈ ошӧбӧ̆. урӑлдӯлхӑjӑ дӗрбёӈ бӑ̄тӑр тӑбӑбӑ.

мӗнӧ̆хӗ хӳргёнӗ мӧрӧӈ марjӑжӑ манӑ унӑӷӑжӑ, турjӑжӑ тӧhӧ унӑӷӑжӑ, ґурбӑӈ шар[a] сӧхӧр мӧрӧӈ ґурбӑӈ сёдӧ̄jӣӈ ондӧ харґӑjар гӯʲлгӗжӗ jабӑшӑбӑ.

мӗнӧ̆хӗ хӳргёнӗ мӧрӧӈ хӳлёр дӗрӧ̄ґӧ̄ жёмїсрӣӈ хаӷшӑжӑ, хаjӑhӑӈ шулӯндлӗ ёршёдсё харӑ̄ʲбӑ. харбӑhӑӈ hомӧндлӗ шӯjӑсӑ харӑ̄ʲбӑ. хоjӧр ӈӳдёнӣӈ харлӑжӑ, хоjӧр шёхёӈӣӈ шӯjӑжӑ jёрёбё.

зон дёрё ґансӑрӑ jёрёбё. jёрёт хӳбӯгё бӯлґӑжӑ, дӗрӧ̄ґӧ̄ залӑжӑ бӯлґабӑ. ӑмӑтӑӈ зоӈӣӈ ґӑ̄ʲхӑжӑ бӑʲнӑ. — „есӗґӗ малӑӈ тӗӈґёрёмнӑ ӧ̄ʲлӧkʻkʻӧ сӑнӑ ӧ̄ʲлӧkʻkʻӧ адӑлӑ сеґ барӑk ӳбӗʲ імӑтӗ туршӑжӑ бӑʲнӑ!“ гежӗ. тїгёт хӳлё-хӳлё: „hӑ-hӑ!“ hёхёрёлдёhӧр хӑ̄ʲхӑрӑлдаhӑр jёрёбё. терё ґурбӑӈ хӳбӯӈ jёржё „дасїӈ урӑлдахӑмнӑ̄!“ гежӗ хелӗжӗ бӑʲнӑ. зондӧ jёржё, „мӧрӧ̆мнӑ хадӯжӑ ондӧ харґӑjар ґаршё!“ гежӗ. зоӈӣӈ урӑґшӑ абӑӈ-бёjёр хӳргё „басӑӷӑӈ пӑ̄ʲӷӑ абӑ̄!“ гежӗ есёгё малӑӈ тӗӈґёртё алӑӷӑнӑ шёнёӈ сӑрhӑ бешӗжӗ ґарґӑбӑ. есёгё малӑӈ тӗӈґёрӣӈ аӷшӑ дӯдӑжӑ ӳзӗбӗ: тӧ тохӧ ӳбӗʲ хӳргёӈ болхӧр бӑʲнӑ. есёгё

малāң тéңгéрé сāрһă бӯлґăбă. сāрһāй аӈшă ӱзéжé тӱшéмéлнһēй бāтăрнһēй:

„урăң хӯрē хелсéхé,
утăһăң бенéjē андăлдăхă!“ гежé
éлéгēнéң сāрһăң бā'нă.
тӱшéмéлнһē хӯ суґлӯлжă,
нӯр бӱтé àрсă белдéжé,
болдоk бӱтé мàхă белдéжé,
хеӈ хӯрē хелсéжé,
хетé хотӧӈӧ андăлдăжă,
урăң хӯрē хелсéжé,
утăһăң бенéjē андăлдăжă,
зуӈā нāр хежé бā'нă.
нӯр бӱтé àрхăдā
ӧ'мӧхӧһō нāӈӯр ӯжă,
болдоk бӱтé мàхăндā
шӱдéлдéжé ёдéжé бā'нă.
нā'мăн-др.
нàхīмă нāр хежé,
jӱһéн-др.
jёхé зуӈā хежé,
арбăтхă-дéрē тарăжă,
шортōjē андăхă ӱбē'
шорӧґшхӧң одӧӈӧң
гертéшхé шёбéнéнé,
ґазāшхă нàбăнăнă:
„басăӈăң хӯндé
басăӈăjā ёхéтнāj?“ гежé,
„хōлō'ӣ хōлӧбшӧдӧ елéһéндлé,

хурăґăнīй хурăбшīң тōрӧм болһӧң басăӈăң хӯң!“ гежé шёбéнéжé нàбăнăжă бā'нă.

тīсéр jāсăрīн шаґнăң-бéjēр басăґăһā тёхѡ̄рӯлбé. ґурбăң шар сōхōр мӧрӧһō емēллéжé, хазāрлăжă, мӧрӧһō емēллéжé бā'хăдīн шорӧґшхӧң одӧӈӧң ґурбăң басăӈăндă шёбéнéжé нàбăнăжă „басăӈăң хӯндé ошхӧтнāj?“ гежé, „дёрбéң ёзī хā'шхăтнāj? дёрбӯлдé хурā'хă бедёржé ґархăтнāj?“ гежé нāд харжă, нéжé бā'нă. басăӈăт шаґнăншхă ӱбē' терé хӯрīн тёхѡ̄ржé ґаршă ошӧбӧт. ошӧ ошӧһōр ошӧбӧт. шорӧґшхӧң одӧӈӧң алăk шāжґā' болжӧ урдīншхă шахăнăжă, хō'нīншхé шахăнăжă — „дёрбéң ёзīнӯт хā'шхăтнā?“ гежé. мёнѡ̄хé басăӈăт ґаң гемé халӯң унăӈāжă, мӧрӧнé бāһăң бусăлґăмă халӯң унăӈāбă. арґă-бē' уһăндă ӧ'мӧхо'īн хуӧсăһā тā'лăжă, мёнѡ̄хé хӯргёң хуӧсăһā тā'лăбă, дегёлé тā'лăбă. хӯргёнīй мӧрӧң марjăжă — манă татăжă, турjăжă — тōһӧ унăӈāжă, бejé бejē

харӑлсӑӈ-бӗӗр харӑ манӑнсо хӗлӧ тамӑӷар уһӑндӑ орӧжӧ, ӧ̄ мӧжӧ бӑ̄нӑ.

ӧ̄ мот ґаршӑ ӗрже, хуҫсӑһӑ ёмёшшё нашӑ ӗрёбёт. шорӧґшхӧӈ одӧӷӧн шӑжӷӑ̄ болот шахӑнӑжӑ „дӧрбёӈ ёзӣ хӑ̄ шхӑтнӑӧ?“ гежё. ӳдёшнё борӧ хонӧлґӧ болжӧ, зудӑндӑ орбӧ. хурӑ̄ х°ӣн буӷӑ ноҫо номор унӑӷажӑ, ашӑ тегнё ашӑжӑ ӗрёбё. есёгё малӑӈ тёӈгёрӣӈ ӗхё басӑӷӑӈ „енёнё туршӑӗӈдё!“ гежё хоӗӧр дӯдё хелёбё. баӷӑ дӯн урдӑһӑн хелёбё: „утӑ аӗӑндӑ ӗабӑжӑ шортӧӗё андӑхӑ ӳбӗ̄ шорӧґшхӧӈ одӧӷӧнё хӯрёр утӑ аӗӑндӑ ӗабат хӯ̆ туршӑхӑ зергётнӑ ӳбӗ̄!“ гежё хелёбё. ӣсёрӣн хоӗӧр ӗёхё басӑӷӑнӣн — егёӈ ӗёхё басӑӷӑнӣн алтӑ торґӧӈ хуҫсӑһӑ оӗӧжӧ нӯнӑ, дундӑ басӑӷӑнӣн барӑн тёгё нӯнӑ, номӧ ґодӧлӧ хежё нӯнӑ. — „ерё хӯӈ хедӑ ґодӧлӧ номӧ̄мнӑ харһар оржӧ ӗёржё!“ гежё, „ӳнтё басӑӷӑӈ хӯӈ хедӑ алтӑ торґӧӈ хуҫсӑһӑ̄мнӑ харһар ӳзёһёр оржӧ ӗёржё!“ гежё хелсёжё нӯнӑ.

ашӑ тегнё медёжё ӗёрёбё. ӣжё ӗаҫхӑдӑ мӧрӈӣн нурнӑ: „ӣхёдё ӗӯ медёжё ӗабӑнӑш?“ гежё хелёбё. — „бӣ ӗӯшхё медёнёбӧп!“ гежё урдӑһӑн хелёбё. мӧрӈӣн хелёбё: „ӗёхё хёґшёншнё торґӧ алтӑӈ хуҫсӑһӑ оӗӧжӧ нӯнӑ. дундӑ хёґшёншнё ном° һадӑк хежё нӯнӑ. ерё хӯӈ хедӑ номӧ һадӑӗӣмнӑ харһар оржӧ ӗёрхё гежё хелсёжё нӯнӑ!“ гежё. орот ӗёрбё ґазаӷа. баӷӑ хёґшёнӣн урдӑһӑн гӯ̄жё ґарбӑ. ашӑ тегнёӗӣн холбӧ тӯлхёжё унӑӷажӑ аҫшӑ орбӧ.

хӑӈ сеґсё̄ мергёӈ орот мӧрнӧ емёл хазӑрӣн аҫшӑ табӑбӑ. ґурбӑӈ мӧрӧрӧ нӣлӯлёт табӑбӑ. мёнӧхё хӑӈ сеґсё — амӑрӑӈ ґохӧӈ абӑхӑ̄ — орбӧ. ном° һадӑӗё харһар орбӧ. „енё ӗӯ хежё нӯнат?“ гежё нурбӑ. „номӧ һадӑк хежё нӯнамдё!“ гежё хелёбё. „ӗамӑрмӑӗа ӗорлӧҫтӧ?“ гежё, „утӑ аӗӑндӑ ӗабӑжӑ мӯ ӗорӧ удӑжӑ нӯнат!“ гежё номӧ һадӑӗӣн хухӑ татӑжӑ ґалсо хешхёбё.

ӣгёт ёглӧнӣн болбӧ. ӗабӑбӑ сашӑ. ӗёрё ӗёрёһёр ӗёрёбё. ӳдёшнё борӧ хонӧлґӧ болжӧ. хонӧжӧ нашӑ ӗёрёбё. — „тӧ зурӑһӑндӣмнё ӗабӑґтӣ!“ гежё, „тёхрӧ зурӑһӑндӣмнё хонӧрӑт!“ гежё. ӗёрё ӗёрёһёр ӗёрёбё. урӑ ӗёрбё ґансӑрӑ.

ґурбӑӈ хёґшёнӣн ӗабӑнӑ — ӑлӑр хӑ̄ нӧһӧн. хӑӈ сеґсё мергёӈ ӗёрё ӗёрёһёр ӗёрёбё. ётёк ӑлӑдӑ оржӧ ӗёрёбё. аса хӑӷ урґажӑ нӑ̄ґажӑ надхажӑ бӑ̄нӑ. һёр дӧмӧӗӧ һергёжё, боӷ хаӷа хамажӑ ахӑӗа ӗаһӑн дёр° ошӧжӧ, теҫхёр саӷӑӈ бӑ̄ сӑӗа обӧрґӧжӧ, ахӑӗа аҫшӑ, шёрём хӑ̄ рсӑӗӣн залажӑ, алтӑӈ хӑ̄ рсак ґаргажӑ, алтӑӈ хӑ̄ рсӑӷа залажӑ: ахӑ̄ ӈ ӗаһӑӈ хӯ һалашёт бӑ̄нӑ. хӑ̄ рсӑӷтёӗӣн гертё асаржӑ, орӧн заһажӑ, ахӑӗа ӗаһа еблӯлёжё, орӧн дёрӣн табажӑ, булґаӈё харӑ хёнжёлӧр хушажӑ, ӑлӑӷанӑ шёнёӈ сарһӑ ара ёбёр ӳбӗ̄ бешёжё — ахӑ̄ ӈ заи шарґӑ мӧрӧӈ сергё дёр уӗатё бӑ̄жӑ — ахӑӗа мӧрӈё таҫхӑ̄ дорӣн сарһӑӗа хебё.

амӑрӑӈ ґохӧӈ абӑхӑ̄ хузӯндё саӷӑӈ херёстё бомбӧхӣӈ борӧ тӯлӑ̄ болжӧ шёбёртё харӑ̄жӑ ошӧбӧ.

хӑӈ сеґсё̄ мергёнё ґурбӑӈ хёґшёт ӗёрё ӗёрёһёр ӗёрёбё. хӑӈ сеґсё̄ мергёнёдё тулажӑ оржӧ ӗёрёбё. буртӑдӣн ӗёржё, баӷӑ хёґшёнӣн мӧрӧнһӧн бӯжӑ, буртӑӷа нёжё оржӧ ӗёрбёт. оржӧ ӗёрёӈ генӑн — хӑӈ сеґсё̄ мергёнё

мөрөң сергӗдӗ уйатӗ баӣна. мөрөйө уйӑжӑ баӣна сергӗдӗ. тӣжӗ баӣхӑдӑ йӗхӗ хӗҫшӗннӣн хелӗнӗ: „йӑнӑң ҫазӑртӑ йӗрбӣбдӗ? шортӣйӗ андӑхӑ ӳбеӣ шороҫшхӧң одӧҫӧнӗ хӳр ӣхӗдӗ тудӑбӑ!“ гежӗ хелсӗбӗ. мөрөһө уйӑжӑ йӗрӗбӗ. йӗхӗ басҫӑнӣн ошӧт хӧнжӗлӣн арӑт харӑбӑ: саҫӑң йанӑң хеҫтӗнӗ. — „ӣхӗдӗ йамӑрмӑдӑ! мехӗлӳлжӗ ӳхӗнӗң ӳбеӣрӗнӗң ҫазӑр йӗрӗбӗбдӗ!“ гежӗ хелсӗжӗ баӣнӑт. хойӧр басаҫӑнӣн гедӗргӗ ӗрйӗт ӳдӗн тӗшӗ „хӑрхӑмнӑ!“ гӗт йабӑнӑ. баҫӑ басӑҫӑнӣн урдӑнӑн хелӗбӗ: „ӳхӗнӗ бодхӧнӧң, ӳбеӣрӗнӗ байӑжӳлнӑң нерӗйӗ нанӑхӑ ӳбеӣ!“ гежӗ хелӗбӗ. „зӑтӑ болнӧң хурӑӣхӑдӑ йӗрхӗмнӑ гежӗ нанӑжӑ йабӑхӣмӑт!“ гежӗ хелӗнӗ. нанӑң туһӑң гедӗргӗ ӗрйӗжӗ ошӧбӧ. йӗхӗ басӑҫӑнӣн хармӑңҫӑнӑн хар торҫӧң пӑлӑнӑ ҫарҫӑжӑ нег алхӑжӑ, негӗ нолмӧжӧ, негӗ небӗжӗ, дундӑ басхӑнӣн нег алхӑжӑ, негӗ нолмӧжӧ, негӗ небӗжӗ, баҫᵃӣн тӣжӗ негӗ алхӑжӑ, негӗ нолмӧжӧ, негӗ небӗжӗ, ҫурбӑ дахӑ, ҫурбӑтхӑдӑ „бод!“ гежӗ сохӧбӧ. бонӧң харӑӣжӑ бодӧбӧ. — „йамӑр ӗнӗ холӧ унтӑбӣп?“ гежӗ нӧнӧ зӳнӗйӗ ӗлбӗжӗ. — „йамӑр холӧ унтӑхӑйӑ хатӑнӣмш!“ гежӗ, „саҫӑң йанӑң болнӧң хӧӣнӣш!“ хӑң сеҫсеӣ мергӗң гӳӣжӗ ҫазӑ ҫарбӑ. ҫазӑ ҫарӑң генӑн — дӗрбӗң мөрөң уйатӗ баӣнӑ. зан шарҫӑ мөрөнӗ хажӳдӣн ошшӧ, бӳдӳң йӗхӗ хӳзӳннӗн бӳхӗт татӑжӑ золҫӧбӧ. мөрнӣн барӑң хӗлӧ ӗргӗжӗ ӗгӗбӗ: алӑҫӑнӑ шӗнӗң сӑрнӑң баӣнӑ. терӗнӗ аӧшӑ дӳдӑжӑ: арӑ хӧӣтӧ зӳҫтӗ ошӧнӧнӧ, тулӑнӑнӑ, зобӧнӧнӧ бешӗнӗң баӣнӑ. ӑӣжӑ йабӑнӑң ҫазӑртӣн ӳӣлӑжӑ баӣжӑ дӳдӑнӑ, нӗжӗ йабӑнӑң ҫазӑртӣн омӧлҫӧң баӣжӑ дӳдӑнӑ. „есӗгӗ малӑң тӗңгӗрӣң ҫурбӑң басхӑнӣ асрӑп!“ гежӗ бешӗнӗң баӣнӑ. „ҫол ӑмӑ орӧ хедӑ енӗ ҫурбӑң басхӑнӑр ажӑ нӳхӑш!“ гежӗ бешӗнӗң баӣнӑ. — „бӣшнӗ ҫансӑхӑң дӳшнӗ бомбӧхӣң бор° тӳлӑӣ болжӧ шӗбӗртӗ орӧп!“ гежӗ бешӗжӗ орхӧ. „намӑӣ бєдӗрхӗ ӳбеӣш!“ гежӗ бешӗ. терӗ бешӗйӗ ӳзӗжӗ дӳдӑжӑ хӳ, хармӑндӑ хежӗ нӧнӧ зӳнӗйӗ намнӑжӑ, нӳр ҫарӑ уҫӑжӑ оржӧ йӗрӗбӗ. ҫурбӑң хӗҫшӗйӧ хӑнӗ мендӗр мендӗшӗлжӗ, харсӑң дорӧбӧр дорӧбӧлжӧ, сӑӣ-сабӑҫӑ шанӑжӑ, алтӑң стӧлӧ татӑжӑ, урӑҫӑрӑ ӗдӗ ҫарҫӑжӑ, дӗрбӳлӗң сӑӣлӑжӑ нӳнӑ. ӗдӗлӗбӗ. хӧӣтӧ ӧрглѡ̈нӣн болӧбӧ. арᵃӣң барбӑң сохӧбӧ, ӑмӑтӑң зӧӣгӧ суҫлӳлбӑ. ӧбрѡ̈ барбӑң сохӧбӧ, ӧбрѡ̈ тӳшӗмӗлннӗ суҫлӳлбӑ. хорӧмӧ хежӗ, нӑӣман-дӗр нахӣмӑ нӑр хебӗ. йӳнӗн-др„ йӗхӗ зуҫӑ хежӗ, арбӑтхӑ-дрӗ тарӑжӑ, селмӗжӗ, гертӗ ӑмӑтӑң гер берӗ харӑбӑ, дӧмӧтӧ ӑмӑтӑң дӧмӧ берӗ харӑбӑ. ҫурбӑң хӗҫшӗнӣн ӑмӑ ӑмӑрӑ ӧргѡ̈к бодхӧжӧ орбӧ. ӧргѡ̈к баарӑт ӑмӑ берӗ нӳнӑ. йӗхӗ хӗҫшӗнӗхӗнѡ̈н зан шарҫӑ мөрйӧ ҫаршӑ харбӑ — арбӑң ҫурбӑң базӑр дӗрӗ. дӗрбӗң сӑӣнӗ мөрӧд алтӑӣң ардӑ асӑ хӑҫӑлдӑ белшӗжӗ йабӑнӑ. хӧлӧӣң нӑӣҫӑр хӳҫӑӣдӑнӑ, хормӧӣң нӑӣҫӑр далӑлбӑ. зан шарҫӑ мөрөң барӑң сӑӣхӑң шӗхӗндӗ ежӗнӗ дӳйӗ аӧшӑ, „тӑмнӗ ӗдӗлӗжӗ баӣҫтӣ! менӣ ежӗмнӗ йӗхӗ дӳ ӧҫшӗ хӑӣхӑржӑ баӣнӑ!“ гежӗ хелӗбӗ. мөрөннӣн йӗрӗбӗ. мөрөң хабӑнӑң мӗңгӗң буртӑдӑ йержӗ, буртӑҫӑ тӳлхӗжӗ баӣнӑ. хӑң сеҫсеӣ мергӗң ҫаршӑ буртӑҫӑ нӗжӗ ӗгбӗ.

шорбӧӣ мӗңгӗң ноҫтӧрӧ ноҫтӧлжӧ,
шудхӑмӑл мӗңгӗң хазӑрӑрӑ хазӑрлӑжӑ, емӗллӗжӗ,
арбӑң ҫурбӑң олӧмӧрӣн

ата'сӑрӣн татӑжӑ,
бӳтӯ мӗңгӗң бӧгӗлдӗргӗн
бӧгӗлдӗрглӗжӗ,
бӳтӯ утӑнӑң жолӧӷӧ
бӯргӗдӗ гӳлдӗржӗ,
ном° нӑдӑӷӑ ӧргӗлжӗ
аґӑнӑжӑ ґаршӑ ошӧбӧ.
алта'ӣң арӑр,
хӧхӗң хӧӷшӧр,
хӑлӯнӗ харӑ̄јӗ алӑбӑ,
булӑґӑнӗ борӧ̄јӗ алӑбӑ.
ґунӑң дӑ'дӑ —
ґурбӑ ӗрјӗбӗ.
дӧнӗң дӑ'дӑ —
дӧрбӗ ӗрјӗбӗ.

ӈӳдӗндӗ негӗ тӯла'ӣ харӑжӑ јадӑбӑ. гертӗ јӗрӗбӗ. гелжӗр ґалжӑр гешхӯлжӗ, урмӑ дурӑ ӳбӗ' јӗржӗ, ґазӑӷӑ јӗржӗ орбӧ. ашӑ тегнӗгӗ холбӧр тӳлхӗжӗ унӑӷӑбӑ.

ґурбӑң хӧґшӗнӣн јӗржӗ, ед болх°ӣјӣн ед болхӧ тӧшӣн хајӑжӑ, ӗдӗ болхӧ̄јӣн ӗдӗң болхӧ тӧшӣн зѺбӗ. хӧ'т ӧглѺнӣн баһӑ аґӑнӑжӑ ґарбӑ. негӗ шӗбӗрӗ хажӯӷӑр јабӑнӑ. ебсӯндӗ сӑӷӑң херӗстӗ бомбӧхӣң тӯла'ӣ харґ'ӣн отлӧт хара'ӣжӑ ґарбӑ. шорӧң хаңґа'ӣ һомӧјӧ ныґӑ татӑжӑ аӧшӑ шӗӧшӗжӗ: „ӯнӗң менӣ дӯ хедӣн ӗдӗң беjӗрӗ дарӑжӑ унӑхӑ!“ гежӗ шӗӧшӗбӗ. таӧбӑжӑ орхӧбӧ. ӧдѺрѺ амӑрґӑл сӑӷӑң хӯзӯгӗрӣн даржӑ унӑбӑ. гӯ'жӗ ошшӧ баржӑ абӑбӑ. ӧбӗр дӗрӗ аӧшӑ, тӑлӑжӑ, ӧбӗртѺ хебӗ.

аӈjӗ тарґӑӈ алӑжӑ, халӯнӗ хараӈ алӑжӑ, булґӑнӗ борӧ̄јӗ алӑбӑ. ашӑ тегнӗгӗ хӯсӗжӗ гертӗ јӗрӗбӗ.

ґазӑӷӑ јӗрӗт, холбӧр тӳлхӗжӗ унӑӷӑжӑ, ґурбӑң хӧґшӗнӣн ґурбӑң тӧшӗ зѺбӗ. бомбӧхӧјӧ бор° тӯлӑ̄јӗ јехӗ хӧґшӗндѺ ӧгбӗ. јехӗ хӧґшӗнӣн бомбӧхӧ бор° тӯлӑ̄јӗ шӯр°тӗ ноӧбӧнӧтӗ бортӧґӧсӧӷӧ хежӗ унтӯлбӑ. шӯре ноӧбӧнӗӈ таһӑ хазӑшхӗт ба'нӑ. ґолӣн таһӑ сохӧт боӷ дӗрӗ хаjӑшхӗбӗ. боӷ дӗрӗ ӯ'лӑжӑ нӯнӑ.

хӑӈ сеӷсӗ мергӗң „адхӑ нӗнӗ јахӑ сохӧӧшӗ?“ гежӗ хелӗбӗ. — „шӯрӗ ноӧбӧнӗјӣмнӗ хазӑшхӗ хедӑ нӑ'-імӑл!“ гежӗ хелӗбӗ. дундӑ хӧґшӗндѺ абашат ӧгбӗ. дундӑ хӧґшӗнӣн аӧшӑ шӯрӗтӗ ноӧбӧнӧтӗ бортӧӷӧдӧ хежӗ унтӯлбӑ. баһӑ ноӧбӧнӗӈ таһӑ хазӑшхӗ. сохӧт баһӑ боӷ дӗрӗ хӑ'ч'хӗ. хӑӈ сеӷсӗ мергӗң „јахӑ нӗнӗ мӯшӗдлӗжӗ сохӧӧшӗ?“ гежӗ хелӗбӗ. — „енӗшнӗ хӯнӗ ноӧбӧнӧ хазӑхӑдӑ нӑ'-імӑл!“ гежӗ хелӗбӗ.

ттгӗт баӷӑ хӧґшӗндѺ абашшӑ ӧгӗбӗ. баӷӑ хӧґшӗнӣн аӧшӑ шӯрӗтӗ ноӧбӧнӧтӗ бортӧӷӧдӧ хебӗ. шӯрӗ ноӧбӧнӗӈ таһӑ хазӑшхӗ. баӷӑ хӧґшӗнӣн бомбӧхӧјӧ бор° тӯлӑ̄јӗ аӧшӑ, ӧбӗр дӗрӗ ӧргӗжӗ, хатӑрґӑжӑ нӯнӑ. — „шӯлӗк залӯ јаӧхӑдӑ шӯрӗ ноӧбӧнӧӈ олдӯжӑ!“ гежӗ хатӑрґӑжӑ нӯнӑ. — „аӣмӑдӑ залӯ

jaᵩхăдă алтă шӳрĕ олдӳжă!“ гежĕ. ӳдĕшнĭн орӧндō абāт унтăнă. ĕдĕлĕхĕдĕ ĕдĕнĕ hāʲjĕ ĕдӳлнĕ. ґазā ґархăдă хамтă ӧргӧт jабăнă. баᵩă хĕӷшĕнĕдĭн долӧ хонсӧр бāʲбă.

хāң сеӷсēʲ мергĕң оржӧ jĕрĕбĕ. бомбōхӧjō борº тӳлājĕ хатăрґăжă hӳнă. хāң сеӷсēʲ мергĕң бомбōхӧjō борº тӳлājĕ абăбă. „ӧ імājĕ ӧʲдĭн тăбăхă!“ гежĕ, „ґарāр тежĕжĕ мӳшĕдлĕхĕ ӳбĕʲ!“ гежĕ. баᵩă хĕӷшĕнĭң ӧгĕң ӳбĕʲ балāлдăнă. тĭсĕрĭн абāт ґарбă. тāʲᵩăсō ошшӧ, таж улāң нарăhăнсō ошшӧ, бомбōхӧjō борº тӳлājĕ ӧбĕрhӧ̄н ґарґăжă, „хӳдᵛĭ берēмĕ тӳлāʲ jаᵩхăшнĭм?“ гежĕ хелĕбĕ. амăрāң ґōхӧң абăхāʲ мӧң беjē бejĕлжĕ, мӧңхĕ дӳрĕhĕ дӳрĕhĕлжĕ, ахăjă бӳдӳң jĕхĕ хӳзӳ̄нhĕн бӳхᵛĭсĕрĭн татăжă золґӧбӧ. нāрāң jĕхĕ хӳзӳ̄нhĕн нāхĭсāрĭн татăжă золґӧбӧ. хojӳлāң зуᵩāлăжă hӳнăт. урāᵩāрā ӧргӧ̄к бодхōжӧ, дӳгē hӳлґăбă нарăhăнсō. „мехĕлĕжĕ асăрā баʲнăш!“ гежĕ дӳгē хелĕбĕ, „абāт ошӧң гehāмнĕ баᵩтăхă ӳбĕʲт!“ гежĕ хелĕнĕ. „ендĕ jĕрēт hӳᵩāт баʲ!“ гежĕ хелĕбĕ.

хāң сеӷсē мергĕң мӧрjō унăжă аґнăжă ґарбă. халӳнĕ харāн алăбă. булґăнĕ борōн алăбă, аңjĕ тарґājĕ алăбă. ашā тегнēгē дӳргĕжĕ, гер тēшē jĕрбĕ.

амăрāң ґōхӧң абăхāʲндă jĕрĕбĕ. амăрāң ґōхӧң абăхāʲ гӳʲжĕ ґаршă jĕрĕбĕ. халӳнĕ харājĕ ӧгĕбĕ, булґăнĕ борōjĕ ӧгĕбĕ, аңгā тарґājĕ ӧгĕбĕ. тĭгēт ґурбăң хĕӷшĕндӧ̄ хāрăбă.

ашā тегнēгē бӳлґăбă. ӳдĕшнĕ борӧ хонӧлґӧ болӧбӧ. ӧглӧ̄ болбӧ. баhā аґнăжă ґарбă. амăрāң ґōхӧң абăхāʲндă оржӧ jĕрĕбĕ. амăрāң ґōхӧң абăхāʲ гӳʲжĕ бодӧжӧ, алтāң стōлō татăжă, амтăтă ĕдēгē ґарґăжă, ахăjā хӳндĕлĕжĕ баʲнă. арбăң тоᵩōң арзăjā асăрбă, улāң зēрдĕ болґӧжӧ ґарґăжă, hоᵩтōбӧ ахăjā.

аңjĕ тарґājĕ алăнă, халӳнĕ харājĕ бāрăнă, булґăнĕ борōjĕ алăнă. ашā тегнēгē дӳргĕжĕ, гер тēшē jĕрĕбĕ. дӳгēдĕ jĕржĕ, халӳнă харājĕ ӧгĕбĕ, булґăнă борōjĕ ӧгĕбĕ, аңгā тарґājĕ ӧгĕбĕ. гертē хāрăбă. ашā тегнēгē бӳлґăбă. ґурбăң хĕӷшĕнĭн ґурбăң тēшĭн зӧ̄бĕ. шĕбĕр hăбăр гелдĕнĕ: „jāхăдā енĕмнā обӧр алăдăk болӧжӧ, jӳ̄ндĕ хӳ̄ндĕ ӧгĕнĕ?“ гежĕ, „jāхăдā аңjĕ тарґāн утăрхājĭн ӧгĕжĕ баʲнă?“ гежĕ. баᵩă хĕӷшĕнĭн „jāхăтнāп?“ гежĕ, урāᵩшă абăң ӳбĕʲ, „беhĕтē хӳ̄ндĕ урдĭн jӳ̄ншхĕ баʲхᵃĭм?“ гежĕ, „jендĕ тĭжĕ мӳ hанăнăт?“ гежĕ хелĕнĕ. мӧнӧ̄хĕ хojӧр jĕкˈ-кˈӧӷшĕнĭн хӧ̄тӧ ӧглӧ̄нĭн негĕ бӧ̄нсĕᵩē улāң утăhă мӧрнĭн hӳлдĕ уjăнă.

хāң сеӷсēʲ мергĕң мӧрō унăжă ґарбă. ошӧ ошӧhōр ошӧбӧ. амăрāң ґōхӧң абăхāʲндă орбӧ. баhā амăрāң ґōхӧң абăхāʲтăjā зуᵩāлăжă тăмхăлăжă hӳнă. аґнăжă ґарбă. терĕ утăhăнĭн амăрāң ґōхӧң абăхāʲндă hуґăлдăбă. хojӧр jĕхĕ хĕӷшĕнĭн утăhănā мӧрӧ̄р мӧршĕлжĕ jĕрĕбĕ. амăрāң ґōхӧң абăхāʲндă орбӧ. амăрāң ґōхӧң абăхāʲ хӧ̄мӧртӧ алăᵩăнā шēнēң торгōр арбăң захăтē бӳтēжĕ, хурăᵩăнā шēнēң торгōр хорӧң захăтē бӳтēжĕ, урāᵩшă хӧ̄ʲшĭн хajăжă hӳнă. хojӧр бергēнē орхōлāр хōлӧjō татăжă, хормӧjō сохӧжӧ, „хojӧр ахăдāмнĕ jĕрē!“ гежĕ хĕхĕжĕ хӧ̄ржĕ,

алтāң стōлō татăжă,
амтăтă ĕдēгē ґарґăжă,

нахăр нахăр гешхĕлжĕ,
нарăң ноҕō ургӳлжă,
арбăң хӳнĕ хердĕ
аjăглăжă зуҕālăжă,
хорӧң хӳнĕ зергĕдĕ
холшӧр зуҕālăжă ба'нă.

ĕдĕлĕжĕ са'лăжă дӳдăжă, jĕхĕ хĕгшĕнīн hурбă: „нāдăjī-лā!“ гежĕ.— „ха'шăң гĕт нāдăх'ībдĕ?“ гежĕ hурбă. дундă хĕгшĕнīн хелĕбĕ: „алтăң орӧ'дӧhӧ амăнсōҕō хаjăжă нāдăjī!“ гежĕ. jĕк'-к'ĕгшĕнīн барăң гартā зӳжĕ jабăhăң боржӧгӧр алтăң бенĕлĕк гаргăжă дундă хĕгшĕнĕ амăнсō хаjăбă. дундă хĕгшĕнīн амăнсō абāт jĕхĕ хĕгшĕнĕ амăнсō хаjăбă. jĕхĕ хĕгшĕнīн абăжă, амăнсōҕōн шĕгшĕжĕ хаjăбă амăрăң гōхōң абăха'ң амăнсō. амăрăң гōхōң абăха'ң алдăлăжă унăжă, арăңхăлжă хебтĕнĕ. хojōр хĕгшĕң ухāң ӳбē' харā'бă.

хāң сеҕсē мергĕң ашā тегнēгē дӳргĕжĕ амăрăң гōхōң абăха'ндă jĕрĕбĕ. амăрăң гōхōң абăха'ндă jĕрĕң генāн—гаршă jĕрĕң-бĕjēр, хӳлĕжĕ jадāт ха'хăрбă. хojōр ха'хăрбă. jӳншхĕ ӳбē'. гурбăтхăjā ха'хăрāт гӳ'жĕ орбӧ: амăрăң гōхōң абăха'алдăлжă унăшēт хебтĕнĕ. хāң сеҕсē' мергĕң „īхĕдē дӳмнĕ jāҕāт гежĕ īхĕдē харă болбӧ!“ гежĕ ӳ'лăжă шорхӧрсӧ ӳ'лăбă. хӳзӳjīн тебĕржĕ ӳ'лăжă хебтĕнĕ. „сӳдхĕсō ӳ'лāшхĕ болhōмнĕ гол орхӧ-бē'!“ гежĕ hанăжă ӳ'лăхăjā болӧжӧ, алтăң ха'рсăk хежĕ, алтăң ха'рсăҕā газāбӳр мӧңгĕң ха'рсăk хежĕ, мӧңгĕң ха'рсăҕā газāбӳр шĕрĕм ха'рсăk хежĕ арjăл саҕăң буҕ'īң ӧбĕртĕ хадăжă орхӧбӧ. арjăл саҕăң буҕ'īн тӧмĕршĕ харă дархăнĕ сōлгӧнhō уhăлжă бā'нă. уhăлжă гаршă хӳрē. мĕргĕжĕ бā'hăр ха'рсăҕā унăҕăжă орхӧбӧ. тӧмĕршĕ харă дархăң уhăндă jĕржĕ шĕрĕм ха'рсăk олӧжӧ hӧргӧ хӳдĕнстĕ харā'жă ошӧбӧ. ӧлĕрбĕ балтăjā баjржă jĕрĕбĕ. балтārā бутăр хамхăр сохӧбӧ. шĕрĕм ха'рсăjĕ ӳндĕжĕ, мӧңгĕң ха'рсăjĕ гаргăбă. мӧңгĕң ха'рсăjīн бутăр хамхăр сохӧжӧ ӧрĕлбӧрӧ хаҕшăжă задăлжă орӧ'жӧ абăбă. алтăң ха'рсăjīн задăлбă. алтăң ха'рсăjīн задăлжă нĕhĕнīн сānhāн гă'хăмă ha'хăң абăха' гӳ'жĕ бодӧбӧ. ха'рсăjīн ojōрhō боржӧҕōр алтăң бенĕлĕк гарбă. терĕ басхăjā хĕтĕлжĕ гертē асăрбă. басхăнīн бенĕлĕгē барăң гартā зӳбĕ. урăң тӧмĕршĕ дархăң басхāтē болжӧ хĕхĕжĕ хӧржĕ бā'нă.

хартăҕă' хāнĕ харжă мінā хӳбӳң гушăң гурбăң бāтăртăjā, гурбăң зӳң серĕҕтĕjĕ дала'дă аганăжă орбӧ. аганă аганăhăр ӧдĕрсō аганăжă, гансăхăң заҕăhă баjрăбă. терēнē гурбăң хӳ ĕлгēбĕ: „тӧмĕршĕ дархăнāдă шарăҕтī!“ гежĕ. тӧмĕршĕ дархăнāдă ошӧжӧ шарăжă hӯнă. басхăн харă харăhăр заҕăhăjā таhă дӧргĕшхĕбĕ. гурбӳлдă ӳ'лăхăjā hанăжă hӯнă. амăрăң гōхōң абăха' „jāҕāҕтă?“ гежĕ hурнă.—„заҕăhăjā дӧргĕшхēбдĕ!“ гежĕ хелĕнĕ.—„jӳ унтăжă hӯh'īмīт?“ гежĕ хелĕбĕ. „заҕăhăн бă-нанā! шараҕтī!“ гежĕ улāң талхă хӯрăжă, тоhӧндӧ зӯржă заҕăhă хежĕ шарăжă ӧгēбĕ.

хāнā хӳбӳндĕ абāшшă ӧгēбĕ. хāнĕ хӳбӳң ĕдĕжĕ гурбăң зӳң серĕҕтĕjĕ, гушăң гурбăң бāтăртăjā садăбă.—„īхĕдē енĕмнā убā-бē'-īм!“

гежĕ хелĕбĕ. „ӧдĕртӧ̆ негĕ заӷăнă баӏрат ӗдˇхĕдĕ барăндă садăнĭмдĕ!“ гежĕ хелĕбĕ.

хӧ̄ӏт-дрĭн баһă аґнăжă, баһă негĕ заӷăнă баӏрăбă. терĕ ґурбăӈ хӯгĕ шарăхă гежĕ ӗлĕгĕбĕ. тедĭн ошшӧ̆, амăрăӈ ґӧхӧӈ абăхă̄ӏ хотӧ̆р хотӧ̆р гешхĕлжĕ, холбӧ сесĕк урґӯлжă, нăхăр нăхăр гешхĕлжĕ, нăрăӈ ноӷӧ̆ урґӯлжă бă̄ӏнă. мӗнӧ̆хĕ ґурбăӈ сă̄ӏӈ ерĕ харă харһăр заӷăһăјă таһă дӗргĕшхĕбĕ. амăрăӈ ґӧхӧӈ абăхă̄ӏ — „јăһăӈ хергĕнĕӈ дĕмĕ̄ӏ оҳӧһӧӈ дĕнĕдӯ̆ӷтĕ!“ гежĕ, „јăхăдă терĕ беӷĕ заӷăнă дӗргĕжĕ бă̄ӏхᵃĭмтă?“ гежĕ хелĕжĕ, дăхĭн улăӈ талхă хӯржă тоһӧндӧ̆ зӯржă заӷăнă хежĕ шарᵃжă ӧгĕбĕ. хăнă̄ харжă мĭнă хӯбӯ̆ндĕ абāшшă ӧгĕбĕ. харжă мĭнă хӯбӯ̆ӈ ґурбăӈ зӯӈ серĕ̆ӷтĕјĕ, ґушăӈ ґурбăӈ бāтăртăјă сасрā ӗдĕбĕ.

хӧ̄ӏт ӧглӧ̆ӊĭн дăхĭн аґнăжă, баһă негĕ заӷăнă баӏрăбă. баһă терĕ ґурбăӈ хӯгĕ ӗлгĕбĕ. урăӈ дархăнă̄дă ошӧ̆жӧ̆ шаржă һӯнă. амăрăӈ ґӧхӧӈ абăхă̄ӏ хелĕбĕ: „одӧшхӧ̆ ӊӯдĕ һă̄ӏса харжă һӯ̆ӷтĭ!“ гежĕ, „заӷăнă дӗргĕӈ-бĕјĕр!“ заӷăнăјă ӗрјӯлжĕ болгӧ̆жӧ̆ ґаршă јĕрĕбĕ. хăнă харжă мĭнă хӯбӯ̆ндĕ асăржă ӧгĕбĕ. ґансāрā ӗдĕт садā ӯбĕ̄ӏ. — „ӧсхĕл-дрĕ уржă-дрĕ барăндă садхāрнă̄ һă̄ӏхăсă шарăһăӈ хӧ̄ӏнӧ ендĕр ґансăхăӈ менĕ садăхă-бĕјĕр хă̄ӏшăӈ гежĕ шарā-ӷтă?“ гежĕ земĕлĕжĕ харāжă бă̄ӏнă. тĭхĕдĭн мӗнӧ̆хĕ ґурбăӈ хӯбӯ̆т хелĕбĕ: „урăӈ дархăнă̄дă хӯӊ хӯнĕ һă̄ӏхăӈ басăӷăӈ бă̄ӏнă!“ гежĕ, „тӗнĕ һă̄ӏӈ һă̄ӏхăӈ Ӏхоӧртĭн харă харһăр заӷăнăјă дӗргĕшхĕнĭмдĕ!“ гежĕ, „заӷăнăјă дӗргӧ̆т ӯ̄ӏлăхăјă һанăжă һӯхăдĭмнă талхăр заӷăнă хĕт ӧгĕнĭмĕ. енĕ дӗргĕӈ-бĕјĕр шарăһăӈ заӷăнăмнă̄!“ гежĕ хелĕбĕ. — „тендĕ ошӧ̆јĭбдĕ!“ гежĕ хелĕнĕ. харжă мĭнă хӯбӯ̆ӈ ґушăӈ ґурбăӈ бāтăртăјă, ґурбăӈ зӯӈ серĕ̆ӷтĕјĕ урăӈ дархăнă̄дă ошӧ̆бӧ̆. ошӧ̆ӈ генăн һă̄ӏхăӈ басăӷăӈ һӯнă. хăнĕ мендĕр мендĕшĕӀжĕ, харсăӈ дорӧ̄бӧ̄р дорӧ̄бӧ̆Ӏжӧ̆, гертĕ хăрăбă. харжă мĭнă хӯбӯ̆ӈ бабă̄ӏдă хелĕнĕ: „урăӈ дархăнă̄ һă̄ӏншхă һă̄ӏхăншхă басăӷăӈ бă̄ӏнă!“ гежĕ хелĕбĕ. „бабă̄ӏ терĕнĕ ошӧ̆жӧ̆ һуржă худă оржӧ̆ јĕр-лā!“ гежĕ хелĕбĕ. — „хадăмтĕ болӧ̆ӈ болӧ̆ӈ гежĕ дархăӈ хӯгĕр хадăм хехĕшнӣ!“ ґежĕ хартăӷă̄ӏ хăӈ ӯрлăжă, „дархăннă ґарһăӈ дархăӈ болхᵒĭмĕ!“ гежĕ, „бӧ̆ хӯнһĕ ґарһăӈ хӯӈ бӧ̆ болхᵒĭм!“ гежĕ хартăӷă̄ӏ хăӈ ӯрлăжă харāжă бă̄ӏнă. ҭĭсĕр јăсăрĭн „ошӧ̆!“ гежĕ аһăлдăжă бă̄ӏнă. хартăӷă̄ӏ хăӈ тӧхӧ̆ржĕ ошӧ̆бӧ̆. тӧмĕршĕ урăӈ дархăнă̄дă ошӧ̆жӧ̆ орбӧ̆. хӧлӧ̆јӧрӧ нарӊĕ тујă балăмă абăхă̄ӏ хӧ̄ӏмӧр сă̄ӏхăӈ талдă алтă торґӧ̆ ојӧ̆жӧ̆ һӯнă. хартăӷă̄ӏ хăӈ хăнĕ мендĕр мендĕшĕӀжĕ, харсăӈ дорӧ̄бӧ̄р дорӧ̄бӧ̆Ӏжӧ̆, барăӈ сă̄ӏхăӈ талдĭн забăлăжă һӯнă. урăӈ дархăӈ хартăӷă̄ӏ хăнһă һурнă: „хăнһă хă̄ӏшă јабāӷтă?“ гежĕ, „манă̄дă јĕрхĕ мӧр ӯбĕ̄ӏґшĕнĕӈ!“ гежĕ. хартăӷă̄ӏ хăӈ ҭĭжĕ хелхĕдĭн хелĕбĕ: „енĕтнă шăстă̄ӏдă белĕк зӯхĕ һанатĕ јĕрĕп!“ гежĕ хелĕбĕ. — „хăӈ хӯнĕ һурăнăӈ хӧ̄ӏнӧ јамăр гежĕ хелхĕмнĕп?“ гежĕ, „зӧ̆ӷ гехĕп!“ гежĕ беһĕ андăлдăжă, белĕгĕ зӯжĕ, болзӧ̆рĭн аӷшă јĕрĕбĕ.

тӧмĕршĕ дархăӈ хартăӷă̄ӏ баӈăӈ хăнă̄дă хоӷӧм хӯрĕкˈкˈĕјĕ хӧл ґарĭн ґазăртă хӯрĕм-бĕјĕр бă̄ӏнă. тӧхӧ̆ґӧ̆ тӧхӧ̆ржĕ хоӷмӧ хӯргĕжĕ ошӧ̆бӧ̆. хартăӷă̄ӏ хăнă̄дă хӯрĕбĕ. ӧ̆ модӧндлĕ зоӈ херхĭжĕ бă̄ӏнă хăнĕ ґазā. терĕ зонсӧ̆ӷӯр орбӧ̆. тергĕннĕн бӯжă гертĭн һӯжă, алтăӈ остӧлдĭн һӯжă, амтăтă ӗдĕ ґар-

ґӯлжӑ, мӗңгӗң остӧл татӯлжӑ, мӗңгӗтӗ ёдӗ ґарґӯлжӑ, нӯр бӳтӗ аṛхӑдїн ӧ̄ мӧхӧ̆нӧ̄ нāӈӯр ӯжӑ, болдӧ̆к бӳтӗ мăхăндїн шӳдӗлдӗжӗ бā̄нă. нā̄мăн-др₀ нăхїмă нāр хебӗ, jӳнӗн-др₀ jёхӗ зуӈā хебӗ. урăң дархăнӗ ăмăтăң зоң гертӗ хаṛăжă jёрӗбӗ. амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ берӗ болӧ̄т бā̄нă. хѡ̄хӗтӗ болбӧ̆.

шāжӈā̄ баjăң хāнā̄ хоṛӧ̆м бӯлґăжă бā̄нă. хартăӈā̄ баjăң хāнӗ харжă мінā хӳбӯjӗ хёґшӗтёjїн уṛăжă jёрӗбӗ.

хартăӈā̄ хāнӗ харжă мінā хӳбӯң хёґшӗтёjѡ̄ ошӧ̆бӧ̆.

хāң сеґсē̄ мергёң аґнăжă jабăнāр ундă сїдӗм hанăжă мӧṛӧ̆jӧ̄ борсӧ̆ґӧрхӧ̆ң борӧ̆ дāӈăң болґӧ̆жӧ̆, ѡ̄рѡ̄ улă-бē̄ шархăтɛ, орӧ̄-бē̄ шăлāбхăтɛ урдăӈăрхăң ёбёгёң bолжӧ̆, хартăӈā̄ баjăң хāнāдă оржӧ̆ jёрӗбӗ. оржӧ̆ jёрёң гeнāн хартăӈā̄ баjăң хāнӗ хёґшёң бішēхāң басăӈăң хѡ̄хē̄ ёргёжӗ hӯнă. терӗ ёбёгёң оржӧ̆ хāнӗ мендēр мендёшёлжӗ, харсāң дорӧбӧ̄р дорӧбӧ̆лжӧ̆, барăң сā̄хăң талдїн hӯнă. мёнѡ̄хӗ хартăӈā̄ хāнӗ хатăң саӈā хежӗ hӯнă. арбāң ґурбāң бӧдӧ̆лґӧтɛ абā̄ hā̄хăң эбāндā арбāң тоӈӧ̄ң арэăjă хежӗ ёгёбӗ. мёнѡ̄хӗ хартăӈā̄ хāнӗ хатăң хѡ̄хёjѡ̄ хатăрґăжă hӯнă. — „хартăӈā̄ баjăң хāнӗ харжă мінă хӳбӯң бабā̄ шнӗ!“ гежӗ хатăрґăжă, „емтӗ таṛхїң хӳбӯң хāң сеґсē мергёң насăӈăшнӗ!“ гежӗ хатăрґăжă hӯнă. „амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ ӣбӣшнӗ!“ гежӗ хатăрґăжă hӯнă. мёнѡ̄хӗ ӧбёгёң хартăӈā̄ хāнӗ хатăнhā hурăбă: „берӗт хӳбӯдтнā̆ хā̄шӧп?“ гежӗ hурăбă. хартăӈā̄ хāнӗ хатăң хелёбё: „шāжӈā̄ баjăң хāнāдă хоṛӧ̆мдӧ̆ ошӧ!“ гежӗ хелёбё.

хӧ̄нӧ̆нӧ̄н jабӯд-дундă ґаршă хӧ̄нӧ̆нӧ̄н ошӧ̆бӧ̆. шāжӈā̄ баjăң хāнāдă ошшӧ̆ орбӧ̆. хоṛмїң ă̄шăт ă̄лдїн оржӧ̆ бā̄нă. мӧṛӧ̆jӧ̄ шāжӈā̄ баjăң хāнă̄ ґазā уjăжă, ă̄шїjїн бедᵉрēт ошӧ̆бӧ̆. ă̄шăт дёрїн орбӧ̆. улă-бē̄ шархăтɛ, орӧ̄-бē̄ шăлāбхăтɛ, барăң нӯдёндē барбăӈā̄ң шᵉнēң нāӈăнăтɛ, зӯң нӯдёндē зӳгēң шᵉнēң нāӈăнăтɛ ёбгёң орбӧ̆. барăң сā̄хăң талдїн ошӧ̆жӧ̆ hӯбă. амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ аjăґлăжă āшăґлăжă дӯлăжă дорлӧ̆жӧ̆ бā̄нă. мёнѡ̄хӗ ӧбёгёң амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄дă духăрā̆ баṛжă ёгёбӗ. амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ духăрājїн аӈшă ӯбă. барăң ґартхă боржӧ̆ӈӧ̆р мёңгёң бенёлїjїн таньжă, амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ хӧлӧjӧ̄ татăжă, хормӧjӧ̄ сохӧ̆жӧ̆, хӳзӯннён тебёржӗ золґӧ̆жӧ̆ озӧ̆жӧ̆ бā̄нă. хартăӈā̄ баjăң хāнӗ харжă мінă хӳбӯң jёх ӯрлăжă, jёхӗ сāрлăжă, амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхājӗ нӧ̆нӧ̆ннӧ̆н абāт шёршӗ абāт ґарбă. шāжӈā̄ баjăң хāнāдă абāшē. шёрӗ заньjӗ мінāӈārā сохӧ̆жӧ̆ бā̄нă. мёнѡ̄хӗ ӧбёгёң хӧ̄нӧ̆нӧ̆н дахāт ошӧ̆бӧ̆. — „jамăр hалăхă хӯрхă ӳбē̄ ӧбёгёншнӗ болхᵒїм!“ гежӗ мӧṛӧ̆ндӧ hӯжă гӯ̄лгёжӗ гертӗ хаṛăбă. мёнѡ̄хӗ ӧбёгёң борсӧ̆ӈӧ̆рхӧ̆ң борᵒ дāӈăjă унāт хӧ̄нӧ̆нӧ̆н таньăрăлдăңбёjёр харā̄лґăжă jабăнă. гертӗ ошōт орбӧ̆. орхӧ̆дїн баhā̄ хӧ̄нӧ̆нӧ̆н орӧлсӧ̆бӧ̆. хартăӈā̄ баjăң хāнӗ харжă мінă хӳбӯң „jамăр їхёдē халăхă ӳбē̄ ӧбёгёншнӗ болхᵒїм!“ гежӗ негӗ алăӈăдăжă, амарăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ барсăржă шашхăжă, хāң сеґсē̄ мергёң ґазā бā̄жă, ӯрā баṛжă jадăнă. мӧм бejē бejёлжӗ, мёңхӗ дӯрёhē дӯрёhёлжӗ, шёрӗ заньjă мінāӈă барăң ґартā гӯлдёржӗ гӯ̄жӗ орбӧ̆. орӧ̆ң гeнāн амăрăң ґӧхӧ̆ң абăхā̄ ӯ̄лăжă бā̄нă. хāң сеґсē̄ мергёң ӯдёң сā̄хăң талдїн оржӧ̆ нăд бā̄сă зандăжă, міңґăң лӯjӗ дӯjӗ негёдхёжӗ зандăбă. тӧд бā̄сă дӯ ґаршă, тӯмёң лӯjӗ дӯjӗ негёдхёжӗ дӯ ґарбă. хāң сеґсē̄ мергёң

харжӑ мінā хӱбӯнĕ орӧ̄ дĕрхĕ нōнӧнноӈ орӧ̄ жӧ баржӑ, шĕрĕ заӈjĕ мінāӷārā соӽӧбӧ. jамаӈ бӱтĕ шашхӯлжӑ, інзаӷаӈ бӱтĕ баржӑрӯлжӑ, — „хеӈі басхар хӧ̆ршĕ хӧ̆ӷ гежĕ ӈанāӷшĕ?“ гежĕ, „тā̄ӷӑдӑ jабӑӈӑӈ аӈ гӧрӧ̄ӈĕӈ болгōjĕш?“ гежĕ, „ехĕ есĕгĕ-бē̄ ахӑ дӯ ӱбē̄ jімĕ гежĕ баӈājĕш?“ гежĕ. харжӑ мінā хӱбӯӈ ӧбдĕ̆ӷтіӈ мӧргĕжĕ унашабă. хāӈ сеӷсē̄ мергĕӈ ӯрā орӽӧжӧ̆ соӽӧхӧjō болӧбӧ. хартăӷā̄ баjăӈ хāӈĕ хатăӈ хāӈ сеӷсē̄ мергējĕ барăӈ ґарӈāӈ хӧтĕлжĕ барăӈ шӧрēӈ дĕрĕ ӈӯлґӑжӑ, урдăнхăӈāӈ абăӈ урлӯлӑжӑ зуӷāлӑжӑ, хартăӷā̄ баjăӈ хāӈ „ӱнтĕ худăмӈĕ jӧрē!“ гежĕ,

ар̓ӣӈ барбāӈ соӽӧжӧ̆,
а̀мăтăӈ зӧ̄ӷō суґлӯлжӑ,
ӧбрӧ̄ барбāӈ соӽӧжӧ̆,
ӧбрӧ̄ тӱшĕмĕлнӈē суґлӯлжӑ,
зуӷā нāр хебĕ.
нā̄мăн-др.
нāхӣмă нāр хебĕ,
jӱӈĕн-др.
jĕхĕ зуӷā хебĕ.
арбăтхă-дĕрē селмĕжĕ тарăжӑ,

амăрăӈ ґōхōӈ абăхā̄ ахăдā зуӷāлӑжӑ, „хоjӧр jĕхĕ хӧ̆ршĕнӧ̄ршӈĕ аґанăжӑ ґарӈăӈ хӧ̄нᵒīшӈĕ орӧ̄ дӧӈōр нāшă ӈӯӈāр амăнсō орӧ̄ дӧӈӧ̆ бā̄лґӑшхе!“ гежĕ хелĕбĕ.

хāӈ сеӷсē̄ мергĕӈ гертē харăжӑ jĕхĕ хӧ̆ршĕндӧ̄ орбӧ. jĕхĕ хӧ̆ршĕндӧ̄ оржӧ̆ хӯлīӈ хежĕ, хоjӧр jĕхĕ хӧ̆ршĕjӧ̄ „хеӧ̆ хезē нē нāжӑ ёдē баржӑ jабăӷтī!“ гежĕ хоjӯлā̄jīӈ негĕ сōлдӧ̆ орӯлбă. шĕхĕ̆ӧшхĕӈ барлăк болґӧбӧ. баӷă хӧ̆ршĕндӧ̄ оржӧ̆ ӈӯнă.

ґурбă хоноӈōӈ хӧ̄нӧ̆ амăрăӈ ґōхōӈ абăха̄ харжӑ мінā хӱбӯтĕjē хӧ̄хе̄тĕjӧ̄ ā̄лшăлжă jĕрĕбĕ хāӈ сеӷсē̄ мергĕндĕ.

хāӈ сеӷсē̄ мергĕӈ а̀мăтăӈ зоно̄ суґлӯлжӑ зуӷā нāр хежĕ бā̄нă. хоjӧр jĕхĕ хӧ̆ршĕнīӈ шĕхĕ̆ӧшхĕӈ барлăк оржӧ̆ jĕрĕбĕ. jĕхĕ бергĕндĕ амăрăӈ ґōхōӈ абăхā̄ ахă тӱшĕмĕлнӈīӈ ӈӯсăр хелĕбĕ: „хоjӧр бергĕнӈīмӈĕ ӯрлăжӑ шĕхĕ̆ӧшхĕӈ барлăк болӧ̆k‘k‘ӧ̆ зергĕтнă ӱбē̄!“ гежĕ хелĕбĕ. „арāс ӧ̄рӧ̄ хелē-бē̄ ӈӯжă jабăӈăӈ хӧ̄нīмнă хоjӧр бергĕндĕмӈĕ земĕ ӱбē̄!“ гежĕ хелĕбĕ. „земĕ хӯ мандă!“ гежĕ хелĕбĕ. хāӈ сеӷсē̄ мергĕӈ гемтĕ ерjӯлжĕ ӈанăжӑ ӧ̄лґӧ̆жӧ̆ ӈӧ̄ргīӈ jĕхĕ хӧ̆ршĕӈӧ̄ ӧргӧ̄ӷтіӈ ӈӯлґӑжӑ орӽӧбӧ. зēдē ґуjлґăӈī ӧгĕбĕ. ґурбăӈ бергĕнīӈ алтă мӧӈгĕнӈӧ̄ӈ утархăjīӈ олбӧk бӱтĕ ehē утархăjīӈ ӧгĕбĕ. амăрăӈ ґōхōӈ абăхā̄ харжӑ мінā хӱбӯтĕjē ахăjā ґарӈăӈ баржӑ мендĕшĕлжĕ бергĕнӈē хошӯӈӈăӈ озӧжӧ̆ мендĕшĕлжĕ: „тāмӈĕ īхĕдē ӧ̄лӧk‘k‘ӧ̆ улăдӈăӈ хӧ̄нӧ̆ хӱшăӈ хӱсӯ шӧ̆ршĕӈ-бĕjēр ӈа̄ӈ бā̄ӷтī!“ гежĕ хелĕбĕ. мендĕшĕлжĕ ґаршă гертē харăбă.

хāӈ сеӷсē̄ мергĕӈ ґурбăӈ хатăтăjā аӈ ӈӯжă ажă болжӧ̆ ашăтӑ бурхăндā тӱшĕжĕ ӈӯбă.

ӨНЁШЁҢ ХЎБЎҢ

уръ̄ уръ̄ саʻтӑ өнёшёң хўбўң јабӑжӑ, негё баjӑң хўнёдё ошӧбӧ. хёлё-
hёншё јаᴏхӑjа хелсёбё. шётёртё таръ̄аᴏар хелсё. терё хаза̄ʲнӑjа̄ таръ̄ хў
хадӑжӑ дўдӑжӑ хоньӧбӧ. өглᴏ̄ болӧбӧ. өглᴏ̄ болӧң гehāн өнёшёң хўбўнё
таръ̄jё ʻазӑрїн ʻарсӑр мёндёр сохӧшхёт ба̄ʲнӑ. өнёшёң хўбўң ӯʲлӑжӑ: „бўхёлё
жілсӧ јабӑhӑң хёлёhёмнё мёндёр хў сохӧшхё!“ гежё ӯʲлӑжӑ ба̄ʲнӑ. баhа̄
хӧ̄ʲтӧ жілдїн негё баjӑң хўнёдё жілсӧ хёлёhёншё орбӧ. арбӑң бухӑл ӧбёhᴏ̄р
орбӧ. хаза̄ʲнӑjа̄ ӧбёhёjё хў тармӑжӑ сомӧжӧ дўдӑбӑ. хӧ̄ʲт-ёглᴏ̄нїн болбӧ. ʻаза̄
ʻарӑң гehāн ᴏ̄hёнё ӧбёhёjё jўшхё ўлёң-бёjёр hалсӑң хў хїдхёшхё. өнёшёң
хўбўң ӯ-ӯʲлӑбӑ. ʻурбӑ хонсӧ ӯʲлā. терё баjӑң хўнїн „ӧбёhᴏ̄ харӑмнӑжӑ jахӑдӑ
ӯʲлӑжӑ hўнӑш?“ гежё негё саᴏа̄ өгёбё. негё саᴏа̄ᴏа̄ хармӑндӑ хёт сӑшӑ заʲжӑ
јабӑбӑ. негё саᴏа̄нїн баʻтӑжӑ өгᴏ̄-бёʲ.

негё хўнё ʻаза̄ далӑң шарʻӑ тўлёң сомӧтё ба̄ʲнӑ. терё хўнёдё орнӧ. —
„хебӑ! өнёшёң хўбўң!“ гежё, „енё тўлёjїмнё отӧл-дӑ!“ гежё. — „дawа̄ʲ,
бӧсӧлдӧjї-л-дӑ!“ гежё, „ёдёрсӧ дўдхӑп!“ гежё бӧсӧлдӧт, „нар ʻархӑhа̄ нар
орсӧр дўдхӑп!“ гежё бӧсӧлдӧ нежёт саᴏа̄ᴏар. сомхӧр hўхё абӑт отӧлжӧ
орбӧ. отӧл отӧлhӧр отӧлбӧ. ёдёр сӑʲлӑбӑ. енё тегнёт ба̄ʲнӑ. отӧлжӧ ёдёр
сӑ̄ʲᴏа̄ хӧ̄ʲшӧ отӧлбӧ. отӧл отӧлhӧр отӧлбӧ. нар орхӧ болбӧ. нарӑң орӧтӧбӧ.
өнёшёң хўбўң хӑʲхӑрбӑ: „ӑ бурхӑншнё! нарӑң хўбўң хўлёгїш!“ гежё, „негё
шўрхё дутаᴏӑт бӑʲнӑлбё!“ гежё, „енё баjӑң хўндё негё саᴏа̄ᴏа̄ алдӑхӑмнё!“
гежё хӑʲхӑрбӑ. ʻїсёр jасӑр нарӑң хўлём-бёjёр оршӧбӧ. өнёшёң хўбўң саᴏа̄ᴏа̄
алдӑшхӑбӑ. өнёшёң хўбўң ӯʲлӑhар сӑшӑ аρлӑбӑ.

ʻїжё јабӑhар хоньӧhї харhӑң пастӯʻтё золʻӧбӧ. пастӯʻтӑ падпӑсхӑ
болӧбӧ. жілсӧ орӧ, „хоньӧдсӧᴏӧшнё дуртё хоньӧjӧ аᴏхап!“ гёт. жілїн хўсёбё.
өнёшёң хўбўң ʻарбӑ, жілё хўсёт. пастўk „зӑ, абӑ!“ гежё, „jў аᴏхʷїмш?“
гежё хелёбё. өнёшёң хўбўң хоньӧдсӧ орӧт шёлёжё ба̄ʲнӑ. негё хojӧртё болhӧң
борӧ hарӑл техё баρж-абӑбӑ. борº hарӑл техёjё шёрёт jабӑнӑ.

негё уhӑнё ёрjё дёр jёржё, техёjё хуhӑндӑ уjӑжӑ, халмӑдӑжӑ ба̄ʲнӑ
заᴏаhӑ. халмаᴏа̄ татӑт абӑң гehāн алтӑң заᴏаhӑң ʻаршӑ jёрёбё. алтӑң заʻӑ-
hӑнїн хелёбё: „ӑ бурхӑң! намаʲ алӑм-бёjёр табїш! гежё, „намаʲ табабалшнё
херёʻтё-jёмёшнё өхёш!“ гежё хелёбё. алтӑң заᴏаhӑjа̄ уhӑнсӧ табабӑ. алтӑң
заᴏаhӑнїн jабўт хӧрӧндїн ʻарӑт jёрбё. саᴏӑң hахўлтё ӧбёгёң болӧт булʻӑң
шарӑ гўлёгё генжётёjїн абӑт ʻаршӑ jёрёбё. нохӧjӧ аᴏшӑ ӧбёртᴏ̄ хежё борº
hарӑл техёjё унажӑ гўʲлгёжё jабӑнӑ. ʻобїң саᴏӑң талʷдӑ jабӑнӑ. ʻїжё jабӑң

геһāн орӣ болшӧбӧ. техӗјē тәбӑжӑ гүлӗгӗјӗ ӧбӗртӯ хежӗ, шорғōлзӧнӗ бутӑ дерлēт унтӑбӑ. унтӑжӑ, унтӑжӑ һерӗбӗ. һерӗң геһāн — олбӧк толбӧк дӗр булғӑң хӧнжӗлсō бурјӑжӑ унтӑжӑ хеҫтӗнӗ. хӧнжӗлӯ оңгӧ¹лғōт харӑнӑ. харӑң геһāн — хōлӧјōрō нарӈӗ туја балӑмӑ, хōлзӳрāрā һарāң туја балӑмӑ ға¹хӑмӑ һа¹хāң абӑха¹ наҳӑр наҳӑр гешхӗлжӗ, нәрӑң ноҕō урғӳлжӑ ба¹нӑ. ӧнӗшӗң хӳбӯң јёхӗ ға¹хӑжӑ „талдӑ унтā-імām!“ гежӗ, „енӗ јāһімӑјā гертӗ унтӑжӑ хеҫтӗнёп?“ гежӗ ға¹хӑжӑ ба¹нӑ. мӧнӯхӗ хӗғшӗнің һерēт хеҫтӗхің медӗжӗ. хӧнжӗлің ӧргӗжӗ һерӗбӗ. „јёндӗ ходӧ унтӑжӑ хеҫтӗхімш?“ гежӗ бодхōбӧ. „ғазā ғарх*ім!“ гежӗ, „адӯ малā, ахӑ алтӑјā харʷіш!“ гежӗ ғарһāн хӧтӗлжӗ аҕшӑ ғарбӑ. остōлдō һӯжӑ, хојӯлӑң са¹лӑбӑ ӗдӗлӗжӗ. ӧнӗшӗң хӳбӯң јёхӗ омӧлғӧң, јёхӗ бајӑртē һӯнӑ. ӧглӯ бодōд-адӑлӑ ходӧ хӗғшӗјӯ харāт һӯнӑ. хӗғшӗнің хелӗбӗ: „јāхӑдā ім̆ӗ һӯх*імш?“ гежӗ, „адӯ малā ӗрјӗхӗдіш јāх*ім?“ гежӗ хелӗбӗ. — „ā бурхӑншнӗ!“ гежӗ, „шамһā налӑхӑ арғӑмнӗ ӳбē¹!“ гежӗ хелӗнӗ. хӗғшӗнің јабӯт хōрӧндӧ патрēһē ӧгӗбӗ. хармāндің хежӗ, „шī матрі енēнē һалҳӑндӑ сідхӗбёш!“ гежӗ. бор° һāрāл техӗјē унӑжӑ адӯ малā ӗрјӗжӗ ғарбӑ. тіжӗ јабӑсӑрің геҕ гемтӗ ӗрјӯ ˌһалсӑң унāт ғартā бāрāт јабӑһāң цатрēһің сідхӗжӗ аҕшӑбӑ. терӗ патрēһің ошӧбӧ. хāнӗ ғазā унӑбӑ. ӧнӗшӗң хӳбӯң ӯ... ӯ¹лӑһāр јёрӗбӗ. хӗғшӗнің ғаршӑ јёржӗ — „јёндӗ ӯ¹лаҕшӗ?“ гежӗ һурбӑ. — „патрēһē јабӑжӑ бā¹һāр хідхӗшхёп!“ гежӗ хелӗбӗ. хӗғшӗнің тіхӗдің хелӗбӗ: „менī ӳхēбē¹һӗң хӧ¹нӧ терӗ алӑңанā шёнēң сāрһӑ харӑмнӑжӑ ӯ¹лаҕшӗ?“ гежӗ хелӗнӗ. тігēт хӗғшӗтӗјӯ һӯжӑл ба¹нӑ.

хāнӗ хӳбӯң патрēһің абāт бедӗржӗ ғаршӑ јёрӗбӗ. јёрӗ јёрēһēр јёрēбӗ. ӧнӗшӗң хӳбӯнēдӗ оржӧ јёрēбӗ. мендӗшӗлжӗ һӯнӑ. „хебā! ӧнӗшӗң хӳбӯң!“ гежӗ хелӗбӗ. „хӗғшӗ хӗғшӗһӯ тәбāт хорғӧдӧжӧ нāдӑјі-лā!“ гежӗ. ӧнӗшӗң хӳбӯң „јāшхāһām дā!“ гежӗ, „нāдӑјіл-дā!“ гежӗ хелӗбӗ. — „марғāш манāдӑ ошōрāш!“ гежӗ хелӗбӗ хāнӗ хӳбӯң.

ӳдёшӗ болӧбӧ, орӧндō орбӧ. хӗғшӗнің һурбā: „ііхӗдē хāнӑ бедӗрхӗшнӗп?“ гежӗ һурнӑ. тіхӗдің ӧнӗшӗң хӳбӯң хелӗбӗ: „хоҕтӧ хорбӧлōјӗ сāнӑ, орӧн дōҕӯрің бедӗрхёп!“ гежӗ хелӗнӗ. — „тіжӗ бедӗрхӗдē олӧм-бӗјēр јāхāһāмш?“ гежӗ хӗғшӗнің хелӗнӗ. „хāнӑ бедӗрх*іп?“ гежӗ һурнӑ. — „гертің орōрāш!“ гежӗ хелӗнӗ. „хајādің ғурбāң таңхӑ ба¹хā!“ гежӗ, „еҕēң дундӑ таңхājің хер дӯтē таңхāп, гēт сохōрāш!“ гежӗ.

ӧглӯ бодӧбӧ. бор° һāрāл техӗјē унӑжӑ, хāнāдā ошӧбӧ. хāнā ғазā орбӧ. гертің орбӧ. бедӗрбӗ. сōлдің бедӗрбӗ. гертің орбӧ. гертің бедӗрбӗ. хајādің харāң геһāн ғурбāң таңхӑ зергӗлēт ба¹нӑ. еҕēң дундӑ таңхājің ӗрјӯлēт ӳзӗнӗ. „хер дӯтē таңхāп!“ гежӗ хуһӯрāр сохӧнӧ. „ӯ¹, ӯ¹!“ гежӗ, „ӈӯдēм теһӗлбёш!“ гежӗ хāнӗ хӳбӯң ғарāт јёрӗбӗ. — „зā, марғāш јёрēрēш!“ гежӗ баһā ӧнӗшӗң хӳбӯјӗ.

гертē хāрӑбӑ. ӗдӗлӗбӗ. хӗғшӗтӗјӯ орӧндӧ орбӧ. унтӑбӑ. ӧглӯ бодӧбӧ. са¹лӑбӑ. са¹лāт садӑбӑ. хāнāдā јёрхӗјē тёхӯрбӗ. ӧнӗшӗң хӳбӯјӗ хӗғшӗң һурбӑ: „ііхӗдē хāн*ің бедӗрхӗјē ошхӧшнім?“ гежӗ һурбӑ. ӧнӗшӗң хӳбӯнің хелӗбӗ: „жалдӑ!“ гежӗ, „тēк дор ғурбāң таңхӑ болōт бā¹хӑ-дā!“ гежӗ хелӗбӗ.

хөгшёнїн „ухёһёң есёӈёдё хелё! шамаjё!“ гежё ӯрлат, „терё берё таӈхă болот ба¹х*ім гежё шамдă хең хелеп?“ гежё ӯрлă. „ӯдёндїн ґурбаӈ балтă ба¹хă!“ гежё хелёбё. „барăӈ урдă тёӈjїн хо¹но дёшё ба¹хă“! гежё, „jёхё балтă ба¹хă, дундӯрхăӈ балтă ба¹хă. дундă балтаjїн аӈшă дёшё дёрїн сохо-раш!“ гежё, „тїжё ба¹hăр хăӈ хӯбӯӈ ґаршă jёрёхё!“ гежё. ёнёшёӈ хӯбӯӈ техёjё унăжă jёрёбё. хăнăдă jёрёжё орбо. солдїн бедёрбё. гертїн орбо. гертїн енегӯр терегӯрїн бедёржё ӯдёндїн ошобо. ӯдёндїн ошоӈ геhăн—ґурбаӈ балтă ба¹нă. еӈёӈ дундă балтăн аӈшă. „jамăр жалдăhăӈ анзăhă дабтăхăдă hа¹ӈ балтăп!“ гежё хелёжё ба¹нă. тїжё ба¹ӈат барăӈ урдă тёӈjїн хо¹но хархădїн дёшё ба¹нă. терё дёшїӈ хажӯдă ошо дала¹жă дала¹жă дёшё дёр сохобо. хăнё хӯбӯӈ „ёнёшёӈ хӯбӯӈ jăӈăӈшё?“ гежё, „ӈурґамнё хухăлхăшнё!“ гежё гӯ¹жё ґаршă jёрёбё. тїгет „баhă маргаш jёрхёш!“ гежё хелёбё.

ёнёшёӈ хӯбӯӈ гертё хаӈăбă. ёдёлёжё са¹лăжă орондо орбо. орондо орот хөгшёндо хелёнё: „маргаш ошот балтăн баӈăт hана орсорїн дёшё дёрїн сохохоп!“ гежё хелёнё. хөгшёнїн тїхёдїн хелёнё: „шамдă терё берё балтă болот ба¹х*імї?“ гежё хелёнё. хөгшёнїн хелёнё: „маргаш ошхош. гертё, ґазăн бед*рёт садсон орхош!“ гежё, „ґурбаӈ хуhăӈ бургаhăӈ ургăжă hӯхă“, гежё хелёбё. „еӈёӈ дундă бургаhăн хухăлхăjа hанăхăш!“ гежё хелёбё.

ёнёшёӈ хӯбӯӈ бодобо. са¹лăбă. ёдёлёбё. бор hăрăл техёjё унăжă хăнăдă ошобо. ґазăн ошшо, гертё ґазăн бедёрбё,—„хоjор ґурбă jёрсёрё енё садсон оржо ӯзёбоп!“ гежё, „хер hа¹хăӈ сад ба¹х*ім!“ гежё орбо. садсон оронӈ геhăн—бар урдă булăндїн ґурбаӈ хуhăӈ бургаhăӈ ургăжă алтăр намалăжă ба¹нă. еӈёӈ дундă бургаhăн нуӈă татăт хухăлхăjа hанăнă. хăнё хӯбӯӈ „ёнёшёӈ хӯбӯӈ! jăӈăбшё?“ гежё, „ӈурґаjїмнё хухăлхăшнё!“ гежё хелёнё. ёнёшёӈ хӯбӯӈ ґурбă даха хорґодоhон оло. ёнёшёӈ хӯбӯӈ хелёбё: „зă, маргаш манадă ошхош!“ гежё, „бїшнё хорґодот ба¹хăш!“ гежё хелёбё.

хăнё хӯбӯӈ ёнёшёӈ хӯбӯнёдё ошобо. ёнёшёӈ хӯбӯнё хөгшёӈ алăґăнă шёнёӈ торгор арбаӈ захатё бӯтёжё hӯнă. ёнёшёӈ хӯбӯӈ хөгшёно хажӯдă hӯнă. хăнё хӯбӯӈ ґазăн орот jёрёбё. ёнёшёӈ хӯбӯӈ харат хөгшёно доӈӯр алăшхă дор гӯ¹жё орбо. хөгшёнїн hарбăґăт гежё абăбă. хурăӈшă болґожо шаӈабăр дёрё табăшхё. ojohoro ojожо hӯнă. хӯншхё ожо jёрё гежё hанăӈ-бёjёр ojожо hӯнă. хăнё хӯбӯӈ бедёрбё. нарă орсор бедёрбё. ёнёшёӈ хӯбӯнё хөгшёӈ хелёбё: „jамăр імё олхо-бе¹hёӈ хо¹но нехёл хатӯтăjăр бедёрхёш!“ гежё хелёнё. тїхёдїн хăнё хӯбӯӈ хелёбё: „ёнёшёӈ хӯбӯӈ, ґарш* jёр!“ гежё ха¹-хăрбă, „олхо арґамнё ӯбе¹!“ гежё. ёнёшёӈ хӯбӯӈ хелёбё: „jамăр імё ӈӯдё-бе¹-імшё!“ гежё, „шаӈабăр дёрё hӯhăjімнё харăнă-бе¹ш!“ гежё хелёбё. ёнёшёӈ хӯбӯнїн хелёбё: „баhă маргаш jёрхёш!“ гежё. хăнё хӯбӯӈ хăрăбă.

ёгло̄нїн болобо. баhă jёрёбё ёнёшёӈ хӯбӯнёдё. ґазăн jёржё орбо. ёнёшёӈ хӯбӯнё хөгшёӈ боӈо хамăжă ба¹нă. хөгшёно хормо¹ дорїн орбо. хөгшёнїн hарбăӈăт гёт абăт бїнёк болґот ӯдёндё хач'ч'хёбё. хăнё хӯбӯӈ оржо jёрёт бедёрнё. бедёр бедёрhёр бедёрбё. нар орсор бедёрбё. хăнё хӯбӯӈ ха¹хăрбă: „ёнёшёӈ хӯбӯӈ ґарш-jёр! олхо арґамнё ӯбе¹!“ гежё.—„тă jодо̄!“

гежӗ, „ӳдӗндӗ ба¹hаjӣмнӗ харӑнӑбӗш!“ гежӗ ґаршӑ jӗрӗбӗ. „марґӑш ӗртӗ jӗрӗрӗш!“ гежӗ.

марґӑш-д°рӣн болӑбӑ. хӗ̆ршӗнӣн hурбӑ: „хӑнӑ хорґӑдӑхӑ̆шӗ?“ гежӗ hурбӑ. — „малхӑң дор орӑт hӳхӑп!“ гежӗ хелӗнӗ. хӗ̆ршӗнӣн малхӑндӑ ґал тӳлӗжӗ аjӑ̆ӑ шӑнӑ̆ӑ уӑ̆ӑжӑ ба¹нӑ. хӑнӗ хӳбӳң орӑт jӗрӗбӗ. хӗ̆ршӗнӣн ӗнӗшӗң хӳбӳjӗ hарбӑґӑт гежӗ абӑт тоӑ̆ӑнӗ бӑрӳл болґӑт малхӑң дӗрӗ тӑбӑшхӗбӗ. хӑнӗ хӳбӳң бедӗржӗ, нар орсӑр бедӗрбӗ. олжӑ jадӑжӑ, „олхӑ арґӑмнӗ ӳбе¹!“ гежӗ, „ӗнӗшӗң хӳбӳң ґарш-jӗр!“ гежӗ ха¹хӑрбӑ. „енӗ малхӑн дӗрӗ hӳhӑмнӗ харӑнӑбе¹ш!“ гежӗ. хӑнӗ хӳбӳң гертӗ хӑрӑбӑ. „ґурбӑ хӳсӗгӗт марґӑшӑ манӑдӑ ошӑрӑш!“ гежӗ ӑрлӑбӑ.

ӗглӑ̆нӣн болӑбӑ. ошӑбӑ. ошӑт хӑнӑдӑ орбӑ. хӑнӗ хӳбӳң хелӗбӗ: „барӑң хӑ¹тӑ зӳ̆тӗ ошӑ!“ гежӗ хелӗбӗ. „хашӑңха¹ң харӑ бӑбӑӑ̆ӑң нанӑjӣн hуржӑ jӗр!“ гежӗ. ӗнӗшӗң хӳбӳң гертӗ бор hӑрӑл техӗjӗ унӑжӑ jӗрӗбӗ. гертӗ jӗржӗ хӗ̆ршӗндӑ̆ хелӗбӗ. hанашӑрхӑжӑ ӳ¹лӑжӑ зуӑ̆ӑланӑ. хӗ̆ршӗнӣн хелӗбӗ: „jӗндӗ hанашӑрхӑнӑ̆ӑшӗ?“ гежӗ хелӗнӗ. ӗнӗшӗң хӳбӳң унтӑбӑ. хӗ̆ршӗнӣн негӗ бӑ̆нсӗгӗ¹ хар нӑhӑ ӗрӗжӗ, хojӑртхӑ бӑ̆нсӗгӗ¹ саӑ̆ӑң нӑhӑ ӗрӗ. ӗм дӗрӣн хадӑбӑ. бор hӑрӑл техӗjӗ унӑжӑ jабӑбӑ. хашӑңхӑ¹ң харӑ ӑ̆бӑӑ̆ӑ¹ндӑ ошӑбӑ. хашӑңхӑ¹ң харӑ бӑбᵃӑ̆ӑ¹ндӑ хӳрӗбӗ. техӗhӗн бӳжӑ бӑбᵃӑ̆ӑjӑ нӳхӗң амӑhӑр дӗр ошӑжӑ, бӑбӑ̆ӑ¹ң нӳхӗрӳн бурґӑhӑр хадхӑбӑ. бӑбᵃӑ̆ӑ¹ ґарш jӗрӗбӗ ӗд̆хӗрӗ, ӗнӗшӗң хӳбӳнӗ урдӑhӑн харhӑр, „jӗрӗң долӑтӗ болсрӑ ґурбӑн толґӑ¹тӗ-jімӑ ӳзӗбӑ̆ӑп!“ гежӗ hӑ̆ргӑ̆ нӳхӗндӗ гӳ¹жӗ оршӑбӑ. ӗнӗшӗң хӳбӳң бор hӑрӑл техӗjӗ унӑжӑ гертӗ jӗрӗбӗ.

хӑнӑдӑ ошшӑ „jӗрӗң долӑтӗп гежӗ хелӗнӗ!“. хӑнӣн хелӗбӗ урдӑhӑн: „нарӑң хӳбӳнhӗ ґурбӑң жілӗ дӑjӑмхӑ албӑ ӗржӗ jӗрхӗ!“ гежӗ хелӗбӗ.

ӗнӗшӗң хӳбӳң бор hӑрӑл техӗjӗ унӑжӑ гертӗ jӗрӗбӗ. гертӗ. хӗ̆ршӗнӣн „jӗндӗ ӳ¹лӑ̆шӗ?“ гежӗ hурбӑ. „нарӑң хӳбӳнӗ ґурбӑң жілӗ дӑjӑмхӑ албӑ ӗрхӗ гежӗ хелӗ. ӭгӗт ӳ¹лӑжӑ jабӑнӑм!“, гежӗ, „нарӑң хӳбӳндӗ меӣдлӗ хӳң хӑ¹шӑң гежӗ ґархӑмнӗп?“ гежӗ хелӗбӗ. хӗ̆ршӗнӣн ӭхӗдӣн: „бӑ-hанашӑрхӑ!“ гежӗ хелӗбӗ.

унтӑбӑ. хӗ̆ршӗнӣн ґурбӑң бӑ̆нсӗгӗ¹ саӑ̆ӑң утӑhӑ, шарӑ утӑhӑ, харӑ утӑhӑ ӗрӗжӗ терӗнӗ аӑ̆шӑ ґаршӑ, тӗңгӗртӗ шӳдӗбӗ. саӑ̆ӑң мӗңгӗң гешхӳр болжӑ ба¹нӑ. ӗнӗшӗң хӳбӳң бор hӑрӑл техӗjӗ унӑжӑ тӗңгӗртӗ саӑ̆ӑң мӗңгӗң гешхӳрӗр тебхӗлзӗжӗ ґаршӑбӑ. тӗңгӗртӣн ґаршӑ jабӑнӑ. нарӑң хӳбӳнӗдӗ орбӑ. нарӑң хӳбӳнӗ ехӗ hӳнӑ. хӑнӗ мендӗр мендӗшӗлжӗ, харсӑң дорӑбӑр дорӑбӑлжӑ; нарӑң ехӗ урдӑhӑн hурбӑ: „ӑ бурхӑң! хӑнhӑ jӗрбӗш?“ гежӗ хелӗбӗ. ӗнӗшӗң хӳбӳң хелӗбӗ: „хӑнӗ хӳбӳндӗ хӑ¹ш-хӑ¹ш зарӳлжӑ зобӑжӑ тулӑжӑ jабӑнӑм!“ гежӗ хелӗнӗ. „хашӑңха¹ң харᵃ бӑбᵃӑ̆ӑ¹ң нанӑ hуржӑ jӗрӗп!“ гежӗ хелӗнӗ. „хojӑртхӑjӑ нарӑң хӳбӳнhӗ ґурбӑң жілӗ дӑjӑмхӑ албӑ ӗрхӗ гежӗ ӗлгӗгӗ!“— „ӑ бурхӑң! нарӑң хӳбӳнӗ jӗрхӗдӗ хӑнӑ jӑнӑ хехӗ белӗjӗп?“ гежӗ хелӗбӗ. „нарӑң хӳбӳң дӗргӗхӗ!“ гежӗ хелӗбӗ. нарӑң хӳбӳнӗ ехӗ хӑ¹мӑр дӳлӗjӗ hуґӑ татӑжӑ абӑбӑ. ґулӑнтӑсӑ хӗ. дӗд бejӗдӣн jӳhӗң тамӑ̆ӑң тоӑ̆ӑ тӑбӑжӑ дӳрӗ уhӑ хежӗ, дӗрӣн шубӳнӗ нӑhӑ хежӗ, терӗндӗр хоӈоӈӗ нӑhӑ, мӑрӑӈӗ ӵілґӑhӑ,

таръ̄ хебӗ. тӣгӗт дӯлӗ̆јӗ̄ hо̄ргӣн hӯлгӑбӑ. нарӑң хӯбӯ̄ң оржо̄ јёрёбӗ. — „ӯпфёх! јамӑр хӯ̄нӗ̆ ӯнёр ґарнӑ!“ гежӗ̆ хелёнӗ̆. нарӑң ехӗ̆ „но̄hо̄ hамнӑт ґалсо̄ хајӑп!“ гежӗ̆, „тӣгӗт ӽурмӑhӑң ґарӑ!“ гежӗ̆ хелёнӗ̆. нарӑң хӯбӯ̄ң зајӑнӑ шарӑ hудӑр абӑт ӯзёнӗ̆. зајӑнӣн шарӑ hудӑртӑ — уhӑң дала¹ ба¹нӑ, дала¹ дёрӗ̆ делхёң шубӯ̄ң ӣшӗ̆ ба¹нӑ. терён дёр хархӑдӣн — саӷӑң тёбӗ̆ ба¹нӑ. саӷӑң тёбӗ̆ дёр таръ̄ӑң урґӑжӑ ба¹нӑ. нарӑң хӯбӯ̄ң јёхӗ̆ ґа¹хӑжӑ hӯнӑ. „јӯң гёшӗ̆ холо̄ ба¹х*ім!“ гежӗ̆ ґа¹хӑжӑ hӯнӑ. тӣхёдӣн нарӑң ех*ін хелёбӗ̆: „шӣ ӯрлӑхӑ ӯбёјёш?“ гежӗ̆ хӯ̄рӣн абӑбӑ. „ґазӑр дёрхӗ̆ ґансӑхӑң ашӑмнӗ̆ хӑ̄нӗ̆ хӯбӯ̄ндӗ̆ хӑ¹ш-хӑ¹шӑ зарӯ̄лӂӑ зобо̄жо̄ тулӑжӑ јабӑнӑ!“ гежӗ̆ хелёбӗ̆. „шамhӑ ґурбӑң жілӗ̆ до̄јо̄мхо̄ албӑ ёрхӗ̆ гежӗ̆ ёлгёгё!“ гежӗ̆ хелёнӗ̆. „ӑлӑм? терёшнӗ̆ хӑнӑм? ґарґӑ!“ генӗ̆. нарӑң ех*ін дӯлӗ̆јӗ̄ hуґӑ татӑжӑ аӷшӑ таръ̄ӑӷӑ абӑбӑ. но̄hо̄јо̄ абӑбӑ. јӯhёң тамӷӑң тоӽо̄ӽо̄ абӑбӑ. ёнёшёң хӯбӯ̄гё ґарґӑбӑ. ёнёшёң хӯбӯ̄ң ґаршӑ нарӑң хӯбӯ̄ндӗ̆ зуӷӑлӑбӑ — зобо̄hо̄ң тулӑhӑнӑ, хӑ¹ш-хӑ¹шӑ зарӯлhӑнӑ, „нарӑң хӯбӯ̄ннӗ̆ албӑ ёрхӗ̆ гежӗ̆ ёлгёбёӗ̆!“ гежӗ̆ хелёбӗ̆.

марґӑш-дёрӣн болӧ̄бӧ̄. алтӑң шарґӑ мо̄ро̄јо̄ емёллёжӗ̆ нарӑң хӯбӯ̄ң ёнёшёң хӯбӯ̄ндӗ̆ ёгёбӗ̆. ёнёшёң хӯбӯ̄ң мо̄рёӣ унӑжӑ ґарбӑ делхё¹ ёрјёхёјё̄. — „ха¹шӑң гёт јабӑх*ім?“ гежӗ̆ hурнӑ. — „мо̄ро̄ншнӗ̆ о̄ро̄ медёхё̆!“ гежӗ̆ хелёбӗ̆. делхёгёр ёрјёжӗ̆ ґарбӑ. ёдёр ёдёң хабӑдӑ јабӑң гehӑн урдӣн дёрбёң хёлтё остӧл дӯ̄рёң дётё уhӑтё ба¹нӑ. мо̄рhӣн тендӗ̆ ошӧт јабӑжӑ ёгёң-бёјёр ба¹шӑнӑ. мёнӧхё̆ ёнёшёң хӯбӯ̄ң мо̄ро̄нhо̄н бӯжӑ остӧлдӣн hӯжӑ ёдёлёбӗ̆. сасрӑ ёдёлёбӗ̆. хојо̄р hа¹хӑң торо̄лхӑн бутӑ сохо̄т бодо̄бо̄. тендёhё сашӑ јабӑбӑ. делхё¹ ерјёжӗ̆ нар орхо̄ зӯ̱тё ошо̄бо̄. тендёhё нарӑң хӯбӯ̄нёдӗ̆ јёржё̆, тӣжё̆ јаӽхӑдӣн мёндёрӣң тёңгёрё̆ золґо̄бо̄. мёндёрјӧ̄ тёңгёрӣјё̆ баржӑ ґолӣн ґарсӑ сохо̄бо̄. тёнhё сашӑ ошо̄бо̄. hалсӑнё̆ тёңгёрё̆ золґо̄бо̄. hалсӑнӑ тёңгёрӣјё̆ баржӑ ґолӣн таhӑ сохо̄бо̄. тёнhё сашӑ ошо̄бо̄. јёрё̆ јёрёhёр јёрёбё̆. нарӑң хӯбӯ̄нёдӗ̆ оржо̄ јёрёбё̆. нарӑң хӯбӯ̄нёдӗ̆ јёрёң гehӑн негё̆ хёӷшёң нарӑң хӯбӯ̄ндӣн жал*бӑ баржӑ ба¹нӑ. „јаhӑң херґёhёң хӯ ґарґӑбшё̆!“ гежӗ̆, „хојо̄р hа¹хӑң торо̄лхо̄мнӗ̆ ӯндё̆!“ гежӗ̆. тӣгӗт „енӗ̆ хӯ̄нӗ̆ торо̄лхо̄ јёндӗ̆ ӯндёӷшё̆?“ гежӗ̆ хелё нарӑң хӯбӯ̄ң. тӣхёдӣн ёнёшёң хӯбӯ̄ң хелёбӗ̆: „уръ̄ хёлёhёншё̆ оржо̄ јабӑт негё̆ саӷӑ абӑhӣмӑп!“ гежӗ̆, „терё̆ негё̆ саӷӑӷӑрӑ бајӑң хӯ̄нёр бо̄со̄лдо̄-hӣмӑп!“ гежӗ̆ хелёбё̆, „далӑң шарґӑ тӯлё̆ отӧлхо̄р нар орсо̄р. негё̆ ӯлёгёт ба¹сӑрнӗ̆ ‘нарӑң хӯбӯ̄ң хӯлёгӣш!’ гесёрнӗ̆ нарӑ оршо̄hӣмё̆!“ гежӗ̆ ёнёшёң хӯбӯ̄ң хелёбё̆. „ёнёшёң хӯ̄нӗ̆ хӯр дӯлӑм-бёјёр бајӑң хӯң тёшё̆ ба¹hӑң хо̄¹нӣн терё̆ хӯхӯ̄гё ґарґӑжӑ торо̄лх*ін ӯндёп!“ гежӗ̆ хелёбӗ̆. нарӑң хӯбӯ̄нӣн тӣхёдё „бӣ бурӯп!“ гежӗ̆, „торо̄лхо̄тнӑ нам-дёрё̆ ба¹хӑ!“ гежӗ̆ хелёнӗ̆.

тӣжӗ̆ ба¹сӑрӣн мёндёрӣң тёңгёрё̆ оржо̄ јёрёнӗ̆. — „јаhӑң хӯгё ґарґӑбшё̆!“ гежӗ̆, „намӑ¹ ґолӣм таhӑ сохо̄бо̄!“ гежӗ̆. нарӑң хӯбӯ̄ң hурнӑ: „енёнӗ̆ јахӑдӑ сохо̄бшё̆?“ гежӗ̆. ёнёшёң хӯбӯ̄ң „енёнӗ̆ сохо̄хо̄ зергётё-јімёп!“ гежӗ̆ хелёбӗ̆. „уръ̄ бајӑң хӯндӗ̆ шётёртё таръ̄ӑӷӑр хёлёhёншё̆ орhӣмӑп“ гежӗ̆, „терё̆ таръ̄мнӗ̆ мёндрӧ̄рӧ̄ пӑрӣн ґарсӑр сохо̄шхё̆!“ генӗ̆, „терё̆ таръ̄ӑнӗ̆ хажӯ-ӷӑр бајӑң хӯ̄нӗ̆ таръ̄ӑн артӑ̱шхё̆ оро̄бё¹, хо̄лӧмсо̄ хухӑрӑм-бёјёр ба¹hӣмё̆!“ гежӗ̆ „ґансӑхӑң менӣ таръ̄ сохо̄hӣмё̆!“ гежӗ̆. нарӑң хӯбӯ̄нӣн хелёбё̆: „тӣхёдӣн

шī бурӯш!“ гежӗ, „ӳбӗ¹тӗ хӯнӗ таӄа̄ јӗндӗ ылґажă сосо̄ӈшӗ?“ гежӗ хелӗнӗ. терӗ таӄа̄нһа̄н хоӈо̆р зӯӈ солхо̄бо̆ ӗрӗ. мӗндӗрӣӈ тӗӈгӗрӗ хоӈо̆р зӯӈ солхо̄бо̆ ӧгӯ.

тїжӗ ба̄¹сӑрїн һалсӑ̈нӗ тӗӈгӗрӗ оржо̆ јӗрбӗ. „ӗнӗ јаһӑӈ хӯјӗ ӗлгӗһїмш?“ гежӗ хелӗнӗ. „намӑјӗ хӯсӗ хӧӈхїсӗ сохо̄!“ гежӗ. „јаҳӑдӑ̄ сохо̄ӈшӗ?“ гежӗ һурнă. „ӗнӗ̄нӗ сохо̆хо̆ зергӗ ба̄¹х*їмӑ!“ гежӗ „урӑ̄ бајӑӈ хӯндӗ ӧбӗһӗ таӄа̄ндӑ арбӑӈ бухӑл ӧбӗһо̄р хӧлӗһӗншӗ ор°һїмӑп!“ гежӗ, „бешӗ хӯнӗ ӧбӗһӗ хїдхӗ-бӗ¹һӗӈ хо̄¹но̄ ґансӑхă мӗнї арбӑӈ бухӑл ӧбӗһӗјӗ долŏ хїдхӗһїмӗ!“ гежӗ хелӗнӗ. „терӗ арбӑӈ бухӑл ӧбӗһӗннō ӗнӗ хӯннӗшнӗ хоӈо̆р зӯӈ таӄа̄ӈ солхо̄бо̆ ӗрхӗ ӧ¹тӗ ба¹нӑм!“ гежӗ хелӗнӗ. нарӑӈ хӯбӯӈ тїхӗдїн хелӗбӗ: „шī тїхӗдӗ јӗхӗ бурӯш!“ гежӗ хелӗнӗ һалхӑ̈нӗ тӗӈгӗрӗјӗ. „шī һалхӑӈ болһо̄ӈ хо̄¹но̄ тӧбӗ дӗр теґшӗ болх°ӣмӗш гежӗ ґансӑхӑӈ ӧнӗшӗӈ хӯбӯнӗ ӧбӗһӗјӗ јаҳӑдӑ̄ хїдхӗ̄ӧшӗ?“ гежӗ, „ӗрһӗ ӧгӯ!“ генӗ. хоӈо̆р зӯӈ таӄа̄ӈ солхо̄бо̆ ӧгӗбӗ. нарӑӈ хӯбӯ̄нїн негӗ саӈа̄ ӧгӯ. тїгӗт алӑӈӑ̈на шӗнӗӈ сӑрһӑ̈ндӑ алтӑӈ бешӗгӗ бешӗшӗ нарӑӈ тамґӑјă даржă ӧгӗбӗ. — „зӑ, їгӗт хаӄӑ!“ гежӗ, „хӯ абӑсӑјă їхӗдӗ абаш!“ гежӗ. бор һӑрӑл техӗјӗ унӑжă дӧд замбїдă бӯжă јӗрӗбӗ.

гертӗ јӗржӗ хӑндӑ терӗ сӑрһа̄јӗ ӧгӗбӗ. тїгӗт гертӗ јӗрӗбӗ. хӧґшӗндō јӗржӗ, дӧрбӗӈ зӯӈ таӄа̄ӈ солхо̄бо̆ ӧгӗбӗ. нарӑӈ хӯбӯнӗ ӧгӗһӗӈ негӗ саӈа̄ӈа̄ ӧгӗбӗ. тїгӗт ӳдӗшӗ унтӑбӑт дӑ.

тїгӗт ӧглō болŏбо̆. ӧглō болŏӈ геһа̄н — хӑнїн ӧнӗшӗӈ хӯбӯгӗ јӗрхӗ гежӗ, ӧнӗшӗӈ хӯбуӈ ошŏжŏ, хӑнїн ӧнӗшӗӈ хӯбӯгӗ зарӑбӑ: „ґурбӑӈ жілӗ заһӑлӗ арһă толтŏ хӑнһа̄ ӗржӗ асӑр!“ гежӗ. гертӗ ӧнӗшӗӈ хӯбӯӈ хӧґшӗндō ӯ¹лӑһа̄р јӗрӗбӗ. хӧґшӗнїн „јаӈа̄ӧшӗ?“ гежӗ һурбӑ. — „толтŏ хӑнһа̄ ґурбӑӈ жілӗ заһӑлӗ ар*һă асӑрхӑ гежӗ хӑӈ хелӗнӗ“, гежӗ хелӗбӗ. мӗнōхӗ хӧґшӗнїн „бӑ-һанӑшӑрхӑ!“ гежӗ, „ӑмӑдӑ јабӑһӑӈ хӯндӗ арґă олдохŏ!“ гежӗ хелӗбӗ.

ӧглōнїн болŏбо̆. тӧхōржӗ, бор° һӑрӑл техӗјӗ унӑжă толтŏ хӑнӑ̄дӑ ошŏжŏ. ошŏ ошŏһо̄р ошŏбо̆, јабӑ јабӑһӑр јабӑбӑ. тїжӗ јабӑӈ геһа̄н харґ*ї дӗр ґурбӑӈ харґ*їӈ белшӗртӗ ӧбӗгӗӈ һамӑӈӑ̈ӈ хоӈо̆р бурӯ јӑрһӑӈ хӧнжӗлдӗ унтӑжă хеӧтӗнӗ. — „хӑ¹шхӑшнӗм?“ гежӗ һурӑбӑ ӧнӗшӗӈ хӯбӯннӗн. ӧнӗшӗӈ хӯбӯӈ хелӗбӗ: „ерлӗӈ хӑндӑ ошхŏмнӗ!“ гежӗ. — „ӑ бурхӑӈ! ерлӗӈ хӑндӑ јажă ошŏх°ӣмш?“ гежӗ, „ерлӗӈ хӑӈ толдŏ харӑбӑл ӧрӗӧхӗжӗ аӧхă!“ гежӗ хелӗнӗ.— „хӑнӗ зар*һӑӈ хо̄¹но̄ хӯрїн дӯлӑӈ-бӗ̄јӗр ба¹хă арґӑмнӗ ӳбӗ¹!“ гежӗ, „толгӧ̄јїмнӗ таһă шаӧшӑх*ӣм!“ генӗ. — „хӯрӗ хедă намӑјӗ їжӗ хеӧтӗхӗдӗ хо̄¹шо̄ ашă ґушӑр јамӑр ба¹хӑјӗп гежӗ һурнă — терӗнӗ һурӑрă ерлӗӈ хӑнһа̄!“ гежӗ хелӗбӗ.

тӗнһӗ сӑшă ошŏбо̆. баһă ошŏӈ геһа̄н ґурбӑӈ харг*їӈ белшӗр дӗр ӧбӗгӗӈ намӑӈӑ̈ӈ хоӈо̆р нӑ¹мӑӈ ӗрјїӈ арӑ̈нӑндӑ баґтăжă јадăжă „шī сӑшă хеӧтӗ! шī нашă хеӧтӗ!“ гелдӗжӗ јобŏрŏлдожŏ ба¹нă. — „ӧнӗшӗӈ хӯбӯӈ хӑ¹шхӑшнӗм?“ гежӗ һурнă. ӧнӗшӗӈ хӯбӯӈ тїхӗдїн хелӗнӗ: „ерлӗӈ хӑннӑ заһӑлӗ арһă аӧхӑјă ошхŏмнӗ!“ генӗ, „хӑӈ ӗлӗгӗгӗ!“ — „ӑ бурхӑншнӗ!“ гебӗ, „тендӗ ошŏноӈ хӯӈ тендӗнӗ јӗрхӗ-бӗ¹-јїмӗ!“ гежӗ. — „хӑнă зарӑһӑӈ хо̄¹но̄ гертӗшхӗ ба¹ӈă болһо̄мнӗ алӑх*ӣмӑ!“ гежӗ. терӗ ӧбгӗнїн хелӗбӗ: „тендӗ хӯржӗ һо̄ргō техӗрӗ

хедā бедĕ jāхăдā īжĕ баҫтăжă jадăжă хеҫтĕхᵉīмĕбдĕ — терĕнĕ hурāрā!“ гежĕ.

тĕнhĕн сāшā ошŏнŏ. jабăжă jабăң геhăн ґурбăң харгʸīң белшĕртĕ негĕ залӯхăң хĕґшĕң ĕнĕнĕ ӧбĕртĕ тархāрā дӧшӧ ӧлгĕлдĕшĕт jабăнă. — „ӧнĕшĕң хӯбӯң! хāīшхăшнīм?“ гежĕ hурнă. ӧнĕшĕң хӯбӯң урдăhăн хелĕнĕ: „ерлĕң хāндă ошхŏмнĕ!“ гежĕ „ґурбăң жīлĕ заhăлĕ арhă ĕрĕжĕ ошхŏмнĕ!“ гежĕ хелĕбĕ. — „тендĕ хӯрĕ хедā hӧргӧ техĕрĕ хедā бī jāхăдā нĕнĕ ӧбĕртĕ ӧлгӧтĕ jёндĕ jаҕхᵃīмīп? гежĕ hурāрā!“ гежĕ хелĕбĕ.

тĕнhĕ сāшā ошŏбŏ. негĕ хĕґшĕң ґурбăң харгʸīң белшĕр дĕрĕ hӯнă. хар нӧhӧң саҕāң нӧhӧң хojӧрĕ ілґăжă jадăжă hӯнă. — „ӧнĕшĕң хӯбӯң, хāīшхăшнīм?“ гежĕ hурнă. „ерлĕң хāндă хӯрхĕмнĕ!“ гежĕ. „тендĕ ошӧ хедā намājĕ hурāрāш!“ гежĕ, „бī хер ӧнĕ нӧhӧ ілґăжă hӯхᵃīмājīп? гежĕ hурāрāш!“ гежĕ хелĕбĕ.

тĕнhĕ сāшā ошŏнŏ. ошŏ ошŏhӧр ошŏнŏ. толтӧ хāнāдă хӯрбĕ. орӧң геhăн ехᵉīн hӯнă. ґазāҕӯрīн дӯрĕң hāīр-harґăнă арhăт ӧлгӧтĕ бāīнă. толтӧ хāнĕ ехĕ „ā бурхăң!“ гежĕ, „ендĕ бодӧ мăхăтĕ хӯң jāhăндă хеhĕндĕ jёрбĕш?“ гежĕ, „хӯбӯмнĕ оржӧ jёрĕбĕл ӧрĕҕхĕжĕ аҕхăл-дā!“ генĕ. тīжĕ хелхĕдīн ӧнĕшĕң хӯбӯң хāндă мӯшĕдлӯлhĕнĕ нарăң хӯбӯндĕ ошŏhŏнӧ хӯ хелĕнĕ. „ґурбăтхăjā таhĕ хӯбӯнhĕ ґурбăң жīлĕ заhăлĕ арhă ĕрхĕ гежĕ ĕлгēгē“, гежĕ хелĕнĕ. — „терĕшнĕ нēрē!“ гежĕ, „хӯбӯнĕ jёрхĕдĕ шамāī хāнă хехĕ белējĕп?“ гежĕ, хӧīмӧр дӯлĕjē hуґă татăжă аҕшă, сажăң нӯхĕ малтăжă терĕ ӧнĕшĕң хӯбӯгĕ терĕ нӯхĕнсӧҕӧ орӯлжă долӧң тамҕāң тоҕӧ орӧī дĕрīн тăбăжă, терĕнсӧҕӧ дӯрĕң уhă хебĕ. уhăң дĕрĕ делхēң шубӯнĕ нӧhӧ хē. шубӯнā нӧhӧн-дĕр мӧрӧнĕ хīлґāhă хебĕ. мӧрнӧ хīлґāhăн-дĕр орōт таръā хебĕ. тīгēт дӯлĕjē сарā-бĕjēр hӧргīн hӯлґā.

толтӧ хāң оржӧ jёрĕбĕ. — „ӯпфēх!“ генĕ, „jāhăң бодӧ мăхăтē хӯнĕ хурмăhăң ґарнă!“ хелĕнĕ. ехᵉīн тīхĕдīн „нӧhӧjӧ hамнāт ґалсӧҕӧ хēhĕм!“ генĕ. ерлĕң хāнīн толӧjӧ аҕшă толдӧ харнă. толдӧ харăң геhăн — уhăң далā бāīнă, далāī дĕр далăң зӯīлīң шубӯң нīшĕ бāīнă; терĕндĕр харăң геhăн — саҕāң тӧбĕ бāīнă. саҕāң тӧбĕ дĕр таръāң урґăжă бāīнă. толтӧ хāң толдӧ харăжă гāīхăжă: „īмĕ ґурбăң даҕхăр тӧбĕ дор jӯнĕ хурмăhăң ґархᵃīм?“ гежĕ гāīхăжă hӯнă. ехᵉīн тīхĕдīн хӯрīн абăнă: „ґазăр дĕрхĕ ґансăхăң ашăмнĕ хāнĕ хӯбӯндĕ зардӯл болӧжӧ толґӧjӧ медхĕ-бēī-īмĕ, танhā ґурбăң жīлĕ заhăлĕ арhă ĕржĕ jёрē!“ гежĕ. — „терĕнĕ ґарґă!“ гежĕ хӯбӯнīн. хӧīмӧр дӯлĕjē аҕшă, таръāҕā аҕшă, мӧрнӧ хīлґāhă аҕшă, тоҕӧтē уhăjā хаjăжă, тоҕӧҕӧ аҕшă, ӧнĕшĕң хӯбӯгĕ ґарґăбă. hӧргīн дӯлĕjē hӯлґăжă, ӧнĕшĕң хӯбӯң зуҕăлăжă. ерлĕң хāнīн заhăлĕ арhājĕ ӧгĕбĕ. ӈудăрґанă-шнĕң мăчᶜăк ӧгĕбĕ. терĕнĕ ӧхĕдӧ хелĕбĕ: „хāнāдă ошшӧ борhŏҕŏр харсăҕăр арhăдă аҕшă зӧшĕ хежĕ ханă дĕрĕ хajă!“ гежĕ, „хāншнĕ терĕнĕ ӧгĕhĕң хӧīнīшнĕ хӧīнӧhӧш дāīҕăр jёрхĕ!“ гежĕ хелĕнĕ. „шамāī jёрēт алхăjā hанăхă бīздā. тīхĕдīн хелēрēш: ӯхē-бēīдĕ хāтăjā ґулă-дăлжă ӯкᶜкᶜĕмнĕ гежĕ тарґăң бāītăhă алхăш!“ гежĕ, „хаhăк салдāт хojӧртīн мăчᶜăҕā харбăжă нāдăҕтī гежĕ ӧгӧрēш!“ генĕ. „тīгēт хāтăjā hӯдăлдāт харбăхă

том°ін мāчʻāґшнĕ бухāлĕ шĕнĕң болхŏ. бухāлĕ шĕнĕнһĕн ӧңгр̄от сōлĕ шĕнĕң болхŏ“, генĕ. „сōлĕ шĕнĕнһĕн ӧңгр̄от хадāң шĕнĕң болхŏ!“ генĕ. „тĭхĕдĭн јĕхĕ болхŏ том°ін хаһāк салдāһāдĭн улāңхāдшă берĕ харбāх[a]ін ґархă. ґансāхāң хāқā һуґāдāт гертĕ абāшхāш!“ генĕ.

ӧнĕшĕң хўбӯң һурнă: „зӯрă јĕрхĕдĭмнĕ бурӯ јāрһāң хĕнжĕлдĕ ӧбĕгĕң һамāқāң хојŏр бурјāжă хеҫтĕнĕ-һаң!“ гежĕ. „бедĕ хӧ[1]шŏ ашă ґушāмнā хӧ[1]шō јамāр бā[1]хāп гежĕ һурāрāш гежĕ захāһāң!“ гежĕ. толтŏ хāнĭн хелĕнĕ: „тĭхĕдĭн ашă ґушĭн хеҫ хезē садχāлāң бурјāжă һӯхă!“ генĕ.

— „тĕнĕ нāнă јĕрхĕдĭмнĕ ӧбĕгĕң һамāқāң хојŏр нā[1]мāң ӗрјĭң ар[a]һāндă баґтāжă јадāжă тўлхĕлдĕжĕ јобŏрŏлдŏжŏ хеҫтĕнĕ. бедĕ хӧ[1]шō ашă ґушāмнā јамāр бā[1]хāп гежĕ ерлĕң хāнһā һурāрā гежĕ захāһāң!“ гежĕ. тĭхĕдĭн ерлĕң хāнĭн хелĕбĕ: „терĕ хојŏршнĕ хеҫ хезē баґтāжă шĕңгĕжĕ јадāжă хатӯ арһāндлă бā[1]хă!“ гежĕ. — „тĕнһĕн сāшā ошхŏдĭмнĕ“ гежĕ, „негĕ хĕґшĕң нĕнĕ ӧбĕртĕ ӧлгō̄тē јабāнāһāң“, гежĕ, „терĕ јӯннāн?“ гежĕ. ерлĕң хāң хелĕбĕ: „терĕ хĕґшĕншнĕ нарā[1] хō̄хĕјō̄н ўнĕ харāмнāжă ўнĕндĕ ўнă худχāжă ӧгĕнĭм“ гежĕ, „терĕшнĕ ходŏ нĕнĕ ӧбĕртĕ ӧлгō̄тē јаҫхă!“ генĕ. — „тĕннĕ нāшā јĕрхĕдĭмнĕ“ генĕ, „негĕ залӯ хĕґшĕң хар[a] нōһōң сақāң нōһōң хојŏрĭјĕ ілґāжă јадāжă һӯх[a]ім!“ гежĕ, „терĕ јӯннĕн тĭжĕ һӯх[a]ім?“ гежĕ. тĭхĕдĭн ерлĕң хāнĭн хелĕбĕ: „терĕ хĕґшĕншнĕ шуһāндă ўнĕ худχāжă шанāһ[a]імĕ!“ гежĕ, „терĕшнĕ ходŏ шуһāң ўнĕң хојŏрō ілґāжă һӯхă!“ гежĕ.

тĭгēт ӧнĕшĕң хўбӯң арһāјā аҫшă, мāчʻāґā аҫшă ґаршă јĕрĕбĕ. бор һāрāл техĕјē унāжă јĕрĕ јĕрĕһēр јĕрĕбĕ. нāшā јĕрĕң геһāн сақāң хар нōһōң хојорĕ ілґāһāң намāқāң һӯнă. — „ā, ӧнĕшĕң хўбӯң, хўрēт јĕрбāлш?“ генĕ. „намāјĕ јӯң гежĕ хелēп?“ гежĕ һурнă. — „шамāјĕ шуһāндă ўнĕ худχāһĭм гежĕ ўхĕсрĕ ўнĕң шуһāң хојŏрĕ ілґāхă!“ гежĕ.

тĕннĕн нāшā јĕрбĕ. нĕнĕ ӧбĕртĕ јабāһāң хĕґшĕң бā[1]нă. — „намāјĕ јӯ хелēп?“ гежĕ һурнă. — „шама[1] ўхĕсрĕ нĕнĕ ӧбĕртĕ јаҫхă „гежĕ хелē!“ генĕ, „нарā[1] хō̄хēқō̄ ўнĕ харāмнāһ[a]імāш!“ генĕ.

тĕннĕн нāшă јĕрĕбĕ. јĕрĕң геһāн нā[1]мāң ӗрјĭң арāһāндă баґтāжă јадāһāң хојŏрĭн хеҫтĕнĕ. — „маңĕ јӯң гежĕ хелēп?“, гежĕ. — „таңĕ ĭжĕ баґтāжă јадāһāр наһāндā хўрхĕ гежĕ хелē!“ генĕ.

тĕнһĕн нāшă јĕрбĕ. јĕрĕң геһāн бурӯ јāрһāң хĕнжĕлдĕ хеҫтĕһĕң ӧбĕгĕң һамāқāң хојŏрĭн „маңĕ јӯ хелēп?“ гежĕ һурнă. — „таңĕ хӧ[1]шŏ ашă ґушāтнā садχāлāң бурјāжă һӯхă гежĕ хелē!“ геже.

тĕннĕ нāшă јĕрĕнĕ. хāнā ґазā јĕржĕ орбŏ. — „дāқāнā ар[a]һāјĕ, борсŏқŏр харсāқāр арāһāјā абāґтĭ!“ гежĕ ханă дĕрĭн хајābă.

гертĕ јĕрĕбĕ. тĭгēт гертĕ јĕрĕң геһāн хĕґшĕнĭн гӯ[1]жĕ ґаршă јĕрĕбĕ. хӧ[1]т-дрĭн хāнĭн ґушāң ґурбāң бāтāртāјā, ґурбāң зӯң серĕґтĕјē дā[1]қāр јĕрĕбĕ. „ӧнĕшĕң хўбӯгē алхāрā орŏң тормō олдŏхŏ ўбē[1]-ім“, гежĕ „ерлĕң хāндă ӧрĕҫ-хӯлхĕ гежĕ ĕлĕгĕһĕмнā ӧрĕҫхӯлĕң-бĕјēр јĕрбĕ!“ гежĕ дā[1]тāјā јĕрĕ јĕрĕһēр јĕрĕбĕ. ӧнĕшĕң хўбӯнĕдĕ оржŏ јĕрбĕ. ӧнĕшĕң хўбӯгē: „ґарш јēр нāшā!“ гебĕ, „толґō[1] бејішнĕ[1] сажāлхāмнā!“ генĕ. ӧнĕшĕң хўбӯң ґарш јĕрĕбĕ. —

„а̄ бурхăң! хāң бабā¹ jāҕāбшĕ?“ гежĕ, „ӳхē-бē¹дē танāрā ґулā̆дăлжă ӳкʻкʻĕдімнĕ jāхʻім?“ гежĕ. — „jāхāшхĕ jāхăнām-дā!“ гежĕ хāң. негĕ тарґăң бā¹тăнă алăбă. ґурбăң зӳң хаһăк салдāнīн, ґушăң ґурбăң бāтрīн ĕдĕлĕжĕ хӳндĕлĕжĕ бā¹нă. хӳндĕлнĕң хӧ¹нӧ мăчʻăҕā хаһăк салдāдтīн ӧгӧбĕ. — „харбăжă нāдăґтī!“ гежĕ мăчʻăjĕ аб̆шă харбăжă нāшă бā¹нă. бухăлĕ шĕнēң болӧбӧ. мăчʻăjīн бухăлĕ шĕнēннēн ӧңгĕржĕ, сӧлĕ-шнēң болбӧ. тēнһēн немĕжĕ хадāң шĕнēң болбӧ. хадāң шĕнēң болхӧдīн ӧнĕшĕң хӳбӳң хāҕā hугăдăжă гертē абāт орбӧ. мăчʻăjīн хадāң-шнēң болӧт теһĕ делбĕ хӳрбĕ. ӧхĕ харă далā¹ болжӧ серĕк дā¹jīн хāнĕ хӳбӳjĕ урăд̆хăжă аб̆шă jабăшăбă. хāнīн харжă ӧнĕшĕң хӳбӳнĕ хӧлдĕ мӧргĕжĕ унăшăбă. „салдāт хаһăґнĕ албăтăмнĕ урăд̆шă ӑрлā хедā ӑрлăk!“ гежĕ, „гансăхăң хӳбӳjīмнĕ аб̆шă ӧгʻīш!“ генĕ. ӧнĕшĕң хӳбӳң: „īхĕдē намā¹ дā¹лăхă дажăрлăхăjā болӧхʻīш?“ гежĕ hурнă. хāнīн падпʻīсхăjā бешĕжĕ алтăң тамґăjā дарăжă ӧгӧбĕ. ӧнĕшĕң хӳбӳң мăчʻăґā бішĕхăң болґӧжӧ аб̆шă уһăң далājīн шӧргēжĕ, албăтă зонīн хӳ ґол оржӧ ӧнĕшĕң хӳбӳндĕ барăң мӧргĕжĕ хӧлдīн, хāнһāн ґаршă, ӧнĕшĕң хӳбӳгē хā орӳлā. ӧнĕшĕң хӳбӳң хāң болӧ. булґăң шарă нохӧ¹ хāнĕ хатăң болӧ. терĕ булґăң шарă нохӧ¹ уһăң луб̆сă хāнĕ басхăң бā¹нă.

ӧнĕшĕң хӳбӳң хāң шӧрē даржă, хāң хуб̆сăһă ӧмĕдĕжĕ, албăтă зонӧ медĕжĕ, адӳ малā таңăжă, мӧнӧ̆хĕ хӳшăң хāнīн тӳшĕмĕлīн болӧ. хāнĕ хӳбӳң бāтрīн, ґарīң хӳң болӧжӧ, ґурбăң хāндă медētē болӧбӧ. нарăң хӳбӳнĕ ӧгӧһēң негĕ саҕāң хоб̆тӧрīн дӳрĕң алтăң мӧңгēң болӧжӧ, урāҕārā мӧңҕēң хētē бā¹нă. хӳдʸīшхĕ мӧңгĕ хоб̆тӧhӧ аб̆хădīн hӧргӧ. терĕ хабāң мӧңгēң болӧт бā¹нă. ӧнĕшĕң хӳбӳң jӳндĕшхĕ дāґдăх-үбē¹, jӳндĕшхĕ дарăґдăхă үбē¹ хāң болбӧ.

ЈАНДӐРМӐҢ ХӐН

јандӑрмӑҥ хӑҥ хојӧр хӧгшӗтӗ. јӗкʻ-кʻӧгшӗнӣ хӳбӳтӗ, баҕӑ хӧгшӗнӣ хӳбӳ ӳбӗ¹. бурхӑҥ туртӗ, харӑ хејӗр мӧртӗ. хојӧр хӧгшӗнӣ хојӧр ондӧ сӧлтӗ. јандӑрмӑҥ хӑҥ бодӧ беjӗ бурхӑҥ турдӑ унтӳlжӑ, нӳнӗнӗҥ беjӗрӗ далдӣҥ хӑнӑр дӑ¹лӑлдӑжӑ бӑ¹нӑ. жил турхӑ¹ бӑ¹ҕӑ. жил турхӑ¹ бӑ¹хӑдӣн баҕӑ хӧгшӗнӣ јӗхӗ хӧгшӗндӧ оржӧ јӗрӗбӗ. — „енӗ хурӑ¹хӑjӑ бодӧ мӣхӑн ґалдӑjӣбдӗ! нӳнӗнӗҥ беjӗтӗн нӳнӑмнӑ дӗрӗ!“ гежӗ хелӗнӗ. јӗкʻ хӧгшӗнӣ зандӑжӑ ґарґӑнӑ. хоjӧртхӧjӧ оржӧ јӗрӗт баhӑ ґалдӑjӣ генӗ. баhӑ зандӑт ґарґӑбӑ. ґурбӑтхӑjӑ оржӧ јӗрӗбӗ. — „бӣ медӗнӗбӧп! ӧрӧ медӗ!“ гежӗ хелӗнӗ. баҕӑ хӧгшӗнӣ ґаршӑ ӑрлӑбӑ. нӗнӣҥ теҥ хабӑдӑ бурхӑҥ турӑjӑ тӧ¹рӳlжӑ ґал ahӑжӑ бурхӑҥ туртӑjӑ јандӑрмӑҥ хӑнӗ бодӧ беjӣн ґалдӑбӑ. ур са¹хӑ шӗнӗндӗ оржӧ јӗрӗбӗ.

јандӑрмӑҥ хӑҥ оржӧ јӗрӗт јӗкʻ кʻӧгшӗндӧ „бодӧ беjӗмнӗ jӑхӑдӑ ґалдӑҕтӑ?“ генӗ. јӗкʻ хӧгшӗнӣн хелӗнӗ: „баҕӑ хӧгшӗншнӗ ґурбӑн-дӗр удӑҕӑр jӗрӗ!“ генӗ. — „бӣтнӑ далдӣҥ хӑjӗ дархӑjӑ бӑ¹hӑр бодӧ беjӗ ґалдӳlжӑ дарӑґдӑп!“ генӗ. јӗхӗ хӧгшӗ — „хӳбӳгӗ абӑт, мӧрӧjӧ хӧлӧт номӧ hӑдӑjӣмнӗ абӑт, ӗдӗхӗ ӳхᵃ-ӣмӗ абӑт шӳмҕа¹ мӗнӧ-дӗр ґазрӑ ӳжӑжӑ jабӑґтӣ!“ генӗ. „ґурбӑ хонӧт хаґшӑ хумӑрґӑҥ ӧрӗҕхӗхӗ jӗрсӗ хӳндӗ хӳр болґӧм-бӗjӗр jабӑґтӣ!“ генӗ. јӗхӗ хӧгшӗнӣн тӧхӧржӗ ӗдӗхӗ ӳхᵃ-ӣмӑjӗ аҕшӑ, стрӑҕхӑjӑ аҕшӑ ґаршӑ jабӑбӑ. jабӑжӑл jабӑнӑ. hӧнӗшхӗ ӧдӗршхӗ jабӑнӑ.

тӣжӗ jабӑсӑрӣн хаґшӑ хумӑрґӑҥ тӧ тохӧ ӳбӗ¹ ӳлдӗжӗ jӗрӗбӗ хӧ¹нӧhӧн. јандӑрмӑҥ хӑнӗ хӧгшӗҥ номӧ hӑдӑjӣн аҕшӑ харӑ онӧ зӳлґӑжӑ амӑрґӑл саҕӑҥ хӳзӳjӣн шаҕӑжӑ харбӑбӑ. шорӧҥ хаҥґа¹ hомᵒӣн ошшӧ амӑрґӑл саҕӑҥ хӳзӳjӣн таhӑ харбӑжӑ унӑҕӑбӑ. хаґшӑ хумӑрґӑҥ унӑжӑ, мӗнӧхӗ хӧгшӗҥ гедӗргӗ гӳ¹лгӗжӗ jӗрӗнӗ. jӗрӗт гӳдӗнӗн хахлӑт гӳдӗнӗнсӧхӣн ґарґӑжӑ — ендӗр ӗдӗнӗҥ, ендӗр зӑlјӑнӑҥ ӑмӑтӑнӣн зоӈӣн ӑмӑдӑ бӑ¹нӑ; есхӗдӗр ӗдӗнӗнӣн — толгӧ¹ тӳрӳнӣн ӳжӗжӗ, уржӑ-дӗр зӑlјӑнӑнӣн ӗдӗҥ болӧ.

тӗнӗн сӑшӑ јабӑбӑ мӗнӧхӗ хӧгшӗнӣн. тӣжӗ јаҕсӑрӣн харгʸı дӗр хоjӧр хӳҥ сабӑjӑ балӑлдӑжӑ бӑ¹нӑ. хӧгшӗҥ jӗрӗ jӗрӗнӗр jӗрӗбӗ. харгʸї дӗрӣн урдӑ jӗржӗ бӑ¹бӑ. мӗнӧхӗ хӧгшӗнӗ бішӗхӑҥ хӳбӳҥ тергӗннӗн харӑ¹жӑ бӳбӑ. — „енӗ сабӑjӑ jамӑр хедӣҥ балӑлдаҕтӑ?“ гежӗ hурнӑ. мӗнӧхӗ хоjӧр хӳнӣн урдаhӑн хелӗнӗ: „енӗ сабӑjӑ ӧмӗдӗнӗҥ хӳҥ jӳндӗшхӗ хӳсӗгдӗх-ӳбӗ¹-jӣмӗ. ӗлбӗтӗ харӑ сабӑjӑ!“ генӗ. мӗнӧхӗ хӳбӳҥ „намдӑ ӧгӗґтӣ!“ генӗ, „тӣгӗт ӧдӧ урӑлдӑт jӗрӗґтӣ, хеҥ ґарhӑнтнӑ сабӑjӑ аҕхӑ!“ гежӗ хелӗнӗ. тедӗнӗ холӧ ӗлӗгӗшхӗт мӗнӧхӗ хӳбӳҥ сабӑjӑ ӧмӗдӧт дегдӗжӗ ӳбӗ¹ болӧжӧ ӑрлӑшӑбӑ. мӗнӧхӗ хоjӧр

ур̆ӑлдӑһӑр jёрёбё. jандӑрмаң хаһё хөг̆шёң тергёнһёй хараᴵжӑ бӯжӑ мёнѡ̄хё хojӧрijё харāжӑ шёрёжё „ухёһёң хojӧр харгʸiң гāᴵhӯт тӯᴵhӯт! хӯбӯjiмнё jаһаң хергёһёң сабājа ёг̆шё ӯбёᴵ болгӧшхӧбӧт!“ гежё модӧ шулӯг̆āр сохӧхӧjӧ ӯлдёбё. терё хojӧр хӯбӯң гӯᴵжё модӧрӯ ӯбёᴵ болшӧбӧ.

jандӑрмāң хаһё хатӑһiн тергёндē hӯжӑ jабӑбӑ. тергёндē hӯжӑ сāшā jабӑбӑ. ёдёршiң ғазăр ошӧhӧң хӧᴵнiн мёнѡ̄хё бiшēхăң хӯбӯ̄нiн сабājа ёмёдhѡ̄р тергён дёр jёржё hӯжӑ сабājа тāᴵлăжӑ тёнһёй сāшā ошӧбӧ. ошӧжӧ jабăң геһāн харгʸī дёрiн хojӧр хӯ̄ң малăг̆āᴵ балăлдăжӑ бāᴵнă. мёнѡ̄хё бiшēхăң хӯбӯ̄ң тергёнһē харāᴵлғăжӑ бӯжă, „енё jӯ̄ң малăгājё балăлдăжӑ бāᴵнăт?“ гежё hурнă. мёнѡ̄ хojӧр хӯ̄нiн урдăһāн хелёнё: „енё малг̆āᴵ ёмёдёһёң хӯ̄ң ӑмӑдiмёдёшхё ӑлӑбiмёдёшхё харăғдăх-ӯбёᴵ-jiм!“ гежё хелёнё. — „тā холӧ ошӧг̆тi!“ гежё, „холӧ ошӧт ур̆ӑлдăжӑ jёрёг̆тi! хең ғарһăнтнā аг̆хă!“ гёт. мёнѡ̄ хojӧр iн гӯᴵжё ошӧбӧ. ур̆ӑлдăт ошӧң геһāн мёнѡ̄ бiшēхăң хӯбӯ̄ң малăг̆аjiн ёмёдѡ̄т тергёнё хажӯдă бāᴵнă. мёнѡ̄ хojӧр хӯ̄ң ур̆ӑлдăт jёрёбё. jёрёң геһāн бiшēхăң хӯбӯ̄ң ӯбёᴵ бāᴵнă, ехᵉiн бāᴵнă. бiшēхăң хӯбӯ̄нё ехё харăл шёрёл болӧбӧ: „харгʸiң харă зедхёрнӯ̄т!“ гежё харāжă, „хӯбӯ̄jiмнё ӯбёᴵ болгӧшхӧбӧт!“ гежё харāжă бāᴵнă. мёнѡ̄хё хojӧрiн сāшā тергёлжё ӑрлăшăбă.

ехётёjё тергёндē hӯг̆āт мёнѡ̄хё бiшēхăң хӯбӯ̄ң ехётёjё зуг̆ăлăнă, ехᵉiн харăн ӯбёᴵ. тёнһёй сāшā ошӧбӧ. iстр̆āг̆хᵃiн харг̆ʸiдă jабăһăр хӯбӯ̄лнё. хӯбӯ̄ң хѡ̄хёᴵ асрā. терё хӯбӯ̄гē хехё ғазăр olжӧ jадăнă. шонᵒiң нӯхёнсӧ хаjăжă орхӧнӧ. тёнһёй сāшā ошӧбӧт. jабăжăл jабăнă, jабăжăл jабăнă сāшā. тiжё jабăң геһāн негё нӯхёнсӧг̆ӧ шонӧhӯт ғарāт гӯ̄нё. терё шонӧhī хӧᴵнӧhӧ нӯсёгёң хӯбӯ̄ң гӯ̄ᴵжё jабăнă. мёнѡ̄хё jандӑрмаң хаһё хӯбӯ̄ң сабājа ёмёшё, малғājа ёмёшё, терё нӯсёгёң хӯбӯ̄нё хӧᴵнӧhӧ ӯлдёжё jабăнă. нӯсёгёң хӯбӯ̄jё хӯсёт баг̆āт абăбă. „хеһi хӯбӯ̄мш?“ гежё hурнă. „jандӑрмаң хаһё ᴵстр̆āг̆хᵃiң хӯбӯ̄м!“ гежё. терё ᴵстр̆āг̆хаһ аг̆шă ёргёжё hӯнă.

тёнһёй сāшā ошӧбӧ. негё гӧрӧдтӧ орнӧ. хojӧр даг̆хăр сӧл бāᴵнă. тендё ошӧт орнӧ. дӧд сӧлдiн орӧң геһāн дӯ̄рёң ӑмӑтăң зоң ӯ̄ᴵлăлдăжă hӯнă. jандӑрмаң хаһё мiғăр ғарăмжă хӯбӯ̄ң hурнă: „jахăдā ӯ̄ᴵлăлдăжă hӯнăт?“ гежё. терё зоһiн тiхёдiн хелёнё: „хā бāрăһăмнā ёнё бāᴵхăдā нёдiлhē ӯлёнё-бёᴵ, ғурбă хонӧт ухёшёнё!“ гежё. дёд сӧлдiн орнӧ. дёд сӧлдiн орӧң геһāн ӑмӑтăң зоң дӯ̄рёң, зарᵐiн нёжё, зарᵐiн ӯ̄ᴵлăжă негё хӯгē нӯсёглӯлёт бежiн уг̆āжă хуг̆сăлӯлжă баᴵнă. хуг̆сăлӯлхăдā шёрён-дёрё hӯлгāт, терё хӯ̄нiн ӯ̄ᴵлăжă hӯнă. jандӑрмаң хаһё хӯбӯ̄ң hурнă: „енёнё jёндё ӯ̄ᴵлӯлжă бāᴵхᵃiмтă?“ генё. „енёнё хā бархăмнă. енё хāмнă хер ёнё бāᴵхап?“ гежё мiг̆ăр ғарăмжăһā hурнă. мiг̆ăр ғарăмжă хелёнё: „енё хāнтнă ғурбă хонӧт ӯкᶜкᶜё!“ генё, „бī ӯкᶜкᶜё-бёᴵ хā олхӧп!“ гежё хелёнё. мёнѡ̄хё хӯ̄нiн шёрён дёрhē харāᴵжă бӯшăбă: „бī хāң орхӧбӧп!“ гежё. терё хāң болhӧң хӯ̄ң терё хаһё хөг̆шётē герлёхiмё. мiг̆ăр ғарăмжă шонᵒiң хӯбӯ̄ң шалăjё абāт оржӧ jёрёнё. — „енёнё хā орӯлжă барăг̆тi!“ гежё хā орӯлбă. тёнiн хāң хуг̆сăһăjё ёмёдхёжё, шёрё дарӯлжă, хӯлăн дăлғăжă, хортӧн зӯлгёжё, хāнāдā hӯнă хāнă хөг̆шётē.

мӣӷăр ґарăмжă сабăjă ӧмӗшӗ, малґăjă ӧмӗшӗ хăнă хӗ̆ґшӗнhо̆ hалăӈбӗ̆jӗр ба¹нă. ґурбă хонӧбӧ. ґурбă хонӧhӧӈ хӧ¹нӧ хăнӗ хӗ̆ґшӗӈ „jӗндӗ ӣжӗ ходӧ hӳх*ӣмш?“ гежӗ шăлăjӗ хелӗбӗ. „jабăjі ґазаӈ!“ гежӗ ґарhăӈ хӗтӗлжӗ ґарбă. „хăӈ болhӧӈ хӧ¹нӧ зо̆шӗjо̆, адӯ малă hумӗ ăлăjă харªӣш!“ гежӗ хелӗнӗ. ґазăӷă ґаршă jабăнăт. хоjӯлăӈ ӗрjӗжӗ тӧ¹рӧжӧ jабăнă. ґазăӷă jӗржӗ хурă¹хăjă сӧлдӧ орӯлжă мӗно̆ хăнӗ хатăӈ гертӗ орбӧ. гертӗ оржӧ тӯдӗ̆ӷшӗӈ улăӈ ґал тӯлӗбӗ. хӧ¹мӧртӧ hӯӷăт бара урдă булăндă хуhăӈ модӧ урґӯлжă, улăӈ намă намăлӯлжă, улăӈ залă hаӣжӯлжă hӯнă.

мӣӷăр ґарăмжă гертӣӈ орӧлсӧт ґарăлсăт ӷă¹нă. тӣжӗ hӯхăдӣӈ ӧрхо̆рӣӈ хăлӯӈ захăтӗ, хăлӯӈ малӷă¹тӗ хӯӈ jӗрӗт ӧрхӗ дӗрӣӈ шаӷăӷăт хеӷтӗнӗ. хăнӗ хатăӈ шонºӣӈ хубӯӈ шăлăjӗ абăт ґаршă jӗрӗбӗ сӧлдӣӈ. — „хăӈ болhӧӈ хӧ¹нӧ енӗ хуhăjӗ ґурбă тӧ¹рӧжӧ ґурбă татăхă номтӗjӣмш!“ генӗ, „тӣмӗ зергӗтӗjӣмш!“ генӗ. шонºӣӈ хубӯӈ шăлă¹ хоjӧр тӧ¹рбӧ. ґурбăтхăдă хуhăӈ модӧjӗ таhă шаӷшăбă. мӗно̆хӗ мӣӷăр ґарăмжă ӧрхӗ дӗрӗ хеӷтӗнӗӈ хӯjӗ хӧлhо̆ӈ аӷшă ӧрхӗрӯӈ тӯлхӗжӗ унăӷăшăбă. ӧрхӗрӯӈ унăhăӈ хӯӈ ґал дӗрӣӈ хăлӯӈ захăjă хӯхăлжă, ӧндӗр хăлӯӈ малґăjă дӗргӗжӗ, барăӈ ӈӯдӗjӗ дӗргӗжӗ, ӧро̆hӗӈ ӈӯдтӗ болшӗ. ґал дӗрӗ унăт хурмăhă ӗрjӗжӗ хеӷтӗнӗ. шонºӣӈ хубӯӈ шăлă¹ „jамăрмăӈ хубăлӷăӈ дӧршӗ хеӷтӗхʻӣм?“ гежӗ ґаза шӧрӗжӗ хаjăбă. терӗ хӯнӣӈ ґаза бодӧт сăшă ăрлăбă.

хӧ¹т-дӗрӣӈ болӧбӧ. дăхӣӈ мӗно̆ хăнӗ хӗ̆ґшӗӈ гертӗ оржӧ тӯдӗ̆ӷшӗӈ улăӈ ґал тӯлӗбӗ. улăӈ хуhă урґӯлбă, улăӈ залă hаӣжӯлбă. хӧ¹мӧртӧ hӯна. хăлӯӈ захăтӗ, хăлӯӈ малґă¹тӗ хӯнӣӈ орӧт jӗрӗбӗ. барăн тӗӣ hӯӷăт „шӣ ӣгӗт енӗнтӗjӗ наhăнсӧӷӧhӯ!“ гежӗ хелӗнӗ, „бӣ мӗно̆ шамтӗ герлӗхӗjӗ болӧп!“ гежӗ хелӗнӗ. „шамтӗ герлӗхӗмнӗ гежӗ ӈӯдӗjӗ ӗдӗбӗп!“ генӗ, „ӣгӗт амрăр дă!“ гежӗ ґаршă jабăшăбă.

мӣӷăр ґарăмжă харăт ба¹нă. хăнӗ хатăӈ гертӗ оржӧ хурăхăтăjă hӯнă. ґурбă хонӧбӧ. ґурбă хонӧхӧӈ ӯлӗжӗ, ґурбăӈ hарă болӧбӧ. ăмăтăӈ зоӣӣн ґурбăт хонӧдлӧ ӗрjӗт jӗржӗ, хăӣӣн ґурбă hарсӧ ӯхӗм-бӗjӗр ба¹нă. — „мӣӷăр ґарăмжă нӗрӗ ӯкʻкʻӗ-бе¹ хă баӷă!“ гежӗ хелсӗжӗ ба¹нă.

арª¹ӈ барбăӈ сохӧжӧ ăмăтăӈ зӧ¹ӷӧ суґлӯлжă, ӧбро̆ барбăӈ сохӧжӧ ӧбро̆ тӯшӗмӗлннӗ суґлӯлжă, на¹мăн-дӗр нахӣмă нăр хебӗ, jӯhӗн-дӗр jӗхӗ зуӷă хебӗ. арбăтхă-дӗрӗ тарăбă.

мӣӷăр ґарăмжă шонºӣӈ хубӯӈ шăлă¹дă ехӗjӣӈ асăржă ӧґӗбӗ. ехӗӈ хубӯндӗ jӗржӗ налă¹жă жарґăжă ба¹нă. урă саӷтă ¹стрăӷхă jабăт харґʸӣдă хубӯлӗт хубӯгӗ шонºӣӈ нӯхӗнсӧ хаjăт, мӗно̆ ӗрjӗжӗ jӗрӗт хăнӗ ехӗ болӧт налă¹жă hӯнă. мӣӷăр ґарăмжă хăӷă хатăтӗjӣӈ гертӗ урăжă абăшăнă. зуӷă нăр хежӗ ба¹нă. нăр хежӗ ба¹хăдă мӣӷăр ґарăмжă хелӗнӗ: „шӣмнӗ ӣгӗт енӗ ӈутăӷтă хăӈ болӧт ба¹!“ генӗ, „бӣшнӗ ӣбӣтӗjӗ о̆рjо̆ ӈутăӷтă ошхӧмнӗ!“ гежӗ, „хоjӯлăӈ хоjӧр тӗшӗ медӗтӗ ба¹хăбдӗ!“ генӗ, „бежӗ бежӗ орхӧлдӧм-бӗjӗр jабăхăбдӗ!“ гежӗ хелӗбӗ.

мӣӷăр ґарăмжă „гертӗ хăрăjӣ!“ гежӗ ехӗjӗ хелӗжӗ ба¹нă. ехªӣн тӣхӗдӣн урдăнăн хелӗнӗ: „хуӷха¹ хӯра¹ да¹ндă дарăґдăнăӈ, дажăртă хусӗгдӗнӗӈ делхӗдӗ

ошōт їӯ ёдёжё, їӯ ӯжӑ hӯхӑмнāп?“ гежё. мiӈӑр ґарӑмжӑ тiхёдiн хелёнё: „ӧрjӧ ґазӑртӑ хӯржё уhӑ ёдёт hӯбӑл гӯдёнёмнā садхӑлӑӈ hӯхӑ!“ генё.

мiӈӑр ґарӑмжӑ тёхӧржё, мӧрӧ харā хёлёжё jабӑхӑ тёшё тёхӧржё бā¹нӑ. гертёнён ґаршӑ хӯшӑӈ нутӑ̣ґтā jёржё jабӑнӑ. jёрё jёрёнёр jёрёбё. ошӧ ошӧhӧр ошӧбӧ. ӧрjӧ дā¹дӑдā jёрёбё. ётёґтӧ оржӧ jёрёбё. ётёґтӧ jёрёӈ геhāн jӯншхё-бё¹ — ґазāхӑ досōхiн хӯ ӑржӑ ӯмхёржё унӑшёт бā¹нӑ. ґазāӻā jёржё орбӧ. мӧрӧjӧ уjӑбӑ гертē оржō jёрёбё. боӻ хаӻā хамӑжӑ ґазāхӑ досōхӧjӧ hергēжё, унӑhāн бодхӧжӧ, хесёнён залӑжӑ, ехётёjē хоjӯлӑӈ ёдёлёжё ӯӻӑлӑжӑ hӯнӑ.

аґнӑжӑ ґарбӑ. алтā¹ӈ арāр, хёхё¹ӈ хӧ̣шӧ̣р jабӑнӑ. харӑ хулӑӻӑнāӈ хамӑрhā харӑ шуhӑ jадӑжӑ jабӑнӑ. jӯшхё алӑм-бёjёр ӑмӑнё таhӑлӑм-бёjёр гертē jёрёбё. гертē jёржё мӧрӧ харā емēлiн аӧ̣шӑ тӑбӑбӑ. ехёдē оржӧ jёржё хелёбё: „хаӈґā¹ jамӑр берхё iхёдē хатӯрхāп!“ гежё хелёнё. ехён тiхёдiн хелёнё: „дā¹дӑ далӑjā ёбгёндё саӻā ӑрхӑ ̣сержёмнёхёjē jāӻāӧ̣шё?“ генё. мiӈӑр ґарӑмжӑ хӯбӯнiн нӑлӑӻӑрсō саӻā хежё, негё лоӈхӧдӧ ӑрхӑ хежё нā¹мӑн тēшē харжӑ нā¹мӑӈ ӯл*iӈ ежё̣дтё сабдӑбӑ.

хӧ¹тӧ дерiн аґнӑжӑ ґарбӑ. ґарӑӈ геhāн — арjӑл саӻāӈ буӻӑ урдӯрiн харā̆жӑ ґарбӑ. арjӑл саӻāӈ буӻāӈ ёбёртё негё тебхёр тёмёр хоӧ̣тӧ jабӑнӑ. терёнё таhӑ харбӑжӑ ёбёртējiн унӑӻāнӑ. тёнhё ошӧжӧ, сāблӑрā ґасӑжӑ нёбё. далӑӈ зӯ¹лiӈ хедёгёнё зӯгё¹ ґаршӑ оӻтӧрґӧдӧ дегдёжё ґарбӑ. енёнёшхе бӑржӑ jадӑhар, терёнёшхё бӑржӑ jадӑhар хӯ дегдёжё ґарґӑшхёбё. jабӯт хӧрӧндӧ тебхёр харӑ ӯлё ґарґӑжӑ шуhӑӈ хурӑ, шулӯӈ мёндёр унӑӻāбӑ. терё хедёгёнё зӯгё¹н дӑлӑjā хухӑр бутӑр соxӯlжӑ, hӧргӧ бӯжӑ jёрёбё. алӑӻӑн дёрē нарӑ ґарґӑжӑ, алӑґӑн дёрiн jёржё хедёгёнё зӯгё¹ hӯбӑ. хӯ бiсӑ бажӯlжӑ, тендёнён сāшā ошӧбӧ. алтā¹ӈ арāр хёхё¹ӈ хӧ̣шӧ̣р аґнӑӂӑ таґнӑжӑ jабӑнӑ. хӑлӯнё харājё алӑбӑ. булӑӻӑнё борōjё алӑбӑ. аӈjё тарґājё алӑбӑ.

ӯдёшё болжӧ, гертē jёрёбё. ашā тегнēгē бӯлґӑжӑ, холбӧ тӯлхёжё бӯлґӑжӑ, мӧрӧjӧ емēлiн аӧ̣шӑ, ӯсāн ёлбёжё тӑбӑбӑ.

ехēн шанӑхӑ тāтē мӑхājā асӑржӑ, хаӈjӑлтӑр хар* тоӾōӾō тӑбӑжӑ, тарґӑ тарґāн шарӑбӑ. аӈjё мӑхӑ ёдёбё. „беjē арбāӈ долōӈ жiл болōп!“ генё, „гертёнён ґарhāр арбāӈ табāӈ жiл болōп!“ генё. мiґӑр ґарӑмжӑ хӯбӯнiн хорӧ хӯрēт бā¹нӑ. ӯдёшнё боро хоноlґӧ болӧбӧ. ехё хӯбӯӈ хojӧр унтӑбӑ.

ёглӧ болӧбӧ. мiґӑр ґарӑмжӑ хӯбӯӈ ехёдё хелёнё: „бiшнё хӯ¹тё хӧ̣шётё хӯгē бедёрхёмнё!“ генё, „ґансӑ хӯӈ—хӯӈ болхӧ-бё¹, ґансӑхāӈ сусӑл—ґал болхӧ ӯбē¹ номтējiм!“ генё. — „ӧрӧ медiштā!“ генё ех*iн. — „бiшнё есёӻё малāӈ тёӈгёрiӈ басӑӻāндӑ хӯр ёхёjӧ ошхӧмнё!“ генё. мiґӑр ґарӑмжӑ сабājā ёмёдёжё, малґājā ёмёдёжё, дёд замбiдӑ тёӈгёртё дегдёжё ґарбӑ. тёӈгёртё ґаршӑ есёгё малāӈ тёӈгёрiӈ басӑӻӑнӑдӑ мём бejērē орбӧ. есёгё малāӈ тёӈгёрiӈ басӑӻāӈ алӑӻӑнā шёнёӈ торґōр арбāӈ захāтē бӯтёжё, хурӑӻӑнӑ шёнёӈ торґōр хорōӈ захāтē бӯтёжё, урāґшӑ хӧ¹шiн хajӑжӑ hӯнӑ. есёгё малāӈ тёӈгёрiӈ басӑӻāӈ мiґӑр ґарӑмжӑ хӯбӯнё орōhōjё харāӈ-бёjēр hӯнӑ. мiґӑр ґарӑмжӑ орōт ӯдёнё бohӧjiн хӯр хелхё болґӧнӧ. хурӑ̣шijiн хӯр хелхё болґӧнӧ баhā.

ӯдӗ̈нїн боно̆ӷ мїӈӑр ґарӑмжӑ̈нā хӯр нурнӑ: „до̄д замбїӈа̄р ноно̆ӈ їӯмӗ їӯӈ?“ гежӗ нурнӑ. „ноно̆ӈ їӯмӗ ӯбӗ̄-л-да̄!“ гежӗ. мїӈӑр ґарӑмжӑ малґа̄їа̄ аӷшӑ, малґа̄їа̄ аӷнӑӈ хо̄̆нїн есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїӈ басӑӈӑӈ хӯӈ ба̄̆нӑ гежӗ хӑлӑм гежӗ харⁿнӑ. хурӑӷшїн „до̄д замбїӈа̄р ноно̆ шӗнӗ-їмӗ ба̄̆нї?“ гежӗ нурнӑ. мїґӑр ґарӑмжӑ „ноно̆ шӗнⁿ-їмӑ дӯлӑбо̄п!“ гежӗ. мїґӑр ґарӑмжӑ хурӑӷшӑнāн „ноно̆ шӗн-їмӑ їӯ ба̄̆нӑ?“ гежӗ нурнӑ. хурӑӷшїн „ноно̆ шӗнӗ їмӑ ӯбӗ̄-л-да̄!“ генӗ. хурӑӷшїн „нонᵒ-їмӑ — есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїмнā басӑӈандӑ хорōт хадӑм јӗрē генӗ. негӗндїн хӯрē хелӗнӗ-бē̄“. генӗ. ојӧжӧ нӯнӑӈ зӯнїн мїґӑр ґарӑмжӑнā мендӗ амӑр нурнӑ. зӯнē мендӗ амӑр нурхӑдā есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїӈ басӑӈӑӈ „есхӗјā хатӑшнӗ̆!“ гежӗ шошӧнӧ. зӯгē алдӑшхē. мїґӑр ґарӑмжӑ елӗгē хатӑнӑ: „хӯрїшнӗ̆ абӑбӑ хејāп!“ гежӗ. есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїӈ басӑӈӑӈ есӗгӗдē, бāбā̄ їбї хојӧртō сāрнӑ ёлӗгēбӗ̆. шёхӗ̆ӷшхӗӈ барлӑґта̄ бāрӯлāт табӑнӑ. есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїн сāрнāн аӷшӑ дӯдӑжӑ ӯзӗнӗ̆. „мїґӑр ґарӑмжӑ хӯбӯнӗ̆ оржӧ јёрнӗӈ хо̄̆нӧ ӯдӗ̈нӗмнӗ̆ ноно̆ӷ менд-амрā нурā“, гежӗ бөшӗнӗӈ ба̄̆нӑ. „хурӑӷшӑмнӗ̆ менд-амрā нурā“, гежӗ бешӗнӗӈ ба̄̆нӑ. „ојӧжӧ нӯнӑӈ зӯнē менд-амрā нурхӑдӑ есхӗјā хатӑшнӗ̆ гежӗ шошӧжӧ хӯрē ӧгӗшхӗбӗп!“ гежӗ бешӗнӗӈ ба̄̆нӑ. есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїн урдӑнāн сāрнӑ бешӗбӗ: „боно̆јїшнӗ̆, хурӑӷшāншнӗ̆, зӯјїшнӗ̆ дӯтē болноӈ хо̄̆нӧ намнā терӗ хӯбӯншнӗ̆ дутӑхӑ-бē̄!“ гежӗ бешӗнӗ. „хӯрē хелӗнӗӈ хо̄̆нӧ тендē ошӧ!“ генӗ, „таӈґӑрґā ӯндёш!“ генӗ.

есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїӈ басӑӈӑӈ ӯјӗтӗ хёртӗнē суґлӯлжӑ нādӑжӑ ґурбаӈ нарсō нādӑнӑ. терӗ нādӑндїн мїґӑр ґарӑмжӑ ходо̆ јабӑлсӑнӑ. негӗ зарӑмӗ гертїн оржӧ нādхӑдӑ, малґа̄їа̄ аӷшӑ хармандā хежӗ ондō малӑґа̄ӗ̄ ӧмӗшӗ амӑтӑнāрā ӑдӑлӑхӑӈ зуӷалӑжӑ ба̄̆нӑ. негӗ зарӑмӗ гертїн орхо̆дō ёлбӗтӗ малґа̄їа̄ ӧмӗшӗ хӯндӗ харӯлӑӈ-бӗ̆јēр ајӑґлӑжӑ дӯлӑжӑ ба̄̆нӑ. „јӯӈ генӗӈ хубӑлґатē жебӗлгӗтē хургём енӗмнӑ!“ гежӗ хелӗнӗ. ґурбаӈ нарӑ нādӑжӑ, нādӑјā хурāхӑ болӧжӧ, есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїндӗ оржӧ хургӗ басґāнїн хоно̆жӧ ӧнжӗжӗ ба̄̆нӑ. — „хӯнӗ̆ ґазӑр хушӗтӗ!“ генӗ, „хӯдӗрїӈ нӯхӗӈ бӯдӗрēтē!“ генӗ, „бїтнā ґазрā нанӑбӑп!“ генӗ, „ґазрā нанӑжӑ унāртӑхӑјā нанӑжӑ ба̄̆нӑм!“ генӗ. есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїн „гертē улāт гертē хāрāґтї!“ генӗ, „хāрā-бē̄-дē зӯӈ дӧшнӗ̆ борнō̄̆лӧхӧ, зӯӈ дӧшнӗ̆ хахӑлхӑ бо̄рᵒїӈ шёнēӈ бодоӈ ґахā̄јїмнӗ̆ асӑржӑ о̄̆нēнїмнӗ̆ ґазӑртӑ асӑржӑ орхо̆ґтї!“ генӗ.

мїґӑр ґарӑмжӑ сабā̄јā ӧмӗшӗ, малґа̄їа̄ ӧмӗшӗ бо̄̆рēӈ шёнēӈ бодоӈ ґахā̄̆дӑ ошӧнӧ. ошӧӈ генāн ґахā̄̆ ажӑґӑр улāӈ шӧнӗ̆нӗндӗ ујāтē ба̄̆нӑ. тїгēт мїґӑр ґарӑмжӑ шӧнӗ̆нӗтēјїн нуґӑ татӑжӑ аӷшӑ, есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрје ґазӑртӑ асӑржӑ нӯлґӑжӑ орхо̆бӧ. есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїндӗ оржӧ јёрбӗ. далаӈ зӯ̆лїӈ жӗрјēхїн модо̆тēјїн хулӯжӑ асӑрбӑ. жӗрјēхē јӯншхӗ медём-бӗ̆јēр жӗрјӗжӗ јабӑнӑ.

мїӈӑр ґарӑмжӑ есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїӈ ґазā асӑржӑ нӯлґӑжӑ орхо̆бӧ. есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїндӗ оржӧ малґа̄їа̄ нуґӑдā хаӷшӯлжӑ ба̄̆нӑ. заја̄нӗ шарᵃ нудӑр аӷшӑ дӯдӑжӑ дорлӧжӧ ба̄̆нӑ. „зā, хургӗ басӑґāӈ, хāрāхӑ хедā хāрāґтї!“ гежӗ хелӗнӗ.

есӗгӗ малаӈ тӗӈгӗрїӈ басґāнїн мїґӑр ґарӑмжӑ̈јā хелӗнӗ: „херӗнсēӷӗ-нēмнӗ̆ абāӈ о̄̆нēнō̄̆ херӗнсēдē хурсē шāжāӈхā̄̆ хӯргӗ бодхōхōш!“ генӗ.

шāжăңхʸī хӯргĕ бодхōжŏ, мiґар ґарăмжă пĕрiлēң хоjŏр беjĕдĕ алтăң намāтē сāд урґӯлнă. далăң зӯ'лiң жĕрjēхē' жĕрjӯлнĕ. нежēт модоң талтăjăр хӯр jатăґăтē аʍăтăнĕ бā'лґăнă.

есĕгĕ малāң тĕңгĕрiң басăҕăндă оржŏ хелĕнĕ: „белĕң тӧгĕт болō!“ гежĕ хелĕжĕ, сабăjā малґăjā ӧмĕшĕ, есĕгĕ малāң тĕңгĕрiң басăґăнhā урiт гертē jĕрĕнĕ.

есĕгĕ малāң тĕңгĕрiң басăҕăң саҕāң тӯлā' унăжă шāжăңхā' хӯргēрiн бӯжă, jĕрĕ jĕрĕhēр jĕрĕбĕ, хӯрĕ хӯрĕhēр хӯрĕбĕ. мiҕăр ґарăмжă нӯр бӯтĕ ăрхă белдĕжĕ, болдŏk бӯтĕ ʍăхă белдĕжĕ, ăʍăтăң зоно суґлӯlжă хӯлĕжĕ бā'нă.

есĕгĕ малāң тĕңгĕрiң басăҕăң оржŏ jĕрĕбĕ ґазāн. мiґăр ґарăмжă тӯлā-jiн аҕшă, шĕнjĕл шĕбē хӯрēдĕ хāжă, ехĕтĕн jĕржĕ золґŏжŏ, алтăң остōлō татăжă,

амтăтă ĕдēгē ґарґăжă,
мĕңгĕң остōлō татăжă,
мĕңгĕтĕ ĕдēгē ґарґăжă,
ӧглō болŏбŏ.
ар'iң барбāң соҳŏжŏ,
ăʍăтăң зō'ҕō суґлӯлбă.
нāр зуҕā хежĕ,
хорŏмō бӯтēжĕ,
нӯр бӯтĕ ăрхăдiн
ӧ'мŏхŏhō нāҕӯр ӯжă,
болдŏk бӯтĕ ʍăхăндiн
шӯдĕлдĕжĕ бā'жă ĕдēлĕжĕ бā'нăт.
нā'мăн-дĕр —
нăхiмă нāр хебĕ.
jӯhĕн-дĕр —
jĕхĕ зуҕā хебĕ.
арбăдхă-дĕрē тарăжă,
ăʍăтăң зоhiн
hӯдăл берĕ hӯжă,
бā'дăл берĕ бā'жă,
аң hӯжă
аштă бурхăндā тӯшĕжĕ
налā'жă жарґăжă hӯнăт.

АЛТĂҢ ШАҒА[1]

(Отрывок из поэмы)

ӗртīҥ ӗртӗ саҕтă,
ӗртīҥ баjăҥ саҕтă,
уҏāнӗ уҏā саҕтă,
уҏāнӗ баjăҥ саҕтă,
ҕазāдă jӗхӗ далā[1]ҥ
ҕорхŏнӗ хабāҥ бā[1]хăдă,
абăрҕă шарă заҕăнăнӗ
жарāхā[1]ҥ хабāҥ бā[1]хăдă,
захāҥ зандăр модŏнӗ
ӗртӗнӗнӗ хабāҥ бā[1]хăдă,
заӈăл саӈāҥ буҕāҥ
туҕăлӗ шӗнӗҥ бā[1]хăдă,
шамшīҥ шарă талдă,
шарă далāҥ ӗҏjӗдӗ,
мӧӈхӗ геҕшӗ дā[1]дăдă,
мӗрӧлжӗӈ геҕшӗ уһăндă,
тӗӈjӗрдӗ хӳрӗмӗ
теӆхӗр саӈāҥ ӗргӧк,
оҫтŏрҕŏдŏ хӳрӗмӗ
ордӧ[1] саӈāҥ ӗргӧк
ӧндӗр саӈāҥ тӗӈjӗрнӗӈ
ӧлгӯр-бӗ[1] бодŏнŏҥ,
ӳлгӗҥ шарă делхӗ[1]нӗӈ
тулгă-бӗ[1] бодŏнŏҥ,
дōӈӯрā —
долōҥ зӯҥ шаӈăбăртӗ,
дӗгӯрӗ —
дӧрбӗҥ зӯҥ шаӈăбăртӗ,
бӯлăҥ берӀīӈ хархăдă —
бурхăнӗ хӗрӗк зурāтӗ,
ханă берӀīӈ хархăдă —
хāнӗ хӗрӗк зурāтӗ,
заҕăнăнӗ гехӗ jаһāр
забăнăрлăжă бӳтӗнӗҥ,
аҥҕā гехӗ jаһāр
алăҕлăжă бӳтӗнӗҥ,
унăӈăтӗ гӯнӗ уҏăлдăмă
уҏăхăҥ мӧҥгӗҥ херӗнсӗтӗ,
дāӈăтӗ гӯнӗ дамжăмă
даӆхăр мӧҥгӗҥ херӗнсӗтӗ,
хар шулӯҥ хӳрӗтӗ,
хабтăнăҥ мӧҥгӗҥ буртāтӗ,
хӧхӗ шулӯҥ хӳрӗтӗ,
хӳжӗ мӧҥгӗҥ буртāтӗ,
наjăҥ нā[1]măҥ һалāтӗ
наҳăр мӧҥгӗҥ сергӗтӗ.
тӳд[ӳ]ī эōшӗ эōшӗлхӗ,
тӳд[ӳ]ī алтă алтăлăхă,
ар беjēр белшӗхӗ
адӯ мал хоjŏртӗ,
ӧбӗр беjēр белшӗхӗ
ӳхӗр мал хоjŏртӗ —
ӳнтӗ тăрхīҥ хӯбӯҥ
алтăҥ шаӈă[1] мергӗҥ,
ад[ӳ]ī сеҫсӗ[1] ахăтӗ,
ноӈōҥ толŏ бергӗтӗ.
— „jамăр ӧнӗ унтăбīп?“ гежӗ,
ӗтӗр дундă бодŏжŏ,
ӧҥгӗ зӳһӗ татăжă,
ōҥ худ[ă]рā ӧ[1]лгŏжŏ,
һанāҥ худ[ă]рā һанăжă,
„ар беjēр белшӗхӗ

адӯ мал хоjӧрō
ӗрjē тӧ̄ⁱрō-бӗjӗрē
ӧ̄нӗ унтӑбīп?“ гежӗ,
ӗрjӗхӗ гежӗ,
алтӑң шарґӑ мӧрӧjō
хōлӧ̄ⁱң hа̄ⁱ ӷар хӯӈа̄ⁱдӑжӑ,
хормӧ̄ң hа̄ⁱ ӷар далӑлжӑ.
алтӑң шарґӑ мӧрӈīн
алта̄ⁱ та̄ⁱ ӷа̄ң атартӑ,
хӧхē ⁱ та̄ⁱ ӷа̄ң хӧ̄ӷшӗдӗ
мӧ̄р бӯтӗ далӑң далӑңлӑжӑ,
мӧ̄лӗнӗң бӯтӗ арбӑ̄ң арбӑ̄ңлӑжӑ jабӑжӑ,
терӗ ⁱтīгēт ха̄ⁱхӑрхӑдīн
„енӗ jамӑр менī ежӗндла̄р хӯӈа̄ⁱднӑ?“ гежӗ,
хоjӧр сормӧ̄ⁱ шӗхӗjē
хӧ̄ⁱшīн уӷ̄ґшīн унӑӷа̄жӑ шаґнӑнӑ.
ⁱтīгēт
марjӑжӑ — манӑ татӑжӑ,
турjӑжӑ — тōhӧ̆ унӑӷа̄жӑ,
хара̄ⁱжӑ jӗрӗнӗ.
хӑлӯң булґӑң хоӈшōрōрō
хаӷ̄тӑнӑң мӧңгӗң буртӑӷа̄
хаӈхӑнсӑ тӯлхӗжӗ оржӧ̆,
наjӑң на̄ⁱмӑң hалāтē
нӑхӑр мӧңгӗң серᵊгēң узӯртӑ
гӯ̄ⁱнӗң тӯла̄ⁱндла̄р
борсӧ̄ⁱжӧ̆ ба̄ⁱжӑ,
hажӑнӑң буӷа̄ⁱндла̄р
борсӧ̄ⁱжӧ̆ ба̄ⁱжӑ,
алтӑң шаӷа̄ⁱ мергӗң
тӯргӗң дундӑ jӗрӗжӗ,
шӯрӑk мӧңгӗң ноґтōрō
ноґтӧ̆лӧжӧ̆ абӑжӑ,
шудхӑмӑл мӧңгӗң хазāрāрā
хазāрлӑжӑ абӑжӑ,
торґӧң хīдхӯр тохӧ̆мō тохӧ̆жӧ̆,
тохӧ̄ⁱ мӧңгӗң емēлē емēллӗжӗ,
арбӑң табӑң олӧ̆мōр
ата̄ⁱсӑрīн татӑжӑ,
хоӈӧң табӑң олӧ̆мōр
хото̄ⁱсӧ̆рīн татӑжӑ,
алтӑң шаӷа̄ⁱ мергӗң
ӧ̄ргӯґтӯ̄ орӧ̆жӧ̆ хуӷ̄сӑлхӑда̄,
ӯдӗнӗ шӗнēң герӗлдӗ
ӗрjӗжӗ ба̄ⁱжӑ хуӷ̄сӑлжӑ,
ēмēң hа̄ⁱ ӷар зохōжӧ̆,
тохӧ̆мӗ шӗнēң герӗлдӗ
тӧ̄ⁱржӧ̆ ба̄ⁱжӑ хуӷ̄сӑлжӑ ґаршӑ,
аґʸī шарґӑ мӧрӧндō
алӑӷ̄хӑжӑ ґаршӑ
арӑ хӧ̄ⁱтӧ̆ зӯґтӗ,
барᵃ амā̄ⁿ татӑжӑ,
барӑң ташājīн тӑшӯртӑжӑ jабӑхӑдīн
наjӑң на̄ⁱмӑң hалāтē
нӑхӑр мӧңгӗң сергēң узӯртӑ
адхӑ шорӧ̄ⁱ бурт гежӗ хаᵊрӑґдӑжӑ,
арбӑң жалґа̄ң сāнӑ
малґа̄ң зала хахӑс гежӗ jабā.
jабӑ jабӑhар jабӑжӑ,
ошӧ̆ ошӧ̆hōр ошӧжӧ̆,
адӯ мал хоjӧртō хӯржӗ —
адӯ мал хоjӧрīн
ӗртӗнсӗhēн ӯлӯ̆,
урā̄нсӑhā̄н олӧ̆ң болӧ̆жӧ̆ jабӑжӑ,
адӯ мал хоjӧрō
шарᵃ далā̄ⁱ тēшӗ шахӑжӑ
шабӑрīн ґарсӑр уhӑлжӑ,
харᵃ далā̄ⁱ тēшӗ хашӑжӑ
хā̄ⁱрīн ґарсӑр уhӑлжӑ,
белшēр тēшӗ залӑшхēт,
гер тēшӗ гешхӯлēт,
дōмӧ̆ тēшӗ дуґшӯлжӑ,
нег ӯлā̄ң орӧ̄ⁱдӧ̆
ӯдӗшнӗ улāң нарāндӑ jержӗ,
буґӑ hоґō харбӑжӑ хонӧ̆жӧ̆,
торґӧң хīдхӯр тохӧ̆мō дебдӗжӗ,
тохӧ̄ⁱ мӧңгӗң емēлē дерлӗжӗ,
хадӑдлӑ харха̄ⁱжӑ,
ӯлӑдлӑ обӧ̄ⁱжӧ̆ хеӷ̄тӗнӗ.
ӧглӧ̄нӗ улāң нарāндӑ
алтӑң шарґӑ мӧрӈīн
азӑрґӑ саӷāң хуhāндӑ

уӀāтӗ бāʲhӑнā
хаӈсӑнсӑ інсӑӷāжӑ:
„Ӏамӑр ӧӈӗ унтāӈш?
ӧтӗр дундӑ бодӑжӧ-бодіш!“ гєжӗ,
буӷӑ hоґō хоӀӧрō шорлӑжӧ,
амӑ хамрāрā турӀӑжӑ,
тʲігēт —
нāшā Ӏабӑжӑ Ӏёрёжӗ,
зоӈӗ Ӏабӑhӑӈ харґāӀāр
зӧʲґӧр зӧʲґӧр гєшхӯӀжӗ,
хоӈӧ Ӏабӑhӑӈ харґāӀāр·
хоҳӧр хоҳӧр гєшхӯӀжӗ,
„ґансӑхӑӈ хӯӈ — хӯӈ болхӧ-бēʲ!
ґансӑхӑӈ сусӑл — ґал болхӧ-бēʲ“ гєжӗ,
дёшē харжӑ — ӈēжӗ,
дōшō харжӑ — ӯʲлӑжӑ Ӏабӑхӑдіӈ
алтӑӈ ґурґӑлдāʲ Ӏёржӗ,
дёрʲіӈ хелӗжӗ:
„ґалтӑ залтᵃʲітнā
зāхӑ хӯӈ гертʲітнā бāʲнӑ!
хар hанā бӑ-hанӑ!
саӷāӈ hанā hанӑ!“ гежӗ хелӗжӗ,
тʲігēт —
Ӏёрӗ Ӏёрӗhёр Ӏёрёжӗ,
гертē Ӏёрёжӗ,
ноӷōӈ толӧ̆ бергёнēдӗ
оржӧ̆ Ӏёрёжӗ,
„арбӑӈ тоӷō арзӑ
хоӀӧӈ тоӷō хорзӧ̆ нерёжӗ,
зуӷā хеӀі!“ гежӗ хелёнӗ.
„адӯ мал хоӀӧрнā
уӀāнсӑhāн олӧӈ,
ёртёнсёhēн ӯлӯ бāʲнӑ!“ гежӗ.
ноӷōӈ толӧ̆ бергёнʲіӈ
арбӑӈ тоӷō арзӑ,
хоӀӧӈ тоӷō хорзӧ̆ нерёжӗ белдёжӗ,
ахӑтӑjā бергётёjē зуӷā хежӗ,
арбӑӈ тоӷō арзӑjā ӯжӑ,
негӗ баґтāʲ арзӑлзӑжӑ,
хоӀӧӈ тоӷō хорзӧ̆jō ӯжӑ,
негӗ баґтāʲ хорзӧ̆лдӧ̆жӧ̆,
зуӷӑлӑжӑ бāʲхӑдā —

ноӷōӈ толӧ̆ бєргёнʲіӈ
„Ӏамӑр
сēжётнā hанātē,
сесёгётнā ноӀмӧ̆hӧ̆тēп?“ гежӗ хелёнӗ.
тʲіхёдіӈ —
„ґансӑхӑӈ хӯӈ — хӯӈ болхӧ-бēʲ,
ґансӑхӑӈ сусӑл — ґал болхӧ-бēʲ!“
гежӗ,
„ґалтӑ залтӑ хӯjімнӗ хелӗ!“ гєжӗ
hурнӑ.
— „ґалтӑ залтӑ хӯнтнā
шаӈхӑ урдӑ зӯ̣тӗ,
жорӧӈ жілӗ ґазӑртӑ,
шāжӷаʲ баjӑӈ хāнӗ
шашхӑр улāӈ абӑхāʲ —
арāʲ терӗ!“ гежӗ хелёнӗ.
„барӯӈ урдӑ зӯ̣тӗ,
jёхӗ холӧ̆ ґазӑртӑ,
олӧӈ ӯлӑ дабӑжӑ,
олӧӈ уhӑ ґатӑлжӑ
ерēӈ hāʲӈ хӯрē-бēʲ гежӗ хелсёг̣шӗ
баjӑӈ бумбāʲ хāнӗ
hāхӑ ёрēӈ тарбӑжӑ гежӗ хелсёг̣шӗ —
арāʲ терӗ нērēшхӗ болхӧ· бʲіз-дā!“
гежӗ,
бӯдӯӈ хӯзӯгērʲіӈ
бӯхёт тебёржӗ уjӑржӑ,
нӑрʲіӈ хӯзӯгērʲіӈ
нӑхӑт тєбёржӗ уjӑржӑ,
зā, тʲігēдлӗ —
тёхӧ̄рхӗ гежӗ,
jёхӗ тёхӧ̄ тёхӧ̄ржӗ,
арбӑӈ бухӑл ӧбёhējё
негӗ мӯшхӑлā болґӧжӧ̆,
хоӀӧӈ бухӑл ӧбёhējё
хоjӧр мушхӑлā болґӧжӧ̆,
арбӑӈ ёрjіӈ мӑхājё
адҳӑ шāтӑ болґӧжӧ̆,
хоӀӧӈ ёрjіӈ мӑхājё
хонтӧ̆ шāтӑ болґӧжӧ̆ тёхӧ̄ржӗ,
агᵛʲі шарґӑ мӧӀӧjō заhӑжӑ,
хʲі дёрё уjӑжӑ,

хӣ хуj болґӧжӧ,
мӗлӗһӗң дӗрӗ уjӑжӑ
мӗхӗрӯң турӯ турӯлӯлжӑ,
„одӧ іхӗдӗ
мӧрӧһӗ заһӑл хӳсӗ-бӗ!“ гежӗ,
алтӑң барбӑң сосӧжӧ,
ӓмӑтӑң зонӧ суґлӯlжӑ,
мӗңгӗң барбӑң сосӧжӧ,
ӳ тӳмӗң зӧ ҕӧ суґлӯlжӑ,
нӑмӑн-дӗр нӑр зуҕӑ хежӗ,
jӳһӗн-дӗр jёхӗ зуҕӑ хежӗ,
тӣгӗт jаҕхӑдӑ тёхӧржӗ,
„бӣтнӑ jабӑң жарґӑжӑ,
тӑмһӗ hӯң жарґӑ̆тӑң!“ гежӗ
аґ ӣ шарґӑ мӧрӧjӧ емӗллӗжӗ,
торґӧң хӣдхӯр тохӧмӧ тохӧжӧ,
тохӧ мӗңгӗң емӗлӗ емӗллӗжӗ,
арбӑң ґурбӑң олӧмӧрӧ
атӑсӑрӣһ татӑжӑ,
хорӧң ґурбӑң олӧмӧрӧ
хотӧсӧрӣһ татӑжӑ,
арбӑң мушхӑлӑ ӧбӗһӗjӧ
хормӧґӧдӧ хежӗ,
адхӑ шӑтӑ хojӧрӧ
хормӧґӧдӧ хежӗ,
„мӧрӧһӗ тёхӧ хӳсӗбӗ!“ гежӗ,
„бejӣң тёхӧ тёхӧрхӗ!“ гежӗ
оржӧ хуҕсӑлжӑ:
ӧбӗлӗ саґтӑ мӗдхӗ
ӧңгӗ торґӧң дегӗлӗ ӧмӗдӗжӗ,
ӯдӗһӗ шёнӗң герӗлдӗ
ӗрjӗң тӧрӧң бӑжӑ,
ӗмӗjӗ hӑґӑр зохӧжӧ,
ерхӗjӗ hаґӑр тоҕшӧлжӧ,
нажӑр саґтӑ мӗдхӗ
намнӑ торґӧң дегӗлӗ ӧмӗдӗжӗ,
тохӧмӗ шёнӗң герӗлдӗ
тӧржӧ бӑжӑ хуҕсӑлжӑ,
аґ ӣ шарґӑ мӧрӧндӧ
алӑмхӑжӑ ґаршӑ,
аґ ӣ шарґӑ мӧрһӣһ
тӗңгӗрhӗ абӑң тершӗlжӗ,

теґшĕ hāⁱндă торŏжŏ,
ґазăрhā абăң ґаһăґлăжă,
ґаᵭшăŋăⁱ hāⁱндă торŏжŏ,
бар амāһ татăжă,
барăң ташāјіһ ташӯртăжă,
барӯң уᵭāᵭша јабăхăдіһ
наҳăр мӧңгĕң серĕґ•ің узӯртă
адхă шороⁱ бурт гежĕ,
арбăң жалґāң сānă
малŋāң залā хахăс гех•іһ
харăґдăжă јабăшănă.
јабă јабăhăр јабăжăл јабănă.
ӧбĕлің ӈурŋāјĕ
алăк шāзŋāң дӯŋăр тендĕглĕжĕ јабănă.
нажăрĕ ӈурŋāјĕ
алтăң ґурґăлдāјĕ дӯŋăр
тендĕглĕжĕ јабănă.

ҭіжĕ јаᵭхăдіһ негĕ гер бāⁱнă. терĕ герĕ ґазā ґурбăң шар• сōхŏр мӧрŏң бāⁱжă, терĕ гертіһ хархăдіһ ґурбăң хӯбӯң номŏ ґодŏлŏ заһăжă hӯнă. ҭігĕт тендĕ негĕ басăŋăң јӯм ојŏжŏ hӯнă. терĕ хӯбӯдhĕн hурһă: „іхĕдĕ маһĕ хабāң хӯң ӯбĕⁱ гежĕ hанăжă hӯніт та?“ гежĕ хелĕнĕ. — „маһĕ хабāң хӯң ӯбĕⁱ!“ гежĕ хелĕнĕ. — „танhā лӯ мӧңхĕ геґшĕ дāⁱдăдă, мӧрōлжĕң геґшĕ уһăндă алтăң шаŋāⁱ мергĕң јāŋап?“ гежĕ хелĕнĕ. — „терēӈĕшӈĕ ґартā баᵭжă ґанзăқăндă ујăхăбдĕ!“ гежĕ хелĕнĕ.

ҭіжĕ хелĕжĕ hӯхăдіһ алтăң шаŋāⁱ мергĕң ґазā бāⁱжă шаґнāт, ґурбăң шар• сōхŏр мӧрēјіһ абāт јабăшănă. негĕ ӯл•ің орōⁱдŏ ошŏжŏ хеᵭтĕнĕ. ґазāһ шаŋāң шĕнēң шар• сāрhăндă бешĕт орҳŏнŏ: „енĕ морŏјō тендĕ ошŏжŏ асăрхăт!“ гежĕ бешĕнĕ. терĕ ґурбăң хӯбӯт ґазā ґархăдіһ — мӧрŏӈіһ ӯбĕⁱ бāⁱнă. ҭігĕт терĕ сāрhă дӯдāдлă терĕ мӧрŏндō јабănă.

хојŏр хамсăјā шамāт,
хојŏр хормōⁱŋō шӯңґāт,
алтăң шаŋāⁱ мергēјĕ
ӧдĕр ӯлдĕжĕ јабănă.
ошŏ ошŏhōр ошхŏдіһ
ӯлāң орōⁱдŏ
ӯлăдлă обōⁱжŏ хеᵭтĕнĕ.

мӧнō ґурбăң хӯбӯт хажӯдіһ ошхŏјō āⁱшēт мӧргĕжĕ бāⁱнă. — „јӧндĕ мӧргōᵭтĕ?“ гежĕ, „нāша јĕрĕґті“ гежĕ зандăнă. ҭігĕт тедĕ хӯбӯт мӧргĕ мӧргĕhōр орŏнŏ. — „мăхă ӧдĕґтį!“ гēт ӧгĕнĕ. мăхă ӧдĕжĕ јадăжă hӯнă. — „іжĕ ӧдĕхімĕ!“ гēт амă хамрāрā турјāт хāⁱшхănă. терĕ хӯбӯгē „емēлімĕ тохŏґтіӈ!“ гēт хелĕнĕ. терĕ хӯбӯhіһ емēліһ тохŏхŏјō ошŏжŏ тохŏміһ јадāң

гежĕ ґурбӯлăӈ ӧргĕжĕ тохо̆нӧ. емēлīӈ ӧргĕжĕ дāжă јадăжă бāⁱхăдīӈ јĕрēт ѻ̄рѻ̄ тохо̀т „мӧнѻ̄ хӧ̄ⁱшō īжĕ јĕхĕ амă бе-хелĕ̆ґтīӈ!“ гежĕ хелĕнĕ. „мо̀рō абāт јабăґ̆тīӈ!“ гежĕ хелĕнĕ. ѣīгēт тендĕhē сāшā јабăжăл јабăнă.

ѣīжĕ јаӈ̆хăдīӈ урдăhāӈ
hеӈ̆ hеӈ̆ hа̀лсăӈ болӧ̆жӧ̆,
hемжĕ ѐрēӈ ӯлĕӈ ґаршă,
„īхĕдē јӯм болӧ̆бӧ̆!“ гежĕ,
хаӈґāⁱ харă сēжĕјē татăжă hӯнă.
хаӈґ̄āⁱ харă сēжēјĕ
ӧрхĕдлĕ сӯлăжă,
ӯ̄дĕндлĕ ӯндĕжĕ ґаршă,
елĕгĕ ӯшхāјīӈ аӈ̆шă ґархăдīӈ
арᵃ бīјĕдĕ бāржă,
амāрā ѐдĕжĕ орхōдлӧ̆,
„ёртē hомӧ̆
ежĕјē тāӈăхă-бēⁱ!“ гēдлĕ шēӈ̆шēдлĕ харбăнă.
терĕ hомᵒīӈ ошӧ̆жӧ̆,
жорґōӈ тēшĕ ерхēⁱтē
жорґōдӧ̄ⁱ мергēјĕ
ӧрхĕдлĕ сӯлăжă,
ӯ̄дĕндлĕ ӯндĕжĕ ґарнă.
ѣīгēдлĕ —
алтăӈ шаӄ̄āⁱ мергĕӈ
ѻ̄рѻ̄ншхĕ ӯхĕжĕ,
жорґōӈ тēшĕ ѐрхēⁱтē
жорґōдӧ̄ⁱшхӧ̆ ӯхĕжĕ,
ѣīхĕдīӈ —
агʸī шарґă мо̀рӈīӈ
алтăӈ шаӄāⁱ мергĕјē
хадă дēрĕ абāшшă,
хаӈ̆тăӄ̄āⁱ шулӯнĕ забăhăртă хежĕ хадăлґăнă.
агʸī шарґă мо̀рӧ̆ӈ
бајăӈ бумбāⁱ хāӈĕ
адăhăндă ошӧ̆жӧ̆,
азăргāјīӈ ӯлдēт
адăhăнāрīӈ јабăжă јабăнă.

бајăӈ бумбāⁱ хāӈĕ адӯшīӈ терĕ мо̀рēјĕ харăжă ґурбăӈ ёдĕр, гурбăӈ hёӈĕ јĕрĕӈ-бĕјēр бāⁱшăнă. ѣīгēт хāнāдā јĕрхĕдīӈ — „јамăр ёӈĕ болōӈ̆шĕ?“ гēт ӯрлāт бāⁱнă. ѣīхĕдīӈ „адăhăнāршӈĕ бејēӈ ґарhăӈ емēлтē, бејēӈ ґарhăӈ хазāртē мо̀рӧ̆ӈ ӈīлĕжĕ, hарă гehē hарă бешĕ, нарăӈ гehē нарă бешĕ јĕржĕ азăрґāмӈĕ ӯлдēт ӈīлēт јабăнă!“ ѣīгēт адӯшāјā ґарґăжă, адăhā асăржă терēӈĕ

бáрăнă. бáрāт хойӧр жаӈжăһāн тёмёр дегēгēр дегēдēт, дёрбёӈ хёлīн тёмёр шёдёрӧ̄р шёдёрлӧ̄т, бāтăрнһā унӯлāт јабӯлнă. шёдёртӧ̄ јабăжă јадāт торшӧ̆ бā̄нă. хойӧр хёлīн тā̄лāт јабӯлнă. тӯрӯ̄нхĕһēн хурдāр јабăнă.

тīгēт нёгӧ̄ хойӧр хёлīн тā̄лāт јабӯлнă.
тīгēт —
уръā̄ӷшă јабӯлхăдīн
унăӷăӈ жороо̄ жороо̄лнӧ̆,
хӧ̄шӧ̆ јабӯлхăдīн
хоӈӧ̆ӈ жороо̄ жороо̄лнӧ̆.
тīгēт хāӈ бāбā̄
„бī һӯжă унăжă ӯзĕхĕмӈĕ!“ гежĕ,
хойӧр жабжā̄јīн
дегēгēр дегēдӯлēт,
хойӧр бāтăртā
бáрӯлāт јабăнă.
урā̄нсăһāӈшхă ӯлӯ̄
тӯрӯ̄нсĕһēӈшхĕ тӯргĕӈ јабăнă.
тёмёр дегēгēр абӯлāт
ӧ̄рӧ̄ јабăнă.
тīхĕдīн һā̄ăхă ėрēӈ тарбăжă
„бī јабӯлжă ӯзĕхīм!“ гēт
унăжă јабӯлнă.
ошōо̄ һā̄ăӈ хурдāр јабăнă.
тīгēдлĕ јабӯлжă бāăхăдīн
хойӧр тēшē
холмӧ̆ґӧ̆т гēт,
хойӧр дёрӧ̄гӧ̄
хумхīсă хазāт,
хёлīн хаӷшāт,
марјăжă — манă татăжă,
турјăжă — тōһӧ̆ татăжă јабăшăнă.
алтăӈ шаӷā̄ăӈ дēрĕ јёрēт,
дёрӧ̄гӧ̄ залāт бā̄нă.
тīхĕдīн —
һā̄ăхă ėрēӈ тарбăжă
тėӈјĕртĕ дегдĕжĕ ґарнă.
тīһĕӈ хӧ̄ăнīн
аґ^ыī шарґă мӧрӈīн
унăґăӈдхă дӯӷārā
шарјīсă инсăӷăжă,
дēд^ēīӈ бурхăӈ харжă

дӗрhӗй —
шуhӑӈ хур[a] оржӧ,
шулӯӈ мӗндӗр унӑӷӑжӑ,
алтӑӈ шаӷа̄[1]ӈ дӗрӗ
хур[a] орӧӈ-бе̄[1] ба̄[1]нӑ.
„ӣхӗдӗ арґӑ ӱбе̄[1] јӱм хеја̄!“ гежӗ hѡ̄ршѡ̄ јӗржӗ,

алтӑӈ шаӷӓјӗ еблӯ[1]жӗ таӧжӑ, дӗӈӯ[1]рӣӈ ґурбӑ алхӑт, ґурбӑ hӗбӗт ґархӑдӣӈ мӗсӗ мӗсӣӈ залґӑлдӑжӑ, баhа̄ ґурбӑ алхӑт, ґурбӑ hӗбӗт ґархӑдӣӈ мӗм бејӗ бејӗлнӗ, баhа̄ ґурбӑ алхӑт, ґурбӑ hӗбӗт ґархӑдӣӈ ґол оржӧ бодӧнӧ. тӣгӗт hā[1]хӑ ӗрӗӈ тарбӑжӑ тӗӈјӗрдӗ дегдӗжӗ ґарнӑ.

тӣhӗӈ хӧ̄[i]нӧ алтӑӈ шаӷа̄[i] мергӗӈ бодӧжӧ „јамӑр ӧнӗ унтӑбӣп?“ гежӗ, ӧӈгӗ зӱhӗ татӑжӑ, мӗм бејӗ бејӗ[1]жӗ, ар[y]ӣ шарґӑ мӧрӧннӧӈ hуржӑ: „ӣхӗдӗ јӓӷӓјӗп?“ гежӗ hурнӑ. ар[y]ӣ шарґӑ мӧрӈӣӈ хелӗнӗ: „жорґӧӈ тӗшӗ ӗрхе̄[i]тӗ жорґодӧ̄[1] мергӗндӗ харбӯ[1]жӑ ӱхӗшӗш!“ гежӗ хелӗнӗ, „тӣгӗт бӣ шамӓјӗ бајӑӈ бумба̄[1] ха̄ӈӗ hā[i]хӑ ӗрӗӈ тарбӑжӓјӗ асӑржӑ ґол орӯлӓп!“ гежӗ хелӗнӗ. тӣгӗдлӗ мӧрӈӣӈ „јӗхӗ зобӧп!“ гежӗ, „тӗмӗр шӗдрѡ̄р шӗдӗрлӗжӗ јабӯлӑ, хојӧр жабжӑ-јӣмӈӗ тӗмӗр дегӗгӗр дегӗдӗжӗ јабӯлӑ. маӷа̄ харӑ азӑрӷа̄ӈ хабӑрӷӓ̄мӈӗ шӗрӗјӗ хахӑрӑ таhӑрӑ хаза̄!“ гежӗ хелӗнӗ. тӣгӗт алтӑӈ шаӷа̄[1] мергӗӈ

ар[y]ӣ шарґӑ мӧрӧјӧ
бӱдӯн хӱзӯ[1]гӗрӣӈ
бӱхӗт тебӗржӗ ујӑржӑ,
наӷӑӈ хӱзӯ[1]гӗрӣӈ
наҳӑт тебӗржӗ ујӑржӑ,
тендӗhӗй бодӧт јабӑнӑ.

бајӑӈ бумба̄[1] ха̄нӓдӑ јӗржӗ орнӧ. орхӧдӣӈ бајӑӈ бумба̄[i] ха̄ӈ „ха̄нhа̄ јабӑhӑӈ тӧ̄[1]мӧґ-ӷшӗ?“ гежӗ hурнӑ. тӣхӗдӣӈ

„бејӗмӈӗ хӱргӗӈӗ херӗгӗр,
бенӗмӈӗ худӓ̄ӈ херӗгӗр јабӑнӑп!“ гежӗ хелӗнӗ.
алтӑӈ барба̄ӈ сосӧ̄т,
ӓмӑтӑӈ зонӧ суґлӯлнӑ.
мӧӈгӗӈ барба̄ӈ сосӧ̄т,
ӱ̄[i] тӱмӗӈ зӧ̄ӷӧ̄ суґлӯлнӑ.
бӧшхӧр ӓрсӑ
болдӧӷӧр мӓхӑ ґарґӑжӑ,
јӗхӗ зуӷа̄ болӧжӧ ба̄[i]нӑ.

тӣхӗдӣӈ hā[i]хӑ ӗрӗӈ тарбӑжӑ шӗхӗӷшхӗӈ барлӑјӗ ӗлгӗнӗ: „јамӑр хӯӈ ба̄[1]нӑ гежӗ ӱзӗжӗ јӗр!“ гӗт хелӗнӗ. шӗхӗӷшхӗӈ ошӧнӧ. ошӧhӧр ґурбӑн-дӗр ґурбӑӈ hӗнӗ јӗрӗӈ-бе̄[i] ба̄[i]шӑнӑ. тӣгӗт алтӑӈ шаӷа̄[i] hā[i]ӈ hā[1]хӑӈ хојӧртӧ ба̄[i]шӑнӑ. hанӑhӑӈ худӑрӑ hанӑжӑ гӯ[i]жӗ јӗрӗнӗ.

hāⁱхă ėрēң тарбăжă ӯрлăнă: „jамăр ӧнӗ болӧ̆шӗ?“ гежӗ. шӗхӗ̆шхӗң барлăk хелӗнӗ: „ā̆ бурхăң! ам̆ăтăң зоньӗ нāдăң ӈēдēң мӯ мӯхāˈ хojӧ̆ртīң мартăжă баⁱшēлбӗ̆!“ гежӗ хелӗнӗ.

тīхӗдīң hāⁱхă ėрēң тарбăжă тєӈjӗртӗ дегдӗжӗ ґаршăнă. тīhӗң хӧⁱнīң худăjā орōт, басҕăjā ӧкʻкʻӗ болōт, болзōрō ґарґāт алтăң шаҕāⁱ ҕā хăрӯлнă. хăрӯлhăң хӧˈнīң басăҕăнīң ӯбēⁱ баⁱнă. — „īхӗдӗ jахᵃīмӗ?“ гежӗ ґāⁱхăжă баⁱнă. тīхӗдīң шӗхӗ̆шхӗң „намăjā ӧгīт!“ гежӗ хелӗнӗ.

„енӗ дajīмньӗ
хотӧ̆ҕōр ӽуhăжă уҕāжă,
темēньӗ hӯл тӯрхӗжӗ
тєньшӯхӗң болґӧжӧ̆,
хоньӧньӗ hӯл тӯрхӗжӗ
хоньшӯхăң болґӧжӧ̆,
намăjā ӧгӗ̆ҕтīң!“ гежӗ хелӗнӗ.
тīгēт шӗхӗ̆шхӗнē тӧхѡ̄рӯlжӗ,
далăң жılīң дajӗ уҕāхăjā
далăң тоҕōң уhă халāжă,
долōң hӯнтӗ мīлӗ абăжă,
дajīң ӽуhăжă баˈжă уҕāжă,
хоньӧньӗ hӯл тӯрхӗжӗ,
хоньшӯхăң болґӧжӧ̆,
темēньӗ hӯл тӯрхӗжӗ,
тєньшӯхӗң болґӧжӧ̆,
тӧхѡ̄рӯlжӗ алтăң шаҕāⁱдă,
хӯндӗ хӯшӗ ґарґăжă,
шӗхӗ̆шхӗнē таб̆ӯlжă,

шӗхӗ̆шхӗньīң остӧл дēрӗ асăрхăдā ѡ̄рѡ̄ң заⁱрмīң зӯрā ёдӗ ёдёhēр jēрёнӗ. алтăң шаҕāⁱ мергēң jēхӗ ґāⁱхăнă: „хāң хӯньӗ басăҕăң jамăр харсă хебӗртē!“ гежӗ ґāⁱхăжă баⁱнă.

тīгēт шӗхӗ̆шхӗң бābāˈндā алтăң шаҕāⁱтăjā ошхӧ̆jō тӧхѡ̄рнӗ. алтăң шаҕāⁱ ошхӧ̆jō ґāⁱхāт хелӗнӗ: „шīмньӗ ґансāрā ошōт jēрīш-тā!“ гежӗ, „меньī толгӧⁱмньӗ ӧбӗдѡ̄т баⁱнă!“ гежӗ хелӗнӗ.

тīгēт шӗхӗ̆шхӗң барлăjīң ґансāрā ошӧ̆нӧ̆.

алтăң шаҕāⁱн хар jілāhăң болōт ханăдīң hӯнă. тīхӗдīң хāньӗ hāⁱхă ėрēң тарбăжă jēрēт, хоҕтӧ̆jō ӈēжӗ, алтăң торґӧ̆jō ojӧ̆жӧ hӯнă. алтăң шаҕāⁱ мергēң хар jілāhăң хӧⁱнīң jēрēт далă дēрīң hӯнă. тīхӗдē „одō шамāⁱ бăрхă бīзēп!“ гежӗ, мӧм бejē бejӗлēт, „шамāⁱ бăрбăп!“ гежӗ, ahăнă алдăнă. терīң тершӗлēт енӗ терӗ шӯдēт дегдӗжӗ ґарнă. алтăң шаҕāˈ ґазā гӯⁱжӗ ґарāт „таhă харбăжă унăҕāхăмньӗ!“ гēт манзăң шарă номӧ̆jō теҕхӗ дēрīң тодхōжӧ̆ таˈтăнă...

ШОНӍ БАТӐР

(Первый вариант)

хоjӍр хӑдӯт бӑ̄ʲ ӷӑ. адӑhӑjӣн шоно ӗдӗ. тӣгӗт терӗ хоjӍр хӑдӯт хелсӗ: „енӗ шонӍjӗ аблӑwӑ хежӗ дарӑхӑ!“ тӣгӗт ӓмӑтӑнӑ суґлӯлӑт шонӍjӧ бедӗржӗ ґарӑ. тӣхӗдӗ бӗлӗ батӑр ґурбӑң нохӧ̄ʲтӗ jабӑ. хоң тӑ̄ʲжӑ негӗ нохӧ̄ʲтӗ jабӑ. тӣгӗт терӗ шонӍjӧ бедӗржӗ хӯрӗ-бӗʲ. jаӽхӑдӑ бӗлӗ батӑрӗ ґурбӑң нохӧ̄ʲ гӧрӧ̄hӗ аң бӗрхӗ бӑрӑт jабӑ. хоң тӑ̄ʲжӣң нохӧ̄ʲ мӍрӍнӗ hӯл дор оржӍ jабӑ. шонӍдӧ хӯрхӗдӗ шонӍjӧ бӑрӑ.ґансӑрӑ бӗлӗ батӑрӗ нохӧ̄ʲ мӍрнӧ hӯл дор jабӑ. шонӍjӧ бӑрӑт гертӗ jӗрхӗдӗ бӗлӗ батӑр, „нохӧ̄ʲ ӈӧ андӑлдӑjӣ!“ гежӗ. хоң тӑ̄ʲжӑ „бӣ андӑлдӑхӑбӧп!“ гежӗ. — „jӯмӗ херӗґтӗjӗш ӧхӗп!“ гежӗ, „андӑлдӑjӣ!“ тӣхӗдӣн „шӣ ґурбӑң хӗґшӗтӗш. негӗjӗ ӧгӧ̃! тӣхӗдӗ бӣ нохӍjӧ ӧхӑбӗ!“ гежӗ хелӗнӗ, тӣгӗт андӑлдӑт, негӗнӣн нохӍjӧ ӧгӧ̃тхӗ, нӧгӧ̃дӣн хӗґшӗjӧ̃ ӧгӧ̃. тӣгӗт ґурбӑң хӗґшӗнӧ̃ hӑʲң хӗґшӣjӣн ерӗ. хелӗhӗң хӯртӗ торжӍ ӧгӧ̃. терӗ хӗґшӗнӣн нӑрӑлӑхӑ jабӑ. тӣхӗдӗ терӗ хӗґшӗң хелӗ: „намӑ̄ʲ нохӍjӧр андӑлдӑhашнӗшхӗ— шамӑлӑр тентӗ jӯмӗjӑ абӑп!“ мӗнӧ̃ терӗ хӗґшӗнӣн хоң тӑ̄ʲжӣндӑ ошӧт негӗ хӯдᵛӣ болӧт нӑрӑлӑ. тӣгӗт хӯбӯң jӗрӗ. терӗ хӯбӯндӗ нерӗ ӧхӗдӧ̃ „бӗлӗ бӑтᵊрӗ хӯбӯң шоно батӑр“ гежӗ бӑ̄ʲхӑдӑ, мӗнӧ̃ тӣгӗдлӗ хоң тӑ̄ʲжӣң хӯбӯт jӗхӗ болӍжо бӑ̄ʲнӑ. тӣхӗдӣн туґӑhӣ хоhӧhӣ хархӑ гӗдлӗ ґарґӑдлӑ бӑ̄ʲхӑ терӗ хӯбӯт. тӣгӗт jабӑхӑдӑ шоно батӑр серӗң ґалдӑң хоjӍр, басӑӷӑң дӯн ӱjӗң хошӯ. енӗ шоно батӑр серӗң ґалдӑнӑ мехӗлӗдлӗ, номӍ ґодӍлӣн ӯндӯлӗдлӗ, тӣгӗт гертӗ jӗрӗт „бабӑʲ, енӗ хӯбӯншнӗ намӑjӗ ходӍ ӣгӗдлӗ хоhӧлӧт мехӗлӗт бӑʲнӑ“. хоң тӑ̄ʲжӑ бабӑʲн шоно батӑр хӯбӯгӗ терӗ хӯбӯнӗ хӯрӗр шоно батрӑ ходӍ ӯрлӑдˬ бӑ̄ʲхӑ, ӯрлӑдˬ бӑ̄ʲхӑ. терӗ хоjӍр хӯбӯнӣн тӑ̄ʲґалӑжӑ аґӑнӑжӑ ґарнӑ. ӓмӑтнӑ дахӯлӑт тӑ̄ʲґӑдӑ ошӧжӍ jабӑхӑдӑ, тӯлӗ-бӗʲ ґазӑртӑ jабӑхӑдӑ „номᵒтӣң ґолдӍ орхӍдӧ номӍ ґодӍлӍ олдӍхӧ!“ гӗдлӗ номӍ ґодлӍjӧ тӯлӗ. тӣгӗт сӑшӑ jаӽхӑдӑ „емӗлтӣң ґолдӍ орхӍдӧ емӗл олдӍхӧ!“ гежӗ емӗлӗ тӯлӗ. тӣгӗт сӑшӑ аґнӑхӑдӑ серӗң ґалдӑң номӍ ґодӍлӍшхӍ ӯбӗʲ, емӗлшхӗ ӯбӗʲ бӑʲшӑнӑ. шоно батӑр алӑлӑр аң гӧрӧ̃hӧ̃ алӑт jӗрӗнӗ. серӗң ґалдӑң урӣт jӗрӗт хоң тӑ̄ʲжӑ бабӑʲдӑ хелӗнӗ: „енӗ хӯбӯншнӗ jержӗ мехӗlжӗ номӍ ґодӍлӣjӣмнӗ тӯлӯлшхӗ“. тӣхӗдӣн шоно батрӑ jӗрхӗдӗ ӯрлӑт тӗмӗр бумбартӑ хоjӍр ерхӗjӣн шӯрмӗhӗн танат бумбартӑ хӑнӑ. шоно батӑр дӯлӑжӑ хеӽтӗнӗ.

тӣхедӣн темӗ улӑң хӑнhӑ далӑң темӗнӗ ашӑң эӯ jӗрӗнӗ. тӣхӗдӣн „енӗ jӯң?“ гежӗ, „jӑхᵃім?“ гежӗ ӧʲлґӍхӍ хӯң ӯбӗʲ бӑʲнӑ. терӗ ӱjӗң хошӯ дӯн шоно

бāтăртă ошōт зуӷāлнă: „тĭмĕ ім јĕрēт бāʼнă. негĕшхĕ хӯӈ медĕнĕ-бēʼ!“ гежĕ. тĭхĕдĕ шоно̆ бāтăр „енĕ далăӈ темēнēр ашāӷāр тентē зӯндлăр олŏӈ серĕг̆тēн!“ гежĕ хелē-бӯ-дā. тĭхĕдĕ терĕ ашātē зӯјĭн далāʼрӯ адхăжă орхō. терēнĕ орŏндŏ узӯр ӯзӯр-бēʼ модŏ заһāт хēт јабӯлā. терēнĕ ошŏһŏӈ хōʼнŏ ґурбăӈ манзăӈ номŏ хоӈ таʼжăдă ĕлгēнĕ. — „енĕ јӯм?“ гежĕ һурнă хоӈ таʼжă. терēнĭн хĕг̆шēн хĕг̆шĕлжĕ шадхă хӯӈ ӯг̆ēʼ бāʼнă. тĭхĕдĕ ӯјĕӈ хошӯ дӯн „арāʼ шоно̆ бāтăр хĕг̆шĕлхī?“ гежĕ хелĕнĕ. шоно̆ бāтрā асăржă, енēнĕ хĕг̆шĕлхĕ гежĕ ёгĕнĕ. шоно̆ бāтăр терēнĭн хĕг̆шĕлŏт ујăхāјĭн нуӷă татăжă, хӯшӯ̆јĭн хухă татăжă һŏршĭн таб̆ăнă. тĭгēт шоно̆ бāтрā харăмнăжă „херĕг̆тē хӯбӯгē ерхēјĭн танăжă зосŏхŏ-бēʼ-ĭмĕ!“ гежĕ.

тĭгēт темē улāӈ хāӈ даʼĭӷāрā дāʼлăжă ґаршă јĕрĕнĕ. тĭхĕдĕ хоӈ таʼжĭӈ серĕк дарăґдăхăр баʼнă. тĭхĕдĕ шоно̆ бāтăр хӯбӯ̆нĭн „енĕ бī дāʼндă ґархăм!“ гежĕ ошōт, дāʼлăхăдā темē улāӈ хāнĕ серĕјĕ даржă ӯлдĕжĕ ӑрлӯлā. тĭгēт дарāт јĕрēт шоно̆ бāтрā тĕмĕр бумбāртā хāхăјā болŏжŏ. тĭнĕӈ хōʼнŏ шоно̆ бāтăр ӷрхĕјē танӯлһăндā, далăјā танӯлһăндā мӯлăжă арᵃĭӈ саӷāӈ хāндă орхŏјō ӑмăтăнā серĕгē īгēт „јабăјī, арᵃĭӈ хāндă орᵒјī!“ ґēдлĕ ӑмăтăнāрā ґарāт јĕрē. хоӈ таʼжă бāбаʼ медēт серĕгĕрē ӯлдӯлē. тĭхĕдĕ далāʼӈ хōʼтŏ бејĕдĕ ґаршă јĕрēт дӯлăжă һӯӷā:

„харă харă далāʼдă
хашāп гежĕ һанāјĕш?
хăлӯӈ шарґă тамăрнā!
хамăк серĕјĭш јĕрхĕдĕ
шоно̆ бāтăр тулăнā!“

„хĕхĕ хĕхĕ далāʼдă
хĕшŏп гежĕ һанāјĕш?
хĕг̆шĕӈ шарґă тамăрнā!
ӯдʸī мĭӈґăӈ серĕг̆тĕшнĕ
шоно̆ бāтăр тулăнā!“

„далдā — далăӈ һомŏ хадāжă ґарлāбĕ,
ӯсăдā — олŏӈ һомŏ хадāжă ґарлāбĕ!“

гежĕ домŏґлŏжŏ дӯлăжă бāʼĭхăдĭн хоӈ таʼжă бāбāʼӈ серĕк јāхăшхă арґă ӯбēʼ бāʼнă.

тĭгēдлĕ тендĕ бāʼĭӷāт „харбăлдăјī!“ гежĕ хелсĕнĕ. тĭхĕдĕ хоӈ таʼжĭӈ бāтăр „харбăг̆тī!“ гēт хелĕнĕ. харбăхăдā далāʼӈ сāдă бĭјĕдĕ ґарăӈ-бēʼ номᵒĭн унăжă баʼнă. тĭгēт шоно̆ бāтăр хелĕнĕ: „тохŏмō уһăнсō хежĕ дебг̆тēгēт шēнĕһĕндĕ орō̆гтī!“ гежĕ хелĕнĕ. терēнĭн харбăхăдā ґурбăӈ даӷхăр тохŏмĭн сō сохō̆т шēнĕһĕндĭн баґсă орно̆ номᵒĭн. зā, тĭгēдлĕ хоӈ таʼжĭӈ бāтăрнӯт техĕрēт ӑрлăнă, „арґă ӯбēʼ баʼн-дā!“ гежĕ.

шоно̆ бāтăр нāшā арᵃĭӈ саӷāӈ хāндā јĕрēдлĕ, „бī танā албăтă болхŏмнĕ!“ гежĕ, „īгēдлĕ серᵃгēрē тандă јĕрбĕп!“ гежĕ. тĭхĕдĕ арᵃĭӈ саӷāӈ хāӈ хелĕнĕ:

„мана̄ ендӗмна̄ ӣмӗ харала̄шӑ харӑ одо̆ҕо̆ң ба̄ʼнӑ. енӗ ха̄ʼша̄ хара̄т хара̄нӑ, терӗн-тӗшӣн а̇мӑтӑң зоң адӑhăң мал барӑң у̇хӗжӗл ба̄ʼнӑ“. — „енӗнӣтна̄ бӣ даржӑ шадӑхӑп!“ гежӗ шоно̆ ба̄тӑр хелӗнӗ. тӣхӗдӣн „ӣӯң херӗҕтӗп? даржӑ ӧгᵒӣш!“ гежӗ хелӗнӗ. тӣхӗдӗ „намдӑ ӣӯншхӗ херӗг-у̇бӗⁱ“ гежӗ хелӗнӗ. „у̇хӗхӗдӣмӣӗ ґалтӑ харӑ у̇нӗгӗр немӗрхӗ!“ гежӗ хелӗнӗ. тӣгӗдлӗ терӗӣӗ харбӑхӑја̄ ошо̆но̆. тӣхӗдӗ ха̄nhăӣ̄ hурнӑ: „енӗ одо̆ҕӧ̄јӗ харбӑхӑдӣмӣӗ толгӧ̄јӣн ба̇ржӑ харба̄ хедӣмӣӗ ха̄ң у̇кʻкʻӗ ба̄ʼнӑ. дундӯр сӗжӗр харба̄ хеда̄ ѻ̄рѻ̄ у̇кʻкʻӗ ба̄ʼнӑм. до̄ҕӯр бејӗрӣн харба̄ хедӣмӣӗ албатӑ зӧ̄ⁱшӣӗ у̇кʻкʻӗ ба̄ⁱнӑ. енӗӣӗ ха̄ҕа̄рӣн харбӑжӑ зосо̆хо̆ ба̄ʼнӑ?“ гежӗ hурнӑ. тӣхӗдӗ арᵃӣң саҕа̄ң ха̄ң хелӗнӗ: „ѻ̄рѻ̄ медӗ!“ гежӗ. тӣгӗдлӗ „толгӧ̄јӣн харбӑңха̄р — ха̄ң у̇кʻкʻӗ ба̄ʼнӑ. тӣгӗдлӗ балӑ харӑ бејӗрӗ у̇хӗнӗ бӣзӗп!“ гежӗ, тӣгӗдлӗ харбӑхӑда̄ хара̄лшӑ харᵃ одо̆ҕӧ̄јӗ сӗжӗрӣн таhă харбӑжӑ унӑҕа̄нӑ. терӗ тӣгӗт харбӯла̄т унӑхӑда̄:

„да̄лґӑш-у̇бӗⁱ jaha̋̄jӣмӣӗ
да̄лґӑхӑ јамӑр ха̄ӣӗ homо̆п?
дарӑш-у̇бӗⁱ бејӗ̄jӣмӣӗ
дарᵃhăң јамӑр ха̄ӣӗ албатӑп?
хаӣӑлхӑ бејӗ харӑмнӑм-бӗⁱ
харбӑhăң јамӑр ха̄ӣӗ албатӑҕшӗ?“

тӣгӗдлӗ бӧхᵒӣн дала̋̄ⁱдӑ торжо̆ унӑнӑ. сӗжӣн тӗӈјӗртӗ дегдӗжӗ ґарнӑ. тӣгӗт шоно̆ ба̄тӑр хӧлhѻ̄ӣ хӧржӗ хӧхӗ шулӯң болӧжо̆ амӑрнӑ. тӣгӗдлӗ тендӗ ху̇рӗ шулӯң хӧрӗк болӧжӧл ту̇шӗнӗ. тӣгӗт арᵃӣң саҕа̄ң ха̄ӣӗ дарш-у̇бӗⁱ да̋̄jӣн даржӑ амӑрнӑ. тӣгӗдлӗ шоно̆ ба̄трā ґалтӑ хар у̇нӗгӗр хујӑґлӯлхӑда̄ негӗ у̇нӗгӗ дута̄ҕа̄т олӧжо̆ јадӑнӑ. тӣжӗ олӧжо̆ јадӑ јадӑhа̄р јӗрхӗдӗ ӗрᵏхӯ саҕа̄ң ґӧрӧ̆дто̆ олно̆. тӣгӗт енӗ ґӧрӧт ӗрᵏхӯ саҕа̄ң ґӧрӧт гежӗ нертӗ болӧно̆.

ШОНӐ БАТӐР

(Второй вариант)

есёгё малāң теңгёрё ғурбāң хӯбӯтē бā'ғā. еҕēң јёхё хӯбӯнīн аjӯхāң хāң, дундӑ хӯбӯнīн амӑр hанāң хаң, баҕӑ хӯбӯнīн саҕāдā' ӧбгёң. амӑр hанāң хāнhā бурӯшā. тīгēт бешнēрē херёлдē, бурӯшā. бурӯшāт „нарӑ-бē' дā'дӑдӑ, ноҕō-бē' делхēдё хӯрхёмнё!“ гēт, тёхо̄рō̄т јабā. тёхо̄рō̄т јабӑhāң хō̄'нīн аjӯхāң хāң ғушāң ғурбāң тӯшёмёлнhē, ғурбāң зӯң серёк дахӯлā. дахӯлāт бедёржё ғарā. ӯлājё дабӑжӑ јабā. јабӑжӑ јабӑхӑдīн амӑр hанāң хāң ėлбēрē нӯдēн бӯрлӯлēт урдīн дӯлā. хӯсхёмнā̄ гēт тебёшё јабā. тīгēт хӯсē-бē'. нар ӯбē' дā'дӑдӑ оршō. hо̄ргō̄ техёржё јёрē. номтīң ғолдӑ јёрхёдīн hā'хāң дā'дӑ бā'ғā. бӯжӑ аjӯхāң хāң мо̀рjō ёдёлӯлē. мо̀рō ёдёлхёдīн уhӑ-бē'. — „īм hā'хāң дā'дӑ бā'ғāт јамӑр уhӑ-бē' бā'ғāп?“ гежё ғурбāң зӯң серёгē „мо̀рṑhēн емēллёгтī!“ гежё гедёргē ėрjēт аjӯхāң хāң ғурбā даҳā мінāҕӑрā ғазрā набā. ғазӑрё hабӑхӑдīн ғазрīн делбёрē. уhāң ғарā. барāң далā' ғарӑ ғарhāр јёхё ғаршē. арґӑ-бē'дēт гертē хӑрā̄. гертē хӑрхӑдīн есёгё малāң тёңгёрё медёжё ӓмӑтӑнījё орӯлхӑн гежё урдхāхӑн гежё еҕē баҕӑ дӯгē ėлёгēнё. тīгēт баҕӑ дӯн шудӑрмāң ошōт урдӑ та'ґӑ hуґӑ татāт, хō̄'нӧ̆ бёглō̄-бē'. хō̄'тӧ̆ тā'ғӑ hуґӑ татāт бёглō̄-бē'. ӯрлӑhāң бејērē долōң ӯлӑ абāт шӯдē. долōң ӯлӑ абāт шӯдёхёдīн бёглō̄. терīн мёнō̄ барāң далā'ң хӯ'hёң.

тīжё јабӑхӑдӑ аjӯхāң хāнё хӑрхӑдīн ґалтӑ харӑ шоно̆ адӑhӑндīн орōт адӑhāн унӑҕāҕāт бā'ғā. аjӯхāң хāң ґа'хӑжӑ. — „īхёдē jӯң болхо̆н?“ гежё номō аҕшӑ харжӑ: ном° дēрīн мӑхӑтӑ шуhӑтӑ бāтӑр хоң тā'жӑ тёрёнёң бā'ғā. дōд замбīдӑ терēндē ėлгēжё асрӯлā. бāтӑр јёрēт хелёжё „дархāп!“ гежё. терё нёнёдё бāтӑр ошōт адӑhӑндīн гетē. нёнīң тең хабӑдӑ ґалтӑ харӑ шоно̆ оржо̆ јёрēт адӑhājīн унӑҕāжӑ бā'ғā. хоң та'жӑ шеҕшёжё харбāнӑ: амӑрґӑл саҕāң хӯзӯjё таhӑ харбā. хоң та'жīн ґа'хāнӑ: „īхёдē jӯ алӑбīп?“ гежё гӯ'нё. гӯ'хёдīн нӯрё хабāң hуhāң болжо̆, нуҕӑ нуҕāр гӯдёнёң хеҕтёжё. хоң тā'жӑ аjӯхāң хāндӑ јёрёнё. тīгēт хелёнё: „дā jīш дарāп!“ гежё. īхёдē аjӯхāң хāң „jӯ аҕхāҕшё?“ гежё hурнӑ. тīгēт „хāң болŏ!“ генё. хāң болжо̆ ёгён-бē'. „намдӑ хёґшёң херёґтē'-jīмё. арбāң хojо̆р хатājё ахӑлӑhāң амӑ саҕāң хулґӑнӑ хатāң — терēнīш аҕхāмнё!“ гē. — „Зā, нёхрō̄ асӑрhāң хō̄'нӧ̆ ёхёмнё-дā!“ гежё аjӯхāң хāң хелē. тёхо̄рӯлēт хатājā ёгёнё.

арбāң хojо̆р ӯхёрё мӑхā̄jё
адхӑ шāтӑ болґо̆жо̆,

ӯтӑдӣн хежӗ,
хорӧ̆ӈ ӳхӗрӗ мӑхӑ̄јӗ холбӧжӧ̆,
холбӧ̆ шӑтӑ болґӧжӧ̆
ӯтӑдӣн хенӗ.
хадӑ̄ӈ шулӯ аӷшӑ
дӗрӧ̄ӷшӗтӣн хаӷшӯлнӑ,
хӳрӗ шулӯ аӷшӑ
дӗрӧ̄ӷшӗтӣн хаӷшӯлнӑ,
ҭӣгӗт хелӗнӗ:
„харӑ шулӯнhā
хатӯ јабӑрӑ,
хӳрӗӈ шулӯнhā
хӳшӗтӗ јабӑрӑ̄!“ гежӗ.

ҭӣгӗт терӗ хатӑјӑ тӧхӧ̄рӯлӗт јабӯлнӑ, хоӈ тӑ̄ʲжӑ јабӑт јабӑнӑ. зӯрӑ харгʸӣдӑ тегнӗжӗ јабӑhӑр хӳбӯ̄лӗ. амӑ саӷӑӈ хулґӑнӑ хатӑӈ хелӗнӗ хоӈ тӑ̄ʲжӑдӑ: „енӗ хӳбӯ̄гӗ јӑхᵃӣп?“ гежӗ. хоӈ тӑ̄ʲжӑ хелӗнӗ: „ендӗ харгʸӣдӑ хајӑјӣ!“ гежӗ. ҭӣгӗт мансӣлӑт хајӑнӑ. хајӑхӑдӑ шонᵒӣӈ нӳхӗнсӧ хешхӗнӗ. ҭӣгӗт гертӗ хӑршӑнӑ. гертӗ хӑрӑhӑӈ хӧʲнӣн арбӑӈ ґурбӑӈ жил болӧ̆hӧ̆ӈ хӧʲнӧ̆ терӗ хӳбӯ̄ӈ ӳӈјӗлӗжӗ ехӗјӗ мӗрӣјӗ олӧ̆жӧ̆ ехӗјӗ хӧʲнӧ̆hō јёрнӗ. јёрёӈ геhāн ехён хандӑӷʲӣӈ арӑhӑ хархӑрсӑ елдӗжӗ hӯнӑ, ӧуӷӑӈ арӑhӑ борхӧ̆рсӧ̆ елдӗжӗ hӯнӑ.

терӗ хӳбӯ̄нӣн ӯдӗн татӑӈ јёрет „хемш?“ генӗ. — „ӧ̆ӣп!“ генӗ. — „менӣ хӳбӯ̄ӈ хедӣшнӗ, ґурбӑӈ хӯр хелхӗдӣшнӗ барӑӈ хёхӧ̄мнӗ шар ӯрӑk дуhӑхӑ!“ ґурбӑӈ хӯр хелхӗдӣн дуhӑжӑ. — „ӓ, менӣ хӳбӯ̄ӈ!“ гежӗ ӯдӗјӗ нёжӗ орӯлӑ. ӧбёр дёрӗ аӷшӑ ёргёжӗ hӯнӑ. хёхӧ̄ хёхӯлжӗ hӯнӑ. ҭӣжӗ hӯсӑрӣн хоӈ тӑʲжӑ јёрёнӗ. — „енёш хенш хӳбӯ̄ӈ?“ гежӗ. — „енӗ маӈӗ хӳбӯ̄ӈ!“ гежӗ. ґурбӑ хонӧ̆т ӧ̆бёʲд орӯлжӑ, ӧ̆бёʲд орӯлхӑдӑ шӑтӑ семёгӗ бӑржӑ шулӯјӣн ӧ̆бёʲдӣн хаӷшӯлжӑ, нерӗ ёӷшӗ, нерᵉ балӑ̄лдӑнӑ. „шонӧ̆ӈ нӳхёнсӧ тёрёhёӈ шоно̆ бӑтӑр“ гежӗ нер ёгӧ̆.

ҭӣгӗт серёӈ ґалдӑӈ хӳбӯ̄тӗ бӑ̄ʲӷӑ. хоӈ тӑʲжӑ аґнӑжӑ ґарӑ. аґнӑт серёӈ ґалдӑӈ јӯшхӗ алӑ-бёʲ. шоно̆ бӑтӑр буӷӑ̄јӣн ӓмᵃдӑр бӑрӑ̄. модӧ̆nhō уjӑ. сӑ̄ʲӷӑ шанӑт хеӷтёнӗ. серёӈ ґалдӑӈ јёрет таӈӑн-бёʲ. ҭӣгӗт hурнӑ: „енӗ буӷӑ̄јӑ намдӑ ёгӧ̆!“ гежӗ. — „абӑш!“ генӗ шоно̆ бӑтӑр. ҭӣгӗт „барӯӈ хёлӧ̆ ерхёјӗ отᵒлӧ̆т ёгӗ!“ генӗ, „ҭӣгӗт андӑлдӑјӣ!“ генӗ. ерᵉхёʲгӗ отлӧ̆т ёгёнӗ. буӷӑ̄јӣн хётлӧ̆т абӑшӑнӑ. гертӗ хӑрӑ̄т „шоно̆ бӑтӑр јӯшхӗ алӑ-бёʲ!“ генӗ, бӑбӑʲдӑ хелёнӗ: „еӈёшнӗ јӯшхӗ алхӑ-бёʲӣмӗ!“ генӗ. шоно̆ бӑтӑр хӧʲнӧ̆hōн јёрёнӗ. шӑжӷӑ̄ʲ турлӑk алӑт асӑрнӑ. ҭӣгӗт „менӣ хӳбӯ̄ӈ hӑ̄ʲӈ!“ гежӗ hанӑнӑ хоӈ тӑʲжӑ, „ёнӗ хӳбӯ̄ӈ мӯ!“ гежӗ hанӑнӑ. ҭӣгӗт „тушӑхӑмнӗ!“ гё. ҭӣгӗт тёмёр бумбӑртӑ хӑнӑ. шоно̆ бӑтрӑ хӑнӑ тёмёр бумбӑртӑ. ҭӣгӗт дӯ басхӑнӣн ёдё абӑшшӑ ёгёнӗ. ёдё абӑшшӑ ёӷхӗдӣн „ґаза јӯӈ шӯјӑнӑ?“ гежӗ hурнӑ басґӑнhӑн шоно̆ бӑтӑр. басхӑнӣн хелёнӗ: „жорґӧ̄ӈ темёӈ ашӑӈ јёрё!“ гежӗ, „зӯӈ јёрё!“ гежӗ хелёнӗ. „жорґӧ̄ӈ темёнӗ ашӑӈ модӧ̆ӈ јёрё!“ гежӗ хелёнӗ.

„узӯр-бе̄ˈ ӯзӯр-бе̄ⁱ модӧ̆ң јёрē!“ гежӗ хелӗнӗ. „шама̄ⁱ ба̄ба̄ˈ јёрхӗ гежӗ хелӗнӗ!“ басӑӷӑнїң ошӧт ґарґа̄ шоно̆ ба̄тра̄. ґарґа̄т ошӧт ӯзӗнӗ: баһа̄ манзӑң шарӑ номӧ̆ јёрӗлсē терӗ ашӑтɛ̄ң. шоно̆ ба̄тӑр абӑт терēнїң, хухӑ татӑт, ӯтӑдїң хēт һо̄ргїң ёлгēнӗ. ѣїгēт „енӗ хӯбӯмнӗ ендӗ ба̄ˈжӑ зосо̆хо̆-бе̄ⁱ!“ гежӗ, „дахїң тёмӗр бумба̄ртā хāхӑмнӗ!“ гежӗ, хоң та̄ⁱжӑ тёмӗр бумба̄ртӑ хāбӑ шоно̆ ба̄тра̄. терӗ басӑӷӑнїң са̄ⁱ абāшшӑ ёкʻкʻӗдїң „ґазāң јӯмӗ шӯјā, јӯң шӯјӑнӑ?“ гежӗ һурхӑдїң, „хоң та̄ˈжӑ да̄ˈ асрāт ба̄ⁱнӑ шоно̆ ба̄тра̄ алхӑјā!“ шоно̆ ба̄тӑр терēнїң дӯлāт тёмӗр бумбāрā бутӑ ёѣхӗло̄т ґарā. адӑһӑң дундӑ гӯⁱжӗ ошхо̆дїң маңґӑт хӑлӯң мо̆ро̆ң ба̄ˈжӑ. терēнӗ ба̀ржӑ абāт унāт хара̀ˈлґā. хара̀ˈ-лӑкʻкʻӑдā барӑң дала̄ˈдӑ јёрēт, мо̆ро̄ хара̀ˈлґӑжӑ ґарā. ґархӑдā барӯң хо̄ⁱто̆ ґуја норґо̄. — „їхӗдē јёндӗ орбо̆?“ гежӗ һанā, „дӟⁱндӑ дарӑґдӑхӑмнӗ!“ гежӗ һанā. шоно̆ ба̄тӑр орхо̆ бо̄мо̆ң борјо̄до̆ ґархӑ хӧбо̄ ӯбēⁱ ба̄ⁱґā. манзӑң шарӑ номо̆јо̄ арӑ бејӗдӗ ґарсӑрїң татӑнӑ. татāт та̀бӑхӑдā орхо̆ бо̄мо̆ң борјо̄јӗ хадā̄јїң хамхӑ харбāнӑ. ӯлā̄јїң оӆло̆ харбāнӑ. їжӗ јаӷхӑдā „арᵃїң саӆāң хāндӑ тулхӑмнӗ!“ гежӗ јабӑнӑ. ѣїгēт хӯрнӗ. хӯрхӗдїң да̄ˈң болжо̆ ба̄ˈнӑ. — „терӗ дӟⁱјӗ бī дархāп!“ гежӗ хелӗнӗ. — „зӑ, дарᵃїш-та̄!“ гежӗ. да̄ˈнсо̄ң ошӧт хархӑдїң һӯл-бе̄ⁱ ёзī да̄ˈн дēгӯрїң ѐлӗжӗ да̄ˈјїң ӯхӯлжӗ ба̄ˈнӑ. шоно̆ ба̄тӑр „харбāхӑмнӗ!“ генӗ. „амарґӑл саӆāң хӯзӯјїш харбāхӑмнӗ!“ генӗ. терӗ хӗӷшӗнїң хелӗнӗ: „амӑрґӑл саӆāң хӯзӯјїмнӗ харбӑбӑлсōш арᵃїң саӆāң хāң ӯбēˈ болхо̆!“ гежӗ хелē. „сēжēмнӗ харбā хедīш албӑтӑ зоң ӯбēˈ болхо̆!“ гежӗ хелē. „һӯлēрңӗ ӯсāрңӗ харбā хедīш шоно̆ ба̄тӑр ӑмā̄ра ӳкʻкʻӗ!“ гежӗ хелӗнӗ. ӯсāрїң таһӑ харбāт унāӆāнӑ. јёрēт арᵃїң саӆāң хāндӑ хелӗнӗ: „да̄јїш дарāп!“ гежӗ. арбāң хојо̆р хāӆā суґлӯлāт ґарїң та̀бӯлāт „падᵥпїсхӑ хе!“ гежӗ. арбāң хојо̆р хāң суґлӯлнӑ. ґарїң та̀бӯлнӑ. алтāң тамґӑ дарӯлнӑ. хӯрїң абӑнӑ. аӆхӑдā „менї дахӯлжӑ јабӑһӑң ӑмӑтӑнїјӗ салдāдтӑ аӆхӑ-бе̄ⁱ!“ гежӗ, „јамӑршхӑ слӯжбӑдӑ аӆхӑ-бе̄ⁱ!“ гежӗ хелӗнӗ. шоно̆ ба̄тӑр ѣїгēт „їхӗдē бītна нӯшхӗмнӗ!“ гежӗ хелē.

ТѠНСӖХӖНДЕ̄ ӦБӖГӖҢ

ура̄ саӷтӑ тѠнсӗхӗндē ӧбӗгёң јабажӑ, тѠ малаң ӯхӗртē, тӯмёң жылдӗ шахажӑ, терёнē хӧлѠт тӯлёндē ошӧжӧ. тёгёсёк дёгӯр хара̄ӣлгат алашхажӑ. тӣгёт тернē ёдъхӗ ӯх[a]-ӣмē бедёржё̆ херъетē золгӧжӧ „јӯ ёдъхӗӱшё̆?“ гежё̆. — „ёрѠhёң ӈӯдёӈ ёдъхёп!“ гежё̆. адъхажӑ шӯдъхажӑ — „ёдъхёш болӧг-да̄!“ тӣгёт шажӄа̄ӣтē золгӧжӧ. „јӯ ёдъхӗӱшё̆?“ гежё̆. „harсансӣ хабадаһа ёдъһап!“ гежё̆.— адъхажӑ шудъхажӑ — „ёдъхёшӈӗ болӧг-да̄!“ тӣгёт сашā јабажӑ маӷгадъха̄ӣтē золгӧжӧ. тӣгёт „јӯ ёдъхӗӱшё̆?“ гежё̆, „јӯ ёгёһаш ёдъхёп!“ гежё̆. гертē дахӯлат абашажӑ. ӯдёндē баӷтӑ-бē[i]. ӯдёрē хајат ёгёжё̆ хӯ мажаја ёгёшхē. тӣгёт маӷгадъхаһ хелёжё̆: „нама̄ӣ садъхахӑ убē[i]дёлē јёндē асраѠшё̆?“ гежё̆ ӯдёӈ бутӑ татат оржӧ, Ѡhёӈӣң тӣгёт бара̄т абашā гертē.

абашат ёрхё̆ дёрё̆ ујашхē. ѠрѠӈ тӣгёт аӷнажӑ ӷарā. тӣгёт аӷнажӑ ӷарhаң хѠ̄ӣнӣң табаң тарха̄ӣ хӯбӯдтӣң хелёжё̆ „бабā̄ӣјā hелмё ёгёгтӣ! арбаңӷā отлѠт ёхёп!“ гежё̆. табаң тарха̄ӣ хӯбӯһӣң бабā̄ӣјā hелмё ёгёжё̆. терё̆ hелмёрӣң ѠhºрѠ отлѠт бӯӄā. тӣгёт хелёжё̆: „унтаӷтӣ!“ гежё̆, „хентнā ӈӯдē hā[i]ханар аӈахªӣмап?“ терё̆ хӯбӯһӣң орѠндѠ орѠт ӈӯдē аӈат хеѲтёжё̆. hӯхёӈ абат толгѠ̄ӣјӣң таһарӑ сабшашхē. табаң хотӧдӣң шуһаӈ шудъха. тӣгёт толгѠ̄ӣһӯдӣң орѠндӣң хёт охӧшхē. маҳаӈ шанат остол дёрӣң табашхē. ѠрѠӈ ӷазā ӷарāт хорӷӧдӧшхē. маӷгадъхаӈ јёрёжё̆ „ӯ-hӯң! табаң тарха̄ӣ хӯбӯдӈё̆ маха ӷарӷашхёт ба[i]ӷā̄ӷшам!“ ӧстѠлдѠ hӯӄат ёдёжё̆ захала. ӈӯдӈӣң татажӑ, „ӯ-hӯң! ӷалда хајабē[i]дім татаһӑ хеја!“ гежё̆. тӣгёт дасӣң hӯӄат ёдёжё̆. шёхёӈӣң татажӑ.— „ӯ-hӯӷ! хӯбӯһē hерēгē-бē[i] ба̄ӣхадім татā хеја!“ тӣгёт ошот хёнжёлӣң татажӑ — табаң толгѠ̄ӣӈ табаң тёшё мухаршхē. ӷазāща гӯ[i]жё̆ ӷарā. „тѠнсӗхӗндē ӧбӗгёң, хаһамшѠ?“ — „гертё̆ ба̄ӣнам, гертё̆ ба̄ӣнам!“ гертē орѠт ӯзёжё̆ — ендё ӯбē[i] ба̄ӣӄā, тендё ӯбē[i] ба[i]ӄā. — „тѠнсхӗндē ӧбгёң, хаһамшѠ?“ — „ӷаза ба̄ӣнам, ӷаза ба̄ӣнам!“ ӷаза ӷарāт бедёрē. олӧжӧ јада. — „тѠнсхӗндē ӧбгёң, хаһамшѠ?“ — „сѠлдѠ ба̄ӣнам!“ ојōрō обōрӷōт ӯзӗхӗдӣң ојōр дорhѠӈ ӷарāт гӯ[i]жё̆ мёлёһёң дала̄ӣ дёгӯр гӯ[i]жё̆ хӯсӗдхӗјē хӯсӗдхӗјē hанажӑ, негё̆ хотӧтē шуһаӈ адхāт ёгёжё̆ — „хӯбӯнē шуһајӗ хашајӗ шнёң хара шуһаӈ ӯлёхӗбѠп!“ еӈгёжё̆ долӧжӧ хелē мёлёһёндѠ ӈалдӯлшхē. — „хелёң мёлёһёң хōрōндӯр сабшӣш!“ гежё̆ амаргал сабаң хӯзӯјӣң таһӑ сабшажӑ, дасӣң бодōт гӯ[i]жё̆ дасӣң негё̆ хотӧ шуһајӣң адхāт ёгёжё̆. „хашајӗ шнёң хара шуһаӈ ӯлёхӗ бѠп!“ гежё̆ маӷгадъха̄ӣ долōжӧ дасӣң хелē мёлёһёндѠ ӈалдӯлшхē. — „мёлёһёң хелёң хојōрё

хōрŏндӯр шаᵕшӯ!“ гежĕ дàсїӈ хojŏрτхŏ толгŏ̄ᵎӈ таӈă шаᵕшā. бодōт дàсїӈ ӯлдĕжĕ дàсїӈ хӯсхĕjē хӯсхĕjē hанăжă дàсїӈ негĕ хотŏ шуӈā̄jĕ адхăжă ёгĕжĕ, тїгēт дàсїӈ терĕ шуӈā̄jĕ долōжŏ хелē баӈā ӈа̄лдӯлшхē. — „хелĕӈ мёлĕӈĕӈ хojŏрĕ хōрŏндӯр шаᵕшӯ!“ гежĕ. тїгēт дàсїӈ толгŏ̄jїӈ таӈă шаᵕшā. дàсїӈ бодōт ӯлдĕжĕ хӯсхĕjē хӯсхĕjē hанăжă, дàсїӈ негĕ хотŏ шуӈā̄jїӈ адᵕхāт ёгĕжĕ, терēӈїӈ дàсїӈ долōжŏ баӈā хелē ӈа̄лдӯлшхē. тїгēт барӈă толгŏ̄jїӈ шаᵕшăшхē. маӈгăдᵕха̄ᵎӈ ӯхē. тѡ̄нсхĕндēᵎ ёбёгёӈ хĕсĕӈĕндѡ̃ ӈē ӈēӈēр ӯхĕшē.

ПЕРЕВОДЫ

ЕРЕМЁЙ БОГДО ХАН

В прежнее время, когда земля становилась землею, когда заканчивалась середина калпы, когда вода становилась водою, когда обширное море завершалось, когда большой полосатый изюбрь был величиною с теленка, когда дерево Зандар [1] опушки леса было величиною с прут, когда великое внешнее море было величиною с ручей, когда огромная рыба Абарга[2] была рыбешкой, прямо на юго-восточной стороне, на желтой равнине Шамшин, на прекрасной желтой лужайке, у низовьев впадающей реки, у верховьев выходящей пади, на берегу великого черного моря [стоял дворец],[3] нижней своей большой стороною покрывавший обширную земную поверхность, верхней своей большой стороною прижавшийся к млечному пути, с тридцатью тремя углами, с тремя тысячами окон, с подслушивателями у каждого окна, с дозором у каждой двери. Задние стены его были облицованы золотом, передние стены были облицованы серебром. Он имел бронзово-серебряные полы, порог из чеканного серебра, двери из перламутрового серебра, крыльцо из серебра с подпорками, на котором десять тысяч человек могли толкаться и бегать взапуски. Он имел крыльцо из чистого серебра, на котором тысяча человек могли бросать плеть и бегать взапуски. Он имел черную железную ограду, ребристые ворота из серебра, караул из казаков и солдат, валунную ограду, караул из сынов человеческих. Он имел коновязь из чистого серебра, снабженную тринадцатью ветвями, тринадцать базаров, двадцать пять соборов, дацаны с прекрасными перекладинами, [оглашался] чтением бурханов трех ликов. Он имел десять тысяч подданных, имевших местопребывание вверх по северному склону и десять тысяч табунов, имевших пастбище вверх по северному склону; он имел десятки тысяч подданных, имевших местопребывание на южном

[1] Зандар — сандал.

[2] Мифическая рыба.

[3] В квадратные скобки заключены слова, добавленные по смыслу, в угоду требованиям русского перевода. В круглые скобки заключены слова, могущие быть в русском переводе опущенными и являющиеся дословной передачей текста.

склоне и десятки тысяч табунов, имевших пастбище на южном склоне; он имел овец и коз, пасшихся, сходясь трехугольником. Рожденный владеть столькими домами, рожденный возглавлять столько подданных — Еремей Богдо Хан. Царственная супруга Еремей Богдо Хана, с мыслями, полными дома, с лицом полным света, скрытое отгадывающая, сокровенное изрекающая — царица Гэрэл Уга [Луч-Красавица]. Тот, кого Еремей Богдо Хан вскормил на груди — есть сын, которого он качал на коленях своих, его собственный Идер Шулун Мэргэн [Бодрый Камень-Стрелок].

Взошло красное утреннее солнце. Утром он встал. Царица его Гэрэл Уга вытянула золотой стол, вытащила вкусный сахар, вытянула серебряный стол, вытащила подлинный сахар. В прекрасный охотничий жбан, снабженный тринадцатью обручами, налила она десять котлов один раз перегнанного вина, так что зашумело и загудело, и принесла [им]. Они сели втроем за свой стол. Вкусно поели они, завели тихий разговор. Царица его Гэрэл Уга спросила Идер Шулуна: „Грудь ваша будто озабоченная, зрачек ваш будто полон слез“. Тогда Идер Шулун Мэргэн сказал: „Из десяти тысяч табунов, что пасутся на северном склоне, десять жеребцов захватил в качестве добычи Хулаһан Саган Мэргэн [Тростник Белый Стрелок], выросший из тростника, прямо на юго-западной стороне из местности на расстоянии тридцати лет пути!“ Так ведь он сказал. Наружу вышел он.

Идер Шулун Мэргэн вышел к двадцатипятиглавому собору и стал смотреть вдаль, вращая пестрыми глазами. На северном склоне Алтая, на хребте Хухея, на берегу большого белого озера, имевший пищею коленчатую белую траву и водопоем великое белое озеро был его конь Зань Шарга [Зань-Соловко]. Он закричал [сложив руки в рупор] полным голосом. Он во всю крикнул, соединяя голоса десяти тысяч драконов. Он громко крикнул, соединяя голоса тысячи драконов. Конь, лежавший и спавший, принял пронзительный звук в свое прекрасное правое ухо. „Этот сильный звук — голос моего хозяина“, сказал он и встал. „Нет мне блаженства оставаться и кричать вслед этому хозяину. Брюшной жир мой величиною с подол дошел до того, что растопляется. Мой жир в загривке кончил истощаться и рассасываться. Или пойдет он истреблять зловредного и злополучного врага, или выйдет он искать суженую и сосватанную. Из этих двух одно!“ Свой белый хвост с локоть притянул он на бок, свою колышущуюся гриву вскинул он на холку, свои трехаршинные уши вскинул он на шею. Он поскакал, отскакивая от черного камня величиною с быка. Хребет Хухей запел, снежная пороша упала. Гладкая скала затряслась так, что горные камни легли один на другой. Большие степные животные, имеющие детенышей, побежали, так что разлучились со своими детенышами. Называемое землею затряслось, называемое морем заволновалось. Конь постепенно пришел. Он стоял и толкал своей соболино-прекрасной мордой ребристые серебряные ворота, так что дребезжало. Хозяин

его вышел. Он открыл свои ворота. Он остановился у своей, чистого серебра, коновязи с тринадцатью ветвями словно привязанный конь, стал спокойно словно заснувший заяц. Он взнуздал его своим витым серебряным недоуздком, он взнуздал его своей литой серебряной уздой. Свой шелковый, просвечивающийся потник положил он на него без пыли, серебряное, с локоть, седло свое расправил и поставил он, тринадцать подпруг его он подтянул так, что они стянулись. Массивную серебряную подвею он запетлил. Длинные нитяные поводья привязал он к своей коновязи. Цельные длинные повода привязал он к луке. „Снаряжение коня кончено", сказал он, „не хватает собственного снаряжения", сказал он и вошел в свой дом. Он открыл золотой сундук, извлек свою золотую и шелковую одежду. Он надел сапоги с носками без шва, несокрушимые в десятитысячелетнем дожде, он надел белую шелковую жилетку, тонкие шелковые одеяния, застегнул сто восемь пуговиц, доходя до воротника. Обмотав тринадцать раз белый серебряный пояс свой, он заткнул [концы его] спереди и сзади. Он надел и расправил свою шапку из собольего брюшного меха. Завитую кисть ее, с горсть, заставил он колотить по своему носу и рту. Он одевается, вертясь перед зеркалом величиною с дверь. На теле своем он не может найти пыли. Он поклонился гениям-хранителям бурханов, имевших местопребывание в каждом углу. Он поклонился в ноги своим родителям. „Вы живите и наслаждайтесь", сказал он, „я же пойду на зловредного и злополучного врага. Чей сын рождается мужем, тот из имущества других делает [свое] имущество, чей сын рождается бабой, тот сидит дома!" сказал он.

Затем он встал и вышел. Он взял свои стрелы и, поворачивая их на плече, словно чащу, он сплошной массой поднимал их. Словно чащу он взгромоздил их. Он отправился к своей коновязи. Он отвязал повода своего коня, потянул золотое стремя и отправился вскачь Три раза объехал он вокруг нижней части своей коновязи и, смотря в три стороны, поклонился. Он отъехал от нижней части своей коновязи сорвавшись [с места]. Горсть пыли показалась с шумом. Оттуда он отправился дальше. По ту сторону трех падей показалось мелькание четырехугольной кисти его шапки. Оттуда он поехал дальше. Едет он, едет. Взобрался он на вершину лучезарной горы Сумеру и слез со своего коня, чтобы отдохнуть и дать отдых коню. Из кармана он вынул пучек белой коленчатой травы и дал своему коню. Из своего кисета величиною с рукав он полным полно набил свою трубку величиною с трубчатую кость красным широколистным табаком. Пока он сидел таким образом, он вращал пестрыми глазами, [вперяя их] вдаль. Острыми пестрыми глазами он вращал и смотрел вдаль, в ту сторону. Прямо на юго-западной стороне едет и погоняет его десять жеребцов выросший из тростника Хулаһан Саган Мэргэн. Он увидел его. Он заскрежетал своими сорока белыми зубами

от неудачи и досады так, что показалось пламя. Он щелкнул десятью белыми пальцами так, что заскрипело. Он вскочил и поднялся. „В сторону, куда пошел он, пойду и я!“ сказал он. „По мышиным следам двадцать лет буду следить!“ сказал он. „По следам паука буду десять лет следить!“ С этими словами он вдребезги истоптал черный камень величиною с быка и, встав на стремя, поскакал на своем коне. Он отправился затем сзади преследовать его. Он заехал ему вперед, пуская в бег [своего коня]. Своих десять жеребцов он угнал назад в сторону своего дома. „Ты принес это, полагая, что это штраф твоего отца? Ты принес, полагая, что это приданое твоей матери? Позади луки протерто, позади седла изношено, завидовавшая чужому имуществу, сосавшая шейные позвонки, облезлая комолая скотина! Встретишься ли ты со мною, задевая и сближая правое плечо и сближая вплотную правое стремя, и будешь-ли ты [бороться] силою большого пальца?“ спросил он. „Будешь-ли ты бороться силою плеча?“ Выросший из тростника Хулаһан Саган Мэргэн отвечал: „Если бороться силою большого пальца, то своего мяса я не скормлю!“ С этими словами он развязал свой белый шелковый пояс и повесил его на луку. Он вытащил могучую белую березу и сделал обруч, вырвал ветвистую красную лиственницу и скрутил пояс. Затем стали они тащить друг друга по одному разу, стали тянуть по два раза, обхватили друг друга, стали выдирать куски мяса величиною с деревянные корытца. Вороны и сороки произнесли им благопожелание: „Продолжайте вечно сражаться!“ Они боролись месяц, свыше месяца пропустили, было [уже] три месяца, свыше трех месяцев провели они, было [уже] около года. По прошествии приблизительно года почувствовали они жажду. Они отправились, косясь друг на друга, к великому белому озеру. Они выпили великое белое озеро, что соси хоть палец. Затем они встали и отправились в другую местность. Затем они опять боролись.

В то время, когда это происходило, дома царица Гэрэл Уга родила. Появился сын-младенец. По прошествии троих суток ударил Еремей Богдо Хан в северный барабан и собрал людей и свой народ, ударил в южный барабан и собрал передних своих сановников, превратил двадцать котлов водки в арзу [1] и хорзу [2] и налил в один бурдюк. Из мяса двадцати кладеных баранов приготовил кусок жаркого Затем положил он своего младенца в колыбель и поклонился старикам, сидевшим по правую сторону, со словами: „Нареките имя сыну, появившемуся на старости!“ Старики не нарекли имени и говорили: „Ты нареки! Ты нареки!“ Затем поклонился он старухам, сидевшим в задней части юрты, также со словами: „Нареките имя моему сыну!“ Они имени не нарекли, говоря [друг другу]: „Ты нареки!“

[1] Один раз перегнанное вино.

[2] Два раза перегнанное вино.

Тогда поклонился он невесткам, сидевшим по левую сторону, со словами: „Нареките моему сыну имя!“ Они не нарекли имени, говоря друг другу: „Ты нареки! Ты нареки!“ Поклонившись парням и девицам, молодежи, сидевшей в дверях, он сказал: „Нареките имя моему сыну!“ Молодежь имени не нарекала. Он кланялся и говорил: „Нареките имя [какое угодно] кроме собаки!“ Тогда в то время вышел он наружу.

Вошел старик в унтах без подошвы, в шапке без верхушки, поглядывая и моргая веками, посмеиваясь и пофыркивая, с комочком гноя величиною с лодыжку на правом глазу и с комочком гноя величиною с пчелу на левом глазу. Молодежь, находившаяся в дверях, стала пихать того старика туда и сюда, заставляя его кричать как козла и реветь как козленка. Тогда Еремей Богдо Хан крикнул: „Что это? В дом царственного человека может входить всякий человек! Зачем обижаете престарелого человека? “Затем повел он старика за руку, привел и посадил [его] на престол по правую сторону. Мясо двадцати кладеных баранов преподнес он ему, приготовив кусок жаркого, поднес ему вместе с тем двадцать котлов водки. Вдвоем [с царицей] поклонились они тому старику. Еремей Богдо Хан сказал: „Нареките этому нашему сыну имя!“ Тогда старик сказал: „О, боже! Не подобает мне простолюдину, серому человеку, нарекать имя сыну царственного человека!“ — „Что делать? Нареките имя [любое] кроме собачьего!“ Тогда этот самый взял бедренную кость, фыркнул носом и ртом, взял двадцать котлов водки и только два-три раза отхлебнув, сказал: „Ем, ем и съел я твое мясо с костями. Пью, пью, и выпил я твою перегнанную водку!“ После этого говорит он: „Я нарекуимя твоему сыну“. И нарек имя „Выросший на земле Галта Могой Мэргэн [Огненный Змей-Стрелок]“. Затем тот старик пожелал благополучия и вышел наружу. Молодежь, находившаяся в дверях, стала толкать, тащить его и смеяться. Еремей Богдо Хан остановил их: „Бросьте!“ Этот самый старик [стоя], одной ногой снаружи, а другой внутри, обернулся назад и говорит: „Ваши девушки, считаемые красивыми, да выйдут замуж за некрасивых! Ваши девушки, считаемые некрасивыми, да выйдут замуж за красивых!“ С этими словами, он вслед за этим вышел наружу. На расстоянии дневного перегона он превратился в жаворонка и поднялся на небо.

Затем старик и старуха зажили вдвоем. Подданный народ их разошелся. Семейные вернулись все по своим домам. После того как провел [младенец] в колыбели трое суток, прямо с северо-восточной стороны, из местности в тысячу лет пути пришел под землею Мангатхай Лубсагалдай сам девятый от отца, сам девятый от матери, чтобы Еремея Богдо Хана заполонить и над ним поиздеваться. Царица Гэрэл Уга, отгадывающая сокрытое, спросила своего Еремея Богдо Хана: „Что ты теперь знаешь?“ — „Прямо с северо-восточной стороны пришел зловредный и злополучный враг!“ сказал он. „Пришел он, чтобы захватить нас в качестве добычи.

Куда положить нам своего сына?" Затем старик (ее) сказал. Вытащив камень очага в задней части юрты, у основания заднего камня выкопали они яму, около сажени, и положили своего малютку-сына вместе с железной колыбелью с серебряной вешалкой в ту выкопанную яму. В головах колыбели зажгли они неугасимую свечу, в ногах колыбели написали они грамоту величиною с деревянное корытце, сзади и спереди [покрыв ее] золотыми письменами и поставили золотую печать. У боков колыбели поставили они молоко, подоив в железную бочку семьдесят красных коров, чтобы входило оно по веревочке в рожок. Затем посадили они камень очага назад, чтобы яма не была заметна. Старик ее сел на восьминогий престол на правой стороне, поджав ноги на сидении о восьмидесяти концах. Старуха его села шить золотисто-шелковое одеяние в задней половине юрты. Ловчие птицы его — сокол и беркут — шумели направо, ярко желтая трехсаженная собака его три дня выла.

Затем, во время полуденной трапезы, прямо с северо-восточной стороны явился к Еремею Богдо Хану Мангатхай Лубсагалдай сам девятый от отца, на трех черных конях, в черной железной повозке, управляемой тремя ямщиками. Он подъехал вплотную к серебряным воротам его, закричал неистово, зарычал, соединив воедино голоса тысячи драконов, закричал во всю, закричал, соединив воедино голоса десяти тысяч драконов. Еремей Богдо Хан выбежал. Приветствовал он его ханским „мэндэ", поздоровался он [приветствием] „здорово" простолюдинов. „К чему тут приветствия? Дома ли Идер Шулун Мэргэн?" спросил он. Тогда царь смиренно сказал: „С тех пор, как мой Идер Шулун Мэргэн вышел из дому, прошло девять лет. Он сразился с Хулаһан Саган Мэргэном, выросшим из тростника, в местности в девяносто лет пути, прямо на юго-западной стороне. Он был побежден Хулаһан Саган Мэргэном". Тогда Мангатхай сказал: „Я слышал, что ты обзавелся сыном Галта Могой Мэргэном, рожденным на земле. Приведи того сына!" — „О, боже!" сказал тот, „Какой ты сладкоречивый старик! Как это возможно, чтобы я обзавелся сыном, после того, как я так состарился!" Тогда Мангатхай соскочил со своей повозки, закрутил и схватил его за онгонно-белые волосы на макушке, вдребезги избил его лопаточную кожу своей таволжниковой узловатой плетью, опрокинул его на бедро и совершенно избил его бедерную кожу. Он повалил его на лопатки, заставил кричать его словно козла и реветь словно козленка. Царица Гэрэл Уга выбежала и сказала: „О, боже! Царь батюшка! Зачем ты мучаешь этого престарелого человека? По какому делу ты пришел? Возьми все, что тебе нужно! Отпустите его елетлеющую жизнь величиною с нитку!" Так сказала она. Тогда Мангатхай Лубсагалдай сказал: „Соберите и сложите свои деньги словно обо! Соберите и приготовьте свое имущество, подобное олбоку!"[1] Он отпустил Еремея

[1] Олбок — тюфяк для сиденья.

Богдо Хана. Бедная жизнь царя! Он ударил в северный барабан и собрал своих старших сановников, он ударил в южный барабан и собрал своих передних сановников. Сановники его собрались все в течение семи минут. Весь свой подданный народ он собрал приблизительно в течение часа. Он сложил и собрал свое серебро словно обо, он собрал свое имущество, словно олбок. Он собрал и сосчитал свой подданный народ, он собрал свой скот и табуны. Царя и царицу [посадил он] в белую серебряную повозку и впрег трех соловых коней. Он заставил следовать за собою свою ярко желтую собаку. Выехав из дому [Еремей Богдо Хан], поехал прямо на северо-восток, захваченный в добычу.

Едет он и вверх посмотрит — засмеется, вниз посмотрит — заплачет. Подданный народ его идет, чернея словно лес, он идет переливаясь, словно трава на поемном лугу. Табуны и скот его — те, что шли впереди, идут, ступая по верхушкам травы, те, что шли позади — идут по колено в грязи. Царь и царица оборачиваются назад и говорят: „Эстолько подданного нашего народа, эстолько скота нашего забрал в качестве лучшей доли добычи Мангатхай Лубсагалдай". С этими словами едут они. „Если оба сына наши родились мужами, то они придут за нами!" Говоря это, они едут. „Если они родились бабами, то дадут нас съесть Лубсагалдаю!" Затем они едут оттуда дальше. Едут, едут, едут, едут. Выехали из своей страны, въехали в страну Мангатхая. Шли они, шли. Говоря „земля" вмещались, говоря „море" — шли они, утоляя жажду. Шли они, шли, прибывали они, прибывали. Около года ехали они и [наконец] прибыли. Мангатхай Лубсагалдай поставил подданный народ Еремея Богдо Хана всех на свои стоянки, поселил каждого на своем местожительстве, пустил пастись десять тысяч табунов его, что могли пастись вверх по северному склону, и поставил десятки тысяч стад, что могли пастись вверх по южному склону, каждого на свою стоянку. Он сломал Еремею Богдо Хану правую руку, выколол ему правый глаз и вывернул назад его правую ногу. Он выколол царице Гэрэл Уга правый глаз, сломал ей правую руку и вывернул ей правую ногу. Он выстроил им в северо-западной стороне, в местности в тридцать лет пути, у подножья куцой заросли, шалаш из травы. Они стали там жить, питаясь конским навозом. Затем Мангатхай Лубсагалдай стал сверх богатства богатым, сверх господства господином и живет, попивая водку за десятерых, живет и легкомысленничает за двадцатерых. „Ведь я принес и собрал деньги Еремея Богдо Хана словно обо, не поддающийся учету подданный народ я ведь сосчитал! Я ведь пришел и исчислил неисчислимые стада его!" Так сидит он и радуется и беседует.

После этого Идер Шулун Мэргэн разложил и согнул Хулаһан Саган Мэргэна, выросшего из тростника, и повалил и подавил его. Он вырвал деревья передней тайги и сжег его. Осиновой лопатой он провеял его вперед, березовой лопатой он провеял его назад. После этого он сказал

про коня его: „Какая вина у коня?“ и взял его седло и снял с него узду, погладил его по крестцу и произнес благопожелание: „Иди и нагуляй жиру на брюхе!“ Он отпустил его. После этого он отвязал своего коня, вынул из кармана одну плетенку коленчатой белой травы и положил своему коню. Со дна подола он вынул мясо двадцати кладеных баранов и сидит и сам ест. Затем и конь его принял пищу и сам он собрался с силами и пошел к своему коню. Он спросил своего коня: „Я ничего не знаю“, сказал он, „сколько времени мы провели в сражении?“ — „Девять лет провели мы!“ ответил конь. Тогда он сел на своего коня, заставил его ступать в сторону юрты и скакать в сторону дома и приехал. Едет он, едет, прибывает он, прибывает. Взобрался он на вершину лучезарной горы Сумеру, слез с коня и сел, поджав ноги, на гладком черном камне величиною с быка. Вытащил он из своего кармана свой кисет величиною с рукав, взял свою трубку величиною с трубчатую кость, набил ее крупным красным листовым табаком и сидит, посасывая ее, так что шумело, и дуя, так что клокотало. В то время, как он так сидит, он сидит и посматривает. Смотрит он вдаль, вращая своими пестрыми, пегими глазами. Пока он так сидел, показался на двадцати пяти соборах голый от появления на свет из матери человек. Как будто черная ворона каркает, словно рыщет желтая лисица и растет и колыщится, и качается развилистый пырей. Сильным гневом он разгневался, сорока белыми зубами он скрежетнул так, что показалось пламя, десять белых пальцев он скрутил, так что заскрипело. „Что-то теперь произошло?“ думает он и сидит. „Престарелых отца моего и мать ведь забрал [Мангатхай] в качестве добычи. Что это за чорт прячется в моем доме в отсутствие хозяина?“ Подскочив после этого вперед, он растоптал вдребезги гладкий черный камень величиною с быка. Схватил ремень своего коня, сунул ноги в золотые стремена и отправился вскачь. Ехал он, ехал, ехал, ехал, прибывал он, прибывал. Подъехал близко. Лишь только он подъехал близко, голый человек, бывший на соборе, спустился бегом и, спустившись, вбежал в юрту. После того, как он вбежал, он заднюю часть юрты сплошь [обшарил], вытащил лавку и остановился, держа [ее] впереди.

Идер Шулун Мэргэн подъехал, пуская [коня] в бег, к своим воротам. Подъехав к воротам, он соскочил бегом с коня и, поддев правой рукой свою таволжниковую узловатую плеть, взял в левую руку свою обоюдоострую золотую саблю и вбежал в юрту. „Это что за дьявол прячется в мой дом, когда никого нет дома?“ С этими словами он оглушительно заревел, соединяя голоса десяти тысяч драконов. Голый мальчик стоял, не отступая ступившей ногой и не моргнув своими зоркими глазами. Лишь только он взглянул в то время, как это происходило, задний камень очага оказался вывороченным. У основания камня задней половины юрты показалась яма приблизительно с сажень. Была там железная

колыбель с серебряной вешалкой. В головах у колыбели, лишь только он взглянул, была неугасимая свеча. В боках стояла врытая железная бочка. Лишь только он взглянул на основание колыбели, была там грамота величиною с деревянное корытце, с приложенной золотой печатью. Он немедленно взял ее и прочел: это была золотая печать Еремея Богдо Хана. Он читает золотое письмо: по следам ног его появился малютка-сын. По прошествии трех суток после совершения обряда положения в колыбель, [появился] прямо с северо-восточной стороны, из страны за тысячу лет пути, и забрал их в плен Мангатхай Лубсагалдай сам девятый от своего отца, сам девятый от своей матери. Так было написано [там]. „Если Идер Шулун Мэргэн придет, подавив своего врага и выполнив свою задачу, то он не должен итти за нами вслед!“ было написано. „Будешь жив, найдешь скот и имущество!“ было [там] написано. Он немедленно бросил (свою) грамоту, вытянул шею, ударил в подол и сплошь [обшарил] заднюю часть юрты, взял и поставил свою лавку и обнял голого малютку. Они встретились притягивая [друг друга] за толстые большие шеи, они встретились, притягивая [друг друга] за тонкие большие шеи и нагибаясь. Приведя малютку в состояние детского возраста, сидел он и ласкал, приведя его в состояние нежного возраста, он сидел и миловал его. Он вывернул свой подол и посмотрел, вынул сахарную голову, смешал с хлебом, разжевал и дал своему малютке и накормил своего малютку досыта. „Теперь мы живем вдвоем сиротами без отца и матери!“ сказал он.

Затем настало серое вечернее время. Они легли вдвоем спать в свои постели. Настало утро. Взошло солнце. Братья поднялись с постелей. Вдвоем сидели они, понемногу вкушая и тихонько беседуя. Затем поев, встал [Идер Шулун Мэргэн], открыл свой сундук, собрал плоховатые шкуры козлят и сшил голому мальчику рубашку и шубу. Надев на него рубашку и шубу, он выпроводил его наружу. „Братец, братец!“ говорит он и играет, „давай, братец, поиграем!“ — „Как мы будем играть?“ спросил он. — „Давай играть в прятки!“ сказал тот. „Выходи, братец, наружу!“ Старший брат его вышел наружу. После того, как старший брат его вышел наружу, тот залез под опрокинутый сосуд для заквашивания молока. Затем брат его, когда прошло много времени, спросил: „Ты спрятался?“ Ничего нет. Он во второй раз закричал — ничего. Он в третий раз закричал — ничего. Дыбом стали его волосы, и он вбежал [в дом]. Как только он посмотрел в юрту — нет ничего. Он стал искать под ящиками, он искал в сундуках, он искал в ведрах и кадушках, он перерыл лавки и смотрел [всюду]. Он вытащил камень очага в задней стороне юрты — ничего нет. Посмотрел вверх и засмеялся, посмотрел вниз и зарыдал и упал с плачем, хрипя, словно пошел мелкий дождик. Пока он так сидел и плакал, мальчик, бывший в сосуде для заквашивания, пожалел его и выбежал. Выбежав, он поднял кверху голову своего старшего брата и спросил: „Что ты, братец?“

Ударяя в ладоши, он смеялся. „О, боже! Детка, откуда ты вылез?“ — „Братец, какие же у тебя глупые глаза!“ сказал он, „когда я был за сосудом для заквашивания, ты переворачивал и пересматривал лавки со всеми вещами!“ Он взял своего малютку и сказал: „Теперь не играй больше так в прятки!“

После этого он все играет. Затем настал следующий день. Опять прожужжал он ему все уши: „Давай играть!“ — „Что же поделаешь?“ сказал тот. Тогда он говорит старшему брату: „Выйди наружу!“ Брат вышел наружу. После того, как брат вышел наружу, он влез в ступку. Тогда брат стал его искать. Искал и не мог найти. Три часа искал он. Тогда он говорит: „Невозможно мне его найти!“ Тогда этот самый маленький мальчик его вылез из своей ступки и пришел. Выйдя, он сказал: „Ты имеешь способностей вот насколько. Ты не находишь меня спрятавшегося!“ Так сказал он. „Как ты спрятался, дитя, влезши в ступку?“ спросил он. — „Я не только в ступку залезу, но я обладаю способностями стать черной мухой и взобраться к Эсэгэ Малан Тэнгрию“. — „Дитя, дитя!“ сказал брат, „не говори напрасно высоких слов!“ сказал он. Затем настал вечер. Заря занялась. Когда едва светало, поймал он из числа десяти жеребцов, пасшихся на северном склоне, желтую кобылу, и маленький мальчик взобрался, ведя ее, на вершину лучезарной горы Сумеру. Заколов ее, он устроил тайлган Эсэгэ Малан Тэнгрию.

Пронзительный звук был воспринят прекрасным правым ухом великого превеликого Тэнгрия. „Что это за звук?“ сказал он и сидел, читая желтую книгу судьбы. „Прямо на нижнем материке Галта Могой Мэргэн, рожденный на земле, вымаливает подходящего для езды коня, подходящие для одевания одежды, подходящие для держания лук и стрелы. Он кланяется и кивает своей головой, величиною с пуговицу. Он опер руку на локоть и кланяется“. Великий бог взял желтую книгу судьбы и прочел. В желтой книге судьбы было [сказано], что его просьба о подходящем для езды коне справедлива, что отца и мать его прямо с северо-восточной стороны, из страны за тысячу лет пути увел с собою Мангатхай Лубсагалдай. Тогда великий бог послал в четыре стороны послов. Великий Тэнгри приказал своим сановникам притти и собраться. Они все собрались в три минуты. После того как они собрались, он приказал сшить [платье], выкроив образец одежды и дав [для этого] небесной мастерице-швее. Затем он дал изготовить лук и стрелы, подходящие для держания, косолапому черному кузнецу. Затем он послал трех крылатых богов за подходящим для езды конем. Он послал за девятью саврасыми меринами. Трое крылатых божеств привели его девять саврасых меринов. Он запер их в плетеной ограде. После того как великий бог их запер, он вынул небесные решета. „Поймайте для Галта Могой Мэргэна подходящего для езды коня и просейте его!“ сказал он и выпроводил их. Они вышли и просеяли девять саврасых меринов. „Ни один не выдержит [даже] одной руки

его!" говорили они и просеивали. Тогда вошли они к великому богу и сказали: „Они не выдержат [даже] одной руки вашего Галта Могой Мэргэна!" Великий бог слегка усмехнулся, когда они так говорили. „На нижнем материке, прямо на северо-восточной стороне родился Мангатхай Лубсагалдай сам девятый от отца и сам девятый от матери, на земле ничего не пугающийся. Поэтому я поставил еще сильнее [героя]. Сила его грудной части тела превосходит девять черных морей, сила всего его тела превосходит девять черных гор. Если вдевятером сделаются они одним конем, то и тогда едва подойдет!"

Затем великий бог приказал явиться великому кузнецу, знающему заговоры и колдовство. Тот кузнец его явился и вошел в плетеную ограду. Он натянул на ладонь десять заговоров, натянул на кончики пальцев двадцать хубилганов своих и, топая и подскакивая, он впустил своих кузнецов. Девять саврасых меринов его зацепились друг за друга и когда они, придя вдевятером в первый раз, вышли, они все стали одним конем. Когда пришел [конь, получившийся из девяти] во второй раз, он покрылся шерстью, выросла шерсть. Когда он пришел в третий раз, не хватало [только], чтобы вошла [в него] жизненная сила. Затем собралась и появилась вся его одежда. Появились лук и все стрелы. Великий бог, не вселяя [в коня] жизни, одежду его положил в левые торока, а лук и стрелы его в правые торока. На правый бок он вложил в карман одну бутылку черной черепашьей воды. Он исписал сзади и спереди бумажку величиною с ладонь, [положив ее] в правое ухо: „Тою бутылью совершать [дескать] аршанное омовение рук и ног и мыть тело". После этого не доставало [только] вселить [в коня] жизненную силу. Великий бог вышел, фыркнул ему в правое ухо и дунул ему в правую ноздрю. Конь его зашевелился и вскочил саврасым мерином. Он встал, ступая по четырехугольной черной туче. Два крылатых божества встали по обеим сторонам, держа его за повода. Сам он спустился, кружась в черном вихре. После того, как он удалился в едва видимую даль, великий бог закричал: „Прямо на юго-восточной стороне", сказал он, „находится великое белое озеро — твой водопой. Корм твой — коленчатая белая трава". Затем оба крылатых божества стали спускаться и спускаться на нижний материк. Они пустили саврасого мерина на берег великого белого озера, пустили его, волоча его длинные нитяные повода. После этого оба крылатых божества пришли к Галта Могой Мэргэну и бросили перед ним бумажку величиною с ладонь. Он взял ту бумажку и прочел: „Если ты родился мужем, то возьмешь ты прямо с юго-восточной стороны, с берега великого белого озера своего саврасого мерина!" [было сказано на ней]. Галта Могой Мэргэн поднес вверх и вниз мясо соловой кобылицы. После этого он фыркнул носом и ртом, стал комком конского навоза и, кружась черным вихрем и ступая по четырехугольной черной туче, отправился [в путь]. Он отправился к берегу великого белого

озера, и став белой коленчатой травой, вырос там и стал качаться и колыхаться.

Настал палящий зной. Саврасый мерин его немедленно почувствовал жажду и пришел к великому белому озеру попить. Пришел он к берегу великого белого озера и, почуяв внезапно запах, повернулся назад. Конь, позади закричал, не почувствовав власти над своим ртом. „Протянулось ли знамение того, что великое белое озеро будет осушено? Протянулось ли знамение того, что твои сорок белых зубов поломаются?“ Тогда конь его прибежал назад и почем зря выпил [воду]. Между тем он воплотился в истинную плоть свою и, накинув длинные нитяные повода, схватил его. Конь, саврасый мерин его, рассвирепел, и он пронзительно закричал ему: „Я ведь твой хозяин собственной личностью!“ Конь остановился. В его правом ухе была бумажка величиною с ладонь. Он взял ее и прочел. Было сказано, что на правом боку вложена в карман черепашья черная вода. Он взял черепашью черную воду, находившуюся на правом боку, и вымыл лицо и руки. Он стал с зубами величиною с лопату. Он стал темнокраснолицым; стал [существом] с саженной черной косой, становится [существом] с пестропегими глазами. Затем он взял свою одежду. Из левых тороков он вынул и надел несокрушимые в десятитысячелетнем дожде сапоги, надел тоненькую шелковую одежду, надеваемую на голое тело, надел белую шелковую жилетку, надел тоненькую шелковую одежду, надеваемую в летнюю пору, застегнулся на сто восемь пуговиц, взял белый серебряный пояс, который будет с тысячу саженей, тринадцать раз обвернул его и сзади и спереди заткнул [концы]. На макушку он надел шапку из собольего брюшного меха. Кисть шапки, с горсть, он заставил хлестать по носу и рту. Затем он поднял лук и колчан, словно частую лесную заросль, и сплошь [на всю спину] взвалил их. Он подтянул золотыми стременами своего коня и поскакал верхом. Он дергал угол его рта, подпирал пеструю щеку, махал правой рукой, вбивая кисть. Конь его рассвирепел, с земли подхватил, он же держался добротностью своей ловкости. С неба подхватывая, брыкался он, он же держался добротностью равновесия. „Стой!“ закричал он на коня. „Что это ты до сего [времени] брыкаешься?“ спросил он его. Тогда конь его сказал: „Если я буду одолен на земле четвероногим конем, пусть упадут и свалятся мои четыре черных копыта по самые бабки! Пусть мои сорок белых зубов вывалятся по самые клыки!“ Так произнес он речь и принес обет. Конь его спросил: „Какими способностями обладаешь ты, что удержался на мне?“ Галта Могой Мэргэн сказал: „Если я буду побежден двуногим калекой, пусть плечевые кости мои вываляться! Если я буду одолен [существом] обладающим большими пальцами, пусть мои большие пальцы по самые основания отвалятся!“ Так произнес он обет. Затем хозяин и конь отправились вдвоем.

Краем черного моря рысил он так, что звенело. Именуемое морем волновалось, именуемое землею тряслось. Хребет Хухея пел, снежная пороша падала, горные камни ломались, гладкая скала тряслась, деревья передней тайги [клонились] назад, деревья задней тайги [клонились] вперед. Стал сплошной туман. Животные, имеющие детенышей, [заблудились и отстали] от своих детенышей. Ехал он, ехал, ехал он, ехал. Прибыл домой.

Прибыв домой, он открыл свои ворота. Зань, соловый конь его старшего брата, стоял у своей коновязи привязанный, с уздою и с седлом. Отведя своего коня, он привязал его около коня своего старшего брата и, повернувшись назад, лишь только взглянул он, конь его старшего брата стоял [по сравнению с его конем] подобно жеребенку. Он повесил свой лук и колчан на свою коновязь и вошел в юрту. Брат взглянул и упал в испуге. Он вскочил и залез в страхе под сундуки. Галта Могой Мэргэн ударил своим выдровым рукавом и крикнул: „Неужели ты, будучи сыном царственного человека, не видел людей? Где ты доселе бывал?“ Тот вскочил. Идер Шулун Мэргэн повернулся и сказал: „О, боже! Зачем ты так поступил?“ спросил он. „Лишившись своего младшего брата, я в поисках провел уже месяц. И я и днем искал, и ночью искал, лишился сна и пищи!“ Затем он спросил: „Куда пошел он? Я ничего не знаю! После того, как я лег спать, он пропал!“ сказал он. „Сшил шубу из шкуры козленка. Вероятно ты видел ребенка, в такой шубе?“ спросил он [и прибавил]: „Ты какой страны человек?“ Тот сказал: „Я [человек] прямо с юго-западной стороны, страны, отстоящей на расстоянии девяноста лет пути. Я — Гэрэльтэ Сеже Хубун [Юноша Блестящая Грудь], сын Сажан Номон Хана [Царя Закона Религии]!“ — это Галта Могой Мэргэн сказал, что он Гэрэльтэ Сеже Хубун. — „Откуда и куда ты едешь? Тогда ты, вероятно, видел моего младшего брата во время своего путешествия?“ спросил он. Тогда Гэрэльтэ Сеже Хубун спросил: „В какой шубе ваш младший брат?“ — „Он в шубе из шкуры козленка!“ — „Шуба из шкуры козленка [лежит] у корнёй ерника. Став полна червей и жуков, она кишит ими!“ — „О нет!“ сказал он. „Так это и есть вероятно как раз мой младший брат!“ воскликнул он и, смотря вверх, засмеялся, и, смотря вниз, зарыдал и заплакал так, что зашумело подобно тому, как если бы пошел мелкий дождичек. „После того как я скормил своего единственного младшего брата жукам и червям, я брошусь в желтое море и умру!“ воскликнул он и выбежал наружу. Когда он выбегал, Галта Могой Мэрген выбежал за ним и потянул его, так что тот повернулся: „Что ты, братец?“ сказал он. „Какой же ты короткодумный, будучи сыном такого царственного человека! Ведь младший брат твой — я собственной личностью!“ — „Не лги!“ сказал он и не поверил ему. Тогда Идер Шулун Мэргэн сказал: „Скинь свои платья! Если ты действительно младший брат [мой], то на спине должны быть у тебя золотые письмена!“ Галта Могой

Мэргэн немедленно скинул свою одежду. Идер Шулун Мэргэн не мог достать его лопаток. Галта Могой Мэргэн встал на колени: что касается золотых письмян на спине его, то были письмена [гласившие], начиная с рождения у Еремея Богдо Хана сына. Он вытянул шею, ударил в подол, и они обнялись, притягивая [друг друга] за толстые большие шеи так, что они нагибались, обнялись, притягивая [друг друга] за тонкие большие шеи так, что они сгибались. Они сильно обрадовались, сильно торжествовали. „Как это ты, младший брат мой, стал таким рослым и проворным и достиг возмужалости?“ спрашивает он, удивляется и поражается. Затем вытянул он свой золотой стол, вытащил вкусный сахар, вытянул свой серебряный стол и извлек серебряную еду. В прекрасный охотничий жбан с тринадцатью обручами он налил десять котлов арзы и принес. Налив в свою серебряную китайскую чашку, он поднес [ему]. Он взял ее, обменялся с ним чаркой и выпил. Затем они стали пить до того, что стали красно-рыжими, наполняли чаши по количеству десяти человек и беседовали. Старший брат налил десять котлов арзы, принес и предложил выпить. Галта Могой Мэргэн сказал: „Полно, братец! Выпив много, мы великими не станем! Сижу и пью твою пищу. Хороший человек сделается плохим, мудрый человек сделается глупым. Полно, до отказу!“ сказал он.—„Братец, я привел ведь коня, подходящего для езды! Выходи и посмотри на моего коня!“ сказал он. „Какой он по сравнению с твоим соловым конем Зань?“ Старший брат его напролом, как попало, выбежал. Выйдя, он остался смотреть на крыльце и вбежал обратно. „О, боже!“ сказал он Галта Могой Мэргэну. „Я обычно думал, что мой соловый конь Зань — конь невесть какой величины. Он же подобен скале, когда сравниваешь его с моим соловым конем Зань!“

Затем наступило вечернее серое время сна. Галта Могой Мэргэн вышел наружу. Он взял узды своих обоих коней и пустил их. Затем настало утро. Заря занялась. Затем утром они встали. Сели братья за стол и стали беседовать. Старший из них сказал: „Чей сын рождается мужем, тот делает из чужого имущества [свое] имущество, чей сын рождается бабой, тот сидит дома! Я отправлюсь за отцом и матерью!“ Галта Могой Мэргэн сказал: „У тебя не будет возможности отправиться!“ Тогда Идер Шулун Мэргэн сказал: „Пойдем вдвоем! Я не нахожу способа расстаться с тобой!“ сказал Идер Шулун Мэргэн.—„О, боже! Что ты братец!“ сказал тот. „Чужие будут на чужбине удивляться. Скажут, что два сына отца едут, бросив свое жилье!“ Идер Шулун Мэргэн сказал: „Ничего не поделаешь! Буду я (твой) присматривать за домом, ты же (мой) отправляйся!“ Галта Могой Мэргэн снарядился, чтобы отправиться за отцом и матерью. Затем посмотрел он коня, поймал его. Он положил на него свой шелковый просвечивающийся потник без пыли, положил свое белое серебряное седло, величиною со стог, подтянул тринадцатью подпругами так, что стяну-

лись, цельной серебряной подвеей подтянул, привязал своего коня к своей коновязи и вошел в дом. Он открыл свой золотой сундук и вытащил свою одежду. Он надел свои в десятитысячелетнем дожде несокрушимые сапоги с головками. Он надел свою тонкую шелковую накидку, надеваемую в летнее время, обмотал тринадцать раз свой белый серебряный пояс и заткнул [концы его] спереди и сзади. Он надел на макушку свою шапку из собольего брюшного меха. Кисть, которая будет с горсть, он заставил хлестать по рту и носу. Он одевался, вертясь перед зеркалом величиною с дверь. Он не мог обнаружить на себе пыли. Попрощался он со своим старшим братом. „Живи дома спокойно!“ сказал он, „я же пойду на зловредного и зловещего врага!“

Он вышел наружу. Он взял от своей золотой коновязи своего сизо-саврасого коня, вдел ноги в стремена и выехал вскачь, смотря и кланяясь в три стороны у подножья коновязи. Он потянул правую сторону его рта, подпер пеструю щеку, махал правой рукой, вбивал кисть и пускал рысью так, что зашумело, словно выстреленная стрела, и он стремительно рысил будто брошенный камень. Чуть пониже синеющего неба, чуть повыше колышащегося облака плавно взобрался он. Расстояние в тысячу лет пути он уложил в срок восьми лет, расстояние в восемь лет пути он уложил в срок восьми часов и едет, гневно гневаясь. „Днем-ли я догоню, ночью-ли я догоню Лубсагалдай Мангатхая!“ говорит он. Затем, выехав из собственной страны, он въехал в страну Мангатхая.

Был ярко красный сосняк. Когда он ехал по ярко красному сосняку, был выстроенный дом, обрубленный по основание и обрубленный по вершину. „Кто здесь может жить? Что, если попить?“ С этими словами он вошел. Лишь только он вошел, в задней половине сидела удивительно прекрасная девица, которая своим горлом могла затмить солнечные лучи, а аортой лучи месяца. Он приветствовал [ее] ханским „мэндэ“ и, лишь только он вглянул на прекрасную правую половину, там, как оказалось, был разостлан толстый белый войлок. Лишь только он взглянул на него, стоял на нем четырехногий стол, полный пищи. „Вы из какой местности?“, спрашивает она и сидит. „Я прямо с юго-западной стороны“, сказал он, „я — Галта Могой Мэргэн!“ Эта самая прекрасная дева вскочила: „Садись по правую сторону!“ говорит она и ведет его за руку. „Ты вошел ко мне, суженый и предопределенный мой!“ сказала она. „Я ждала, ждала, в ожидании провела семнадцать лет!“ Затем отправляются они на правую сторону [юрты]. Пока он шел, чтобы сесть за ее стол, когда он отбросил своей ногой толстый белый войлок, четырехногий стол ее провалился с грохотом в восьмидесятисаженную бездну. Лишь только он вглянул на дно пропасти, там были воткнуты вверх остриями ножницы, шила и ножи. Галта Могой Мэргэн стал ругать ее. „Грешная срамная баба! Прими на свою голову то, что ты наворожила!“ С этими словами он бросил ее вниз голо-

ловою в восьмидесятисаженную пропасть. Он вышел. Он сплюнул и посмотрел назад.

Ехал, он, ехал прямо на северо-восток. Был лес-чаща [настолько частая] что не могла бы поместиться [между деревьями] тонкая змея. Он спросил своего сизо-саврасого мерина: „Как проехать нам через эту чащу?“— „Что случилось с твоей остроконечной хангайской стрелой?“ спросил тот. Галта Могой Мэргэн взял свою остроконечную хангайскую стрелу, надел с силой на тетиву ушки [ее], натянул так, что вытянулся, установил ее на коленный сустав, натянул так, что [лук] натянулся и установил на насечку. Он пустил [стрелу], пришептывая: „Ты проложишь ханский проезжий путь!“ Его остроконечная хангайская стрела проложила ханскую проезжую дорогу. Деревья и камни удалила она в сторону. Появилась ханская проезжая дорога. Со звоном рыся, он проник на противоположную сторону. Ехал он, ехал, ехал он, ехал.

Была скала, достигавшая неба. Пустил он рысью вниз, не мог он [обнаружить] низины ее, где бы мог проехать. Вверх пустил он рысью, не мог [обнаружить] прохода, где мог бы проехать. Он заставил своего сизо-саврасого коня попятиться назад, не давая ему обернуться, отправился в местность за три дня пути, взял свою остроконечную хангайскую стрелу, надел с силой ушки на тетиву, натянул так, что вытянулась, наложил на тетиву так, что натянулось, установил на зарубку и пустил [стрелу], пришептывая: „Если судьба умереть, то отступишь, становясь полна хвороста!“ Он пустил, пришептывая: „Если судьба быть, то пусть появится ханская проезжая дорога!“ [Стрела] проложила ханскую дорогу. Он проехал, пуская рысью, нижней стороною. Он выбрался на противоположную сторону, взял свою остроконечную хангайскую стрелу и заткнул ее себе в колчан. Затем он отправился дальше.

В то время, как он ехал, лишь только он взглянул, великое черное море [как оказалось] свертывается с расстояния в дневной переход и сворачивается с расстояния суточного перехода, шумит и бушует. „Как нам переправиться через этакое великое море?“ сказал он своему коню. „Знай, как бы удержаться на мне!“ отвечал тот. Он потянул за правый угол его рта, размахнулся правой рукой и поехал, подбрасывая крепкий кнут. В его обоих ушах зашумело, и он побежал так, что почернело перед его обоими глазами. Он переправился на противоположную сторону. Переправившись на противоположную сторону, он посмотрел назад: великое черное море высохло до каменистого русла, на дне моря лежали вперемешку и кости меринов, лежали вперемешку и кости диких зверей. Он взял одну конскую кость и посмотрел, сравнив ее со своим конем: она была на одну четверть меньше трубчатой кости его собственного коня. Затем он поехал дальше.

Ярко желтый волк с телом в тридцать саженей, с клыками в три аршина, пришел, свертываясь с расстояния дневного пути, чтобы проглотить его вместе с конем. Он сильно надел развилинки своей остроконечной хангайской стрелы на тетиву и пустил ее, пришептывая: „Она прострелит хрящевую часть белой шеи его!“ Она прострелила белую хрящевую часть его шеи и свалила его. Он немедленно вытащил совсем три пласта земли, влез с конем и лежал там до истечения трех суток. Три дня он лежал. Лишь только он взглянул, лес облысел, трава на низине пожелтела. Затем он поехал дальше, ехал, ехал.

Змей о трех железных головах глотал с расстояния дневного перехода. Он немедленно подумал, что будет проглочен вместе с конем. Взял свою остроконечную хангайскую стрелу и шепнул: „Если судьба умереть, то отступишь, став валежником! Если судьба жить, то пронзишь его белую хрящевую часть шеи!“ Шепча это, он пустил [стрелу]. Его остроконечная хангайская стрела прострелила его хрящевую белую шею и свалила его. Он вытащил три пласта земли, залез вместе с конем и лежит. По прошествии трех суток, он вышел. Лес пожелтел. Затем он отправился дальше.

Небесные вороны явились с криками „хон! хан!“, говоря: „Мы съедим глаза твои и твоего коня!“ Он вытащил из своего мешка готовые глаза и бросил им. „Сколько [здесь] ходило прекрасных мужей, но чтобы давали готовые глаза, мы еще не видали!“, сказали они и произнесли благопожелание: „Идите и победите своих врагов и исполните свою задачу!“ Затем он отправился дальше.

Сухожильные девицы, схватив железные крючья, сказали: „Мы возьмем ваши сухожилья — твои и твоего коня!“ Он бросил им готовые сухожилья. Они произнесли благопожелание: „Иди и победи своих врагов!“ и пошли, бросив свои крючья. Он едет, начиная приближаться к местожительству и утугу[1] Мангатхая. Он не мог схватить и обуздать своего гнева и досады. Он натянул на свою ладонь десять заговоров, выпустил на кончики пальцев своих двадцать хубилганов. На четырех черных копытах своего коня он во все стороны развел сорокасаженное огненное пламя, он установил на переднюю холку коня котелок, стал варить рыбье мясо, на заднем крестце своего коня он вырастил ветвистую красную лиственницу и едет, заставляя чирикать пташек семидесяти родов. Ехал он, ехал. Он въехал в крайнюю юрту. Люди, находящиеся снаружи, удивляются снаружи. Дома находящийся народ его, в юрте находясь, удивляется. Они удивляются: „Это от какой кобылы происшедший жеребенок? От какого человека происшедший юноша?“

Стовосьмиголовый Зудак Шара Мангатхай [Кусачий Желтый Мангатхай] в своем знании узнал [об этом] и погнал своего самого млад-

[1] Так называется огороженный покос, находящийся при жилье.

шего брата: „Пришел прямо с юго-западной стороны огненный пожар!“ Из своих восьми младших братьев погнал он восьмерых: „Погасите огненный пожар!“

Пятнадцатиголовый Аньир Шара Мангатхай [Турпанно-желтый Мангатхай] сел верхом на своего ярко-красного коня, без шапки, пустил его бегом и прибыл к нему. Они встретились непосредственно на ханской проезжей дороге. Он закричал: „Стой!“ Галта Могой Мэргэн сказал: „Ты принес, думая о долге и пени моего отца? Ты думал, что приданое моей матери — пыль? Вы, оказывается, высохшая комолая скотина, завидовавшая имуществу других и сосавшая шейные позвонки!“ С этими словами он схватил его за онгонно-белые волосы на макушке и избил вдребезги кожу его лопаток своей ременной узловатой плетью. Он повалил его на крестец и швырнул его, смотря на острый край остроконечного белого камня. Он вдребезги швырнул его, не оставляя костей, которые мог бы поискать бык, без обглодок, которые могла бы поискать лисица.

Затем отправился он дальше. Встретился с ним непосредственно двадцатипятиголовый Хойдол Шара Мангахтай [Хойдол Желтый Мангатхай]. „Стой!“ закричал он. — „Ты думал о долгах отца и приданом матери? Присвоившая чужое имущество комолая тварь!“ С этими словами он схватил его за онгонно-белые волосы на макушке и швырнул его, смотря на белый острый край остроконечного камня. Он швырнул его не оставляя костей, которые может поискать бык, и обглодок, которые могла бы поискать лисица.

Оттуда он поехал дальше. Тридцатипятиголовый Гури Шара Мангатхай [Ярко желтый Мангатхай] едет верхом на темно-красном коне, пуская [коня] бегом вперед. Он закрутил и схватил его за онгонно-белые волосы на макушке и швырнул его, смотря на острый край остроконечного белого камня. Он швырнул его, не оставляя костей, которые может поискать бык, и обглодок, которые могла бы поискать лисица.

Затем он поехал дальше. Повстречался непосредственно сорокапятиголовый Дэйо Хара Мангатхай [Беспутный Черный Мангатхай]. Он спросил: „Будешь ли [сражаться] силою большого пальца, толкаясь правым плечом? Будешь ли [сражаться] силою плеч?“ С этими словами он схватил его за онгонно-белые волосы на макушке и заставил его своей узловатой ременной плетью реветь как козла и кричать как козленка. Он швырнул его, глядя на острый край остроконечного белого камня.

Затем он пошел дальше. Прибыл немедленно пятидесятипятиголовый Тат Хара Мангатхай [Тат Черный Мангатхай]. „Принесли-ли вы мое имущество и скарб за долги отца или под видом приданого матери?“ С этими овами он схватил его за онгонно-белые волосы на макушке и махнул

о земь. Он избил вдребезги кожу его лопаток, повалил его на бедро и швырнул его, глядя на острый край острого белого камня.

Затем он отправился дальше. Приехал, пуская бегом, верхом на темном иноходце, шестидесятипятиголовый Жоро Ехе Мангатхай [Иноходец-Великий Мангатхай]. Он пришел и достиг ханской проезжей дороги. Он выступил, заезжая в бок Галта Могой Мэргэна. Галта Могой Мэргэн внезапно взял назад и оперся о коня. „Ты завидуешь чужому имуществу, высасываешь шейные позвонки и поступаешь беспутно!“ сказал он и швырнул его во всю, глядя на острый край острого белого камня.

Затем он поехал дальше. Повстречался непосредственно семидесятипятиголовый Даньил Шара Мангатхай [Даньил Желтый Мангатхай]. Обвернув и схватив его онгонно-белые волосы на макушке, он его швырнул. Он швырнул его на острый край острого белого камня. Затем он поехал дальше.

Пришел и встретился непосредственно восьмидесятипятиголовый Нарьхан Шара Мангатхай [Тонкий Желтый Мангатхай]. Он швырнул его на манер прежнего, глядя на острый край острого белого камня. Он швырнул его, не оставляя костей, которые может поискать бык, без обглодок, которые могла бы поискать лисица.

Затем он поехал дальше. Встретился непосредственно на ханской проезжей дороге девяностопятиголовый Ехе Уга Мангатхай [Великий Сила-Мангатхай], ступая грузно, проливая напрасно дождь. Галта Могой Мэргэн взглянул вверх. „Куда ты собираешься итти?“ спросил он, „Завидовавшая чужому имуществу, высосавшая шейные позвонки, [так] поступаете вы, высохшая комолая тварь!“ сказал он и немедленно обвернул и схватил его за онгонно-белые волосы и стегнул три раза, обматывая своей узловатой ременной плетью. Он совсем избил кожу его бедер, повалил его на лопатки и избил вдребезги кожу его лопаток, повалил его на бедра и бросил его, глядя на острый край острого белого камня. Затем он поехал дальше.

Ехал он, ехал, подъезжал, подъезжал. Приблизился он к Лубсагалдай Мангатхаю. Лубсагалдай Мангатхай посмотрел и закричал своим трем ямщикам: „Поймайте и запрягите моих коней! Прямо с юго-западной стороны явился огненный пожар, чтобы немедленно испепелить мой дом!“ сказал он. „Мои восемь младших братьев в мысленном заблуждении не потушили этого пожара!“ Три ямщика его поймали его трех коней и втроем запрягли их в его черную железную повозку. Посадили Мангатхая и выехали, держа вожжи. Он взял с собой свою ярко-желтую собаку и ловчих птиц — сокола и беркута. Во весь опор гнал он вскачь своих коней по ханской проезжей дороге. Между тем, как он таким образом ехал, три вороных коня его уперлись и присаживаются на лодыжечных сухожилия. Ярко желтая собака его начинает лаять и затягивать вой

и вбегает в повозку. Сокол и беркут забираются к нему под мышку. „Сволочи!“ заругался он и крепко сжал сокола и беркута и бросил их. Ярко желтую собаку он разорвал на три части со словами: „Ты накликала что-ли мою смерть?“ Он выскочил из своей повозки. Повертев тринадцать раз своей узловатой ременной плетью, он хлещет своих трех вороных коней.

В это самое время подъехал вскачь рожденный на земле Галта Могой Мэргэн. Он непосредственно прибыл, достигнув ханской проезжей дороги. Он приветствовал его ханским „мэндэ“ и поздоровался [словом] „здорово“ простолюдинов. Лубсагалдай Мангатхай обернулся и посмотрел на него. Он узнал своим знанием, он понял своим разумом. „То, что я думал об огненном пожаре — [это значит, что] ты идешь [сюда], иссохшая комолая скотина, у которой за седлом изношено, а за лукой истрепано?“ сказал он. — „Ты подумал, что срубил лес в промежутке и скосил траву поляны?“ сказал тот. „Ты забрал в качестве добычи моих родителей, подданный мой народ и мой скот, считая это наследством своей матери, данным в долг твоим отцом?“ прибавил он. „Будем ли мы [биться] силою большого пальца, будем ли мы напирать [друг на друга] силою плеч?“ Лубсагалдай Мангатхай сказал ему. „Я испытаю твою силу, какой она величины сегодня, когда ты устал! Идем к нам!“ сказал он. „Отдыхай в течение десятка суток! Будем спать в одной постели, будем есть из одной чаши! Будем хлебать одной ложкой!“ Так говорил он и разговаривал. „Что же!“ сказал Галта Могой Мэргэн, и они оба повернули назад. Он отправился к Лубсагалдаю Мангатхаю, привязал своего сизо-саврасового коня к его золотой коновязи, повесил лук свой и колчан на его коновязь и вошел в его дом. Он открыл согласно и по хорошему перламутрово-серебряную дверь и вошел.

В прекрасной задней половине сидела удивительно красивая госпожа, которая могла затмить своим горлом солнечные лучи, а аортою лучи месяца. Она изготовляет из куска шелка величиною с ладонь десять [одежд] с воротниками. Она сидит и изготовляет из куска шелка величиною с палец двадцать [одежд] с воротниками. Лишь только Галта Могой Мэргэн вошел, она бросила [шитье] назад и сидит складно и ладно. Галта Могой Мэргэн приветствовал ее ханским „мэндэ“ и поздоровался [словом] „здорово“ простолюдинов. Он отправился на правую половину. Он сел, поджав ноги, на восьминогий престол, на восьмиугольное сидение, на престол нижнего края. Супруга Лубсагалдая Мангатхая налила чаю и поднесла [ему]. „Вы, юноша, какой страны, какой воды?“ спросила она. „Ты какого хана подданный?“ — „Я далекий [что касается] страны, дальний [что касается] воды!“ сказал он. „Я прямо с юго-западной стороны, я из страны, на расстоянии тысячи лет пути! Я — Галта Могой Мэргэн, рожденный на земле, [сын] Еремея Богдо Хана!“

Эта самая царица вытянула шею, ударила в полу и спросила: „Зачем ты пришел? У человека, находящегося в живых, имущество впереди. Здесь виден [только] приход людей, пришедших сюда, но, чтобы они уходили, не видно!“ говорит она. Он спрашивает эту самую царицу: „Ты чья дочь?“—„Я—дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия!“ отвечает она. „Купаясь в воде, я обманным образом лишилась своей лебединой одежды и осталась на земле!“ Так сидит и разговаривает она. Она вычистила свой золотой стол, поставила вкусную пищу, налила в прекрасный охотничий жбан с тринадцатью обручами десять котлов арзы и двадцать котлов хорзы, принесла и поставила. Между тем, как они так сидели, вошел Лубсагалдай Мангатхай. Он вошел, не помещаясь в дверь, в дымовое отверстие. Он вошел, топая по полу, не имевшему скрипа, так что он заскрипел. Он сел, поджав ноги, на престол верхнего края. Он сидит и выпивает десять котлов арзы и двадцать котлов хорзы, наливая чаши по количеству на десять человек. Он сидит и болтает за двадцать человек. Они провели трое суток, спя на одной постели, едя из одной чаши и хлебая одной ложкой. Провели четверо суток. Вели они между собою древние речи, рассказывали давние истории, беседовали, начиная с того, как земля становилась землей, как завершалась середина калпы, вели беседу с того, как тысяча небесных будд становились буддами, как девяносто девять ханов становились ханами. Они состязались в древних речах: „Это твое не так! То твое не так!“ говорили они. Хватали друг друга за воротники и таскали друг друга. Тягались они по одному разу, давали друг другу по одной пощечине. Вскочили они оба из-за стола, и, не находя двери, выбежали наружу, попирая ногами горницу в эту и ту сторону. Косясь друг на друга и таща друг друга, они вышли. На желтой равнине Шамшин, на желтой прекрасной лужайке они распахнули свои полы и заткнули пояса. Они потаскали и потискали друг друга по одному разу, так что сдавили мясо. Они вырывали друг у друга куски мяса величиною с корыта и бросали. Вороны и сороки собрались и произнесли благопожелание: „Продолжайте постоянно сражаться!“ Они таскали друг друга в течение трех суток, провели свыше трех суток, находились там три месяца. Они провели свыше трех месяцев и препирались три года. Они провели свыше трех лет. Провели пять лет. Провели пять лет, и вспомнилась им питьевая вода. „Примем питья!“ сказали они и отправились к желтому морю и стали пить, косясь друг на друга, таская друг друга и держа друг друга за волосы. Они выпили желтое море до того, что хоть пальцы соси.

Затем встали они оба. „Эта наша местность разрушилась, пойдем в здоровую местность!“ сказали они и отправились вдвоем. Вошли [туда], входя вместе в обнимку. Они провели сверх пяти лет девять лет. По прошествии девяти лет Лубсагалдай Мангатхай закричал, глядя в сторону своего дома. Его жена вышла, и он закричал: „Иди!“ Он сказал жене:

„Человеку, которому задумали белое, бросают белую крупу! Человеку, которому задумали черное, бросают черную крупу!“ Жена его вбежала обратно [в дом]. Она вынесла в правой руке черную крупу, вынесла в левой руке белую крупу. Крупу, что находилась в правой руке, она швырнула под ноги Мангатхаю. Крупу, что была в левой руке, она бросила под ноги своего бурята. Под Мангатхаем появился лед. Мангатхай поскользнулся. Под бурятом сделался песок. [Это] хорошо для ступания. Мангатхай поскользнулся и упал. Мангатхай ползает на четвереньках. Галта Могой Мэргэн не мог его повалить, толкая, не мог его повалить, таща. Он спросил его жену: „Ты поднимешь широкий топор его, который будет со сто пудов?“ Жена его побежала назад. Она отправилась домой. Едва принесла она, волоча, широкий топор. Галта Могой Мэргэн взял ее топор и рубнул Мангатхая. Он рубнул со всей силы и засверкало подобно белому камню, загрохотало подобно черному камню. Его [т. е. Мангатхая] не взять топором. Лубсагалдай Мангатхай сказал: „Не мучай меня! Если убивать, то убей, не причиняя страданий. Скотину, подлежащую убиению, убивают, выпуская ее кровь! Человека, подлежащего убиению, убивают, спрашивая его слово!“ сказал он. Тогда Галта Могой Мэргэн спросил его: „Как же убить тебя?“ Мангатхай тогда сказал: „Принесите войлок от родившей женщины и обверните мою голову!“ Он послал его жену. Жена его пошла домой и написала повестку, бумажку величиною с ладонь и разослала в восемь сторон нарочных. Она послала нарочных, чтобы принесли войлок от родившей женщины. Они принесли войлок. Он обвернул голову Мангатхая. Мангатхай упал, распростерши руки, остался лежать на спине. Он кучей собрал деревья передней тайги и предал Мангатхая сожжению. Он стал поддувать поддувалом, установив с четырех сторон кузнечные меха. Он кончился, растаяв и став шлаком. Осиновой лопатой он провеял его вперед, березовой лопатой он провеял его назад. Он победил своего врага и исполнил свою задачу. Жена этого самого Мангатхая повела Галта Могой Мэргэна за правую руку и отвела его домой. Приведя домой, она посадила его у двери и взяла обоюдоострую саблю. Она закричала на него, рассекла его в обе стороны пополам от темени и свалила и выкинула всю внутреннюю скверну его. Она обмыла его источниками девяти родников, очистила его лучшей частью девяти можжевеловых курений, совершила омовение черепашьим черным аршаном. Она сделала его более искусным, чем прежде, сделала его провосходным, пуще раннего и ввела с собой в юрту. Приведя в юрту, она посадила его по правую сторону. Она очистила свой золотой стол и извлекла вкусную пищу и сидит и беседует.

В то время, как они так сидели, он спросил: „Куда поселил он моего отца и мать? Живы ли они или померли?“ Тогда та самая госпожа сказала: „Он выселил их, как я слышала, в травяной шалаш, у подошвы

куцой чащи в северо-западной стороне!“ Галта Могой Мэргэн приятно закусывал и разговаривал потихоньку. „Нет мне радости жить!“ сказал он. „Я пойду искать своего отца и мать!“ С этими словами он оседлал своего сизо-саврасого мерина и выехал к подошве куцого кустарника в северо-западной стороне.

Ехал он, ехал. Лишь только он взглянул, едучи таким образом [видит он], выходит клубами дым из травяного шалаша у подошвы куцого кустарника. Отправившись туда, оставаясь снаружи, он слез с коня и посмотрел, приоткрыв дверь: на прекрасной правой половине сидел одноглазый и однорукий старик. Лишь только он взглянул в заднюю половину, [увидел он, что] сидела там тоже одноглазая и однорукая старуха. Не влезая в дверь их шалаша и оставаясь снаружи, он приветствовал их ханским „мэндэ“, поздоровался [словом] „здорово“ простолюдинов. Одноглазый старик посмотрел на него и, заслоняя рукой козырьком глаз, спросил: „Откуда и куда и отколе доколе едете вы? Вы какой страны, какой воды? Вы сын какого хана? Вы подданный какого хана?“— „Я прямо с юго-западной стороны, я из местности на расстоянии в тысячу лет пути. Я — Гэрэльтэ Сеже Хубун [Юноша Светлая Грудь, сын] Сажан Номон Хана [Царя Закона Религии]!“ Еремей Богдо Хан воскликнул: „О, боже. Ты говоришь, ты сын нашей страны? Вы живете после нас девяносто лет. Идер Шулун Мэргэн сражался с Хулаһан Саган Мэргэном, выросшим из тростника, в местности в тридцати годах пути, прямо в юго-западной стороне. Вероятно слышал ты о том, что он победил своего врага!“ Тогда он сказал: „Идер Шулун Мэргэн, как я слышал, побежден Хулаһан Саган Мэргэном!“ Тот самый старик посмотрел вверх и засмеялся, посмотрел вниз и разрыдался. Старуха его заплакала так, что зашумело подобно мелкому дождику. Еремей Богдо Хан стал бранить свою старуху: „Баба, сука!“ Затем он сказал: „Я ведь говорил, что видел во сне родное лицо Галта Могой Мэргэна!“ — „Неверно видел ты во сне!“ сказала она и бросила перед ним с треском горсть горячего жара. — „Ты сама же видела во сне“, сказал он. „Ведь ты говорила, что мы вернулись на родину, что я надел ханское облачение, взял бразды правления, стал ханом и между тем, как я восседал на ханском престоле, ты проснулась!“ сказал он. Старуха бросила перед ним горсть угольного жара, так что затрещало. „Умрем, сгорая в палящем огне!“ сказал он и двинулся в сторону огня. Тогда Галта Могой Мэргэн сказал: „Что ты старик? Разговаривай! Что вы знаете?“ спросил он. „Что слышите?“ — „Что нам знать? Прошло уже девять лет с тех пор, как стала страна без солнца. Стоит сплошной гам и шум!“ сказал он. Галта Могой Мэргэн спросил его: „Что думаете вы, что это за шум такой?“ — „Ничего не знаю я!“ сказал тот. „Тот шум ваш, тот гам ваш — есть гомон Галта Могой Мэргэна и Лубсагалдай Мангатхая!“ сказал он. „Галта Могой

Мэргэн ваш — я сам собственной личностью сижу [здесь]!" сказал он. Старик и старуха сказали: „Не говори неправду нам, ставшим такими! Не хватало еще, чтобы ты над нами потешался!" сказали они и не поверили. — „Ты не наш сын! Наш Галта Могой Мэргэн не достиг еще состояния такого смышленного человека!" говорили они и сидели. — „Ваш сын — я собственной личностью!" прожужжал он им все уши. — „Если ты действительно наш сын, то сними свою одежду!" сказали они. Галта Могой Мэргэн снял с себя одежду. Старик и старуха подошли к его спине и упали на колени. Они прочли золотую грамоту на его спине, [гласившую обо всем] начиная с рождения у Еремея Богдо Хана сына. Они обнялись, притягивая друг друга за толстые большие шеи так, что нагибались. Они обнялись, обхватывая друг друга за тонкие большие шеи так, что сгибались. Они приветствовали друг друга. Галта Могой Мэргэн вынул из своего кармана голову сахару и, накрошив и разжевав его, дал своим старикам и подкрепил их силы. Он обнял свою мать спереди, посадил своего отца сундалой[1] сзади и вывез их. Ехал он, ехал. Они прибыли и вошли в медный дворец Мангатхая. Выбежала та самая супруга Мангатхая. Она вышла с обоюдоострой саблей в правой руке. Она закричала на Еремея Богдо Хана, рассекла его пополам, начиная от макушки и повалила и удалила внутреннюю скверну, червей и гадов. Истоками девяти родников она обмыла его, очистила его лучшей частью девяти можжевеловых курений. Она обмыла его черепашьим черным аршаном. Она закричала на старуху, рассекла ее сверху пополам и повалила, удалила всю внутреннюю нечисть ее — червей и гадов, обмыла ее источниками девяти родников, очистила ее лучшей частью девяти курений, сделала ее превосходной пуще прежнего и моложе раннего. Она повела их обоих, ведя подруки домой. Она привела их на прекрасную правую половину, посадила его на престол верхнего края, старуху же посадила на престол нижнего края. Она вынесла десять котлов арзы, вынесла двадцать котлов хорзы. Они сидят и беседуют, наливая чаши мерой на десять человек. Они сидят и беседуют и болтают за двадцатерых. Галта Могой Мэргэн сказал: „Я вернусь домой! Зачем нам быть в чужой стране?" Когда он так сказал, супруга Мангатхая сказала: „Мои лебединые одеяния засунуты между камнями в стране за тридцать лет пути прямо на северо-восточной стороне! Пожалуйста, принеси их мне!" Он отправился к своему сизо-саврасому мерину, оседлал его, взнуздал его и достиг четырехугольной белой скалы в местности, отстоящей на тридцать лет пути, прямо в северо-восточной стороне. Он расковырял скважину в камнях саблей, приподнял их и взял лебединую одежду. Он пришел в дом Мангатхая. Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия, надев лебединые одеяния, порхает

[1] Ехать сундалой значит ехать вдвоем на одном коне, сидя друг за другом.

и летает под дымовым отверстием, став лебедицей. Тогда она сказала Галта Могой Мэргэну: „Возьми свое имущество и собственных подданных. Имущество, которое не нашло своего хозяина, ты не возьмешь!“ Так сказала она. Затем пожелала она им благополучия, попрощалась и, став лебедицей, поднялась через дымовое отверстие к Эсэгэ Малан Тэнгрию.

Галта Могой Мэргэн ударил в северный барабан и собрал свой подданный народ, ударил в барабан южного склона и собрал южный народ. Восемь дней пировали они, девять дней устраивали большую беседу, на десятый день разошлись с пира и пришли в себя.

Люди, имеющие жилища, сказали: „Вернемся в свои жилища!“ Люди, обладающие домами, сказали: „Отправимся по своим домам!“ Галта Могой Мэргэн сказал подданным (и имуществу) Мангатхая: „Супруга Мангатхая сказала, чтобы я увел своих подданных и собственный скот и чтобы я не уносил имущества, не нашедшего своего хозяина.“ Галта Могой Мэргэн возвел ханами над подданными и имуществом Мангатхая мангатхаевых сановников. Собственных подданных и собственный скот он забрал и снарядился в путь. Он собрал свое серебро, подобно обо, и собрал свое имущество, подобно олбоку, и снарядился в путь. Он посадил своих родителей в свою белую серебряную повозку, пристегнул трех соловых коней своих и дал управлять трем ямщикам. Царь и царица сильно веселились, сильно радовались: „Вот таков ведь человек, имеющий сына! Отправимся назад в страну, где мы родились, и на свою родину, где появились на свет!“ Так говоря, и радуясь, и беседуя, они ехали. Подданный народ их устроил бега над бегами, устроил борьбу над борьбой и идет, шумя и гомоня, на радостях и ликовании.

Едут они, едут. Говоря „земля“, помещались, говоря „море“, утоляли жажду. Скот и люди, идущие впереди их, идут, ступая по верхушкам травы. Скот и подданный народ их, шедший сзади, идут по колено в грязи. Они идут, рассыпаясь, словно лес, переливаясь подобно траве поляны. Идут они, идут, идут они, идут. Выйдя из страны Мангатхая, они вступили в собственную страну. Подходят они, подходят. Посмотрели они вдаль, вращая вдаль своими пего-пестрыми глазами — показался и заблистал их серебряный дворец-ставка, который может достигнуть неба. Шли они, шли и пришли. Пришли к воротам. Идер Шулун Мэргэн узнал в своем знании, понял своим разумом. Он сел верхом на своего солового коня Зань и выехал им навстречу. Он отправился в местность на расстоянии трех дней пути и встретился с ними на ханской проезжей дороге. Он встретился со своим Галта Могой Мэргэном, встретился со своим отцом, обнялся, притягивая его за толстую большую шею, так что они нагибались, и обнялся со своей матерью. Оттуда они пришли сюда. Братья подъехали рысью, так что зазвенело, по ханской проезжей дороге. Идер Шулун

Мэргэн сильно радовался, сильно веселился: „Брат мой, ты ведь родился мужем, превосходнее мужей!“ говорил он. „Ты ведь родился человеком превосходнее людей!“ С этими словами прибыл он домой, открыл свои ворота, отправился к золотой коновязи, привязал своего коня. Остался ждать за воротами. Отец и мать его шли, шли и прибыли. Ведя их коней, он снаружи ввел их, высадил родителей из повозки и ввел в дом. Очистив свой золотой стол, он извлек вкусный сахар, с шумом налил и принес в прекрасном охотничьем жбане десять котлов арзы. Они сидят и пьют вчетвером. Подданный народ пришел и достиг их. Еремей Богдо Хан вышел и сосчитал свой подданный народ и сосчитал свой скот. В течение восьми дней они устраивали раздольный пир, девять дней они устраивали большой бал и беседу, на десятый день они пришли в себя. Он пустил пастись вверх по северному склону свои десятки тысяч коней, пасущихся на северном склоне. Он пустил пастись вверх на южном склоне свой рогатый скот и овец, пасущихся вверх по южному склону. Свой подданный народ он поселил каждого на своем месте жительства и положил каждому быть на своем стойбище. Он надел ханскую одежду, она надела одежду царицы, он взял бразды правления, привесил ножны меча, взял свою саблю, воссел на ханский престол и живет, исполняя свои мысли, наслаждаясь в полном спокойствии.

Они провели двое суток. Проведя вторые сутки, оба сына их сказали: „Вспомнилось мясо дичи, надоело мясо скотское! Пойдем на охоту!“ и вышли. Оба сына пошли в разные стороны. Галта Могой Мэргэн убивал чернейших из выдр, наисерых из соболей, ловил жирнейшую из дичи, отпускал тощую, наполнил свои вьюки и с вечерним красным солнцем пришел домой. Идер Шулун Мэргэн [тоже] убил мало-по-малу, наполнил свои вьюки и пришел с вечерним красным солнцем домой. Царица Гэрэл Уга, отгадывающая сокрытое и изрекающая сокровенное, оттащила то, что может стать вещью, в сторону вещевого, то, что годится в пищу, в сторону пищевого и поставила звонкий черный котел. Сварили они мясо дичи и стали есть. Настало вечернее время сна. Они легли спать. Настало утро. Встали. Сели за стол. Вкушая сладко, потихоньку они вели беседу. Царица Гэрэл Уга спросила Идер Шулун Мэргэна: „Сын мой, сын! Грудь ваша словно задумчива, зрачки будто заплаканные! Отчего ты терзаешься в мыслях своих?“ — „Отправив Галта Могой Мэргэна на зловредного и зловещего врага, я остался без сна спать и без пищи есть! Во-вторых, я подумываю о суженой и предопределенной!“ Так говорил он и сидел. Еремей Богдо Хан сказал: „Я не знаю. Поручи указать себе суженую и предопределенную своей матери!“ Царица Гэрэл Уга сказала: „Прямо в юго-восточной стороне, в стране, отстоящей на расстоянии сорока лет пути, на вершине звездной горы живет царевна Алтан Шекшур [Золотое Решето] — дочь Ертенсей Баян Хана [Богатого Хана Вселенной]. Мне

думалось, что та девица имеет огонь в своих глазах!" — „Я соберусь к ней!" сказал он. Заклеил разорванное и зашил развалившееся. Когда наставал день, он собирался при солнечных лучах, когда наставала ночь, он собирался при свете свечи. Он собирался три дня. Когда он кончил свои сборы, Галта Могой Мэргэн сказал: „Братец! Невозможно будет тебе отправиться на собственном коне! Отправляйся на моем коне!" — „Что же!" сказал Идер Шулун Мэргэн. Галта Могой Мэргэн оседлал ему своего коня. Тот поклонился в ноги своим родителям, поклонился в ноги Галта Могой Мэргэну и вышел наружу. Вертя своим луком и колчаном, он отвязал своего коня, потянул свои золотые стремена и поехал вскачь. Он отъехал от основания своей коновязи. Он плавно выехал прямо в юго-восточном направлении.

Ехал он, ехал. Подъезжал, подъезжал. Он достиг страны Ертенсей Баян Хана. Он подъехал к нему наружу. Он въехал, оставаясь в его воротах. Он пошел к его коновязи, привязал своего коня и вошел в дом. Он приветствовал его ханским „мэндэ", поздоровался [словом] „здорово" простолюдинов. Сын Еремея Богдо Хана, Идер Шулун Мэргэн осведомляется об его благополучии. Ертенсей Баян Хан спросил: „Откуда и куда, отколе доселе едете вы? Какой ты страны? Какого хана подданный, ты?" Идер Шулун Мэргэн сказал: „Я прямо с северо-западного направления, я из страны сорока лет пути. Я — именуемый Идер Шулун Мэргэном, я сын Еремея Богдо Хана. Какие могут быть тайны? Особа моя прибыла, чтобы стать зятем! Я пришел, чтобы вести пристойные речи, чтобы поменяться своим огнивом и ножом, чтобы искусные речи вести, чтобы нитяным поясом поменяться!" Так разговаривал он. Когда он так говорил, Ертенсей Баян Хан сказал: „Ты говоришь и домогаешься такого, чего нельзя домогаться! Отправимся к месту боевого свидания! Станешь ли сражаться силою большого пальца?" С этими словами он взял свой лук и колчан и вышел. Он выехал верхом на своем гнедом коне. После того, как он выехал, царица Ертенсей Баян Хана приготовила молочное питье и подала. Они обменялись приветствием и беседуют. После этого она говорит: „Не могла я уговорить его! Издавна он убил двадцать пять зятьев!" сказала она. „Юношей, явившихся стать зятьями, он живьем не отпускает обратно!" Так сказала жена его. Идер Шулун Мэргэн сказал ей: „Если бы он даже убил меня, то попадется ему повыше меня еще человек!" Так сказал Идер Шулун Мэргэн. [Далее] он сказал: „Нет радости мне жить!" С этими словами он вышел наружу. Он отвязал от коновязи своего коня. Всунув ноги в золотые стремена, он поехал вскачь. Он выехал прямо в северо-восточном направлении на Шуһата болдок [Кровавая сопка]. Ертенсей Баян Хан находится на вершине Тоһото болдок'а [Масляная сопка]. ИдерШулун Мэргэн слез со своего коня, распахнул свои полы, расстегнул пуговицу воротника и закрутил на луке цельные нитяные повода своего коня. Затем

конь, испуская крик, сказал ему: „Зачем ты так натянул мои поводья, прикрутив их к луке?“ Так спросил он. Он привязал длинные нитяные повода его, обвернув их вокруг его шеи. Идер Шулун Мэргэн крикнул Ертенсей Баян Хану: „Человек, привыкший убивать, убивай! Подави и будь покоен, человек, привыкший подавлять!“

Ертенсей Баян Хан взял свою остроконечную хангайскую стрелу, наложил на тетиву развилины, натянул так, что натянулось, опер на локоть, натянул тетиву так, что она натянулась, завел за спуск и пустил [стрелу]. Его остроконечная хангайская стрела подлетала, подлетала и подлетела. Вдребезги и насквозь пробив, попала она в таежную черную грудь Идер Шулун Мэргэна. Словно дверь разломала она ее, словно дымовое отверстие разворотила она ее. Когда выходила она, зажав развилинками легкое и печень его, Идер Шулун Мэргэн внезапно поддался назад. Он положил их назад в заднее отверстие [образовавшееся после того, как был навылет прострелен], переднюю рану он заткнул камнем величиною с жеребенка, заднюю же рану он заткнул камнем величиною с овцу, упал раскинув руки и остался лежать на спине. Затем он привязал, обмотав вокруг шеи, длинные нитяные повода своего коня. После того, как Идер Шулун Мэргэн упал, раскинув руки, подбежал галопом гнедой конь Ертенсей Баян Хана. Он подошел к сизо-саврасому мерину Галта Могой Мэргэна. Сизо-саврасый конь со словами: „Вероятно ты, сволочь, пришел меня съесть и выпить?“ захрапел, потянул туманом, фыркнул и повалил пыль и подбежал вскачь, так что зашумело подобно брошенному камню, так что засвистело подобно выстреленной стреле. Местность Гунан [„Трехлетняя“] он три раза обошел, местность Дэнэн [„Четырехлетняя“] он обошел четыре раза. Не догнал. Он обходил золотой и серебряный дворец Еремея Богдо Хана три раза, три раза обошел он вокруг, когда он обходил в четвертый раз, сизо-саврасый мерин его сказал: „Гнедой конь, сбылся ли твой обет?“ Между тем как гнедой конь достиг и обходил три раза вокруг и обходил в четвертый раз, его сорок белых зубов вывалились по клыки, четыре черных копыта его отвалились по бабки. Красная жизнь величиною с нитку покинула гнедого коня, и он упал и вздулся.

Сизо-саврасый мерин пришел в горницу, в которой спал и лежал Галта Могой Мэргэн, и с треском пнул ногой в стену. Галта Могой Мэргэн вскочил середь глубокого сна с криком: „Что случилось?“ Он вышел наружу. Лишь только он вышел наружу, сизо-саврасый мерин его заржал: „Твой старший брат Идер Шулун Мэргэн лежит на спине, упав с раскинутыми руками, застреленный тестем!“ Немедленно вбежал он обратно в дом. Он вытащил свою узловатую ременную плеть, накинул ее на правую руку, пришел к сизо-саврасому мерину без сапог — босой, без пояса — налегке, вдел ноги в свои золотые стремена [и поехал] в напра-

влении прямо на юго-восток, уложив срок тридцати лет пути в три месяца, уложив срок трех месяцев в три часа. Он пускал бегом, чуть пониже синеющего неба, он плавно ехал поверх колышащихся облаков и прибыл в три часа. Он подъехал к его белым серебряным воротам, пронзительно закричал, соединив голоса тысячи драконов, издал громкий крик и закричал, соединяя голоса десяти тысяч драконов. Он закричал так, что посуда, находившаяся по бокам юрты, зазвенела. Он издал такой крик, что заволновалась в чане вода. Он закричал: „Ертенсей Баян Хан! Выходи быстро и немедленно, человек привыкший убивать! Отправимся в местность боевого свидания!“

Ертенсей Баян Хан вскочил и залез под сундуки и спрятался. Царица Ертенсей Баян Хана сказала: „Не говаривала-ли я тебе раньше? Приди в чувство! Это человек над всеми людьми! Вот с каким человеком ты встретился!“ Ертенсей Баян Хан выбежал из под сундуков. Выбежав, он ударил свою жену раз и сказал: „Зачем ты это сказала?“ Затем, ударив раз свою жену, он залез под полки. Царица его закричала: „Он залез в середину полок!“ Он выбежал из под полок и ударил раз свою жену. Он вышел наружу. Лишь только он пришел — Галта Могой Мэргэна уже нет, он ушел на место боевого свидания Отправившись туда, он взобрался на вершину лучезарной горы Сумеру. Побыв там, он оттуда взобрался на вершину Tohoto болдок'а, слез со своего коня и, разостлав свой потник, лежит и отдыхает. Таким образом, он провел трое суток.

Царица Ертенсей Баян Хана приготовила вместе со своей дочерью из мяса двадцати кладеных баранов кусок жаркого и налила двадцать котлов водки в один бурдюк. Она наставила свой золотой поднос полный лучшей доли вкусной пищи и поднесла Галта Могой Мэргэну. Шла она, шла. Придя в местность на расстоянии дня пути, царица Ертенсей Баян Хана поклонилась ему, кивнув своей головой, величиною с пуговицу, и поклонилась Галта Могой Мэргэну, оперши руку на локоть. „Зачем вы преклоняетесь перед человеком?“ крикнул он. „Я не видел, чтобы кланялись человеку в подлинной плоти! Если вы идете сюда, то идите скорее!“ сказал он. Те поспешно подошли: „Что это вы подносите?“ крикнул он. „Вы думаете, что пришел я голодный и озябший?“ спросил он. Тогда царица Ертенсей Баян Хана сказала, вымолвив перед ним слово: „О, боже! Бросьте гнев свой! Говорят, что крутая из гор измучит коня, что быстрый гнев измучает тело, что у мужчины внутри [т. е. в мыслях] конь с седлом и уздой!“ Затем Галта Могой Мэргэн сказал: „На вершине Шyhата болдок'а лежит собственной особой ваш зять. Отправляйтесь туда, вселите в него жизнь, окажите ему почет и уважение, кланяйтесь и преклоняйте перед ним колени!“ сказал он. Тогда мать и дочь отправились на вершину Шyhата болдок'а. Галта Могой Мэр-

гэн, сидя на своем сизо-саврасом мерине, захрапел и протянул туман, зафыркал и протянул пыль и заставил старуху и девушку трое суток блуждать. Они пришли к костям Идер Шулун Мэргэна. Лишь только он туда пришел, [увидел он, что] тот был затиснут в промежутке между камнями. Вытащив его оттуда, он сломал золотой гроб его и извлек серебряный гроб. Сломал он серебряный гроб его и положил его. Шагнув раз через своего старшего брата, он один раз плюнул и раз махнул своим черным шелковым платом. Два раза шагнул, два раза плюнул, три раза шагнул он, три раза плюнул, три раза махнул и крикнул: „Встань!“ Идер Шулун Мэргэн вскочил. Поднимаясь, он пригладил свои волосы и привел в порядок свою внешность: „Как долго проспал я?“ сказал он. „Как же ты так заснул?“ спросил он его.„После того, как выехал ты искать жену, ты, застреленный своим тестем, упал и оставаясь лежать, долго проспал, говоришь ты!“ сказал он. „Теперь еще посидишь немного и подождешь!“ сказал он. „Я заставил проблуждать твою жену и мать ее трое суток, заставляя их беспокоиться!“ После этого Идер Шулун Мэргэн прождал трое суток. Они пришли, выступая гуськом спереди и сзади. Придя, они подошли к нему. Приветствуя его ханским „мэндэ“, они поздоровались [словом] „здорово“ простолюдинов. Затем царица Ертенсей Баян Хана поднесла ему на подносе пищу и воду. Из мяса двадцати кладеных баранов приготовили они жаркое и поднесли двадцать котлов водки. Они кланяются, кивая своими головами, величиною с пуговицу, и кланяются, опираясь рукою на локоть. „Бросьте свой злобный гнев!“ сказали они: „Ваш тесть самый нехороший и несправедливый из людей!“ говорят они и кланяются. „С того времени, как его дочери минуло двадцать лет, он убил в течение трех лет [уже] двадцать пять человек, которые должны были стать его зятьями!“ говорят они. Между тем, как они говорят это, он спросил: „Вы пришли теперь переговорить положенные речи?“ Царица Ертенсей Баян Хана сказала: „Нет правил справедливым речам! Я переговорю достойные речи, поменяюсь своим ножем и огнивом! Ваш пояс будет сватом, ваша личность станет зятем!“ Он взял и выпил двадцать котлов ее водки. Он взял мясо двадцати кладеных баранов и зафыркал ртом и носом. Он ел серебряную сахарную пищу. Сизо-саврасого коня Идер Шулун Мэргэна повели за повода, Идер Шулун Мэргэна подсадили, держа за подмышки, и мать и дочь повели его к себе домой.

Лишь только они отвели его домой, Ертенсей Баян Хан соскользнув со своего незыблемого престола, просит: „Садитесь выше!“ Идер Шулун Мэргэн приветствовал его ханским „мэндэ“ и поздоровался [словом] „здорово“ простолюдинов. Он сидит и ведет искусную беседу, начиная с древнего. Он очистил свой золотой стол, извлек свою вкусную пищу. Он вытянул свой серебряный стол, извлек свой серебряный сахар. В свой охотничий прекрасный жбан с тринадцатью обручами он налил водку

и дарасун[1] и поднес ему. Он наполнил прекрасную тангутскую чашку и подал ему. Он выпил, обменявшись с Ертенсей Баян Ханом чаркой. Они сидят и пьют. Они сидят и беседуют, наполняя чаши мерой на десять человек, они сидят и беседуют, болтая за двадцатерых. Ударил он в северный барабан, собрал свой народ, ударил в барабан южного склона, собрал своих сановников южного склона. Восемь дней устраивали они раздольную беседу, девять дней устраивали они великий бал и беседу. На десятый день, говоря между собою мудрые речи, поменялись они нитяными поясами. Говоря между собою достойные слова, они обменялись огнивами и ножами и устроили пир и игры. Он заколол для своих старших великих сановников овец и коней. Дочь Ертенсей Баян Хана играла, играла, выходя в каждую долину, играла, выходя на каждое стойбище. Она играла два месяца. Идер Шулун Мэргэн сказал: „Долго провел я здесь!“ Он говорит: „Семейный человек возвращается домой; человек, имеющий братьев — да пойду я к своим братьям!“ Ертенсей Баян Хан сказал: „О, боже! Если я расстанусь с вами, то мне суждено будет погибнуть. Я достиг семидесятитрехлетнего возраста. Если умирать — то с вами, если быть — то я с вами не расстанусь!“ сказал он. Тогда Идер Шулун Мэргэн сказал: „Снаряжаться вам, собирая свое серебро, подобно обо! Заберем полностью скот и подданный народ!“

Ертенсей Баян Хан ударил в северный барабан и собрал свой народ, ударил в южный барабан и собрал южных подданных. Сгребая свое серебро подобно обо, он снаряжался. Он снаряжался, складывая свое имущество, подобно тюфяку. Он собирал свой скот, собирал свой подданный народ, снарядился и вышел. Запрягши в фарфоровую повозку трех гнедых коней, он дал управлять ямщикам и вышел вслед, вместе со своей царицей. Царевна Алтан Шекшур [дочь] Ертенсей Баян Хана оседлала золотисто-солового коня его и взнуздала. Она едет спереди со своим супругом, заставляя следовать за собою подданный народ и скот. Говоря „страна“ — они вмещаются, говоря „море“ — идут и погоняют и поят [скот]. Едут они, едут. Подходят, подходят. Приехали они, достигши дома Еремея Богдо Хана. Рожденный на земле Галта Могой Мэргэн толкнул и открыл им со скрипом ворота из чистого серебра. Идер Шулун Мэргэн подходит со своей супругой к золотой коновязи. Они слезли со своих коней и привязали своих коней к золотой коновязи.

Между тем въехал во весь опор Ертенсей Баян Хан на своей белой фарфоровой повозке. Прибыв к их воротам, он сошел у золотой коновязи их. Галта Могой Мэргэн схватил за повода коня и привязал к коновязи. Он ввел его в свой дом. Они приветствовали друг друга ханским „мэндэ“, поздоровались [словом] „здорово“ простолюдинов. Поджав ноги,

[1] Название вина.

они сели на восьмиконечный тюфяк, на восьминогий престол в прекрасной правой половине. Царица Гэрэл Уга приготовила и принесла молоко. Они осведомляются взаимно о благополучии. Царица Гэрэл Уга ходит плавно, плавно и выращивает тонкие цветы, ходит мерно, мерно и выращивает связные цветы. Они вели беседу, начиная с того, как тысяча небесных будд становились буддами. Они вели беседу, начиная с того, как девяносто девять хатов спустились [на землю]. Они ведут беседу, начиная с того, как тринадцать ханов становились ханами. Настало красное вечернее солнце. Забравшись в свои постели, они легли спать. Настало утро. Заря занялась. Встали. Вытянули свой золотой стол, извлекли свою вкусную пищу. Вытянули свой серебряный стол, извлекли свою серебряную пищу. После того как откушали и попили, Еремей Богдо Хан ударил в северный барабан и собрал свой народ, ударил в южный барабан и собрал своих передних сановников. Он устраивает свадебный пир. Приготовил водки, словно озеро, приготовил мяса, словно сопка. Подданный народ их, которого будет вот столько, подданный народ двух ханов соединился и устроил пир и беседу. Они пили, плавая в водке, словно в озере. Они ели, толкаясь в мясе, словно на сопке. И день то пьяные, и ночь то они пьяные, мычали. Восемь дней устраивали они удалой пир, девять дней устраивали они великий бал и беседу. На десятый день, со словами: „Пить чужую водку мы не кончим! Есть чужое мясо мы не кончим!“ люди, имеющие жилища, сказали: „Вернемся домой!“ Люди, имеющие дома, сказали: „Вернемся домой!“ Все разошлись.

Еремей Богдо Хан сказал: „Нет мне возможности жить в чужом доме. Воздвигнем-ка себе собственный дворец!“ Галта Могой Мэргэн сказал: „Эти речи правильны в самом деле!“ Он вытащил из своего кармана черный шелковый плат и отправился налево от Еремея Богдо Хана. Он отправился в местность на расстоянии дня пути. Он обмахнул землю своим платом три раза. Возвысилась четырехугольная серебряная ставка, которая могла достигнуть неба. Возвысилась серебряная ставка-дворец, которая могла достать до неба. Еремей Богдо Хан отправился в ту ставку со своей царицей и стал жить. Идер Шулун Мэргэн воздвиг волшебством на северо-восток от Еремея Богдо Хана ставку. Он вошел в свой дворец. Они живут, наслаждаясь и блаженствуя.

Галта Могой Мэргэн спросил своих родителей о суженой-предопределенной. Он поклонился отцу в ноги и сказал: „Укажи мне суженую-предопределенную!“ Отец его тогда говорит: „Я не знаю. Спроси свою мать!“ Он спросил свою мать. Кланяется. Тогда мать его сказала: „На северо-западной стороне, в местности, отстоящей в тысяче годах пути, [живет] Бударганэ hайхан Абахай [Прекраснейшая Царевна Бударганы[1]]—

[1] Бударгана — особый вид травы из семейства Artemisia, в некоторых местностях называется русскими „жерняк“.

дочь Небесного Хажа Хара Бухэ [Хажа Черный Силач]. Она будет девицей с огнем в глазах. Прежде, когда она ходила в девицах, она стала серым пестрым жаворонком, и когда поднялась на небо, мы с Хажа Хара Бухэ условились, что будем сватом и сватьей." Тогда Галта Могой Мэргэн сказал: „Эти речи справедливы!" И в его ушах слышится с горечью. Затем Еремей Богдо Хан сказал: „Велики припятствия! Как пройти через те великие препятствия? Я слышал, что двуногое немощное существо еще не проникало [туда]!" сказал он.

Сизо-саврасый мерин его имеет пастбище на северном склоне Алтая, на хребте Хухея. „Это не место для житья, пойду я к ним!" говорит он и живет.

Когда становился день, он собирался при солнечных лучах, когда наступала ночь, он собирался при свете свечи, зашивая рваное, склеивая развалившееся. Закончив свои сборы, он взобрался на двадцатипятиглавый собор. Пробегая взором северный склон Алтая и хребет Хухея, он смотрит вдаль, вращая своими пестро-пегими глазами. Он глядит вдаль, вращая своими острыми пестрыми глазами. Когда он тем временем смотрел, кони его вдвоем лежат и спят, греясь на солнце в жару, которую можно назвать летним пеклом, на северном склоне Алтая, на хребте Хухея. Он громко закричал, соединив голоса десяти тысяч драконов, пронзительно закричал, соединив голоса тысячи драконов. Сизо-саврасый мерин принял в прекрасное правое ухо пронзительный крик своего господина и со словами: „Этот громкий крик — вероятно крик моего хозяина!" вскочил. „Если это мой хозяин, если ты отправишься за суженой и предопределенной, то нет мне радости быть, после того как хозяин мой меня позвал!" сказал он соловому коню Зань Идер Шулун Мэргэна. Он бросил свою колышащуюся гриву на холку, свалил свой белый хвост, с локоть, на бок, бросил свои прекрасные уши на шею. Он прискакал, делая прыжки от блестящего черного камня величиною с быка. Он скакал с шумом, словно брошенный камень. Он скакал со свистом, словно выстреленная стрела. То, что называлось землей, тряслось, то, что называлось морем, пошло волнами. Хребет Хухея трясся, падала снежная пороша, ломались горные камни, тряслась гладкая скала. Конь шел, шел и прибыл. Он прибыл наружу. Он прибыл к ребристым воротам из серебра. Он толкнул своей мордой, как брюшной мех соболя, ворота и стоит, и ржет так, что звенит.

Галта Могой Мэргэн выбежал. Он отворил ему свои ворота. Он взнуздал его своим серебряным недоуздком из чеканного серебра, он взнуздал его своей литой серебряной уздой. Он положил свой шелковый просвечивающийся потник без пыли, положил свое белое, с локоть, седло. Он затянул его тринадцатью подпругами до того, что стянулось, он затянул цельную серебряную подвею. Он закрутил цельные нитяные повода на

луке. Он привязал [коня] к своей коновязи длинными нитяными поводами. „Снаряжение коня кончил!“ сказал он. „Не хватает собственного снаряжения!“ С этими словами он вошел в свою юрту.

Он открыл золотой сундук и вынимает свои шелковые одеяния и одевается. Он надевает тонкий шелковый плащ, надеваемый в летнее время, закрутив тринадцать раз свой белый серебряный пояс, он затыкает [концы] спереди и сзади. Шапку собольего брюшного меха он надел и расправил на макушке. Кисть, которая будет с горсть, он заставляет хлестать по носу и рту. Он одевается, вертясь перед зеркалом величиною с дверь. Он не может обнаружить пыли на своем теле. Он зажигает гениям-хранителям своих бурханов, имеющих пребывание в каждом углу, свечи и кланяется. Он поклонился в колени отцу, в колени своей матери, своему брату и невестке. „Живите и смотрите и управляйте домом, скотом и подданным народом!“ сказал он. „Я пойду в дальние из стран, к длинным из вод!“ сказал он. Он [вынул] со дна колчана по одной стреле и обменялся с братом, произнося предсказание: „Если я буду побежден врагом, если я паду под бременем, то острие этой стрелы заржавеет, а оперенная часть ее растрескается!“ Так произнес он предсказание. Идер Шулун Мэргэн точно также произнес такое предсказание. Затем [вышли] они наружу, ведя его за руку и попрощались вчетвером. Он пошел к своей коновязи и отвязал своего коня. Он сунул ноги в золотые стремена и поскакал. Он отъехал с шумом от основания своей коновязи. Показалась с шумом горсть пыли. Оттуда он отправился дальше. Виднелась и мелькала [только] кисть шапки за тремя падями в северо-западной стороне. Затем он поехал дальше со сплошным грохотом. Ехал он, ехал. Пока он так ехал, лишь только он взглянул, показался ярко-красный сосняк. Он стал приближаться к ярко-красному сосняку. Он скачет в ярко-красном сосняке.

Таким образом, ехал он и лишь только он взглянул, [увидел он, что] был дом, который был построен, будучи обрублен по основание и подрезан по вершине. „Кто здесь живет?“ подумал он и вошел. Лишь только он вошел, [увидел он:] сидит в задней половине девица, которая своим горлом может затмить солнечный луч. Оставаясь в дверной половине, он приветствовал ее ханским „мэндэ“ и поздоровался [словом] „здорово“ простолюдинов. Лишь только он взглянул на прекрасную правую половину, [видит он:] лежит разостланный белый войлок. Лишь только он взглянул на него, [увидел он, что] стоял на нем четырехногий стол, полный пищи. Эта самая девица сказала: „О, боже! Таким образом входит мой суженый, предопределенный! Садитесь сюда выше!“ С этими словами она подбежала и, схватив его за правую руку, приветствовала. Она повела его на прекрасную правую половину. Он пнул стопой ноги белый войлок. Белый войлок провалился в восьмидесятисаженную бездну вместе с пищей и водой.

„Злостная сука!“ выругал он ее. „Возьми на свою голову то, что ты предрекала!“ С этими словами он швырнул ее вниз головой в бездну. Когда он посмотрел на дно подполья, [увидел он, что] там торчат, вверх остриями, ножи, шила и ножницы. Он вышел оттуда. Выбравшись из ярко-красного сосняка, он пустил [коня] рысью по белой гобийской степи. Лишь только он взглянул, едучи таким образом, подбежал немедленно наперерез пегий жеребец. Подбежав к нему, он в упор натыкается [на него]. Из своих золотисто-черных глаз он проливает, из своих темных черных глаз он катит слезу. Сразу же подумал он: „Ведь наверное еще один прекрасный муж, отправившись в путь, оказался побежденным зловредным и зловещим врагом!“ Он повернул обратно вместе с пегим жеребцом и отправился назад.

После этого пегий жеребец идет и ведет его за собой. Шли они, шли и пришли. Он привел его к костям своего господина. Свалившись, раскинув руки, лежит на спине существо с зубами, величиною с лопату, с темно-красным лицом, не муж, а драгоценность, не человек, а кабарга. Он слез со своего коня, шагнул раз, плюнул раз, и кости его соединились. Два раза шагнул он, два раза плюнул, и мясо его народилось. Три раза шагнул он, три раза плюнул и крикнул: „Вставай!“ — „О, боже!“ сказал тот, „Как долго я проспал!“ Затем Сурхан Сулай Мэргэн сказал: „Пока я ехал, я обманным образом был застрелен зловредным и зловещим врагом!“ Так говорит он и сидит. Тем временем Галта Могой Мэргэн спросил: „С кем ты был во вражде?“ Так спрашивает он. Тогда Сурхан Сулай Мэргэн сказал: „Пока я ехал к небесному Хажа Хара Бухэ в северо-западном направлении, я был застрелен обманным образом!“ сказал он. „Нужно было сделать Бударганэ hайхан Абахай предложение!“ Тогда Галта Могой Мэргэн сказал: „Оказывается, теперь суждено снова нам обоим бороться!“ Сурхан Сулай Мэргэн сказал: „После того, как вы подняли меня от смерти, после того, как вы обогатили меня обнищавшего, мне полагается уступить! Достигните же вы, мой [друг], страны, куда стремились, вернитесь в свою страну, где вы родились!“ Так говорит он. Они оба обменялись из колчана по одной стреле. Разделившись, они поехали в две разные стороны.

Галта Могой Мэргэн ехал, ехал, ехал, ехал. Он преследовал Бахрай Мэргэна о медвежьей голове десять лет по паучьим следам, двадцать лет по следам червей; местность Гунан [Трехлетняя] он три раза обошел, местность Дэнэн [Четырехлетняя] он четыре раза обошел и неуклонно стал настигать его. Он гнался, гнался. Подойдя к нему сзади, он закричал: „Стой!“ — „Юноша, юноша!“ сказал он. „Ты из мести ли за своего отца? Или ты за пеней своей матери? Зачем ты до сего гнался и следовал за мною?“ Тогда Галта Могой Мэргэн сказал ему: „Как мне не гнаться и не преследовать тебя после того, как ты сражался из-за Бударганэ

hайхан Абахай небесного Хажа Хара Бухэ, изнеженной с колыбели, взлелеянной с пеленок?" Так говорит он. „Не пройдет и дня, как я уничтожу твое потомство! Не пройдут и сутки, как я истреблю твой скарб! Я погашу огонь твой, я выдерну твои колья!" сказал он. „Юноша, юноша!" сказал тот, „почему ты такой молодой человек произносишь столь высокие речи?" сказал он, „чем много говорить, лучше сильнее стиснуть зубы! Говорят, есть такое изречение!" Тогда Галта Могой Мэргэн сказал ему: „Если я буду тобою побежден, пусть сгниют мои плечевые кости, пусть отвалятся мои большие пальцы!" Так сказал он. „Будешь ли [сражаться] силою большого пальца?" спросил он. „Будешь ли [сражаться] силою плеч?" спросил он. Медвежьеголовый Бахрай Мэргэн сказал: „Буду биться и силою большого пальца! Буду биться и силою плеч!" Тогда Галта Могой Мэргэн сделал из белой, как жеребец, березы обруч и скрутил из ветвистой красной лиственницы пояс. Они обхватили друг друга. Они тянули друг друга по одному разу, они тянули друг друга по два раза. Обхватывая друг друга в третий раз, они сделали в обнимку один круг. Он швырнул его с размаха, смотря на острый край остроконечного черного камня. Он собрал кучей деревья передней тайги и предал его сожжению. Он провеял его вперед осиновой лопатой, он провеял его назад березовой лопатой. Он сидит, отдыхает и жарит на вертеле изюбров и маралух. Между тем, как он так сидел, он сказал: „Нет вины на бессловесной скотине!" Он взял седло и узду его коня и пустил его, поучая его: „Иди и нагуляй на всю свою жизнь жиру в области живота!" Засим он отправился дальше.

В поисках обоих младших братьев Бахрай Мэргэна он три раза обошел местность Гунан и четыре раза местность Дэнэн. Он ничего не нашел. Он сделал своего сизо-саврасого мерина величиною с бабку и положил себе в карман. Став серо-пестрым жаворонком, он поднялся к восьми тэнгриям Асуриев. Взобравшись туда, он воплотился в свою истинную плоть, принял свой извечный образ и стал искать их. „Младшие братья Бахрай Мэргэна сейчас только спустились!" [сказали ему]. С этими словами погнался он по нижнему миру, по их горячим следам. Лишь только он, в поисках в нижнем мире, взглянул, [увидел он, что] братьям не хватает расстояния в дневной путь, чтобы достигнуть великого черного моря.

Он потянул [коня] за правую сторону рта, махнул правой рукой, кинул крепко кнут и со свистом подъехал словно выстреленная стрела. Немедленно подскакал он к ним. Он крикнул: „Стой!" Он закружил и схватил обоих за онгонно-белые волосы на макушке. Он заставил их реветь словно козлов, он заставил их кричать словно козлят. Тотчас перебил он своей узловатой ременной плетью их жизнь. Он собрал кучей деревья передней тайги и предал их сожжению. Затем он отправился оттуда к Бахрай Мэргэну. Ехал он, ехал.

Он прибыл к его юрте. Он отправился к его медно-серебряным воротам. Он зашел в его юрту. Лишь только он вошел, сидит там старуха Мойс Хара. Она сидит и с шумом выделывает лосиную кожу. Она сидит и с треском мнет оленью кожу. Он приветствовал ее ханским „мэндэ", поздоровался [словом] „здорово" простолюдинов. Она смотрит, подняв мялкой веки. „Гм! Явился ты вечером прямо в суп утренний, в горшок! На земле рожденный Галта Могой Мэргэн, мясо и тело твое кругленькое, кости твои — хрящи!" [Так] сидит и говорит она. Он вытащил свою обоюдоострую саблю и рубнул ее в макушку и повалил ее. Изнутри ее вышел мальчик с чугунной грудью и каменным стегном и вылетел, поднявшись через дымовое отверстие. Галта Могой Мэргэн выхватил свою остроконечную хангайскую стрелу, сильно наложил ее на развилинки и пустил ее, шепча: „Повали его, прострелив его хрящеватую белую шею!" Остроконечная хангайская стрела полетела и, когда он почти достиг дверей неба, прострелила его хрящевую белую шею и свалила его. Собрав его, он его сжег. Затем он поехал дальше.

Он вступил в страну своего тестя, в страну витязя Хажа Хара Бухэ. Виднеются, мерцая, две медные ставки. Он вошел к Хажа Хара Бухэ. Он прибыл к его ребристым серебряным воротам. Он открыл его ворота и вошел. Он привязал своего коня к его коновязи из чистого серебра, с тринадцатью ветвями, и вошел в его дом. Лишь только он взглянул на прекрасную правую половину, сидит там на восьминогом престоле, на восьмислойном сидении, поджав ноги, Хажа Хара Бухэ. Он приветствовал его ханским „мэндэ", поздоровался [словом] „здорово" простолюдинов. „Садитесь сюда выше!" сказал он. Он отправился на прекрасную правую половину и сел, поджав ноги. Царица Хажа Хара Бухэ встала и налила молоко и подала ему. Он осведомился об его благополучии. „Откуда и куда едете вы?" спросил он. „Отколе доселе едете вы? Какой вы страны?" спросил он. „Какого хана подданный вы?" спрашивает он. „Я — прямо с юго-восточной страны, из страны тысячи лет пути! Я — по имени Галта Могой Мэргэн, рожденный на земле, сын Еремея Богдо Хана!" сказал он. Когда он так сказал, Хажа Хара Бухэ спросил его: „Откуда и куда и отколе доселе едете вы? По какому делу и с какими намерениями поехали вы?" спросил он. Галта Могой Мэргэн сказал: „Какие могут быть тайны? Я сам — пришел с тем, чтобы стать зятем, пояс мой прибыл по пути сватовства!" сказал он. Когда он так сказал, Хажа Хара Бухэ сидит и говорит: „Эти речи справедливы!" Принесли десять котлов арзы и сидят и пьют. Пришли все старшие сановники его и сидят и беседуют. Так сидя, сидят и беседуют они трое суток.

Бударганэ hайхан Абахай послала свою прислугу: „Кто это такой пришел к моему батюшке и пьет водку, курит табак и шумно бол-

тает? Скорее приходи и посмотри на того человека!" С этими словами она ее послала. Служанка ее пришла к ее батюшке. Подойдя прямо к дверям, она стоит и смотрит. Человек, которому было сказано, чтобы немедленно пришел, простоял трое суток. Она провела трое суток, не зная даже того, что проводит трое суток, слушая рассказчиков и певцов их в добре и довольстве. Внезапно придя в себя, она повернула обратно и выбежала. Она отправилась к Бударганэ hайхан Абахай. Лишь только она вошла в дверь, Бударганэ hайхан Абахай закричала: „Как долго ты!" Так крикнула она. Служанка сказала: „О, боже! Зачем ты прикрикнула на меня, раз ты ничего не знаешь?" говорит она. „К нашему батюшке пришел старый старик с комочком гноя, величиною с лодыжку, на правом глазу и с комочком гноя, величиною с пчелу, на левом глазу, и они пьют и ведут беседу!" Так говорит она. „Они поговаривают о зятьстве, сидят и пьют водку!" Тогда Бударганэ hайхан Абахай сказала: „Отправляйся скорее и приведи ко мне коня жениха!" Служанка, стоя в дверях, повернула обратно и вышла. Она отправилась к царю-батюшке и оседлала и взнуздала его серого лохматого жеребенка, вскормленного в его ограде. Она положила на него потник из шерстяной дерюги и лучинное седло. Она навьючила на него в торока лучинный лук и лучинные стрелы и привела его к Бударганэ hайхан Абахай. Придя к ее окну, она крикнула: „Хорошенько посмотри на коня жениха!" сказала она. Бударганэ hайхан Абахай открыла свое окно и посмотрела. „Скорее убери его подальше и не показывай его мне!" сказала она. Служанка убрала его и поставила к царю-батюшке. Она пришла обратно к Бударганэ hайхан Абахай. Пришла и вошла. Бударганэ hайхан Абахай сказала: „Ты смотри неотступно за домом! Я уйду в верхний мир!" сказала она. „Буду в течение трех лет вышивать млечный путь!" сказала она. Став серым пестрым жаворонком, она вылетела через дымовое отверстие. Служанка вошла в горницу Бударганэ hайхан Абахай и легла спать. Раз легла спать и проспала сутки.

Галта Могой Мэргэн разговаривал с Хажа Хара Бухэ: „Давай говорить достойные речи!" сказал он. „Сколько же мы будем пить водки и курить табаку?" сказал он. Хажа Хара Бухэ ударил в северный барабан и собрал людей и свой народ. Он ударил в барабан южного склона и собрал своих южных сановников. Они все собрались и пришли. Они снаряжаются, готовя водку, словно озеро, готовя мясо, словно сопку. Полмесяца они пробирались. Между тем Хажа Хара Бухэ вспомнил о забытом, пробудился от проспанного: „О, боже!" сказал он. „Зять! Ведь я три года воевал с медвежьеголовым Бахрай Мэргэном!" сказал он. „Мы условились, что будем отдыхать три года!" сказал он. „Он немедленно прибудет войною. Что же нам делать?" спрашивает он. Галта Могой Мэргэн сказал: „Что же это вы сидели и ничего не гово-

рили? Что вы думали, что вы шептали после того, как оказалось, что имеете такого великого, зловещего и зловредного врага?" Так сказал он. Хажа Хара Бухэ сказал ему: „Обрадованная ворона каркает! На радостях и ликовании я об этом забыл! Вероятно, вы пришли победить моего непобедимого врага?" сказал он. „Я забыл об этом сказать на радостях, проводя время в беседе!" Галта Могой Мэргэн сказал: „Не унывай, тесть! Зачем ты терзаешься в мыслях?" сказал он. — „Ведь когда я шел сюда, я его съел раньше того, как он успел съесть, и подавил его перед тем, как он подавил!" сказал он. Хажа Хара Бухэ вежливо спросил: „О, боже! Как же ты победил его и узнал, что он со мною находится во вражде?" спрашивает он. Тогда Галта Могой Мэргэн сказал: „Когда я выходил сюда, когда я шел и вступал в вашу страну, когда я ехал со звоном по ханской проезжей дороге, пришел прямо с северной стороны на ханскую проезжую дорогу пегий жеребец и перерезал и пересек мне путь. Я отправился вслед за его конем. Лишь только я ушел, [увидел я:] лежит человек, ставший белым костяком, упав раскинув руки, на спине. Я подумал про него: Ты тоже ходил человеком, подобно мне! Я слез со своего коня, шагнул раз плюнул раз, шагнул два раза, плюнул два раза, шагнул три раза, плюнул три раза и вселил в него жизнь. Тот человек поднялся, и мы приветствовали друг друга, спросили друг друга об отце и матери. Он сказал, что он прямо с северо-восточной стороны, что он Сурхан Сулай Мэргэн. Я спросил его: Каким врагом ты был побежден? Он отвечал: Пока я ехал к небесному Хажа Хара Бухэ по пути зятьства, медвежьеголовый Бахрай Мэргэн с северо-западной стороны выстрелил обманным образом мне вслед. Так говорит он. Ладно, затем я сказал: Теперь нам надлежит снова соревновать!" сказал он [т. е. Галта Могой Мэргэн и продолжал]: „Тогда тот сказал: после того, как вы меня подняли от смерти, я уступлю вам! С этими словами он отправился, повернув обратно!" сказал он. „Таким образом услыхал я об этом от того человека и, в поисках Бахрай Мэргэна, я три раза объехал местность Гунан и четыре раза объехал местность Дэнэн, искал его и подавил!" сказал он. „Отправился я к старухе Мойс Хара, рубнул ее в макушку, повалил ее и из нее вышел семимесячный малютка-мальчик и поднялся к восьми тэнгриям Асуриев!" сказал он. Тогда Хажа Хара Бухэ сказал: „О, боже! Если семимесячный малютка-мальчик поднялся и выбрался, то не будет нам возможности быть живыми!" сказал он. „Если тот мальчик вырастет и достигнет полного возраста человеческого, он переродится в никем непобедимого, никем не подавимого!" сказал он. Тогда Галта Могой Мэргэн сказал: „Когда он шел, чтобы достигнуть дверей неба и когда он шел, виднеясь величиною с вошь, я прострелил его белую хрящеватую шею, свалил его и сжег!" сказал он. Хажа Хара Бухэ схватил Галта Могой Мэргэна за правую руку и сказал: „Вы пришли, чтобы подавить моего непобедимого

врага!" сказал он. Он сильно радовался, сильно торжествовал. Он сидит и беседует, наполняя чаши мерой на десять человек.

Между тем, как они так сидели, Хажа Хара Бухэ сказал: „Зять!" сказал он. „Мы совершаем обмен поясами!" сказал он. Они говорили промеж себя искусные речи и обменялись нитяными поясами. Они говорили промеж себя достойные речи и обменялись огнивами и ножами. Они устраивают пир и беседу. Восемь дней они устраивали удалой пир, девять дней они устраивали большую беседу. На десятый день они пришли в себя. Он послал к Бударганэ hайхан Абахай, запрег фарфоровую повозку, заложил трех соловых коней, дал править вожжами трем ямщикам. Три ямщика его отправились.

Лишь только они отправились, Бударганэ hайхан Абахай не оказалось дома. Они спросили служанку: „Куда ушла Бударганэ hайхан Абахай?" Тогда служанка сказала: „Она отправилась на три года вышивать млечный путь!" сказала она. Один из ямщиков его пешком пришел к Хажа Хара Бухэ. „О, боже!" сказал он. „Что нам делать?" сказал он. „Наша Бударганэ hайхан Абахай отправилась на три года вышивать млечный путь!" сказал он. Царь-батюшка пришел в замешательство и не мог найти ни входа, ни выхода. „Что нам делать?" говорит он и созывает своих старших сановников. Затем они все отправились к дочери. Отправившись туда, он спросил служанку. Та сказала: „Бударганэ hайхан Абахай ушла вышивать млечный путь!" Побыв там, хан сказал, не находя ни средства, ни способа: „О, боже! Что же нам сказать? О чем же мы будем беседовать?" говорит он. „Куда, сказать нам, ушла наша дочь? Он пришел, чтобы победить нашего непобедимого врага!" сказал он. „Мы дождались того, чтобы быть насквозь простреляннными!" сказал он. Между тем служанка сказала: „Зачем вы до такой степени терзаете свои мысли?" сказала она. „Девица то ведь и я сама девица!" сказала она. „Наденьте на меня одежду Бударганэ hайхан Абахай, сделайте [меня] душистой при помощи верблюжьего жира, надушите меня овечьим жиром, сделайте меня пахучей при помощи скотского жира, согрейте семьдесят котлов воды, приготовьте семь фунтов мыла! Начисто выскоблив прыщи на лопатках, сосребите начисто мою семидесятилетнюю грязь!" сказала она. Ладно! Тогда царь-батюшка согласился. „Что же поделаешь!" сказал он. „До тех пор, может быть, и наша Бударганэ hайхан Абахай придет!" говорили они между собой. Приказал он согреть семьдесят котлов воды, приготовил семь фунтов мыла. Раздев служанку, ее вымыли. Они мочили ее водой в семидесяти котлах, терли ее семью фунтами мыла. Начисто выскоблили они грязь семидесяти лет. Они мазали скотским жиром, делали ее пахучей. Они мазали овечьим жиром, делали ее душистой. Они мазали верблюжьим жиром, делали ее благовонной. Они ввели ее в комнату Бударганэ hайхан Абахай. Одели ее в платья Бударганэ hайхан

Абахай. Стоя и вертясь перед зеркалом величиною с дверь, она оделась. Она не может обнаружить ни пылинки на своем теле. Одели ее в ее платья, закончили свои сборы и вывели ее. Посадила ее и привезли в фарфоровой повозке. Прибыв на двор своего хана, они слезли.

Вошли в его юрту. Приветствовали ханским „мэндэ", поздоровались [словом] „здорово" простолюдинов. Сели они за его золотой стол, извлекли сладкий сахар, вычистили свой серебряный стол, извлекли серебряный сахар. Решив проигрывать свою девку, стали играть его старшие сановники. Месяц играли они. Ладно. После этого они пришли. Стали у хана собирать свадьбу. Галта Могой Мэргэн оседлал своего коня и со словами: „Я возьму себе отдельное кочевье!" отправился в южном направлении. Он отправился на расстояние трех дней пути и извлек из своего кармана свой черный шелковый плат. Он три раза махнул о земь, и поднялась белая серебряная ставка-дворец. Поднялась с тридцатью тремя витязями, с тремя сотнями воинов, с тремя тысячами подданных. Приготовил он водку, словно озеро, мясо подобно сопке.

Свадьба их прибыла. Он встретил триста коней, словно тридцать коней. Вышел он навстречу к коням, к тридцати трем витязям и трем сотням сановников. Они вошли в дом. Устраивают пир, заставляют девицу кланяться. Восемь дней устраивали они удалой пир, они пили, плавая в водке, словно в озере. Они ели, бросаясь мясом, подобным сопке. Были пьяны и день и ночь. Девять дней устраивали беседу. На десятый день подданные хана сказали: „Не кончить нам пить чужую водку! Не кончить нам есть чужое мясо!" сказали они. Люди, имеющие дома, говорят: „Вернемся домой!" Люди, имеющие кров, говорят: „Вернемся домой!" Запрягли своих коней и вернулись по домам и разошлись.

Настало вечернее серое время сна. Они забрались в постель. Галта Могой Мэргэн разговаривал за семидесятью пологами. Он вел беседу, начиная с того, как тридцать три бурхана становились бурханами, как три основных гегена становились гегенами. Он вел беседу, начиная с того, как тысяча небесных будд становились буддами, как тринадцать ханов становились ханами. Служанка вела беседу о том, как пасла телят, как возилась с овцами и ягнятами, как попадала под дождь, как клала себе на голову шкуру черного тельца. Она лежит и разговаривает о том, как в сильный дождь чуть не окоченела. Галта Могой Мэргэн лежит и сильно дивится, сильно изумляется. Затем настало утро. Заря занялась. Солнце взошло. Служанка не встает со своей постели. Галта Могой Мэргэн не мог дождаться, когда она встанет и разбудил, и поднял ее, и сказал: „Вставай!" Тогда служанка встала и вышла. Она вышла, взяв свое белое медное ведро. Не вымыв [даже] лица и рук, она вышла и подоила корову. Подоив корову, она вошла в юрту. Поставила и вскипятила самовар, вычистила золотой стол, извлекла вкусную пищу, и они садятся

за свой стол и ведут беседу. Галта Могой Мэргэн встал из-за стола и, оседлав своего сизо-саврасого мерина, выехал на охоту, со словами: „Вспомнилось мясо дичи, надоело скотское мясо!“

Он идет и убивает на северном склоне Алтая и хребте Хухея наичернейших из выдр и наисерых из соболей. Он идет и наполняет свои вьюки. После того как он вышел на охоту, служанка забралась за семьдесят пологов, была объята сном-дремотой и лежит, и храпит, и сопит. Между тем как она так лежала, Бударганэ hайхан Абахай, в образе серого пестрого жаворонка, вошла [в юрту] через дымовое отверстие. Придя домой, она воплотилась в свою истинную плоть и приняла свой извечный образ. „Тьфу!“ воскликнула она. „Вонь и смрад — обиталище скверной бабы!“ Понюхала и завязала нос и рот. Она зашла за семьдесят пологов и, пнув служанку в бок и голову, подняла ее. Служанка вскочила. Бударганэ hайхан Абахай открыла свой сундук и вынула золотистый шелк. Она сидит, кроит и шьет шубу и старается. Она сидит и кончает из куска шелка величиною с ладонь десять [одежд] с воротниками, она сидит и кончает из куска шелка величиною с палец двадцать [одежд] с воротниками. Она сидит и бросает взад и вперед.

Пока она так сидит, она ругает свою служанку: „Ужо тебя, дохлую, грешную бабу, суку! Ты обманываешь и надуваешь людей, над людьми людей!“ говорит она и сидит. Она пришила сто восемь пуговиц, оставила только и бросила, не пришив пуговицы воротника. „Ухе́р-баба!“[1] ругала она ее. „Эту пуговицу воротника ты пришьешь!“ сказала она. „Когда пришьешь эту пуговицу воротника, то может быть, услышишь какое-нибудь слово!“ сказала она. Став серым пестрым жаворонком, она вылетела через дымовое отверстие.

Галта Могой Мэргэн заставляет своего коня ступать в сторону юрты, пускает его рысью в сторону дома. Придя домой, он спихнул свои вьюки и кричит [и зовет] свою жену. Супруга его выскочила и сказала: „А я то заснула! Долго-долго, до самой зари не спала я!“ сказала она. То, что годится в пищу, она оттащила в сторону пищи. Галта Могой Мэргэн сидит и смотрит в окно. Служанка, когда тащит, глотает, выхватывая зубами наижирное.

Галта Могой Мэргэн сильно удивляется, сильно изумляется и думает: „Дочь царя, а не насыщается и не удовлетворяется ничем!“ Так сидит он и удивляется и изумляется. Служанка его положила в корыто, величиною с лодку, мясо, подходящее для варки и принесла его. Она поставила на очаг звонкий черный котел. Вскипятила и вынула из звонкого котла [мясо], положила в корыто, величиною с лодку, и принесла. Они

[1] Ухер — мертвец, творящий зло живым людям. Своего рода вампир.

сели и стали вдвоем есть. Она прибрала со стола. Забралась в постель. Опять лежат они и беседуют.

Галта Могой Мэргэн ведет беседу, начиная с прежнего, искусно беседует, начиная с давнего. Служанка беседует: беседует о том, как попадала под дождь, как пасла телят, как клала себе на голову шкуру черного козла. Галта Могой Мэргэн предается большому удивлению, предается большому изумлению: „Что смыслит, что знает она, будучи дочерью царя? Ничего-то она не видала, ничего-то она не слыхала!“ Так думает он и лежит. Отвернувшись, он лежит [к ней] спиною. Утро настало. Заря забелела. Солнце взошло. Настал день. Он не мог дождаться, когда встанет служанка. Он разбудил ее: „Вставай!“ Служанка выбежала, схватила белое медное ведро, подоила корову и вошла. Она вскипятила чай и разбудила Галта Могой Мэргэна. Они сели за стол, стали пить чай, стали есть. „Я ведь сшила тебе шубу!“ сказала она и подала ему свою шубу. Он взял ее шубу и надел. Он застегнул до воротника сто восемь пуговиц. Он тряхнул и посмотрел: пуговица на воротнике оторвалась. „Зачем ты так плохо пришила эту пуговицу на воротнике?“ спросила он. „За исключением этого твое шитье хорошее!“ сказал он. „Единственный твой недостаток это то, что ты плохо пришила эту пуговицу на воротнике!“ сказал он. „После этого ты хорошенько и крепко пришивай мои воротниковые пуговицы!“ сказал он. „Я ведь витязь!“ говорит он. „Если я снаряжусь, чтобы отправиться на зловредного и зловещего врага, и если пуговица воротника оторвется, когда я буду в долгом пути, то это будет очень опасно!“ сказал он. Служанка сказала: „Я тут и там пришила верблюжьим волосом! Я сидела и второпях шила, думая, что придут мои тамошние и здешние родные! Там и сям овечьей шерстью зашивая, я сидела и шила второпях, думая, что прибудут мои дальние и близкие родственники“.

Галта Могой Мэргэн оседлал своего коня и опять выехал на охоту. Он охотился. После того как он выехал на охоту на северный склон Алтая и на хребет Хухея, служанка забралась за семьдесят пологов, и когда она лежала и спала, объятая сном-дремотой, пришла через дымовое отверстие Бударганэ hайхан Абахай. Она воплотилась в истинную свою плоть, зашла за семьдесят пологов и, пнув раз свою служанку, подняла ее. „Обиталище скверной бабы — запах, вонь и смрад!“ сказала она и, завязав рот и нос, открыла свой сундук и извлекла золотистый шелк. Она сшила цветную шелковую накидку, надеваемую в зимнее время, она кончила шить и сшила одеяние без швов. Пришила сто восемь пуговиц, оставила [только] пуговицу воротника. „Чтоб тебя, грешную, скверную бабу! Эту пуговицу воротника ты пришьешь!“ сказала она. „Когда пришьешь, то вкусишь, вероятно, раз кнута!“ сказала она. Окончив, она немедленно обросла пестрыми крапчатыми перьями и, став жа-

воронком, вылетела через дымовое отверстие. После того как она вышла, служанка забралась за семьдесят пологов и лежит, погрузившись в сон-дремоту, храпит и сопит.

Галта Могой Мэргэн убивал наичерных из выдр, убивал наисерых из соболей, едва чувствовал вьюки и пришел домой волей-неволей. Придя к юрте, он вошел во двор, спихнул свои вьюки, снял с коня седло и пустил его на северный склон Алтая. Он вошел в свою юрту. Лишь только он вошел, лежит служанка и храпит и сопит. Зайдя за семьдесят пологов, он поднял ее пинком ноги. Служанка, не глядя глазами, выбежала и внесла его вьюки, пошла и глотала, и выхватывала зубами наижирное.

Галта Могой Мэргэн сидит и смотрит в окно, сильно удивляется, сильно изумляется. „Дочь царя, а чем ее насытить, чем удовлетворить? Куда она пойдет с тем, чтобы не поесть того и этого, и куда я пойду и куда я буду смотреть, когда увезу с собой такую жену?“ сидит он и удивляется. Служанка принесла в корыте, величиною с лодку, мясо, подходящее для варки. Она поставила на очаг свой звонкий черный котел. Вскипятив, она сняла его и они оба сидят и едят, поставив его посредине. Галта Могой Мэргэн сладко закусывает и потихоньку разговаривает. Со словами: „Я сыт!“ он встал. Он пихнул [пищу] перед служанкой и сказал: „Ешь досыта!“ Служанка ела, ела, ела. Все поела. Лопатки и кости отдала она своей собаке. Убрала со стола. После того как прибрала, она сказала: „Я сшила тебе цветную шелковую шубу, чтобы надевать в зимнее время!“ Она принесла и подала шубу. Галта Могой Мэргэн попробовал надеть шубу. Сто восемь пуговиц он застегнул до самого воротника. Он опоясался белым серебряным поясом. Он попробовал тряхнуть. Пуговица воротника оторвалась и упала. „Нет, чтоб тебя после того, как ты так сшила! Ничьих-то ты слов не слушаешься!“ сказал он. „Я ведь витязь! Я ведь должен ходить и в далекие путешествия! Если пуговица воротника оторвется, когда я пойду на зловредного и зловещего врага, то это будет очень скверно!“ сказал он. Тогда служанка сказала: „Я пришила тут и там верблюжьим волосом!“ сказала она. „Я сидела и шила, торопилась, полагая, что придет тамошняя и здешняя родня моя!“ сказала она. — „Какие такие родственники и свойственники все время должны приходить?“ сказал он и кончиком левой руки ударил ее по левой щеке. Тем временем, как она полежала под правой лавкой, она пришла в себя и встала.

Настал вечер. Наступило вечернее серое время сна. Залез он за семьдесят пологов и повел искусную беседу, начиная издалека, беседовал он складно, начиная с прежнего. Он вел беседу, начиная с того, как тринадцать ханов стали ханами. Служанка лежит и разговаривает о том, как пасла овец и ягнят, как попадала под дождь, как клала на голову шкуру чер-

ного козла. Галта Могой Мэргэн лежит в большом размышлении. Настало утро. Солнце взошло. Он поднял служанку со словами: „Вставай!“ Служанка, не вымыв рук и лица, подоила корову. Подоив, она вошла [в дом]. Вскипятила самовар. Они сидят вдвоем за столом и пьют чай. Попив чаю и встав, Галта Могой Мэргэн сидит, повязав желтым шелковым платком голову. Когда он так сидел, явились три гонца от Хажа Хара Бухэ. Они явились на форфоровой повозке, они приветствовали их ханским „мэндэ“, поздоровались [словом] „здорово“ простолюдинов и вошли. Осведомились о здоровьи и благополучии. „Ваш батюшка прислал пригласить вас, чтобы вы пришли!“ сказали они. Служанка обрадовалась: „После того как батюшка сказал, чтобы нам притти, нам нет радости оставаться!“ сказала она. Галта Могой Мэргэн сказал: „Ты отправляйся, ешь и пей и приходи!“ сказал он. „Сволочь!“ воскликнула она, „Ты будешь еще чваниться перед моим батюшкой!“ сказала она. „Я не буду чваниться перед твоим батюшкой!“ сказал Галта Могой Мэргэн. „У меня заболела голова!“ Служанка собралась и вышла. Она сидит в фарфоровой повозке и едет, играя на хуре.[1]

Галта Могой Мэргэн сделал своего коня величиною с клеща и положил его себе в карман. Сам он стал черной мухой и сидит, приткнувшись на стене. Пока он так сидел, вошла сквозь дымовое отверстие Бударганэ hайхан Абахай. Она вбежала за полог. За пологом не было [служанки]. „Тьфу!“ сказала она, почувствовав запах и, завязав нос и рот, открыла свой сундук, извлекла золотистый шелк и скроила и стала шить [одежду] с воротником. Она сидит и из куска шелка величиною с ладонь делает десять одежд с воротниками. Когда она так сидит, она сидит и ругается: „Околевшая, скверная, грешная и срамная баба!“ говорит она и сидит и ругается. „Мучает и обманывает людей!“ Так говорит она и сидит. В то время Галта Могой Мэргэн воплотился в свою истинную плоть, принял свой извечный образ и обнял ее прямо сзади под мышками. Бударганэ hайхан Абахай внезапно сильно вздрогнула и вскочила. „Какой женщины сын, какой женщины сын, схватил ты и, заставил вздрогнуть человека?“ сказала она. Она вырывалась, выбивалась и вырвалась. Став серым пестрым жаворонком, она поднялась через дымовое отверстие и удалилась. Галта Могой Мэргэн заскрежетал своими сорока белыми зубами так, что показалось пламя. Он сжал свои десять белых пальцев так, что пошел дым. Он выхватил свою остроконечную хангайскую стрелу и крикнул: „Я прострелю насквозь и повалю Хажа Хара Бухэ вместе с его ставкой!“ Наложил сильно свою остроконечную хангайскую стрелу на развилинки и натянул так, что [тетива] натянулась. Между тем, как Бударганэ hайхан Абахай шла на грани между небом и землей, она узнала это в своем веде-

[1] Хур — род скрипки.

нии и поняла в своем уме: „Теперь я сделаю себе самой что-нибудь плохое. Если он прострелит насквозь и свалит моего отца вместе с его ставкой, он не сможет не забраться на небо и найти меня!“ сказала она и, повернув обратно, спустилась. Она пришла к Галта Могой Мэргэну и упала, поклонившись ему в колени. „Тебе нужно покаяние? На уме у мужа оседланный и взнузданный конь!“ сказала она. „Человек, подавивший свой гнев, подавит своего врага!“ сказала она. „Крутая из гор причиняет страдание коню, быстрый гнев причиняет страдание телу!“ сказала она. Тогда Галта Могой Мэргэн положил свой лук и колчан, освободился от гнева и приветствовал Бударганэ hайхан Абахай ханским „мэндэ“ и поздоровался [с ней словом] „здорово“ простолюдинов. Бударганэ hайхан Абахай вбежала в дом и пришла с обоюдоострой саблей. Она разрубила его от макушки до подошвы и свалила его. Она выкинула [из него] внутреннюю скверноту и нечисть, червей и гадов. Она вымыла его источниками девяти ключей, очистила его лучшей долей девяти можжевеловых курений, обмыла его черепашьим черным аршаном. Она ввела его в юрту. Она очистила свой золотой стол, извлекла вкусный сахар, очистила серебряный стол, извлекла серебряный сахар. Бударганэ hайхан Абахай разговаривала. Она разговаривала, ведя [беседу] с того, как тысяча небесных будд становились буддами. Она разговаривала, начиная с того, как тридцать три гегена стали гегенами. Она беседовала, начиная с того, как тринадцать ханов стали ханами.

Пока они так сидели, прибыла домой служанка. Она пришла, дурачась и распевая. Она прибыла на двор и велела подвести свою повозку к дверям. Галта Могой Мэргэн вышел и закричал: „Иди!“ — „Если тебе есть дело до бабы, то отведи [меня]!“ сказала она. Галта Могой Мэргэн приподнялся и вскочил. Он посадил Бударганэ hайхан Абахай назад, сам на бегу схватил обоюдоострую саблю. Галта Могой Мэргэн закричал: „После того, как я сам по простоте своей поддался чужим словам и чужому обману, сними с себя вину!“ Она сказала: „Не убивай живого человека своими руками, когда люди сидят и смотрят!“ Он принял эти слова в свой разум и бросил гнев. Он вышел наружу и спросил служанку: „Ты предпочитаешь рога семидесяти красных коров? Или ты предпочитаешь вершину семидесяти ветвистых красных лиственниц?“ Так спросил он. Когда он так сказал, служанка-холопка сказала: „Какую славу ты получишь, убив меня? Какое зло ты уничтожишь?“ сказала она. „Я буду доить семьдесят красных коров и до самой смерти смотреть за твоими родителями!“ сказала она. Бударганэ hайхан Абахай вручила ей два медных ведра с серебряным коромыслом. „Будь навсегда, всю свою жизнь водоноской моих родителей!“ сказала она.

Служанка вошла к Хажа Хара Бухэ, с двумя медными ведрами. Хажа Хара Бухэ вскочил. „О, боже! Ты неузнаваема?“ спросил он. Тогда

служанка-холопка сказала: „Лишь только я ушла отсюда, сидит там пришедшая Бударганэ hайхан Абахай!“ сказала она. Хажа Хара Бухэ вместе со своей царицей сильно обрадовался, сильно возликовал и немедленно отправил трех гонцов. Они запрягли в фарфоровую повозку трех соловых коней и отправились. Отправились и прибыли. Открыли дверь и вошли. Они приветствовали их ханским „мэндэ“ и поздоровались [словом] „здорово“ простолюдинов. „Ну, зять и дочь, ваш батюшка прислал, чтобы вы явились!“ сказали они. Они немедленно собрались. Галта Могой Мэргэн оседлал своего коня и отправился верхом на своем коне. Бударганэ hайхан Абахай сидела в повозке. Они отправились к своему батюшке. Вошли. Приветствуют его ханским „мэндэ“, здороваются [словом] „здорово“ простолюдинов и садятся. Достали десять котлов арзы, достали двадцать котлов хорзы. Он ударил в барабан северного склона и собрал свой народ, он ударил в барабан южного склона и собрал сановников южного склона. Восемь дней устраивали они удалой пир, девять дней устраивали они великую беседу. На десятый день они разошлись.

Галта Могой Мэргэн сказал: „Мы долго пробыли, с тех пор как выехали из дому!“ сказал он. „Человек, имеющий жилище, да вернусь я домой! Человек, имеющий дом, вернусь я домой!“ сказал он. Небесный Хажа Хара Бухэ сказал: „Поймайте коня Бударганэ hайхан Абахай!“ Коня Бударганэ hайхан Абахай привели и заперли. Он поймал караково-гнедого коня, оседлал, взнуздал и подал. Он отдал тридцать трех витязей своих. Он отделил и отдал триста воинов. Он отдал половину своего серебра. Он обменялся с зятем чеканным серебряным кольцом, которое носил на правой руке, и надел. Они сказали друг другу: „Всегда и всегда, если мы будем хорошо жить, кольца наши будут блестеть и излучать блеск!“ Бударганэ hайхан Абахай поклонилась своим родителям в ноги, попрощалась и вышла. „Я, которой суждено отправиться на чужбину, отправлюсь на чужбину!“ сказала она и, выйдя оттуда, пришла. Ехали они, ехали, прибывали, прибывали. Тридцать три витязя их и триста воинов их не могли догнать. Они отставали и остались. Кони их уставали, а они ели печени изнемогших коней и одевали замшевые одежды. „Нет нам возможности итти с вами“, сказали они. „Мы идем и мучаем коней и самих себя!“ сказали они. Галта Могой Мэргэн сказал: „Ночуйте там, где нами нарисован кружок, идите туда, где нами нарисована пядь!“ сказал он. Затем они поехали. Ехали, ехали. Прибывали, прибывали. Он въехал в собственную страну. Идер Шулун Мэргэн узнал в своем знании, понял в своем разуме и явился, пуская [коня] бегом перед ними. Они встретились на ханской проезжей дороге. Они приветствовали друг друга ханским „мэндэ, они поздоровались [словом] „здорово“ простолюдинов. Втроем повернули они и поехали дальше. Ехали, ехали, ехали. Въехали они на двор. У основания золотой коновязи они привязали своих коней и вошли в дом. Они привет-

ствовали ханским „мэндэ“, поздоровались [словом] „здорово“ простолюдинов. Вытянули свой золотой стол, вытащили вкусную пищу. Они вытянули свой серебряный стол, извлекли свою серебряную пищу. Принесли десять котлов арзы. Ударили в барабан северного склона, собрали свой народ. Ударили в барабан южного склона, собрали своих сановников южной стороны. Восемь дней они устраивали удалой пир, девять дней они устраивали великий пир. Устраивая свой свадебный пир, подданные двух ханов ведут великую беседу. Они пили и плавали в водке, словно в озере. Они ели, бросаясь мясом, подобным сопке. На десятый день народ их вернулся по домам. Они живут-поживают, веселясь и блаженствуя в уповании на благодетельного бога.

ХАН СЭКСЭЙ МЭРГЭН

В прежнее время, когда земля становилась землей, когда завершалась середина калпы, когда вода становилась водой, когда образовалась обширная равнина, когда дерево Зандар опушки было величиною с прут, когда большой полосатый изюбрь был величиною с теленка, когда великое внешнее море было величиною с ручей, когда огромная рыба Абарга была рыбешкой, прямо в юго-западной стороне, на берегу великого белого озера стояла белая серебряная ставка, покрывавшая своей прекрасной нижней стороною обширную земную поверхность. Она была о тридцати трех углах, о трехстах дверях, с тремя тысячами окон, с бронзово-серебряным полом, с порогом из чеканного серебра, с дверями из перламутрового серебра, с крыльцом из чистого серебра, по которому тысяча человек могли бегать взапуски и бросать плеть. Она была с оградой из камней и валунов, воздвигнутой снаружи ее, с воротами из чистого серебра, со стражей из сынов человеческих, с черной железной изгородью, с ребристыми воротами из серебра, с караулом казаков и солдат, с тринадцатью базарами, с двадцатью тремя соборами, с десятью тысячами табунов, которые могли пастись вверх по северному склону, с десятками тысяч табунов, которые могли пастись вниз по южному склону, с десятью тысячами подданных, имевших свое местожительство вверх по северному склону, со многими десятками тысяч подданных, которые имели местожительство вниз по южному склону. Рожденный считать подданных, которых было столько — Эмтэ Тархя Мергэн [Меткий Стрелок Целительная Голова]. Тот, кого Эмтэ Тархя Мэргэн прижимал к своей груди — Хан Сэксэй Мэргэн [Хан Чуткий Стрелок]. Младшая сестра Хан Сэксэй Мэргэна — Амаран Гохан Абахай [Царевна Красавица Амаран]. Годный для верховой езды конь Хан Сэксэй Мэргэна — Зань Шарга [Соловый Конь Зань], телом в тридцать саженей, с трехаршинными ушами.

Он пустил своего солового коня Зань на северный склон Алтая. Мачеха его сказала: „Сын, поохоться! Захотелось мяса дичи, надоело скотское мясо!“ Хан Сэксэй Мэргэн услыхал слова своей матери, взошел на двадцать пять соборов и смотрит, окидывая взором даль по северному склону Алтая, по хребту Хухея. Его соловый конь Зань лежит

и спит и нежится на берегу великого белого озера. Он закричал прекрасным горлом. Конь его принял в прекрасное правое ухо звонкий крик его и сказал: „Этот громкий звук наверное голос моего господина! Ты достиг того, что кончаешь растоплять мой брюшной жир величиною с подол"! сказал он. „Или пойдешь ты на охоту и звероловство, или же будешь ты искать суженую и предопределенную!" сказал конь и вскочил. Он поскакал, оттолкнувшись от камня величиною с быка. Бежал, бежал конь и прибежал. Он прибежал на двор. Он открыл ему ворота. Он взнуздал его своим серебряным недоуздком, взнуздал его своей литой серебряною уздою, оседлал его, взял лук и колчан и выехал на охоту и облаву.

Он убивал наичерных из выдр, он убивал наисерых из соболей, он убивал изюбров и маралух. Он наполнил свои вьюки, он прибыл домой. Амаран Гохан Абахай выбежала, развязала его вьюки и оттащила в сторону пищи то, что может стать пищей, оттащила в сторону вещей то, что годится как вещь. Подходящее для варки мясо она сварила, и пока они вчетвером сидели и ели, явились прямо с северо-восточной стороны, из страны за сорок лет пути, три гонца. Они подали бумажку величиною с ладонь, исписанную спереди и сзади. Хан Сэксэй Мэргэн прочел ее: она, оказывается, пришла на имя Амаран Гохан Абахай. Он отнес ее к Амаран Гохан Абахай. Амаран Гохан Абахай взяла ее, развернула и стала читать: прямо с юго-восточной стороны, из страны за сорок лет пути, дочь Шажгай Баян Хана [Хан Сорока-Богач]—Алтан Шикшур Абахай [Царевна Золотое Решето] пригласила ее на игры [устроенные по поводу] выхода ее замуж. Амаран Гохан Абахай спросила: „Братец, я пойду!" Он стал ее вдруг удерживать. „Что мне чваниться раз меня пригласила дочь царя?" сказала она. „Я немедленно же отправляюсь!"— „Коли пойдешь, то иди!" сказал он и оседлал для нее своего солового коня Зань. Амаран Гохан Абахай открыла свой сундук и, вынув золотисто-шелковое платье, оделась. Она вышла наружу, отвязала своего солового коня Зань, вдела ноги в золотые стремена и плавно выехала прямо в северо-восточную сторону.

Она ехала, ехала. Выехала она из собственной страны, въехала в чужие кочевья. Великую летнюю страну она отмечала по песне соловья, великую зимнюю страну она отмечала по песне пестрой сороки. Ехала она, ехала. Она достигла и въехала к Шажгай Баян Хану. Лишь только она выглянула наружу, [видит она] пляшет и играет круг людей. Она въехала рысцой в то игрище. Игрище раздалось в обе стороны и пропустило ее. Алтан Шикшур Абахай подбежала и, ведя ее под мышки, вошла [вместе с нею] в дом. Она вытянула свой золотой стол, извлекла вкусный сахар и угощает ее. Пили они, ели, насытились и вышли наружу к игрищу. Амаран Гохан Абахай вышла к игрищу и пела, пела и щебетала

за двадцатерых. Люди, которых будет вот сколько, все перестали петь и стали слушать. Амаран Гохан Абахай поет одна. Люди, которых будет вот сколько, удивляются: „В какой стране рождаются такие люди, обладающие таким прекрасным голосом?“ Девять дней они играли, на десятый день они легли спать со словами: „Надо спать, надо отдохнуть. Завтра устраивать мол пир!“

К покоям Шажгай Баян Хана в самую полночь подскакал и подбежал соловый конь Зань и заржал так, что зазвенело. Амаран Гохан Абахай услыхала во сне голос своего коня, вскочила и выскочила [из дома]. „О боже!“ сказала она. „Что такое ты услыхал, что заржал?“ сказала она. Он сказал ей: „Что смотрела ты впереди? Что увидела ты позади?“ сказал он. „Твоего единственного на земле брата убила, напоив ядом, злокозненная и грешная мачеха твоя!“ Так сказал он. Амаран Гохан Абахай вытянула шею, ударила себя в подол и вбежала назад. В то время, как люди спали и домочадцы лежали, она схватила свои платья и вышла. Она села верхом на своего коня, пустила его бегом и поехала. Ехала она, ехала; прибывала она, прибывала. Во двор въехала она. Свою узловатую ременную плеть она перекинула на свою правую руку и вошла.

Лишь только она вошла, [видит она что] родители ее спят. Она разбудила обоих. „Где мой брат?“ спросила она. Родители поднялись и сказали: „Мы ничего не знаем про твоего брата!“ — „Где он?“ прожужжала она [вопросами] их уши. — „Не знаем!“ отвечали они и не сказали ей. Она закрутила и схватила своих родителей за онгонно-белые волосы на макушке и заставила их ударами своей узловатой ременной плети реветь как козлов и кричать словно козлят. Била она их, била. „О боже!“ сказала ее мать. „Твой брат лежит и спит в правом сундуке!“ Она открыла свой сундук, посмотрела и вытащила своего брата: он почернел, словно копоть на котле. Она спросила своих родителей: „Что значит это с вашей стороны?“ — „Наварили мы десять котлов арзы и двадцать котлов хорзы. Он их выпил и спит!“ сказал ее отец. Она утащила своих родителей к расселине в камне и живьем запихала их туда. „Искупите здесь свой грех!“ сказала она. Она пришла оттуда и обняла шею своего брата и проплакала трое суток. „Хоть я и буду плакать, он не оживет!“ сказала она и положила его в золотой гроб. Золотой гроб она поставила в чугунный гроб и отвезла его в место, где он не истлеет и не испортится и зажала его между камней. Она пришла оттуда, вытащила желтую книгу судеб и стала искать указаний на то, как оживить своего брата. В желтой книге судеб было сказано: „В северо-западном направлении, в стране девяноста лет пути — там спустились [с неба] три дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия, которые воскрешают мертвых и обогащают обедневших.“ „Достигнуть — далеко двуногому немощному существу

и четвероногому скакуну! Нет возможности пробраться через девять препятствий!" гласит [книга].

Затем эта самая девушка стала собираться. Когда наставал день, она собиралась при свете солнца. Когда наставала ночь, она собиралась при свете свечи. Она закончила свои сборы. Она надела несокрушимые в десятитысячелетнем дожде сапоги своего брата, надела платье своего брата, надела на макушку его шапку из собольего брюшного меха и заставила кисть ее, которая будет с горсть, колотить по рту и носу. Она стала [молодцом] с зубами величиною с лопату, с темно-красным лицом, с саженной черной косой, с пего-пестрыми глазами, не мужем, но драгоценностью, не юношей — кабаргой. У нее прибавилось силы сверх силы. Она одевалась, вертясь перед зеркалом величиною с дверь. Она не может обнаружить на себе пыли. Зажегши лампаду в ногах бурханов, имевших местопребывание в каждом углу, она кланяется. „Достигнуть мне того, что вознамерилась, вернуться мне в страну, где родилась!" Так говорит она и кланяется. Выйдя из дому, она отвязала поводья своего солового коня Зань, натянула золотые стремена и вдела в них ноги и отправилась рысью в северо-западном направлении. Ехала она, ехала. Она выехала из своей страны и въехала в чужую страну.

Между тем, как она так едет, когда она едет и смотрит, есть заросль [настолько частая], что тонкая змея не поместится [между отдельными деревьями]. Она взяла свою остроконечную хангайскую стрелу, наложила ее сильно на зазубринки, натянула, насколько натянулась, и пустила ее в заросль со словами: „Пусть появится ханская проезжая дорога!" Остроконечная хангайская стрела ее проложила ханскую проезжую дорогу. Она вылетела на противоположную сторону и застряла в земле, проколов ее насквозь. Она поскакала по ханской проезжей дороге так, что зазвенело. Она выбралась на противоположную сторону и, сидя на своем коне, быстро схватила свою остроконечную хангайскую стрелу и сунула ее себе в колчан. Она поехала рысью дальше. Она ехала дальше, ехала.

Пониже неба пылает огненное пламя. Она пустила рысью и вверх, но не могла [найти] прохода. Она спросила коня: „Какое имеется средство, чтобы переправиться через этот большой огонь?" Так спросила она. Конь ее ответил: „Повернуть меня назад с расстояния трех дней пути, не давая оглянуться назад!" Она повернула назад в местность на расстоянии трех дней пути. Она подергивала его за правый угол рта, подпирала пеструю щеку, размахивала правой рукой, кидала крепко кнут, пускала его в бег с шумом точно упавший камень, заставляла его скакать так, что свистело подобно выстреленной стреле. Тот сильный огонь воспылал вверх от луки. Три часа она пускала коня бегом. Выбравшись на противоположную сторону, она смотрит назад: от огня ничего нет, он погас.

Она посмотрела вниз: волосы задней правой щетки ее солового коня Зань опалены и слезли. Она сказала: „Зачем ты опалил свои волосы, пускаясь в дальний путь, раз ты способен переправиться через такой большой огонь?“ Так корила она своего коня. Конь ее тогда отвечал: „После того, как я переправился через такой большой огонь, огонь будет опечален, если переправлюсь я, не оставляя знака на своем теле!“ сказал он. „Это слово справедливо!“ сказала она. Она поехала дальше. Она едет дальше и смотрит.

Есть четырехугольная белая скала, которая доходит до неба. Она смотрит, поворачивая вниз — не видно низины, где бы проехать. Она взяла свою остроконечную хангайскую стрелу, сильно наложила ее на развилины, натянула так, что натянулась, установила на коленном суставе и стала шептать при вечернем красном солнце. Она кончила свои заговоры при утреннем красном солнце. „Если судьба умереть — то отступишь ты, превратившись в лесной бурелом. Если судьба жить, то проложишь ты ханскую дорогу!“ С этими словами она пустила ее. Остроконечная хангайская стрела ее полетела, полетела. Она пробила насквозь и вдребезги четырехугольную белую скалу и проложила ханскую проезжую дорогу. Остроконечная хангайская стрела ее прошла на ту сторону и убрала своими зарубками камни и щебень. Она выехала рысью, так что звенело, по ханской проезжей дороге. Выбравшись на ту сторону, она на бегу своего коня быстро схватила свою остроконечную хангайскую стрелу и, сунув ее на дно своего колчана поскакала. Она поехала дальше.

Когда она, таким образом, отправилась [дальше] и посмотрела, [видит она:] шумит и бушует великое черное море, свертываясь с расстояния дневного перехода, скатываясь с расстояния суточного перехода. Амаран Гохан Абахай спросила своего коня: „Как нам проехать через это великое море?“ Он отвечал: „Знай пускать меня, знай сама держаться на мне!“ Она потянула его за правый угол рта, размахнула правой рукой, дала ему крепко кнута. Она пустила его бегом, так что зазвенело, через пену черного моря. В глазах ее чернеет, в ушах ее шумит, она едет, не зная о том, что выбралась на ту сторону. Когда она выбралась на противоположную сторону, и конь ее остановился, лишь только она взглянула назад, [видит она, что] великое черное море высыхает до каменистого русла. На дне великого черного моря лежат, громоздясь вперемешку и кости меринов и вперемешку с ними кости диких зверей. Между тем, как она едет, чтобы выбраться на противоположную сторону, она берет и смотрит и сравнивает берцовую кость павшего коня с берцовой костью своего собственного коня: она была на палец меньше берцовой кости ее собственного коня. „Тоже ведь, подобно мне, ехал здесь некто и, мучаясь и страдая, ел печень изнемогшего коня и

надевал замшевую шубу и упал отдыхать в это великое море!" сказала она и, смотря вверх, рассмеялась и, смотря вниз, разразилась слезами. Она поехала дальше.

Оттуда она поехала дальше. Явился вприпрыжку с расстояния дневного перехода ярко-желтый волк. „Эта сволочь явилась, чтобы съесть меня и выпить!" сказала она и взяла свою остроконечную хангайскую стрелу, наложила развилины [на тетиву] и выстрелила, метясь в белую хрящевую шею. Остроконечная хангайская стрела ее полетела и, прострелив его белую хрящеватую шею, свалила его. Вытащила она три слоя земли и вошла вместе с конем. Трое суток полежала она и вышла. Лес поблек, трава поляны пожелтела. Оттуда она отправилась дальше.

Лежит змей о трех железных головах, обернувшись вокруг основания ярко-красной сосны, обернувшись до самой вершины ее. Тот змей узнал [об ее приходе] и собрался проглотить ее. Немедленно отправилась она туда вместе со своим конем и соображая и думая, она схватила свою остроконечную хангайскую стрелу, наложила крепко развилины [на тетиву] и шепнула: „Если судьба умереть, то отступи, став лесным буреломом! Если судьба мне быть, то пролетит она, прострелив насквозь, хрящеватую шею!" Остроконечная хангайская стрела ее полетела и, прострелив насквозь его хрящеватую шею, прошла: легкое и печень его вылезли, перетирая каждую головку травы.

Амаран Гохан Абахай вытащила три пласта земли и, войдя вместе с конем, легла. Полежав трое суток, она вышла. Лишь только она вышла и посмотрела, лес поблек и трава поляны пожелтела. Она отправилась оттуда дальше. Она выехала вскачь в лес. Она убила изюбря и маралуху и вытащила их сухожилья. Она взяла их сухожилья, взяла оба глаза их, надела мясо изюбря и маралухи на вертел, вынула со дна своего колчана стог сена, и развязав его, дала своему коню. Конь ее набрался силы. Мясо изюбря и маралухи она съела, фыркая ртом и носом, глаза и сухожилья положила в мешок и поехала дальше. Она едет дальше, едет.

Она едет, посматривая вдаль и вращая своими пего-пестрыми глазами. Ниже неба полным полно девиц. Они схватили железные крючья и крючат. Ехала она, ехала. Подъезжала она, подъезжала. „В наших правилах не пропускать понизу двуногих немощных существ!" сказали они. „В наших правилах не пропускать поверху крылатых птиц! Мы возьмем твои сухожилья, твои собственные и твоего коня!" говорят они и кричат. Эта самая Амаран Гохан Абахай говорит: „Кто из вас, девушки, нуждается в сухожильях?" и бросает им из своего мешка готовые сухожилья. Эти самые девицы бросили свои железные крючья и, выхватывая друг у друга готовые сухожилья, упали. Она со звоном проехала мимо них. Эти самые девицы смотрят и говорят: „Всегда хаживали прекрасные мужи, но не видали мы людей, носящих при себе готовые сухожилья! Достигните же

своей цели, возвращайтесь в страну, где родились!" кричат они и произносят благопожелание. Они кричат: „Займешь ты первое место в скачках, возьмешь ты первый пай борьбы!"

Оттуда она отправилась дальше. Ниже неба с криками явились вороны. „На нас обет съесть ваши глаза, ваши собственные и вашего коня!" С такими словами они подошли и достигли их с криками. Амаран Гохан Абахай немедленно вынула глаза [своих изюбрей, которые были припасены в мешке] и кинула им. Вороны схватили глаза и разбросали их. Вороны выхватывают друг у друга глаза и сидят на земле. В это время она проехала рысью. Вороны сзади смотрят и говорят: „Хаживали и дурные люди и хорошие, но не видали мы людей, ходивших с припасенными глазами! Какой добрый человек!" говорят они и произносят благопожелание: „Достигните своей цели, достигните страны, где вы родились!" Так произносят они благопожелание.

Оттуда она отправилась дальше. Сверкают три серебряные ставки. Она вошла в ставку верхнего края. В прекрасной задней половине сидит удивительно прекрасная царевна. Она сидит и изготовляет из куска шелка, величиною с ладонь, десять одежд с воротниками. Она сидит и изготовляет из куска шелка, величиною с палец, двадцать одежд с воротниками. Она смотрит и, бросив назад шитье, сидит. Этот самый юноша [т. е. Амаран Гохан Абахай] по хорошему и согласно открыл ее перламутрово-серебряную дверь и вошел. Он приветствовал ее ханским „мэндэ" и поздоровался [словом] „здорово" простолюдинов. Он сел, поджав ноги, на прекрасной правой половине. Эта самая царевна встала, налила ему молока и подала. „Откуда и куда и отколе доселе едете вы?" спросила она его. „Вы какой страны? Вы какого хана подданный?" спрашивает она. „Я прямо с юго-восточной стороны. Я — из страны за сорок лет пути! Я сын Эмтэ Тархя, Хан Сэксэй Мэргэн !" сказал он. „Какие у меня тайны! Мой пояс явился по пути сватовства, я сам явился, чтобы стать зятем!" сказал он. Эта самая девица извлекла свою пищу, вытянула свой золотой стол, вытащила вкусный сахар и разговаривает. Она ступала плавно-плавно и вырастила тонкую-претонкую зелень. Она смотрела в обратную сторону. Она припечатала на бумажку, величиною с ладонь, сзади и спереди золотые письмена и отправила их к Эсэгэ Малан Тэнгрию.

Эсэгэ Малан Тэнгри взял ее и прочел. Он отправил ответ, написав на бумажке величиною с ладонь золотые письмена. Он послал, чтобы зятя допустили к борьбе и испытали его силу. Старшая дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия взяла бумажку и прочла: послано уведомление чтобы устроили борьбу с небесным Тэнэк Бухэ [Глупец-Борец]. Старшая дочь его ударила в барабан северного склона и собрала свой народ. Она ударила в барабан южного склона и собрала своих южных сановников. Она послала за небесным Тэнэк Бухэ. Небесный Тэнэк Бухэ явился в черной железной

повозке, запряженной тремя гнедыми конями. Колеса повозки едут, погружаясь в грязь по втулку. Эта самая девица смотрит и дивится. „За что схватить мне и упереться?“ говорит она. „Да окажут мне небесные тысячи богов немного помощи. Хозяева моих гор!“ говорит она. „Да вселят в меня свою силу и способность земные хранители!“ говорит она. Тэнэк Бухэ прибыл. Его высадили из его повозки, держа подмышки, и он ступает, погружаясь в землю, где он стоял, по лодыжку. „Который ваш зять?“ спрашивает он. „Придется ему размять свои плечи!“ говорит и радуется он. Говорит: „Снять с себя платье!“ и Тэнэк Бухэ идет и снимает свою рубаху. Этот самый зять их глядя в обратную сторону, завязывает и обвязывает свою грудь нитяным поясом. Он говорит: „Я отправился на зловредного и зловещего врага, и грудь моя стала искалеченной. Не хватай меня сильно за грудь!“ Они тащили друг друга по одному разу, они тянули друг друга по два раза, обхватывали друг друга, в обнимку обхватывали, на третий раз он швырнул небесного Тэнэк Бухэ, так что он погрузился на три слоя в землю. Он [т. е. Амаран Гохан Абахай в образе Хан Сэксэй Мэргэна] швырнул его так, что только уши его торчали. Те, которые были при пешнях, схватили свои пешни, те, что были при лопатах, схватили свои лопаты, пришли, и этот самый жених спросил их: „Что вы собираетесь делать с ним? Вы теперь собираетесь человека похоронить живьем?“ — „О боже!“ сказали люди. „В отдаленном будущем двое окажутся одному полезными!“ сказали они. „Мы выкопаем и извлечем его!“ сказали они. Этот самый жених вытащил его им. Тэнэк Бухэ взял в охапку свою одежду и отправился, не садясь даже в свою повозку, не оглядываясь даже назад. Эта самая старшая дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия написала бумажку величиною с ладонь, что жених мол бросил [борца] и послала Эсэгэ Малан Тэнгрию.

Эсэгэ Малан Тэнгри взял и прочел ее. Там сказано: „Жених бросил небесного Тэнэк Бухэ.“ Эсэгэ Малан Тэнгри написал ответную бумажку и послал ее. Старшая дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия взяла бумажку и прочла: „Коли он бросил небесного Тэнэк Бухэ, то заставить его бороться с земным Ганик Бухэ [Бешеный Борец]!“ Так написал он. Привели земного Ганик Бухэ. Опять этот самый зять повязал свою грудь своим поясом и стал бороться с Ганик Бухэ. Два раза тянули они друг друга и пришли в расстройство. На третий раз он бросил земного Ганик Бухэ, так что он погрузился в землю на три слоя, так что мизинец его высунулся, и только уши его торчали. Те, что были при пешнях, схватили свои пешни, те, что были при сохах, схватили свои сохи и копают. „Что вы собираетесь делать с ним?“ спросил он. „Нам нужно!“ сказал он и, схватив его за мизинец, бросил. Ганик Бухэ схватил в охапку свои платья и пошел. Три дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия сказали: „До двадцатисемилетнего возраста мы семь лет были рабами. Мы не запылили еще своей

спины!" сказали дочери. „Теперь люди, коим надлежит отправляться на чужбину, отправляйтесь на чужбину!" С этими словами они пошли. Подданный народ шумит: „Жених получил свой пай! Он приступит к сватовству!" Старшая дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия послала Эсэгэ Малан Тэнгрию бумагу. Эсэгэ Малан Тэнгри прочел бумагу: „Он бросил земного Ганик Бухэ.

Эсэгэ Малан Тэнгри спустил [с неба] бумажку величиною с ладонь. Они взяли его бумагу и прочитали: [сказано] пускать взапуски коней, привести и пускать взапуски трех желто-рябых коней. Этот самый юноша оседлал своего коня и посадил верхом маленького мальчика. Он укоротил свои стремена, подтянул подпруги под брюхом коня. Эти самые четыре коня отправились. Чтобы скакать взапуски, поставили четырех витязей. Конь этого самого зятя захрапел и повалил туман, зафыркал и повалила пыль. Три желто-рябых коня и три седока их помчались по разным дорогам.

Сжав бронзовые стремена так, что они сжались, конь этого самого зятя поскакал так, что засвистело подобно брошенному камню, поскакал подобно выстреленной стреле. В его обоих глазах чернело, в ушах его жужжало, и он прибыл. Он один прибыл к народу. Мальчика ссадили, стремена выпрямили и ссадили его. Народ его удивляется и говорит: „Хотя наш Эсэгэ Малан Тэнгри и понимает находящееся за пределами познаваемого, он меряется силой с каким-то ничтожеством!"

Затем ждали они, ждали. Они прибыли с криками и воплями: „Ха-ха!" Те три мальчика прибыли и говорят: „Будем снова скакать! Наши кони сошли с прямого пути и пошли по другой дороге!"

Народ не обратил на них внимания, написал про жениха, что он взял в качестве приза дочь, бумагу величиною с ладонь и отправил Эсэгэ Малан Тэнгрию. Эсэгэ Малан Тэнгри взял и прочитал. Тот должен, как будто, немедленно стать зятем. Эсэгэ Малан Тэнгри спустил [с неба] бумагу. Взяли и прочитали бумагу его витязи и сановники. Эта бумага была послана с извещением вести искусные речи, обмениваться нитяным поясом. Собрали всех сановников. Приготовили водку, словно озеро. Приготовили мясо, будто сопка, говорили обычные [в таких случаях] слова, обменивались огнивом и ножом, говорили искусные речи, обменивались нитяными поясами, сидят и устраивают пир и беседу. Они пьют, чуть-чуть не плавая в водке, словно озеро, они едят, швыряясь в мясе, словно сопка. Восемь дней устраивали они удалой пир, девять дней устраивали они большую беседу, на десятый день разошлись.

Шаманка Шорокшхон, которая не упустит вредного, и дома-то шепчет, и снаружи-то бормочет: „За девицу отдаете вы своих дочерей! Девка, у которой шея словно от бус протерлась, палец которой имеет следы наперстка!" Так шепчет и бормочет она.

Тем временем, они, не слушая ее, снаряжали своих дочерей. Оседлали и взнуздали трех желто-рябых коней своих и пока они седлают своих

коней, Шаманка Шорокшхон шепчет и бормочет трем девицам: „Выходите вы за девицу? Куда вы денетесь четыре бабы? Вчетвером что ли едете вы искать мужа?“ говорит она и смеется и глумится. Девицы даже не слушали тех слов, и, собираясь в путь, выехали. Ехали они, ехали.

Шаманка Шорокшхон превратилась в пеструю сороку и спереди-то стрекочет, и сзади-то стрекочет. „Куда полагаете отправиться, четыре бабы?“ Эти девицы напустили жару такую, что можно сказать пекло, напустили такую жару, что конский навоз закипал. Не стало [никакой] возможности, и они сняли одежды, чтобы покупаться в воде. Этот самый жених снял [тоже] свои платья и снял свою шубу. Конь жениха захрапел и потянул туман, зафыркал и повалил пыль, и они, не видя друг друга в черном тумане, вошли ощупью ногами в воду и плавают. Выкупавшись, они вышли. Надели свои платья и пришли сюда. Шаманка Шорокшхон, став сорокой, стрекочет и говорит: „Куда вы держите путь, четыре бабы?“

Настало вечернее серое время сна. Они въехали в лес. Муж их свалил стрелой изюбрей и маралух и, навьючив вьюки, прибыл. Старшая дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия сказала своим сестрам: „Испытаем-ка его!“ Младшая сестра сказала ей: „Не подобает вам, идя в дальний путь, отправившись в далекий путь, испытывать человека, руководствуясь словами Шаманки Шорокшхон, которая не упустит бедового!“ Так сказала она. Между тем, обе старшие дочери [делают следующее] — самая старшая девица сидит и шьет золотисто-шелковое одеяние, средняя же девица сидит по правую сторону и сидит и делает лук и стрелы. „Если это мужчина, то придет он и посмотрит на наши лук и стрелы! Если это настоящая девица, то войдет и посмотрит на наши золотисто-шелковые одежды!“ разговаривают они между собою и сидят. Он едет, чувствуя вьюки. Пока он так едет, конь его спрашивает: „Теперь ты едешь и что знаешь?“ — „Я ничего не знаю!“ сказал он. Конь его сказал: „Твоя старшая жена сидит и шьет шелковое золотистое платье, средняя жена твоя сидит и делает лук и колчан. Если это муж, говорят они, то войдет и посмотрит на наши лук и колчан! Так говорят они!“ сказал он. Въехал он и прибыл на двор. Младшая жена его выбежала, спихнула и свалила его вьюки и внесла. Хан Сэксэй Мэргэн вошел и, сняв узду со своего коня, пустил его. Он пустил его, присоединив к трем [остальным] коням своим.

Этот самый Хан Сэксэй Мэргэн [т. е. Амаран Гохан Абахай] вошел и глядит на лук и колчан. „Что это вы сидите и делаете?“ спросил он. — „Мы сидим и делаем лук и колчан!“ сказали они. „Что это вы загадали?“ сказал он. „Отправляясь в дальний путь, вы сидите и вызываете дурные знамения!“ С этими словами он переломил их лук и колчан и бросил в огонь. Затем настало утро.

Они поехали дальше. Ехали они, ехали. Настало вечернее серое время сна. Они переночевали и прибыли сюда. „Идите туда, где мною нарисо-

вана пядь, ночуйте там, где мною начерчен круг!" сказал он. Ехали они, ехали. Он прибыл вперед один. Три жены его едут потихоньку сзади. Хан Сэксэй Мэргэн ехал, ехал и приехал. Он въехал на задворки к строениям. Растет и колышится и качается развилистый пырей.

Приведя в порядок свой дом-усадьбу, выметя сор и нечистоты, она [т. е. переодетая Хан Сэксэй Мэргэном Амаран Гохан Абахай] пошла к костям своего брата, перерыла четырехугольную белую скалу, взяла своего брата, раскрыла чугунный гроб его, вытащила золотой гроб и раскрыла золотой гроб. Кости ее брата все рассыпались. Она принесла его вместе с гробом домой, устроила постель, сложила кости своего брата и положила на кровать. Она закрыла его черным собольим одеялом и написала бумажку величиною с ладонь [исписав] сзади и спереди. Соловый конь Зань ее брата стоял привязанный у коновязи. Она положила бумажку под копыто коня своего брата. Амаран Гохан Абахай превратилась в серого попрыгуна зайца с белым крестиком на шее и ускакала в заросли.

Три жены Хана Сэксэй Мэргэна ехали, ехали и приехали. Они достигли и въехали к Хан Сэксэй Мэргэну. Подъехали они к воротам. Младшая жена его слезла с коня, открыла ворота, в которые они въехали. Лишь только они въехали [видят они], конь Хан Сэксэй Мэргэна стоит привязанный у коновязи. Они привязывают своих коней к коновязи. Между тем старшая жена его говорит: „В какую страну мы прибыли? Теперь сбылось слово Шаманки Шорокшхон, которая не проглядит бедового!" Так говорили они между собою. Привязав своих коней они пришли. Старшая девица пошла и посмотрела, сдернув с него одеяло: лежат белые кости. „Что это теперь такое? Обманутые, мы пришли в землю мертвую и оскуделую!" говорят они промеж себя. Две девицы повернулись назад в сторону двери и говорят: „Вернемся обратно!" Младшая девица сказала им: „Не думаете ли вы о славе своей, что вы воскрешаете мертвых и обогащаете обедневших?" сказала она. „Вы думаете как бы выйти замуж за отменного мужа?" говорит она. Поразмыслив, повернули они обратно. Старшая девица вытащила из своего кармана черный шелковый плат, раз плюнула, раз шагнула, раз махнула. Средняя девица раз шагнула, раз плюнула, раз махнула. Младшая таким же образом раз шагнула, раз плюнула и раз махнула, три раза. В третий раз крикнула она: „Вставай!" и ударила его. Он вскочил: „Как долго я спал!" сказал он и пригладил свои волосы и наружность. „Вот скажешь тоже, что ты спал, после того, как стал ты белыми костями!" Хан Сэксэй Мэргэн выбежал наружу. Лишь только он выбегает наружу, видит он—стоят привязанными четыре коня. Он подошел к соловому коню Зань. Он обнялся с ним, совсем притянув его толстую большую шею. Конь его поднял правую ногу: [под ней] находится бумажка величиною с ладонь. Он взял ее и прочитал: написано

о том, как она [т. е. Амаран Гохан Абахай] отправилась в северо-западную сторону, как она страдала и что она испытала. Он читает и плачет по местам, где она шла со страхом. Он читает и веселится по местам, где она ходила и смеялась. „Я привела трех дочерей Эсэгэ Малан Тэнгрия“, было написано. „Если ты воскреснешь, то будешь ты жить с этими тремя девицами!“ было написано. „Я же, твоя единственная сестра, став попрыгуном серым зайцем, ушла в чащу“, написала она. „Ты не будешь меня искать!“ написала она. Он просмотрел и прочел все это письмо, положил его в карман, причесал волосы, вымыл лицо и руки и вошел. Он приветствовал своих троих жен ханским „мэндэ“, поздоровался с ними словом „здорово“ простолюдинов. Сварили чай, вытянули свой золотой стол, извлекли пищу и сидят вчетвером и пьют чай. Поели. Настало следующее утро. Он ударил в барабан северного склона, собрал свой народ, ударил в барабан южного склона, собрал южных сановников своих и стал играть свадьбу. Восемь дней устраивали развеселый пир, девять дней устраивали большую беседу, на десятый день разошлись, пришли в себя. Люди, имеющие дома, вернулись по домам, люди имеющие кров, вернулись по домам. Жены его воздвигли каждая для себя отдельную ставку и поселились в них. Выстроив ставку, каждая живет [в своей отдельной ставке]. Он вышел из дворца своей старшей жены на тринадцать базаров и проведал своего солового коня Зань. Четыре прекрасных коня пасутся на северном склоне Алтая, на развилистом пырее. Он крикнул хорошим голосом, он замахал прекрасным подолом. Соловый конь Зань принял в свое прекрасное правое ухо зов своего господина и сказал: „Вы продолжайте есть! Мой господин кричит и подает громкий голос!“ Его конь пришел. Он пришел к ребристым серебряным воротам. Он толкает ворота. Хан Сэксэй Мэргэн вышел и открыл ему ворота. Он взнуздал его своим чеканным серебряным недоуздком, он взнуздал его своей литой серебряной уздой, оседлал, подтянул тринадцатью подпругами, так что они подтянулись. Он вдел цельную серебряную подвею, накрутил свои цельные нитяные повода на луку и отправился на охоту, вертя своим луком и колчаном. По северному склону Алтая и хребту Хухея он убивал черных из выдр и серых из соболей. Он три раза объехал местность Гунан, четыре раза объехал местность Дэнэн. Он не мог глазами заметить ни одного зайца. Он прибыл домой. Ступая так и сяк, он волей-неволей прибыл. Он прибыл на двор. Он столкнул и сбросил свои вьюки.

Три жены его подошли. Они побросали в сторону пищи то, что пойдет в пищу, они сложили в сторону одежды то, что пойдет на одежду На следующее утро он опять выехал на охоту. Он едет по краю одной чащи. Выскочил один попрыгун-заяц с белым крестом на груди, перерезав ему дорогу. Он выхватил свою остроконечную хангайскую стрелу и шепнул: „Если это действительно моя сестра, то упадешь ты, придавив

ее оперенною частью!" Так шепнул он. Он пустил ее. Она упала и придавила оперенной частью белую хрящевую шею ее. Он побежал. Схватил [зайца] и взял к себе на грудь. Приласкал и положил за пазуху. Он убивал наижирную из дичи, наичерных из выдр, наисерых из соболей. Наполнив свои вьюки, он прибыл домой.

Прибыл он на двор; сбросил и спихнул все, и три жены его растаскали вьюки в три стороны. Своего попрыгуна серого зайца он отдал старшей жене своей. Жена положила попрыгуна серого зайца спать в корзиночку с кораллами и жемчугами. Он разгрыз ее кораллы и жемчуга. Исколотив его хребет, она бросила его на сор. Он сидит и плачет на соре. Хан Сэксэй Мэргэн спросил: „Зачем ты побила его, который-то весь с горсть?" — „Хорош он, коли изгрыз мои кораллы и жемчуга!" сказала она. Он отнес его к средней своей жене и отдал ей. Его средняя жена взяла его и положила спать его в корзиночку с кораллами и жемчугами. Он опять изгрыз жемчуга ее. Поколотив, она тоже бросила его на сор. Хан Сэксэй Мэргэн сказал: „Зачем ты мучаешь и бьешь его?" — „Хорош он, коли изгрыз чужие жемчуга!" сказала она. Затем он отнес его к меньшей жене своей и отдал ей. Меньшая жена его взяла и положила в корзиночку с жемчугами и кораллами. Он изгрыз ее кораллы и жемчуга. Меньшая жена взяла попрыгуна серого зайца и сидит, прижимая его к груди и заставляя его приплясывать. Она сидит и заставляет его приплясывать, говоря: „Если я буду молода и юна, кораллы и жемчуга найдутся! Если я буду жива и молода, золото и кораллы найдутся!" Вечером она взяла [зайца] к себе в кровать и спит. Когда едят, она кормит его лучшей частью пищи. Когда выходит наружу, идет вместе с ним и несет его. Он пробыл у младшей жены его семь суток.

Хан Сэксэй Мэргэн вошел. Она сидит и заставляет приплясывать попрыгуна серого зайца. Хан Сэксэй Мэргэн взял попрыгуна серого зайца. „Лесное существо нужно отпустить в лес!" сказал он. „Не следует кормить его из рук и мучить!" Младшая жена его не дает, вырывает его. Тем временен он взял его и вышел. Отправился в тайгу, отправился в ярко-красный сосняк, вытащил попрыгуна серого зайца из-за пазухи и сказал: „Сколько времени будешь ты ходить зайцем?" Амаран Гохан Абахай воплотилась в свою истинную плоть, приняла свой извечный вид. Она обнялась со своим братом, притянув его к себе за толстую большую шею, так что он нагнулся. Она обняла, притягивая его за тонкую большую шею, так, что он склонился. Они сидят вдвоем и разговаривают. Он воздвиг дворец, что надо, и поселил свою сестру в сосняке. „Ты привела их обманом!" сказал он своей сестре. „Лишь только я возьму и уйду, вам будет не ужиться! Приходи сюда и живи!" сказал он.

Хан Сэксэй Мэргэн сел верхом на своего коня и выехал на охоту. Он убил наичерных из выдр, он убил наисерых из соболей, он убил наи-

тучную из дичи. Наполнив вьюки, он пришел в сторону своего дома. Он пришел к Амаран Гохан Абахай. Амаран Гохан Абахай выбежала. Он отдал ей наичерных из выдр. Он отдал ей наисерых из соболей. Он отдал ей наитучную из дичи. Затем он вернулся к своим трем женам. Он снял вьюки.

Настало вечернее серое время сна. Настало утро. Он опять выехал на охоту. Он вошел в дом Амаран Гохан Абахай. Амаран Гохан Абахай вскочила, вытянув свой золотой стол, извлекла сладкую пищу и угощает своего брата. Она принесла десять котлов арзы. Она сделала его краснорыжим [от выпивки], она напоила своего брата пьяным.

Он убивает наитучную из дичи, ловит наичерных из выдр, убивает наисерых из соболей. Наполнив вьюки, пришел он в сторону своего дома. Он пришел к своей сестре. Он отдал ей наичерных из своих выдр, отдал наисерых из своих соболей, отдал наитучную из своей дичи. Он вернулся домой. Он снял свои вьюки. Три жены его растаскали [все] в три стороны. Они болтают и перешептываются: „Зачем он стал убивать только один мусор? Зачем он отдает чужим? Зачем он отдает половину наитучной из дичи?“ говорят они. Младшая жена его говорит, не обращая внимания: „Вам-то что? Что впереди у мужчин? Зачем вы думаете так дурно?“ Эти самые обе старшие жены его на следующее утро привязывают к хвосту его коня моток красных ниток.

Хан Сэксэй Мэргэн выехал верхом на своем коне. Едет он, едет. Он входит в дом Амаран Гохан Абахай. Опять сидит и разговаривает и курит он с Амаран Гохан Абахай. Он выехал на охоту.

Та нитка протянулась к Амаран Гохан Абахай. Обе старшие жены пришли, идя по следам своей нитки. Они вошли к Амаран Гохан Абахай. Амаран Гохан Абахай сидит в задней половине и шьет из куска шелка, величиною с ладонь, десять одежд с воротниками, из куска шелка, величиною с палец, двадцать одежд с воротниками и кидает их взад и вперед. Лишь только обе невестки вошли, она вытянула шею, ударила себя в подол и со словами: „Обе старшие мои сестры пришли!“ обрадовалась и развеселилась. Она вытянула свой золотой стол, вытянула свою вкусную пищу. Она ступала плавно, вырастила тонкую зелень. Они наполняют чаши мерой на десять человек и разговаривают и болтают мерой в двадцать человек. Поели и кончили пить чай. Старшая жена спросила: „Давай играть!“ — „Как играть нам?“ спросила она. Средняя жена его сказала: „Давай играть и бросать [друг другу] в рот золотой перстень!“ Старшая жена его сняла узорчатое золотое кольцо, которое она носила на правой руке, и бросила в рот средней жене. Младшая жена схватила его ртом и бросила в рот старшей жене. Старшая жена взяла его в рот, и пошептав, бросила в рот Амаран Гохан Абахай. Амаран Гохан Абахай упала, раскинув руки и лежит навзничь. Обе жены без памяти убежали.

Хан Сэксэй Мэргэн наполнил свои вьюки и прибыл к Амаран Гохан Абахай. Он пришел к Амаран Гохан Абахай, но она не выходит. Не могши дождаться ее, он закричал. Два раза закричал он: нет никого. Окрикнув в третий раз, он вбежал. Амаран Гохан Абахай лежала, упав с раскинутыми руками. Хан Сэксэй Мэргэн заплакал и сказал: „Отчего это теперь сестра моя стала такая черная?“ и заплакал навзрыд. Он лежит и плачет, обняв ее за шею. „Хоть я и сутки проплачу, жизнь не вернется!“ подумал он и, бросив плакать, сделал золотой гроб, снаружи золотого гроба он сделал серебряный гроб, снаружи серебряного гроба он сделал чугунный гроб и прибил его к рогам большого белого изюбря. Большой белый изюбрь его пьет из проруби Тэмурши Хара Дархана [Железоделатель Черный Кузнец].

Изюбрь вышел и подошел, чтобы попить. Пока он бодался, он свалил гроб. Тэмурши Хара Дархан пришел за водой и нашел чугунный ларец. Он побежал назад в свою кузницу. Он схватил свои клещи и молот и пришел. Он разбил его вдребезги и в осколки своим молотом, сломал чугунный ларец и вытащил серебряный гроб. Он разбил серебряный гроб вдребезги и в куски, зажал своими клещами, раскрыл и закрутил. Он раскрыл золотой гроб. После того, как он раскрыл золотой гроб, выскочила оттуда удивительно прекрасная царевна. Со дна ее гроба выкатился узорчатый золотой перстень. Он повел ту девицу и привел домой. Девица надела свой перстень на правую руку. Искусный железоделатель кузнец стал с дочерью и радуется и веселится.

Сын Хартагай Хана — Харжа Мина Хубун выехал на рыбную ловлю к морю с тридцатью тремя витязями, с тремя сотнями воинов. Ловил он, целый день ловил он и поймал только одну рыбу. Он отправил трех человек и сказал: „Сжарьте ее у железоделателя-кузнеца!“ Они отправились к железоделателю-кузнецу и сидят и жарят. Поглядывая на девицу, они сожгли свою рыбу. Втроем сидят они, чуть не плача. Амаран Гохан Абахай спрашивает: „Что с вами?“ — „Мы сожгли свою рыбу!“ говорят они. „Чего сидите и спите?“ сказала она. „Не заботьтесь о рыбе! Жарьте!“ С этими словами она изжарила пшеничную муку, скатала в масле, сделала рыбу и изжарила им. Они отнесли [рыбу] к царевичу. Царевич поел и насытился вместе с тремя стами воинов и тридцатью тремя витязями. „Теперь-то ничего!“ сказал он. „За день поймали одну рыбу и все насыщаемся, когда едим!“

На следующий день он опять стал ловить. Опять поймал он одну рыбу. Он отправил тех трех человек жарить. Они отправились. Амаран Гохан Абахай ступала мерно и вырастила парный цветок, ступала плавно и выращивает тонкую зелень. Эти самые три прекрасных мужа глядели, глядели и сожгли свою рыбу. Амаран Гохан Абахай сказала: „Что вы за господа такие, выжившие из ума? Что это вы все время сжигаете свою

рыбу?" Так сказала она и снова изжарила пшеничную муку, сваляла в масле, сделала рыбу и изжарила им. Они отнесли ее к ханскому сыну Харжа Мина Хубуну. Царевич Харжа Мина Хубун наелся досыта вместе с тремя сотнями воинов и тридцатью тремя витязями.

На следующее утро он опять стал ловить и опять поймал одну рыбу. Снова он послал трех человек. Они отправились к искусному кузнецу и сидят и жарят. Амаран Гохан Абахай сказала: „Теперь хоть сидите и глядите хорошенько глазами и не жгите рыбы!" Поворачивая рыбу, они приготовили ее и вышли. Они принесли ее ханскому сыну Харжа Мина Хубуну. Он один поел и не насытился. „Как же вы сжарили, так что я сегодня один не насытился, после того, как вы раньше хорошо жарили, и мы вчера и третьего дня все насыщались?" ругает он и винит их. Тогда те три юноши сказали: „У искусного кузнеца есть дочь, красивее всех людей. Глядя на ее красоту и миловидность, мы сожгли свою рыбу. Когда мы сожгли свою рыбу и сидели, собираясь плакать, она сделала рыбу из муки и дала нам. Эта же наша рыба, сжаренная нами и не сожженная!" Так сказали они. „Идем туда!" говорит он. Харжа Мина Хубун отправился вместе с тремя сотнями воинов и тридцатью тремя витязями к искусному кузнецу.

Лишь только он отправился туда, [видит он] сидит там прекрасная девица. Он приветствовал ее ханским „мэндэ", поздоровался [словом] „здорово" простолюдинов и вернулся домой. Харжа Мина Хубун говорит своему отцу: „У искусного кузнеца есть дочь, прекрасная-то и красивая-то!" Так сказал он. „Отец, отправляйся, спроси и будь сватом!" сказал он. „Ну, и нашел кого делать своим тестем!" сказал он. „Сватовство затеял ты с кузнецом!" гневается Хартагай Хан. „От кузнеца происшедшему быть кузнецом! От шамана происшедшему быть шаманом!" Так гневается и ругается Хартагай Хан. Между тем он пристает: „Отправляйся!" Хартагай Хан собрался в путь и отправился.

Он вошел в дом к железоделателю, мудрому кузнецу. В задней прекрасной половине сидит и шьет золотой шелк царевна, которая горлом своим может затмить лучи солнца. Хартагай Хан приветствовал ее ханским „мэндэ", поздоровался [словом] „здорово" простолюдинов и садится на прекрасную правую половину, поджав ноги. Искусный кузнец спрашивает Хартагай Хана: „Откуда и куда едете вы? Не вели к нам следы!" Хартагай Хан отвечал, когда он так сказал: „Я пришел к вашей девице с намерением надеть на нее свадебное украшение!" сказал Хартагай Хан. „Что сказать мне после вопроса царя? Скажу я, правильно!" Так сказал он. Они обменялись поясами, надели свадебные украшения, и, назначив срок, он пришел [домой].

Железоделатель кузнец так хлопочет, что не касается руками и ногами земли, чтобы проводить свадьбу к Хартагай Баян Хану. Закончив

сборы, он отправился провожать свадьбу. Он прибыл к Хартагай Хану. Народ толпится словно лес на дворе хана. Он въехал в середину того народа. Он слез со своей телеги и сел в доме. Он сел за золотой стол, велел вытащить вкусную пищу, велел вытащить серебряный стол и велел извлечь серебряную еду. Он пьет почти что купаясь в водке, подобной озеру, он бросается мясом, подобным сопке. Восемь дней устраивали удалой пир, девять дней устраивали большую беседу. Народ искусного кузнеца вернулся домой. Амаран Гохан Абахай стала невесткой. У нее появился ребенок.

У Шажгай Баян Хана устраивают свадебный пир. Сына Хартагай Баян Хана — Харжа Мина Хубуна пригласили вместе с супругой. Сын Хартагай Хана Харжа Мина Хубун отправился вместе со своей женой.

Хан Сэксэй Мэргэн, находясь на охоте, вспомнил о питье и сделал своего коня кудлатым серым жеребенком, а сам стал неказистым стариком в унтах без подошв и в шляпе без макушки и вошел в дом Хартагай Баян Хана. Лишь только он входит, жена Хартагай Баян Хана сидит и поднимает маленького младенца-девочку. Тот старик входит, приветствует ее ханским „мэндэ“, здоровается [словом] „здорово“ простолюдинов и садится на правой прекрасной половине. Эта жена Хартагай Хана сидит и наливает молоко. Она налила в охотничий прекрасный жбан с тринадцатью обручами десять котлов арзы и подала ему. Жена этого самого Хартагай Хана сидит и заставляет приплясывать своего младенца. „Сын Хартагай Баян Хана — Харжа Мина Хубун отец твой!“ говорит она и заставляет ее приплясывать. „Хан Сэксэй Мэргэн, сын Эмтэ Тархя — твой дядя!“ говорит она и сидит, заставляя ее приплясывать. „Амаран Гохан Абахай — мать твоя!“ говорит она и сидит, заставляя ее приплясывать.

Этот самый старик спросил царицу Хартагай Хана: „Куда ушли ваш сын и невестка?“ спросил он. Царица Хартагай Хана сказала: „Они ушли на свадьбу к Шажгай Баян Хану!“ Так сказала она. Он немедленно вышел за ними. Он отправился за ними. Он отправился и вошел в дом к Шажгай Баян Хану. Свадебные гости входят в его аил. Он привязал своего коня снаружи у Шажгай Баян Хана. Он пошел искать гостей. Гости вошли туда. Старик в унтах без подошв, в шляпе без верха, с комочком гноя, величиною с лодыжку, на правом глазу и с комочком гноя, величиною с пчелу, на своем левом глазу вошел [тоже]. Отправившись на правую прекрасную половину, он сел.

Амаран Гохан Абахай наливает чашу, представляется, поет и стрекочет. Этот самый старик поднес Амаран Гохан Абахай заздравную чашу. Амаран Гохан Абахай взяла и выпила заздравную чашу. Она узнала чеканное серебряное кольцо на его правой руке. Амаран Гохан Абахай вытянула шею, ударила себя в подол и обняла его за шею, обнялась с ним

и целует его. Сын Хартагай Баян Хана, Харжа Мина Хубун сильно разгневался и, сильно досадуя, схватил Амаран Гохан Абахай за волосы и вытащил ее. Он утащил ее к Шажгай Баян Хану. Он бьет ее узловатой ременной плетью. Этот самый старик, последовав за ним, вошел. „Что ты за старик такой, что не отстаешь и не отвязываешься?“ сказал он и, сев верхом на своего коня, погнал его и поехал обратно домой.

Этот самый старик сел верхом на своего кудлатого серого жеребенка и гонит его вслед за ними, не отставая от них. Они вошли в свой дом. Он тоже вошел вместе с ними вслед. Сын Хартагай Баян Хана, Харжа Мина Хубун сказал: „Что за неотвязный старик ты!“ и дал ей пощечину. Амаран Гохан Абахай закричала и завопила. Хан Сэксэй Мэргэн находился снаружи. Он не может овладеть своим гневом. Он воплотился в свою истинную плоть, он принял свой извечный образ, он накрутил свою узловатую ременную плеть на правую руку и вбежал. Он вбегает, Амаран Гохан Абахай плачет. Хан Сэксэй Мэргэн вошел в прекрасную дверную половину и пронзительно закричал. Он закричал, соединяя голоса тысячи драконов. Он заревел оглушительно, он заревел, соединяя голоса десяти тысяч драконов. Хан Сэксэй Мэргэн схватил и закрутил Харжа Мина Хубуна за волосы на макушке, он побил его своей узловатой ременной плетью. Он заставил его реветь как козла, он заставил его вопить как козленка. „Чью дочь, ты думаешь, взял в жены?“ сказал он. „Ты принимаешь ее за дичь, за дикое животное, ходившее в тайге?“ сказал он. „Ты так оскорбил ее, полагая, что она не имеет ни родителей, ни братьев?“ сказал он. Харжа Мина Хубун упал ему в колени и поклонился. Хан Сэксэй Мэргэн бросил свой гнев, перестал его бить. Царица Хартагай Баян Хана повела Хан Сэксэй Мэргэна за правую руку и посадила его на правый престол. Они повели искусную беседу, начиная с далекого. Хартагай Баян Хан сказал: „Наш истинный сват прищел!“ Он ударил в барабан северного склона и собрал свой народ, он ударил в барабан южного склона и собрал своих южных сановников. Он устроил пир-беседу. Восемь дней устраивали удалой пир, девять дней устраивали великую беседу, на десятый день пришли в себя и разъехались. Амаран Гохан Абахай говорила своему брату: „После того, как ты ушел на охоту, между тем, как я сидела играючи кольцом с твоими двумя старшими женами, я дала засунуть кольцо себе в рот!“ Так сказала она.

Хан Сэксэй Мэргэн поехал назад домой. Он вошел к своей старшей жене. Вошел к своей старшей жене и учинил суд. Он поселил обеих своих старших жен в один дом и сказал: „Всегда занимайтесь доением коров и готовкой пищи!“ Он сделал их служанками. Войдя к меньшой жене своей, он живет там.

По прошествии трех суток Амаран Гохан Абахай вместе со своим Харжа Мина Хубуном и дитятей приехала к Хан Сэксэй Мэргэну в гости.

Хан Сэксэй Мэргэн собрал свой народ и устраивает пир-беседу. Обе старшие жены его вошли в качестве служанок. Амаран Гохан Абахай подала своим старшим невесткам заздравную чашу. Амаран Гохан Абахай сказала, пока старшие сановники сидели: „Не подобает вам гневаться на моих обеих невесток и делать их служанками!“ сказала она. „А раз мы сами не говорили и после того, как мы скрыли, нет вины на моих невестках!“ сказала она. „Вся вина на нас!“ Хан Сэксэй Мэргэн вдруг повернулся, подумал, сообразил и обратно поселил своих старших жен в их дворцы. Он одарил свою племянницу, три жены его отдали племяннице половину своего золота и серебра и половину имущества словно тюфяк. Амаран Гохан Абахай вместе со своим Харжа Мина Хубуном взяла своего брата за руку, попрощалась, поцеловала своих невесток в рот и попрощалась. „Теперь живите хорошо, не шепча о старых неприятностях, так как вы народ понимающий!“ сказала она. Попрощалась и поехала назад домой. Хан Сэксэй Мэргэн с тремя царицами своими стал жить и поживать и жил в уповании на благодетельного бога.

МАЛЬЧИК-СИРОТА

В прежнее, давнее время был мальчик-сирота. Он отправился к одному богатому человеку. Он сговорился относительно поступления к нему в качестве наемного работника. Он сговорился за четверть хлеба. Кончив жать весь хлеб того хозяина, он переночевал [у него]. Настало утро. Лишь только настало утро, хлеб мальчика-сироты побил град да так, что земля выступила. Мальчик-сирота плачет: „Град побил всю мою заработную плату за целый год!“ Так плачет он.

На следующий год он опять поступил на работу к одному богатому человеку. Он поступил за десять стогов сена. Он кончил сгребать и складывать в стога все сено своего хозяина. Настало следующее утро. Лишь только он вышел наружу, [видит он] все его собственное сено развеял ветер, не оставив ничего. Мальчик-сирота заплакал. Трое суток он плакал. Тот богатый человек дал ему одну денежку и сказал: „Зачем ты сидишь и плачешь жалея свое сено?“ Положив свою денежку в карман, он пошел дальше. Его денежка не помещалась.

У одного человека на дворе сложены в кладку семьдесят саней дров. Он входит к тому человеку. „Эй! Мальчик-сирота!“ сказал он. „Наколи-ка эти дрова“! — „Давай! Побьемся об заклад! Я кончу за день!“ Так побившись об заклад, он сказал: „От восхода солнца я кончу до захода солнца!“ Так побился он на одну денежку. Он взял топор и начал колоть. Колол он, колол. Днем попил чаю. Он доходит до половины. Колет он, колет после дневного чая. Колол, колол. Солнце стало заходить. Солнце зашло. Мальчик-сирота закричал: „О боже! Солнце-юноша, подожди! Мне не хватает одной чурки! Я проиграю этому богатому человеку свою денежку!“ крикнул он. Между тем солнце, не дожидаясь его, зашло. Мальчик-сирота проиграл свою денежку. Мальчик-сирота с плачем пошел дальше.

Между тем, как он таким образом шел, он встретился с пастухом, пасшим овец. Он стал подпаском у пастуха, поступил на год, [условившись]: „Я возьму из твоих овец любую овцу!“ Год кончился. Мальчик-сирота вышел по окончании года. Пастух сказал: „Ладно, бери! Что возьмешь?“ Мальчик-сирота вышел к овцам и выбирает. Он поймал двухгодовалого серо-сизого некладенного козла. Он идет и тащит своего серо-сизого козла.

Он пришел к берегу одной воды. Он привязал своего козла к березе. Он удит рыбу. Лишь только он вытащил свою удочку, показалась золотая рыба. Золотая рыба сказала: „О, боже! Отпусти меня, не убивай! Если ты меня отпустишь, я дам тебе, что тебе нужно!“ Так сказала она. Он пустил свою золотую рыбу в воду. Золотая рыба немедленно вышла. Став белобородым стариком, она вышла с соболино-желтым щенком на цепи. Мальчик взял собаку, положил ее за пазуху, сел верхом на своего серо-сизого козла и погоняет его. Он едет по белой гобийской равнине. Как только он таким образом поехал, настал вечер. Он отпустил своего козла, своего щенка положил за пазуху и лег спать, подложив под голову муравьиную кучу.

Спал он, спал и проснулся. Лишь только он проснулся, [видит он] лежит он на тюфяке на подушке, закутанный собольим одеялом. Раскрыв одеяло, он смотрит. Лишь только он посмотрел, [увидел он что] удивительно прекрасная царевна, которая своим горлом может затмить лучи солнца, а аортой лучи луны, ступает плавно-плавно и выращивает тонкую зелень. Мальчик-сирота сильно удивляется: „Ведь я лег спать на равнине! В каком это таком доме я лежу и сплю?“ Так удивляется он. Эта жена его узнала, что он проснулся и лежит и, подняв одеяло, разбудила его. „Что это ты все время лежишь?“ С этими словами она подняла его. „Следует выйти! Смотри за скотом и за имуществом!“ С этими словами она вывела его за руку. Они сели за свой стол. Вдвоем попили чаю, поели. Мальчик-сирота сидит очень радостный, весьма торжествующий. Когда он утром встал, он все время сидел и смотрел на свою жену. Его жена сказала: „Зачем ты так сидишь? Что если бы ты пошел за скотом?“ сказала она. — „О боже! Нет мне возможности расстаться с тобою!“ говорит он. Жена его тотчас же дала ему свой портрет. Он положил его в карман. „Ты смотри! Не давай его трепать ветру!“ сказала она. Он сел верхом на своего серо-сизого козла и выехал пасти скот. Между тем, как он так шел, внезапно налетел вихрь и ветер и унес и развеял портрет, который он нес в руке. Портрет его улетел. Он упал снаружи у хана.

Мальчик-сирота пришел домой с плачем. Жена его вышла и спросила: „Зачем ты плачешь?“ — „Я допустил развеять портрет, пока шел!“ сказал он. Жена его тогда сказала: „Ты заплакал, пожалев эту бумажку величиною с ладонь, между тем я ведь еще не умерла!“ говорит она. Затем он живет со своей женой.

Сын хана взял портрет и, выйдя искать, пришел к ним. Шел он, шел и пришел. Он вошел к мальчику-сироте. Он приветствует их и сидит. „Эй! Мальчик-сирота!“ сказал он. „Давай играть в прятки, поставим на карту каждый свою жену!“ Мальчик-сирота сказал: „Что-же! Давай играть!“ — „Завтра ты отправляйся к нам!“ сказал сын хана.

Настал вечер. Они забрались в постель. Жена его спросила: „Где же ты теперь будешь искать?“ спрашивает она. Тогда мальчик-сирота сказал:

„Буду искать за сундуками, ящиками и под кроватью!“ говорит он. „Что же ты будешь делать, если будешь таким образом искать и не найдешь?“ говорит его жена. „Где же мне искать?“ спрашивает он. „Войдешь в его юрту“ говорит она. „Будут у стены вправо от двери три чайника! Ты ударь самый средний из чайников со словами: Какой звучный чайник!“ Утром он встал. Сел верхом на своего серо-сизого козла и отправился к хану.

Он въехал на двор к хану. Он вошел в его юрту. Он стал искать. Он искал в доме его. Вошел в юрту. Искал в юрте. Лишь только он взглянул, [увидел он] у стены вправо у двери стоят подряд три чайника. Он поворачивает и смотрит на самый средний чайник. „Какой звучный чайник!“ сказал он и ударяет его скребком. — „Ой, ой! Ты выбил мне глаза!“ С этими словами вышел сын хана. „Ладно, приходи завтра!“ сказал он опять мальчику-сироте. Он вернулся домой.

Поел. Забрался вместе со своей женой в постель. Лег спать. Утром встал, попил чаю. Попил чаю и насытился. Он собрался итти к хану. Жена спросила мальчика-сироту: „Ты куда отправишься теперь искать?“ спросила она. Мальчик-сирота сказал: „Ну его к черту! Да ведь будут же три чайника под полкой!“ сказал он. Жена его рассердилась и сказала: „Говори это своему покойному отцу! Он так и будет все время чайником? Кто тебе сказал это?“ Так сердилась она. „У дверей будут три молота“, сказала она. „За южной колонной будет наковальня. Будет большой молот, будет средненький молот. Ты возьми средний молот и ударь по наковальне! Тем временем и выйдет царевич!“ сказала она. Мальчик-сирота сел верхом на своего козла и приехал [к хану].

Он вошел к хану. Он искал в доме его. Он пошел искать в юрте тут и там к дверям. Лишь только он вошел в дверь — стоят три молота. Он взял самый средний молот. „Что за чертовски хороший молот для ковки сох!“ говорит он. Когда, постояв так, он посмотрел за южную колонну, [видит он] стоит там наковальня. Он пошел к той наковальне, размахнулся, размахнулся и ударил по наковальне. Сын хана со словами „Что ты, мальчик-сирота? Ты сломаешь мне спину!“ выбежал. Затем он сказал: „Завтра ты опять придешь!“

Мальчик-сирота возвратился домой. Поел, попил чаю и забрался в постель. Забравшись в постель, он говорит своей жене: „Отправлюсь завтра, схвачу его молот и буду бить по наковальне, пока он не опомнится!“ говорит он. Тогда жена его говорит: „Так он и будет все время молотом?“ говорит она. Жена его говорит: „Завтра пойдешь, поищешь снаружи и войдешь в сад его! Будут расти три березовых куста,“ сказала она. „Ты позаботишься о том, чтобы сломать самый средний куст!“ Так сказала она. Мальчик-сирота встал. Попил чаю, поел. Он отправился верхом на своем серо-сизом козле к хану. Отправившись наружу, он искал

снаружи дома. „Я еще не пытался входить в этот сад, несмотря на то, что приходил два-три раза", сказал он. „Какой прекрасный сад!" С этими словами он вошел в сад. Лишь только он вошел в его сад, [увидел он] в южном углу растут три березовых куста и покрыты золотыми листьями. Согнув самый средний куст, он хочет его сломать. Сын хана говорит: „Мальчик-сирота, что ты? Ты переломишь мне спину!" Мальчик-сирота нашел его спрятавшегося в третий раз. Мальчик-сирота сказал: „Ладно, завтра ты отправишься к нам, и я спрячусь!" сказал он.

Сын хана отправился к мальчику-сироте. Жена мальчика-сироты сидит и шьет из куска шелка величиною с ладонь десять [одежд] с воротниками. Мальчик-сирота сидит рядом со своей женой. Сын хана вошел во двор. Мальчик-сирота посмотрел и побежал под лавку под свою жену. Жена его быстро схватила. Превратив его в наперсток она поставила его на окно. Она сидит и продолжает шить. Она сидит и шьет, не думая даже о том, что кто-то вошел. Сын хана искал. Он искал до захода солнца. Жена мальчика-сироты сказала: „Что это ты так туго и нерадиво ищешь, после того как не находишь?" говорит она. Тогда сын хана сказал: „Мальчик-сирота! Выходи!" закричал он. „Нет мне возможности найти тебя!" Мальчик-сирота сказал: „Что ты за слепой такой! Ты не видишь меня, сидящего на окне!" сказал он. Мальчик-сирота сказал: „Завтра опять придешь!" Сын хана пошел назад.

Настало утро. Опять пришел он к мальчику-сироте. Он вошел во двор его. Жена мальчика-сироты подметает сор. Он подлез под подол своей жены. Его жена быстро схватила его и, превратив его в вейник, бросила к двери. Сын хана вошел и ищет. Искал, он искал. До захода солнца искал он. Сын хана закричал: „Мальчик-сирота! Выходи! Нет мне возможности найти тебя!" — „Эх, ты!" сказал он. „Ты не видишь меня, находящегося в дверях!" сказал он и вышел. „Завтра придешь пораньше!" сказал он.

Настал следующий день. Жена его спросила: „Куда ты спрячешься?" спросила она. „Я залезу под плиту и буду там сидеть!" говорит он. Жена его зажгла в плите огонь и сидит и моет чашки и чайник. Сын хана вошел. Жена быстро схватила мальчика-сироту и, превратив его в ручку котла, поставила на плиту. Сын хана стал искать. Он искал до захода солнца. Он не мог найти его. „Нет мне возможности найти!" сказал он. „Мальчик-сирота, выходи!" закричал он. „Ты не видел меня, сидевшего на этой плите!" сказал он. Сын хана пошел назад домой. „Три раза одолел ты меня, а завтра отправляйся к нам!" сказал он и удалился.

Настало утро. Он отправился. Отправившись, он вошел к своему хану. Сын хана сказал: „Отправляйся на запад!" сказал он. „Приди и спроси о возрасте черного Хашанхайского медведя!" Мальчик-сирота прибыл верхом на своем серо-сизом козле домой. Он вошел в свой дом и расска-

зал своей жене. Он разговаривает, плачет и беспокоится. Жена его сказала: „Зачем ты беспокоишься?“ говорит она. Они легли спать.

Жена мальчика-сироты напряла один клубок черной шерсти и напряла второй клубок белой шерсти. Она приделала их ему к плечам. Он поехал верхом на своем серо-сизом козле. Он отправился к черному Хашанхайскому медведю. Он прибыл к Хашанхайскому черному медведю. Он слез со своего козла и, отправившись к отверстию норы медведя, ткнул в нору прутиком. Медведь вышел, чтобы съесть его. Смотря на мальчика-сироту, он сказал: „До достижения девяностосемилетнего возраста я не видал трехголовых!“ С этими словами он бегом влез обратно в свою нору. Мальчик-сирота приехал верхом на своем серо-сизом козле домой. Он отправился к своему хану. „Он говорит, что ему девяносто семь лет!“ [сказал он]. Хан его говорит ему: „Приди и взыщи с юноши-солнца подать, недоимку за три года!“ Так сказал он.

Мальчик-сирота приехал верхом на своем серо-сизом козле домой. Он прибыл домой с плачем. Жена его спросила: „Зачем ты плачешь?“ — „Он сказал, взыскать с юноши-солнца подать, недоимку за три года!“ сказал он. „Потому я иду и плачу!“ сказал он. „Как человеку, подобному мне, добраться до юноши-солнца?“ сказал он. Жена его тогда сказала: „Не беспокойся! Спи!“ Он заснул. Жена его напряла три мотка белых ниток, желтых ниток и черных ниток, вышла с ними и бросила их на небо. Появилась белая серебряная лестница. Мальчик-сирота, верхом на своем серо-сизом козле, взобрался и влез по белой серебряной лестнице на небо. Он едет, взбираясь на небо.

Он вошел в дом юноши-солнца. Сидит мать юноши-солнца. Он приветствовал ее ханским „мэндэ“, поздоровался [словом] „здорово“ простолюдинов. Мать юноши-солнца спросила его: „О боже! Откуда ты пришел?“ сказала она. Мальчик-сирота сказал: „Я страдаю и мучаюсь, будучи посылаем туда и сюда сыном хана!“ говорит он. „Я пришел и спросил о возрасте черного Хашанхайского медведя!“ говорит он. „Во второй раз он послал меня взыскать с юноши-солнца подать-недоимку за три года!“ — „О боже! Куда мне посадить тебя, когда придет юноша-солнце?“ сказала она. „Юноша-солнце сожжет тебя!“ сказала она. Мать юноши-солнца вытащила камень очага задней половины. Она посадила его в очаг. Поверх него поставила котел о девяти печатях и налила [его] полный воды. Сверху она положила птичьи перья. На них положила она овечью шерсть, конский волос и зерна хлеба. Затем она посадила камень очага назад.

Юноша-солнце вошел. „Тьфу! Что за людской запах разносится!“ говорит он. Солнце-мать сказала: „Я чесала шерсть и бросила в огонь. Оттого пошел запах паленого!“ говорит она. Юноша-солнце берет желтую книгу судьбы и читает. В желтой книге судьбы его [сказано]: „Есть водяное море. Над морем летают земные птицы. Если выше посмотреть, есть

белый материк, на белом материке растет хлеб". Юноша-солнце сидит и сильно удивляется. „Как далеко!" говорит он и сидит в изумлении. Тогда солнце-мать его сказала: „Ты не разгневаешься?" и взяла с него слово. „Единственный земной внук мой страдает и бедствует, будучи куда только не посылаем ханским сыном!" сказала она. „Он прислал его взыскать с тебя подать, недоимку за три года!" говорит она. „Который? Где? Выпусти его!" говорит он. Солнце-мать его вытащила камень очага и сняла зерна хлеб. Она взяла шерсть, взяла котел о девяти печатях, она извлекла мальчика-сироту. Мальчик-сирота вышел и стал разговаривать с юношей-солнцем. Он рассказал ему о своих страданиях, о своих лишениях, о том куда только не был посылаем. Он сказал: „Он послал меня взыскать подать с юноши-солнца!"

Настал следующий день. Юноша-солнце оседлал своего золотисто-солового коня и дал его мальчику-сироте. Мальчик-сирота выехал верхом на его коне объезжать вселенную. „Как ехать?" спрашивает он.— „Твой конь сам будет знать!" сказал тот. Он выехал объезжать вокруг вселенной. Как только поехал он в обеденную пору, [увидел он] стоит перед ним четырехногий стол, полный еды и воды. Конь его направился туда и, не идя [дальше], останавливается. Этот самый мальчик-сирота слез со своего коня, сел за стол и поел. Наелся досыта. Разбив вдребезги две прекрасные тарелки, он встал. Оттуда он поехал дальше. Он отправился в сторону захода солнца, объезжая мир. Оттуда он отправился к юноше-солнцу. Когда он так ехал, встретился тэнгри града. Он схватил тэнгрия града и побил его до становой жилы его.

Затем он поехал дальше. Встретился тэнгри ветра. Он схватил тэнгрия ветра и избил его спину. Затем он поехал дальше. Едет он, едет. Он вошел в дом юноши-солнца. Лишь только он пришел к юноше-солнцу, как какая-то старуха держит жалобу перед юношей-солнцем. „Какого и что за человека ты выпустил! Он разбил мои две прекрасные тарелки!" говорит она. Затем юноша-солнце сказал: „Зачем ты разбил тарелки этого человека?" Тогда мальчик-сирота сказал: „Прежде, ходив в наемных рабочих, я получил одну денежку. На эту одну денежку я побился с богатым человеком об заклад!" сказал он. „Поколоть семьдесят саней дров до захода солнца! Пока оставалась одна чурка и я говорил: 'Юноша-солнце, подожди!' солнце зашло!" Так сказал мальчик-сирота. „Так как ты, не слушая слов сироты стал на сторону богача, я в озлоблении разбил ее тарелки!" Так сказал он. Юноша-солнце говорит: „Тогда я неправ. Ваши тарелки будут на моей совести!".

Тем временем входит тэнгри града. „Какого человека ты впустил! Он исколотил мою спину!" говорит он. Юноша-солнце спрашивает: „Зачем ты избил его?" Мальчик-сирота сказал: „Его следует бить! Прежде я поступил к богачу в качестве наемного рабочего за четверть зерна. Он же

побил мой хлеб своим градом, так что выступил пар! Рядом же с тем хлебом, на хлеб богача не попало даже крупиночки! Не поломался ни один колос, только мой хлеб он побил!" Юноша-солнце сказал: „В таком случае ты неправ. Зачем ты, делая разницу, побил хлеб бедного человека?" Так говорил он. Тот взыскал за свой хлеб двести целковых. Тэнгри града отдал двести целковых.

Тем временем вошел тэнгри ветра. „Что за человека ты послал?" говорит он, „он побил меня так, что я распух и вздулся!" — „Зачем ты побил его?" спрашивает он. „Его следует бить!" сказал тот. „Прежде я поступил к богачу в качестве наемного работника на покос и жатву за десять стогов сена. После того, как он не развеял сено других людей, он развеял в пух и прах только мои десять стогов сена!" говорит он. „Я вправе взыскать за те десять стогов сена с этого человека двести пятьдесят целковых!" говорит он. Юноша-солнце тогда сказал: „Ты в таком случае сильно виноват!" говорит он тэнгрию ветра. „Зачем ты развеял только сено мальчика-сироты? Ты должен быть справедлив на земле, раз ты стал ветром! Дай взыскиваемое!" Тот отдал двести пятьдесят целковых. Юноша-солнце дал одну денежку. Затем он написал на бумажке величиною с ладонь золотые письмена и, приложив солнечную печать, подал. „Ну, иди таким образом назад! Теперь забирай, пока не возьмешь всего!"

Тот сел верхом на своего серо-сизого козла и спустился в нижний мир. Пришел домой и отдал своему хану ту бумагу. Затем он прибыл домой. Он пришел к своей жене и отдал ей четыреста пятьдесят целковых. Он отдал ей данную юношей-солнцем денежку. Затем вечером они легли спать. Затем настало утро. Лишь только настало утро, хан приказал мальчику-сироте притти. Мальчик-сирота отправился. Хан стал посылать сироту: „Взыщи и принеси от Тольто Хана [Хан по прозвищу с зеркалом] кожу выделки трех лет!" Мальчик-сирота прибыл к своей жене домой с плачем. Жена его спросила: „Что с тобой?" — „Хан говорит принести от Тольто Хана кожу трехлетней выделки!" Так сказал он. Жена его сказала: „Не беспокойся! У человека, ходящего в живых, выход найдется!" Настало утро. Он стал собираться. Сел верхом на своего серо-сизого козла и отправился к Тольто Хану. Ехал он, ехал, ехал он, ехал.

Как только он так поехал, увидел он, лежат и спят у дороги на перекрестке трех дорог старик и старуха в одеяле, вывороченном наизнанку. „Куда держишь путь?" спросили они мальчика-сироту. Мальчик-сирота сказал: „Я отправляюсь к Эрлен Хану!" — „О боже! Зачем ты отправляешься к Эрлен Хану? Если Эрлен Хан посмотрит в свое зеркало, он схватит тебя и проглотит!" говорят они. „После того, как хан послал меня, нет мне возможности не слушаться его слов!" сказал он. „Он отрубит мне голову!" — „Когда прибудешь, то скажи Эрлен Хану, спрашивают мол,

что будет с внуками и правнуками впоследствии, если мы так будем лежать!" Так сказали они. После этого он поехал дальше.

Лишь только он отправляется снова, как на перекрестке трех дорог барахтаются старик и старуха, не находя себе места на шкурах восьми кладеных баранов, и говорят друг другу: „Ты ложись туда, ты ложись сюда!" — „Мальчик-сирота! Куда ты?" спрашивают они. Мальчик-сирота тогда говорит: „Я еду, чтобы взять от Эрлен Хана выделанную кожу! Хан послал!" — „О, боже! Человек, отправившийся туда, оттуда не приходит!" говорят они. „После того, как хан послал, он убьет меня даже если я буду дома!" говорит он. Тот старик говорит: „Если ты прибудешь туда и будешь возвращаться назад, то спроси, почему это мы так лежим, не находя себе места!"

После этого он отправляется дальше. Едет. Лишь только он едет, как на перекрестке трех дорог двигается молодая баба, подвешенная вниз головой к рогам коровы. „Мальчик-сирота! Куда ты?" спрашивает она. Мальчик-сирота говорит: „Я отправляюсь к Эрлен Хану. Я иду взыскать кожу трехлетней выделки!" говорит он. „Если ты туда прибудешь и поедешь назад, то спроси, почему я подвешена к рогам коровы!" сказала она. После этого он поехал дальше.

Сидит старуха на перекрестке трех дорог. Она сидит и не может разобрать черную и белую шерсть. „Мальчик-сирота! Куда ты?" спрашивает она. „Я еду к Эрлен Хану!" сказал он. — „Если ты отправишься туда, то спроси про меня! Спроси, как долго буду я сидеть и разбирать шерсть!" сказала она.

После этого он отправляется дальше. Едет он, едет. Он прибыл к Тольто Хану. Лишь только он входит, сидит его мать. Снаружи подвешены кожи, полно юфти и шагрени. Мать Тольто Хана сказала: „О, боже! Каким таким делам пришел ты сюда, человек с истинной плотью? Если войдет сюда мой сын, то он проглотит тебя!" говорит она. Когда она так говорит, мальчик-сирота рассказывает обо всем, как он был мучим ханом, как он отправился к юноше-солнцу. „В третий раз он послал меня спросить у вашего сына кожу трехлетней выделки" — „Это-то у тебя верно!" говорит она. „Куда только я тебя положу?" С этими словами она вытащила камень очага задней половины, выкопала саженную яму и, заставив того мальчика-сироту влезть в ту яму, поставила наверх котел о девяти печатях. Она налила его полным водой. На воду она положила перья птиц земных. На перья птиц она положила конский волос. На конский волос она положила рожь. Затем она посадила камень очага назад без следов [того, что он был вынут].

Вошел Тольто Хан. „Тьфу!" говорит он. „Какая вонь человека с подлинной плотью распространяется!" говорит он. Мать его тогда говорит: „Я чесала шерсть и бросила ее в огонь!" говорит она. Эрлен Хан берет

свое зеркало и смотрит в свое зеркало. Лишь только он посмотрел в свое зеркало [увидел он], есть водяное море, на море летают птицы семидесяти видов. Как только он смотрит на них [видит он], есть белый материк, на белом материке растет хлеб. Тольто Хан смотрит в свое зеркало и удивляется: „Что за вонь выходит из-под такого тройного материка?" Сидит он и удивляется. Мать его берет тогда с него слово. „Единственный мой внук на земле стал посыльным ханского сына и головы своей не чувствует. Он пришел просить у вас кожу трехлетней выделки!" — „Выпусти его!" говорит ее сын. Она сняла камень очага задней половины, взяла свое зерно, взяла конский волос, вылила воду из котла, сняла свой котел и вытащила своего мальчика-сироту. Она посадила камень очага назад. Мальчик-сирота рассказывает. Эрлен Хан дал кожу трехлетней выделки. Он дал мячик величиною с кулак. Когда он давал его, он сказал: „Отправляйся к хану и, взяв сероватые и черноватые кожи и делая из них предметы необходимости, брось их об стену. После того, как ты отдашь их, твой хан придет вслед за тобой войной!" говорит он. „Он придет и, вероятно, решит убить тебя. Тогда ты скажешь: 'Умру я, но погуляю [сперва] со своим ханом, пока еще не умер!' и заколишь жирную кобылу. Ты дашь [мячик] солдатам и казакам со словами: 'Стреляйте им и играйте!' Тогда каждый раз, как ты, усядешься с ханом, а они будут стрелять, мячик твой будет становиться величиною со стог. Перевалив за величину стога, он станет величиною с дом. Перевалив за размеры дома, он станет величиною с гору. Тогда каждый раз, как он будет становиться все больше, казаки и солдаты с большим рвением будут увеличивать свое стремление стрелять. Ты схватишь подмышку только хана и приведешь его в свою юрту!" говорит он. Мальчик-сирота спрашивает: „ Когда я шел [сюда], в пути лежали старик и старуха на вывороченном на изнанку одеяле. Они наказали мне спросить, что станет впоследствии с ними и с их внуками и правнуками!" Тольто Хан говорит: „В таком случае внуки и правнуки их всегда будут жить сытыми и в довольстве!" — „Когда я подходил сюда, то по сю сторону лежат, барахтаясь и толкаясь, старик и старуха, не находя себе места на шкурах восьми кладеных баранов. Они [наказали мне: 'Спроси у Эрлен Хана, что будет после нас с нашими внуками и правнуками!" говорит он. ТогдаЭрлен Хан сказал: „Те двое всегда будут подобны жесткой коже, не будучи в состоянии поместиться и уложиться!" — „После этого, когда я отправился дальше, шла одна баба, подвешенная за рога коровы," говорит он. „Это чего-же ради?" ЭрленХан сказал: „Та женщина пожалела для своего новорожденного младенца молока и в молоко подмешала воды! Она всегда будет жить, подвешенной к рогам коровы!" говорит он. — „Когда я после этого шел сюда, то одна молодая баба сидела, не будучи в состоянии разобрать черную шерсть и белую шерсть. Отчего это она так сидит?"—Тогда Эрлен Хан сказал: „Та женщина под-

мешала к крови молоко и варила. Она всегда будет сидеть и разбирать кровь и молоко!" Тогда мальчик-сирота взял свою кожу, взял свой мячик, вышел и поехал обратно, сев верхом на своего серо-сизого козла. Ехал он, ехал.

Как только он стал подъезжать в эту сторону, как сидит баба, разбиравшая черную шерсть и белую шерсть. „А, мальчик-сирота! Ты прибыл и приехал? Что он сказал про меня?" спрашивает она. „Ты подмешала к крови молока! Ты до смерти будешь разбирать кровь и молоко!"

После этого он стал подъезжать сюда. Стоит женщина, бывшая на рогах коровы. „Что сказал он про меня?" спрашивает она. — „Он сказал, что ты будешь до смерти на рогах коровы!" говорит он. „Ты пожалела для своего новорожденного дитяти молока!" говорит он.

После этого он стал приближаться сюда. Лишь только он стал подъезжать, как лежат те двое, что не могли поместиться на шкурах восьми кладеных баранов. „Что сказал он про нас?" — „Он сказал, что вы до скончания жизни будете в таком положении, не будучи в состоянии поместиться!" говорит он.

После этого удалился оттуда. Лишь только он приехал, спрашивают его старик и старуха, лежавшие на вывороченном на изнанку одеяле. „Что он сказал про нас?" — „После вас ваши внуки и правнуки будут жить в сытости и довольстве!" сказал он.

После этого он отъехал оттуда. Он вошел во двор своего хана. „Возьмите сероватую и черноватую кожу, кожу своего жеребенка!" С этими словами он их бросил на стену. Он пришел домой. Затем, лишь только он прибыл домой, выбежала его жена.

На следующий день пришел войной хан с тридцатью тремя витязями с тремя сотнями войска. „Не найти способа убить мальчика-сироту! Я отправил его к Эрлен Хану, чтобы он был проглочен, но он пришел, не будучи проглоченным!" С этими словами он идет и идет войною. Он вошел в дом мальчика-сироты. Он сказал мальчику-сироте: „Выходи сюда! Мы голову твою порубим!" Мальчик-сирота вышел. „О, боже! Что ты царь-батюшка? Что, если бы умереть мне, погуляв с вами, пока я еще не умер?" — „Что же?" сказал хан. Он заколол жирную кобылу. Он кормит и угощает три сотни казаков и солдат его и тридцать трех витязей его. После угощения он дал его казакам и солдатам мячик. — „Стреляйте и играйте!" Они берут мячик, стреляют и играют. Он стал величиною со стог. Он перевалил за величину стога и стал величиною с дом. После этого, увеличиваясь, он стал величиною с гору. Когда он стал величиною с гору, мальчик-сирота взял своего хана подмышки и вошел с ним в свою юрту. Мяч его, став величиною с гору, раскололся на части. Появилось великое черное море и увлекло в потоке его войска и воинов и ханского сына. Хан посмотрел и упал, кланяясь мальчику-

сироте в ноги: „Коли солдаты и казаки мои и подданные унесены водой, то пусть пропадают! Отдай мне только моего единственного сына!“ говорит он. Мальчик-сирота спрашивает: „Теперь ты перестанешь ходить на меня войной и нападать на меня?“ Хан его дал подписку и приложил свою золотую печать. Мальчик-сирота сделал свой мячик маленьким и взял его и иссушил водяное море. Подданный народ его весь ожил, и все поклонились мальчику-сироте в ноги. Они вышли из подданства хана и возвели мальчика-сироту ханом. Мальчик-сирота стал ханом. Соболино-желтая собака стала супругой хана. Та соболино-желтая собака является дочерью Уһан Лубса Хана [Водяного Лубса Хана].

Мальчик-сирота воссел на ханский престол, надел ханскую одежду, стал ведать своим подданным народом и владеть своим скотом. Прежний хан стал его сановником. Сын хана стал его витязем, его подручным. Ему стали подведомственны три хана. Данная юношей-солнцем денежка превратилась в полный сундук золота и серебра. Он был наложен сам собою серебром. Сколько бы он ни брал из сундука денег, всегда денег становится опять столько же. Мальчик-сирота стал ханом, никем не осиливаемым, никем не победимым.

ЯНДАРМАН ХАН

Яндарман Хан имеет двух жен. Старшая жена его имела сына, меньшая жена его была бездетная. Он имеет церковь божью, имеет темногнедого коня. Обе жены его имеют два отдельных дома. Яндарман Хан укладывает свою телесную особу в божью церковь, а духовной сражается с Далдайским ханом. Прошло около года. Когда прошло около года, младшая жена его вошла к старшей жене. Она говорит: „Сожжем телесную особу нашего мужа! Нам было лучше жить с его духовной особой!“ говорит она. Старшая жена ругает ее и выпроваживает. Придя во второй раз, она опять говорит: „Сожжем!“ Обругав ее, она опять выпроводила ее. Она вошла в третий раз. — „Я не знаю. Сама знай!“ говорит она. Младшая жена вышла. В полночь она обходит вокруг божьей церкви, зажгла огонь и сожгла телесную оболочку Яндарман Хана вместе с божьей церковью. Она сгорела. На заре Яндарман Хан пришел. Яндарман входит к своей старшей жене и говорит: „Зачем вы сожгли мою телесную особу?“ Старшая жена его говорит: „Твоя младшая жена приходила три дня под ряд!“ — „Допустив сжечь свою телесную оболочку, я был побежден, между тем, как я уже побеждал Далдайского хана!“ говорит он. Взяв свою старшую жену и своего сына и запрягши своего коня, он говорит: „Возьмите мой лук и колчан, возьмите еду и питье и спешно отправляйтесь сегодня странствовать по земле! Идите и не говорите никому ни слова, пока по прошествии трех суток не придет и не проглотит [всех] Хакша Хумарган!“

Старшая жена его стала собираться, взяла еду и питье, взяла свою стряпуху, вышла и поехала. Едет она, едет. Едет она днем и ночью. Пока она так ехала, немедленно явился, гонясь за ними, Хакша Хумарган. Жена Яндарман Хана взяла лук и колчан, надела черные развилины стрелы на тетиву и выстрелила и нацелилась ему прямо в белую хрящевую часть шеи. Остроконечная хангайская стрела ее полетела и прострелила его хрящевую часть белой шеи и свалила его. Хакша Хумарган упал. Эта же жена погоняет [коня] назад. Прибыла и разрезала его желудок и выпустила то, что было в желудке — сегодня съеденный и сегодня проглоченный народ жив, вчера съеденных головы сгнили, третьего дня проглоченные переварились.

После этого она поехала дальше, эта самая жена его. Пока она, таким образом едет, вырывают на дороге два человека друг у друга сапоги. Женщина ехала, ехала и приехала. Приехав на дорогу вперед, она остановилась. Маленький сын этой самой женщины соскочил с телеги и спрашивает: „Чего ради вырываете вы друг у друга эти сапоги?“ Эти два человека говорят ему: „Человек, у которого надеты эти сапоги, не может быть никем настигнут. Это волшебные черные сапоги!“ говорят они. Этот мальчик говорит: „Дайте их мне! Сами же прибегите взапуски! Тот, кто из вас выиграет, получит сапоги!“ говорит он. Отослав их далеко, этот самый мальчик надел сапоги, поднялся и удалился и исчез. Те двое прибежали взапуски. Жена Яндарман Хана соскочила с телеги и стала ругать и поносить этих обоих: „Две дохлых дорожных помехи и задержки! Что это за сапоги вы дали и скрыли моего сына?“ С этими словами она прогнала их ударами палки и камней. Те два парня побежали и скрылись в сторону леса.

Жена Яндарман Хана поехала, сидя в своей телеге. Она поехала дальше, сидя в телеге. После того, как она отъехала на расстояние дневного пути, тот маленький сын ее прибыл к телеге, обутый в сапоги, сел, снял сапоги и они отправились оттуда дальше.

Лишь только они отправились, как на дороге два человека вырывают друг у друга шапку. Этот маленький мальчик соскочил с телеги и спрашивает: „Что за шапку вырываете вы друг у друга?“ Эти два человека говорят ему: „Человек, надевший эту шапку, невидим ни для людей, ни для кого бы то ни было!“ говорят они.—„Отправьтесь подальше!“ говорит он. „Отойдите далеко и бегите взапуски! Кто выиграет, тот получит [шапку]!“ Эти двое побежали. Как только они побежали взапуски, этот самый маленький мальчик надевает их шапку и становится около телеги. Эти два человека прибежали взапуски. Лишь только они приходят, маленького мальчика нет, есть [только] его мать. Мать маленького мальчика разразилась ругательствами и проклятиями: „Черные зэтхэры[1] придорожные!“ ругает она их. „Вы сделали так, что нет моего сына!“ Так ругает она их. Эти оба удалились дальше. и скрылись Этот маленький мальчик, сев вместе со своей матерью в телегу, разговаривает со своей матерью. Мать не видит его. После этого они отправились дальше.

Стряпуха их рожает, едучи по дороге. Она родила мальчика-младенца. Она не может найти места, куда положить сына своего. Она бросает его в волчью яму. После этого они отправились дальше. Они все едут, все едут дальше. Как только они так поехали, выбегают из одной ямы волки и бегут. За теми волками бежит голый мальчик. Этот сын Яндарман Хана надевает свои сапоги, надевает свою шапку и гонится

[1] Зэтхэр — злой дух.

за тем голым мальчиком. Он догнал и схватил голого мальчика. „Ты чей сын?“ спрашивает он. — „Я сын стряпухи Яндарман Хана!“ говорит он. Взяв того мальчика, он сел в телегу. Та стряпуха берет его и сидит и держит его на руках.

После этого они отправляются дальше. Они въезжают в один город. Стоит двухэтажный дом. Отправившись туда, они входят. Как только входят они в верхний этаж, сидит и плачет полон [дом] народа. Сын Яндарман Хана, Мигар Гарамжа Хубун спрашивает: „Зачем вы сидите и плачете?“ Тот народ отвечает тогда: „Тот кого мы возводим на престол, проживет если долго, то не больше недели. По прошествии трех дней умирает!“

Он входит в верхний этаж. Лишь только он входит в верхний этаж, как там оказывается полон [дом] народу, [из которых] некоторые смеются, некоторые плачут и, раздев до-гола одного человека, его моют и одевают. Когда его одевают и сажают его на престол, тот человек сидит и плачет. Сын Яндарман Хана спрашивает: „Зачем вы заставляете его плакать? — „Мы возводим его в ханы. Как долго просуществует наш хан?“ спрашивают они Мигар Гарамжа. Мигар Гарамжа говорит: „Этот хан ваш умрет по прошествии трех суток! Я найду вам хана, который не умрет!“ говорит он. Этот человек соскочил с престола. „Я не буду ханом!“ говорит он. Того человека, ставшего ханом, полагается женить на жене того хана. Мигар Гарамжа вошел и привел волчьего сына Шалая. „Возведите его ханом!“ говорит он. Они возвели его ханом. На него надели ханскую одежду, посадили его на престол, поручили ему бразды правления, привесили ему ножны меча, и Шалай живет в ханском дворце вместе с женой хана.

Мигар Гарамжа надел свои сапоги, надел свою шапку и находится там, неразлучно с ханской женой. Они провели трое суток. По прошествии трех суток жена хана говорит Шалаю: „Почему ты таким образом все сидишь? Пойдем наружу!“ С этими словами она вывела его за руку. „После того, как ты стал ханом, смотри за своим имуществом, скотом и дворцом!“ говорит она. Они выходят и идут вдвоем наружу. Они ходят вокруг [дворца]. Придя во двор и введя своего мужа в свой дом, эта супруга царя вошла в свою юрту. Войдя в свою юрту, она зажгла яркий огонь-костер. Сев в задней половине, она в южном углу вырастила березу, заставила ее покрыться красной листвой и сидит и навешивает красные кисти.

Мигар Гарамжа входит вместе с нею в юрту и выходит. Когда они так сидят, приходит сквозь дымовое отверстие человек с выдровым воротником и выдровой шапкой и, посмотрев, ложится на дымовое отверстие. Супруга хана вышла с волчьим сыном Шалаем и пришла в дом. Она говорит: „После того, как ты стал ханом, тебе полагается обходить три

раза вокруг этой березы и три раза тащить ее! Так следует тебе поступать!" Волчий сын Шалай два раза обошел вокруг, в третий же раз он перерубил березу. Мигар Гарамжа схватил человека, лежавшего на дымовом отверстии за ноги, протолкнул и свалил его вниз в дымовое отверстие. Человек, упавший в дымовое отверстие, опалил на огне свой выдровый воротник, спалил свою выдровую шапку, сжег свой правый глаз и стал одноглазым. Упав в огонь, он лежит и распространяет чад. Волчий сын Шалай вытащил и выкинул его наружу со словами: „Что за негодяй лежит и горит?" Тот человек снаружи дома встал и удалился.

Настал следующий день. Эта жена хана снова вошла в свою юрту и зажгла яркий огонь-костер. Она вырастила красную березу, повесила красную кисть и сидит в задней половине. Вошел человек с выдровым воротником, с выдровой шапкой. Сев по правую сторону, он говорит: „Ты таким образом живи с ним всю свою жизнь! Я сегодня бросаю мысль жениться на тебе!" говорит он. „Думая жениться на тебе, я повредил себе глаза. Итак, благополучно!" С этими словами он вышел и пошел. Мигар Гарамжа продолжает смотреть. Супруга хана вошла в свою юрту и сидит со своим мужем. Они провели трое суток. Перевалили за трое суток. Прошло три месяца. Народ их каждые трое суток приходит обратно — хан их в течение трех месяцев существует и не умирает. „Мигар Гарамжа, действительно, возвел хана, который не умирает!" говорят они между собою. Ударил он в барабан северного склона, собрал свой народ ударил в барабан южного склона, собрал своих сановников южной стороны. Восемь дней устраивал развеселый пир, девять дней устраивал большую беседу. На десятый день они разошлись.

Мигар Гарамжа привел к волчьему сыну Шалаю его мать. Мать его пришла к своему сыну и наслаждается и блаженствует. Прожив в прежнее время стряпухой, родив на дороге и бросив своего сына в волчью яму, она теперь приходит обратно и, став матерью царя, живет в блаженстве. Мигар Гарамжа приводит и приглашает своего хана вместе с царицей в свой дом. Он устраивает беседу и пир. Когда они пируют, Мигар Гарамжа говорит: „Ты став таким образом ханом в этой стране, продолжай им быть! Я же вместе со своей матерью отправлюсь в свою страну. Будем иметь в своем ведении две страны. Будем жить, не покидая друг друга!" сказал он. Мигар Гарамжа говорит своей матери: „Вернемся домой!" Мать его говорит тогда: „Что мы будем есть и пить и чем жить, отправившись в сухую, безводную страну, подвергшуюся нападению и разгромленную неприятелем?" Мигар Гарамжа тогда говорит: „Если мы, прибыв в свою страну, будем жить, питаясь водой, то наш желудок будет жить в сытости!" Мигар Гарамжа собирается, запрягает вороного коня и делает сборы в путь-дорогу. Выехав из дому, они подъезжают к старой родине своей. Ехали они, ехали, ехали они, ехали.

Они приехали в свою страну. Они въехали в усадебные земли. Лишь только они въехали в усадебные земли, [они увидели, что] нет ничего, наружное и внутреннее все свалилось, сгнило и лежит, сломалось и разрушилось. Они въехали во двор. Привязали своих коней, вошли в свою юрту. Они подметают сор и грязь. Исправляют наружное и внутреннее, поставили упавшее, исправили покосившееся, и он сидит вдвоем со своей матерью и ест и пьет.

Он вышел на охоту. Он едет северным склоном Алтая, хребтом Хухея. Он едет и не может пролить черную кровь дичи, кроме носа черной мыши. Он пришел домой, ничего не убив и не прикончив ничьей жизни. Придя домой, он снял седло своего вороного коня и пустил его. Он вошел к своей матери и сказал: „Какой скупой и суровый стал Хангай!“ говорит он. Тогда мать его говорит: „Что, если ты покропишь водки и молока старцу земли и моря?“ Сын ее Мигар Гарамжа налил на блюдце молока, налил в одну бутылку водки и, смотря в восемь сторон, сделал возлияние хозяевам восьми гор.

На следующий день он выехал на охоту. Лишь только он выехал, выскочил перед ним большой белый изюбрь. На рогах большого белого изюбря четырехугольный железный ларец. Он валит его, прострелив его вместе с рогами. Оттуда поехал он дальше, расковырял и открыл ларец своей саблей. Вышли пчелы и мошки семидесяти видов и поднялись на небо. Не будучи в состоянии ни этих задержать, ни тех задержать, он дал им возможность всем подняться. Он немедленно напустил четырехугольную черную тучу и свалил кровавый дождь и каменный град. Те мошки и пчелы, с разбитыми вдребезги крыльями, спустились обратно. Он напустил на ладонь солнце. Мошки и пчелы пришли на его ладонь и сели. Он всех передавил. После этого он поехал дальше.

Он едет и охотится и выслеживает северным склоном Алтая, хребтом Хухея. Он убил наичерных из выдр. Он убил наисерых из соболей. Он убил наижирную из дичи. Настал вечер. Он прибыл домой. Он снял свои вьюки, спихнул и снял. Он взял седло своего коня, погладил крестец коня и пустил его. Его мать принесла мясо, подходящее для варки, поставила свой звучный черный котел и изжарила самое тучное. Они ели мясо дичи. „Я достиг семнадцатилетнего возраста!“ говорит он. „С тех пор, как я выехал из дому, прошло пятнадцать лет!“ говорит он. Сын ее Мигар Гарамжа достиг двадцати лет. Настало вечернее серое время сна. Мать и сын легли спать. Настало утро. Юноша Мигар Гарамжа говорит своей матери: „Я поищу себе суженую, предопределенную! Говорится, что один человек в одиночестве не станет человеком, одна единственная головня не станет огнем!“ говорит он. „Знай сам!“ говорит его мать. — „Я отправлюсь, чтобы сделать предложение дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия!“ говорит он.

Мигар Гарамжа надел свои сапоги, надел свою шапку и, поднимаясь в верхний мир на небо, взобрался туда. Взобрался он на небо и вошел в истинной своей плоти к дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия. Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия сидит и изготовляет из куска шелка величиною с ладонь десять одежд с воротниками, изготовляет из куска шелка величиною с палец двадцать одежд с воротниками и бросает их взад и вперед. Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия сидит и не замечает прихода юноши Мигар Гарамжа. Мигар Гарамжа вошел и дверной порог ее заставляет говорить. Также заставляет он говорить ее наперсток. Дверной порог спрашивает у Мигар Гарамжа: „Что нового на нижнем свете?“ спрашивает он. — „Новостей нет!“ говорит он. Мигар Гарамжа снял свою шапку. После того, как он снял свою шапку, дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия искоса посмотрела, человек дескать. Ее наперсток спрашивает: „Есть ли новости на нижнем свете?“ Мигар Гарамжа отвечает: „Я не слыхал ничего нового!“ Мигар Гарамжа спрашивает наперсток ее: „Что нового?“ Наперсток ее говорит: „Новостей нет!“ Наперсток ее говорит: „Новости есть: дочь нашего Эсэгэ Малан Тэнгрия говорит, что пришли около двадцати свекров. Она никому из них не говорит ни слова!“ Игла, которой она шила, спрашивает Мигар Гарамжа о здравии. Когда ее игла спросила о здравии, дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия восклицает: „Да засохнет твой отец!“ Она уронила свою иглу. Мигар Гарамжа смеется и говорит: „Я ведь получил твое слово!“

Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия послала своему отцу и матери бумагу. Она отправляет ее, вручив своей служанке-прислуге. Эсэгэ Малан Тенгри получил ее бумагу и читает. „После того, как вошел юноша Мигар Гарамжа, порог моей двери спросил его о здравии,“ написано там. „Мой наперсток спросил о здравии“, написано там, „Когда моя игла, которой я шила, спросила его о здравии, я вздрогнула: Да засохнет твой отец! проронила я слово“, написано там. Эсэгэ Малан Тэнгри написал бумагу: „После того, как порог твой, наперсток и игла стали речистыми, тот юноша не уступит мне!“ пишет он. „После того, как проронила ты слово, отправляйся туда! Ты нарушила свой обет!“ Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия собрала сверстниц и играет. Она играет три месяца. В той игре все время участвует Мигар Гарамжа.

Некоторые из них зашли в их дом. Когда они играют, он снимает свою шапку и кладет в карман, надевая другую шапку и разговаривает одинаково с людьми. Когда другие из них входят, он надевает волшебную шапку свою и поет и забавляется, оставаясь невидимым. „Что за волшебный и необыкновенный зять наш!“ говорят они. Три месяца играли они. Стали свою игру кончать. Он вошел к Эсэге Малан Тэнгрию, и зять и дочь его ночуют и проводят две ночи. „Страна чужая сурова“, говорит он. „Об нору мускусного животного спотыкаются!“ говорит он. „Я заскучал по своей стране!“ говорит он. „Соскучившись по своей родине, я зато-

сковал!“ Эсэгэ Малан Тэнгри говорит: „Народ, имеющий свой дом, возвращается домой! Пока не поехали назад, приведите кабана величиною с почку, который сто десятин вспашет и сто десятин наборонит и принесите его в мою собственную страну!“ говорит он.

Мигар Гарамжа надевает свои сапоги, надевает свою шапку и отправляется за кабаном величиною с почку. Лишь только он отправляется, кабан оказывается привязанным к ветвистой лиственнице. Затем Мигар Гарамжа вырвал его вместе с лиственницей и принес и посадил его в стране Эсэгэ Малан Тенгрия. Он вошел к Эсэгэ Малан Тэнгрию. Он украл и принес семидесяти родов пташек вместе с деревом. Пташки чирикают, ничего не зная. Мигар Гарамжа принес на двор Эсэгэ Малан Тэнгрия и посадил [дерево]. Он входит к Эсэгэ Малан Тэнгрию и зажимает свою шапку под мышкой. Он берет и читает желтую книгу судеб. „Ладно, зять и дочь, если будете возвращаться, то возвращайтесь!“ говорит он.

Дочь Эсэге Малан Тэнгрия говорит Мигар Гарамже: „Ты воздвигнешь, начиная от моего крыльца до собственного крыльца, фарфоровый мост!“ Мигар Гарамжа воздвиг фарфоровый мост, а по обеим сторонам перил выращивает сад с золотыми листьями. Он заставляет петь пташек семидесяти родов. Через каждую версту он расставляет людей со скрипками и лютнями.

Он входит к дочери Эсэгэ Малан Тенгрия и говорит: „Готово!“ Он надел свои сапоги и шапку и прибывает раньше дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия домой. Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия, верхом на белом зайце, спускается по фарфоровому мосту. Она прибывала, подъезжала, подъезжала. Мигар Гарамжа приготовил водки, будто озеро. Он приготовил мяса, будто сопка. Он собирает свой народ и поджидает. Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия въехала на двор. Мигар Гарамжа взял ее зайца, запер его за прутяную изгородь и пришел вместе со своей матерью. Они обнялись. Они вытянули свой золотой стол, извлекли свою вкусную пищу, вытянули свой серебряный стол, извлекли серебряную пищу. Настало утро. Он ударил в свой барабан северного склона и собрал свой народ. Они устраивают пир-беседу, устраивают свою свадьбу. Они пьют, чуть не плавая в озероподобной водке. Они едят, толкаясь в сопкоподобном мясе. Восемь дней они устраивали развеселый пир, девять дней устраивали великую беседу. На десятый день разошлись. Народ его поселился каждый в своем местожительстве, остановился каждый на своем становище. Живя и существуя, они живут в блаженстве и наслаждении в уповании на благодетельного бога.

АЛТАН ШАГАЙ

В прежнее, прежнее время, в прежнее богатое время, в давнее, давнее время, в давнее богатое время, когда великое внешнее море было величиною с речку, когда желтая рыба Абарга была с рыбешку, когда дерево Зандар опушки было величиною с прут, когда полосатый белый изюбрь был величиною с теленка, на желтой Шамшийской равнине, на берегу желтого моря, в местности, называемой Вечной, у воды, называемой Мэрэлжен, была четырехугольная белая ставка, которая достигала неба, белая ордынская ставка, которая доходила до неба. Она была воздвигнута без вешалки с стороны высокого белого неба, она была воздвигнута без подпорки с стороны обширной земли. По низу она с семью сотнями окон, поверху с четырьмя сотнями окон. Когда смотришь на каждый угол ее, то нарисованы там изображения бурханов, когда смотришь на каждую стену ее, то нарисованы портреты ханов. Воздвигнута она с прокладками из костей рыбы, закончена она и испещрена костями дичи. Она с искусным серебряным крыльцом, на котором может бегать взапуски кобыла с жеребенком, она с двойным серебряным крыльцом, на котором может пробегать кобыла с двухлетним жеребенком. С оградой из черного камня, с досчатыми серебряными воротами, с оградой из синего камня, с воротами из чистого серебра, с коновязью из чистого серебра о восьмидесяти восьми ветвях.

Столькими владениями владеющий, столько золота золотящий обладатель скота и табунов, которые пасутся на северном склоне, обладатель быков и скота, которые пасутся на южном склоне, сын Унтэ Тархя [Дорогая голова] — Алтан Шагай Мэргэн [Меткий стрелок Золотая Лодыжка], имеющий старшего брата Адуй Сэксэй, имеющий невестку Ногон Толи [Зеленое Зеркало].

— „Как долго проспал я!“ сказал он и быстро встал. Он потянулся своим станом, сообразил в разуме, подумал в мыслях. „Долго проспал я, не ходил вокруг и не обходил своих стад и табунов, пасущихся на северном склоне!“ сказал он и, с намерением объехать их, он позвал прекрасным голосом своего золотисто-солового коня и помахал ему прекрасным подолом. Золотисто-соловый конь его на пустоши Алтайской черни, на

хребте Хухейской черни нагуливал подгривный жир, словно колесо, и ходил, нагуливая брюшной жир, словно лед. Когда он после этого закричал, он слушал, прядя вперед и назад своими обоими длинными ушами и сказал: „Что это, словно мой господин закричал?“ Затем он захрапел и повалил туман, зафыркал и повалила пыль и прибегает вскачь. Он со звоном толкнул своей выдровой-собольей мордой досчатые серебряные ворота и вошел. Он съежился у основания коновязи из чистого серебра о восьмидесяти восьми ветвях, словно бегущий заяц, и съежился, словно зевающий изюбрь. Алтан Шагай Мэргэн быстро пришел и взнуздал его своим недоуздком из чистого серебра и взнуздал его литой серебряной уздою. Он покрыл его своим шелковым просвечивающим потником, оседлал его серебряным седлом с локоть, подтягивал его пятнадцатью подпругами так, что они распяливались, подтягивал двадцатью подпругами так, что они растягивались. Алтан Шагай Мэргэн вошел в свою ставку и когда он одевался, он вертелся перед зеркалом величиною с дверь, расправляя сильные плечи. Он одевается, ходя вокруг перед зеркалом величиною с потник.

Он выехал вскачь на своем коне Агуй Шарга. Когда он поехал в направлении на северо-запад, подергивая его за правую сторону его рта и хлеща правый бок его, у основания коновязи из чистого серебра о восьмидесяти восьми ветвях показалась с шумом горсть пыли. За десятью падями мелькала кисть шапки. Ехал он, ехал; ехал он, ехал. Он прибыл к скоту и табунам. Скот и табуны его ходят, делаясь более многочисленными чем прежде, более превосходными чем раньше. Он погнал свои табуны и скот в сторону желтого моря и напоил их так, что выступила грязь. Он погнал их в сторону черного моря и напоил их так, что выступила галька. Он направил их в сторону пастбища, пустил ступать [коня] в сторону юрты, пустил рысью в сторону дома. Он прибыл при вечернем красном солнце на вершину одной горы. Стрелял он изюбрей и маралух, расположился на ночлег, подостлал свой легкий шелковый потник, положил под голову свое серебряное седло с локоть и лежит и вздымается словно гора, и громоздится словно скала. Когда при утреннем красном солнце его золотисто-соловый конь стоял привязанный у белой березы, он заржал так, что зазвенело: „Как долго ты проспал? Вставай скорее!“ Он изжарил на вертеле изюбрей и маралух, фыркнул ртом и носом. Затем он поехал в эту сторону.

По дороге, по которой ходил народ, он пустил ступать коня твердой поступью, по дороге, по которой ходили овцы, он пустил его ступать мелкими шажками. „Один человек в одиночестве не будет человеком! Одна единственная головня не станет огнем!“ Когда он с этими словами поехал, глядя вверх и смеясь, глядя вниз и плача, прилетел соловей и сказал: „Дома у вас имеется человек, который может указать вам нечто, что

с огнем и пламенем! Не думай черную думу! Думай светлую мысль!“ сказал он. Тогда поехал он, ехал и приехал домой. Он вошел к своей невестке Ногон Толи и говорит: „Наварим десять котлов арзы и двадцать котлов хорзы и устроим пирушку! Скот и табуны наши более многочисленны чем прежде, более превосходны чем раньше!“ Невестка его Ногон Толи наготовила и наварила десять котлов арзы, двадцать котлов хорзы. Он устроил вместе со своим старшим братом и невесткой пирушку. Пили они десять котлов арзы и немного подверглись действию арзы, пили двадцать котлов хорзы и немного подверглись действию хорзы, и когда они беседуют, невестка его Ногон Толи говорит: „Что это грудь ваша задумчива и зрачки ваши полны слез?“ Тогда говорит он: „Один единственный человек не станет человеком, одна единственная головня не станет огнем!“ и спрашивает: „Назови мне человека с огнем и пламенем!“ Тогда она говорит: „Ваш человек с огнем и пламенем прямо на юго-восточной стороне, в стране шестидесяти лет пути, это царевна Шашхар Улан, дочь Шажгай Баян Хана, пожалуй это она! На южной стороне, в весьма дальней стране, живет hайха Ерен Тарбажа [Прекрасная Пестрая Орлица], дочь Баян Бумбай Хана, про которую говорят, что не достиг ее прекрасный из мужей, переваливая многие горы и переправляясь через многие воды! Пожалуй, это она действительно будет!“ Крепко обнимает он ее за толстую шею и плачет, слегка обнимает он ее за тонкую шею и плачет.

Ладно, затем он стал делать большие сборы, собираться дескать. Он сделал из десяти стогов сена одну плетенку, сделал из двадцати стогов сена две плетенки и сделал из мяса десяти кладеных баранов горсть бедерного мяса, сделал из мяса двадцати кладеных баранов кусочек жаркого и собрался. Он снарядил своего коня Агуй Шарга. Привязал к ветру, превратил в вихрь и в ветер, привязал на лед, снабдил его круглыми копытами. Теперь говорит он: „Снаряжение коня еще не закончено!“ С этими словами он ударил в золотой барабан и собрал свой народ, ударил в серебряный барабан и собрал десятки тысяч своего народа, устраивал восемь дней пир-беседу, устраивал девять дней большую беседу. Затем собрался ехать. „Я буду наслаждаться едучи, вы же наслаждайтесь сидючи!“ сказал он, оседлал своего коня Агуй Шарга, положил легкий шелковый потник, положил серебряное седло свое с локоть, подтянул тринадцатью подпругами своими так, что они стянулись, подтянул двадцатью тремя подпругами своими так, что они стянулись, положил десять плетенок сена в свой футляр для стрел, положил горсть бедерного мяса в свой футляр для стрел. „Снаряжение коня закончено!“ сказал он. „Собирать теперь свое собственное снаряжение!“

Он вошел и стал одеваться. Он надел цветную шелковую шубу, которую надевают в зимнее время, он вертелся и ходил вокруг перед

зеркалом величиною с дверь. Он расправил одежду силою плеч, застегнул силою больших пальцев, надел узорчатую шелковую шубу, которую надевают в летнее время, одевался, ходя вокруг перед зеркалом величиною с потник. Он выехал крупной рысью на своем коне Агуй Шарга. Конь его Агуй Шарга взвился от неба, он же равномерно и хорошо держался, он разъярился с земли, он же умело и хорошо держался. Он тянул правую сторону его рта, хлестал правый бок его, и когда поехал на юг, то у основания его коновязи из чистого серебра заклубилась горсть пыли, за десятью падями показалось мелькание кисти его шапки, и он едет. Он едет, едет, едет. Он едет, узнавая зимнее время по пению пестрой сороки, он едет, узнавая летнее время по пению соловья.

Когда он так едет, стоит какая-то юрта. Снаружи у той юрты были три желто-пегих коня. Когда он смотрит на тот дом, то сидят три юноши и делают луки и стрелы. Затем сидит и шьет там одна девица. Она спрашивает тех юношей: „Вы теперь сидите и думаете, что нет человека равного вам?“ говорит она. Они говорят: „Человека равного нам нет!“ — „А что же превосходящий вас Алтан Шагай Мэргэн в стране по имени Вечной и у воды по названию Мэрэлжен?“ говорит она. „Его мы захватим в свои руки и привяжем к торокам!“ говорят они. Когда они так сидят и говорят, Алтан Шагай Мэргэн, стоя снаружи, подслушивает, берет трех желто-соловых коней их и отправляется. Отправившись на вершину одной горы, он ложится. Он пишет желтую бумагу величиною с лодыжку. Он пишет: „Отправляйтесь туда и приведите своих коней!

Когда те три юноши выходят наружу, коней их нет. Затем прочитав ту бумагу, они едут за своими конями. Засучив оба рукава, заткнув обе полы, едут они, преследуя Алтан Шагай Мэргэна день. Когда они едут и едут, он лежит на вершине горы, громоздясь, словно гора. Эти три юноши, побоявшись итти к нему, кланяются. „Зачем вы кланяетесь? Идите сюда!“ кричит он. Тогда те юноши входят, продолжая кланяться. „Ешьте мясо!“ говорит он и дает. Они сидят и не могут есть мясо. „Вот как едят!“ сказал он и фыркает ртом и носом. Он говорит тем юношам: „Положите [на коня] мое седло!“ Те юноши отправились седлать и седлают, едва подняв втроем потник. Когда они не оказываются в состоянии поднять его седло, он подошел, сам оседлал и говорит: „Теперь впредь не говорите таких высокомерных слов! Берите своих коней и идите!“ говорит он.

Затем он после того едет и едет дальше. Когда он так едет, перед ним появляется порывистый ветер, показывается пестрая, как внутренний жир, туча. „Что-то теперь произошло?“ говорит он и сидит, потягивая свою хангайско-черную грудь. Хангайско-черную грудь его раскрыла [стрела] словно дымовое отверстие, вышла разламывая ее, словно дверь

и, когда она выходила, захватывая печень и легкие его, он сзади схватил их и проглотил своим ртом. „Острая стрела не знает своего хозяина!“ шепчет он и стреляет. Та стрела полетела, раскрыла Жоргодой Мэргэна, имеющего в шесть сторон большие пальцы, словно дымовое отверстие, и выходит, ломая его, словно дверь. Затем и сам Алтан Шагай Мэргэн умер, и Жоргодой с большими пальцами в шесть сторон умер тоже.

Конь его Агуй Шарга относит Алтан Шагай Мэргэна на гору, кладет в промежуток между плоскими камнями и охраняет его. Конь Агуй Шарга отправляется к коням Баян Бумбай Хана, прогнал его жеребцов и ходит с его конями. Табунщик Баян Бумбай Хана видит того коня и остается там, не являясь [домой] три дня и три ночи. Затем, когда он приходит к своему хану, тот гневается: „Как ты долго!“ говорит он. Тогда [тот говорит]: „К твоим коням присоединился конь с седлом, выросшим из тела, с уздой, появившейся от тела его! Сказать — месяц, это не месяц, сказать—солнце, это не солнце. Пришел, прогнал наших жеребцов и ходит, присоединившись [к коням]!“ Тогда выпроводил он своего табунщика, пригнал коней и ловит его.

Поймав его, его зацепили железными крючьями за оба угла рта, стреножили четыре ноги его железными треногами, он сажает своих витязей верхом на него и пускает его. Не могши итти в треногах, он упирается. Его пускают, развязав две ноги. Он идет быстрее прежнего. Тогда пускают его, развязав следующие две ноги. Тогда, когда его пускают вперед, он рысит иноходью однолетки, когда его пускают назад, он рысит овечьей иноходью. Тогда царь-батюшка говорит: „Я попробую сесть и поехать верхом!“ Велев зацепить крючьями за оба угла рта и велев держать двум витязям своим, он едет. Он идет пуще прежнего, скорее предыдущего. Он сам едет, велев держать его железными крючками.

Тогда hайха Ерен Тарбажа пустила его, сидя верхом, со словами: „Я попробую пустить!“ Еще быстрее идет он. Быстро идет. Затем, когда она пускает его, он мелькнул в обе стороны, раскусил насквозь оба стремени, сжав ее ноги, он захрапел и потянул туман, зафыркал и повалил пыль и идет.

Придя к Алтан Шагаю, он ставит стремена. Тогда hайха Ерен Тарбажа поднимается на небо. После того, конь его Агуй Шарга звоноко заржал своим жеребячьим голосом. Всевышний бурхан посмотрел, и сверху пошел кровавый дождь, повалил он каменный град, на Алтан Шагая же дождь не попадает. „Теперь, право, нет никакого выхода!“ говорит hайха Ерен Тарбажа, пришла назад, сложила Алтан Шагая и положила его, и когда она три раза шагнула сверху и три раза махнула и вышла, все члены его сложились. Когда она вышла и еще три раза шагнула и три раза махнула, он воплощается в свое истинное тело. Когда она вышла еще три раза и шагнула и три раза махнула, входит в него жизнь, и он встает. Тогда hайха Ерен Тарбажа улетает на небо.

После того Алтан Шагай Мэргэн поднялся и сказал: „Как долго проспал я!“ Он потянул свой стан, воплотился в свое истинное тело и спрашивает своего коня Агуй Шарга: „Что же теперь произошло со мной?“ спрашивает он. Конь его Агуй Шарга говорит: „Ты умер, застреленный имеющим в шесть сторон большие пальцы Жоргодой Мэргэном!“ говорит он. „Затем я принес тебя, привел hайха Ерен Тарбажа, дочь Баян Бумбай Хана, и вселил в тебя жизнь,“ говорит он. Затем конь говорит: „Я сильно страдал. Они заставляли меня ходить, стреножив железным треногом, заставляли меня ходить, зацепив оба угла моего рта железными крючьями. Тучный черный жеребец искусал насквозь кожу моих ребер!“ говорит он. Тогда Алтан Шагай Мэргэн обнял толстую шею своего коня Агуй Шарга и заплакал, легонько обнял тонкую шею его и заплакал. Затем он встал и поехал.

Он входит к Баян Бумбай Хану. Когда он входит, Баян Бумбай Хан спрашивает его: „Ты, комолый, откуда появился?“ Тогда он говорит: „Я иду по делам зятьства, пояс мой идет по делам сватовства!“ Тогда он ударил в золотой барабан и собирает свой народ. Он ударил в серебряный барабан и собирает десятки тысяч своего народа. Он достал бочками водку и сопкой мясо. Происходит великая пирушка.

Тогда hайха Ерен Тарбажа посылает служанку: „Иди и посмотри, какой [там] человек!“ говорит она. Служанка отправляется. С тех пор, как она отправилась, она находится там, не приходя назад три дня и три ночи Затем Алтан Шагай [видит она] и хорош и прекрасен. Она прибегает, думая свою думу. hайха Ерен Тарбажа гневается: „Как долго ты!“ Служанка говорит: „О, боже! Я и забыла от скверноты и безобразия, смеха и издевательства народа!“ Тогда hайха Ерен Тарбажа поднимается на небо.

После этого, приступив к сватовству, собравшись выдать свою дочь и установив срок, хан отправляет Алтан Шагая обратно.

После того, как он его отослал назад, дочери его [оказывается] нет „Что теперь делать?“ недоумевает он. Тогда служанка говорит: „Выдайте меня! Соскребите и смойте и соскребите ножом мою грязь! Натрите меня верблюжьим хвостом и сделайте меня благовонной, натрите овечьим хвостом и сделайте душистой и выдайте меня замуж!“ говорит она.

Тогда стали они снаряжать свою служанку. Нагрели семьдесят котлов воды, чтобы смыть семидесятилетнюю грязь ее, взяли семь фунтов мыла и моют и соскребают ее грязь. Натерли ее овечьим хвостом и сделали ее душистой. Натерли ее верблюжьим хвостом и сделали ее благовонной, снарядили ее к Алтан Шагаю и придали ей неотразимую силу. Они отпустили свою служанку.

Когда их служанка подает на стол, то приходит и сама поедает кое-что по дороге. Алтан Шагай Мэргэн сильно удивляется: „Дочь царя, а как похожа на простолюдинку!“ Так удивляется он.

Затем служанка собирается итти вместе с Алтан Шагаем к своему батюшке. Алтан Шагай, удивившись ее уходу, говорит: „Ты иди одна и приходи! У меня же болит голова," говорит он. Тогда служанка отправляется одна.

Алтан Шагай, став черной мухой, сидит на стене. Тогда приходит hайха Ерен Тарбажа, дочь хана, открывает свой сундук и сидит и шьет золотым шелком. Черная муха — Алтан Шагай Мэргэн — подошел сзади и садится к ней на лопатку. Затем он говорит: „Теперь-то я тебя наверное поймаю!" С этими словами он воплотился в свое истинное тело. „Я поймал тебя!" Пристает, но упускает ее. Она вырывается, бросает это и то и взлетает кверху. Алтан Шагай Мэргэн выбегает наружу и со словами: „Я прострелю и свалю тебя!" натягивает, установляя свой желтый лук Манзан на спуск...

ШОНО БАТОР

(Первый вариант)

Были два хана. Их коней задрал волк. Тогда те два хана сговорились устроить облаву и уничтожить того волка. Затем, собрав своих людей, они вышли искать волка. Тогда Батор Бейле пошел с тремя собаками. Хон Тайжи пошел с одной собакой. Затем, ища волка, они не настигли его. Когда они шли, три собаки Бейле Батора шли и наловили много антилоп и дичи. Собака Хон Тайжи шла под хвостом коня. Когда они дошли до волка, она поймала волка. Она одна шла под хвостом коня Бейле Батора. Когда, поймав волка, он пришел домой, Бейле Батор сказал: „Поменяемся нашими собаками!" Хон Тайжи сказал: „Я не буду меняться!" —„Что тебе нужно? Я дам! Давай меняться!" Тогда тот говорит: „Ты имеешь трех жен. Отдай одну! Тогда я отдам свою собаку!" Тогда поменялись, один из них отдал свою собаку, а другой отдал свою жену. Тогда он попросил его о прекраснейшей из трех жен его. Тот не мог нарушить данного слова.

Та жена его собиралась родить. Затем жена сказала: „Ты хотя и выменял меня на собаку, но я получила равноценную тебе вещь!" сказала она. Теперь жена его отправилась к Хон Тайжи и по прошествии некоторого времени родила. Появился тогда сын. Когда тому сыну давали имя, нарекли его Шоно Батором [Волком Богатырем], сыном Бейле Батора.

Тем временем, вслед за сим сыновья Хон Тайжи становятся большими. Тогда те сыновья выгоняют пасти телят и овец. Когда ходили Шоно Батор и Сэрэн Галдан, то была младшая сестра Уйен Хошу [Горностаевые Уста]. Этот Шоно Батор обманул своего Сэрэн Галдана, побудил его сломать лук и стрелы и затем, придя домой, тот говорит: „Отец, сын твой меня все время таким образом притесняет и обманывает!" Отец его, Хон Тайжи, в результате слов того сына все гневается, гневается на Шоно Батора, на сына своего Шоно Батора.

Те два сына выходят на охоту, тайговать. Когда взяли с собой своих людей и отправились в тайгу, когда идут они по местности, где нет топлива, Сэрэн Галдан сжег свой лук и стрелы, решив, что лук и стрелы найдутся, когда он подойдет к долине Номотийн Гол [Лучная долина]. Затем, когда они шли дальше, он сжег свое седло, так как

седло найдется, когда подойдет он к долине Эмэлтийн Гол [Седловая долина]. Затем, когда они охотятся дальше, Сэрэн Галдан остается без лука и стрел и без седла.

Шоно Батор приходит, набив дичи и антилоп. Сэрэн Галдан прибыл раньше и говорит Хон Тайжи-батюшке: „Сын твой пришел, обманул и побудил меня сжечь лук и стрелы!“ Затем, когда Шоно Батор приходит, он в гневе запирает его в амбар, вытянув в железном амбаре сухожилия обоих больших пальцев его. Шоно Батор лежит и поет.

Тем временем от Тэмэ Улан Хана [Верблюжьего Красного Хана] прибывают семьдесят верблюжьих вьюков иголок. Тогда нет человека, который мог бы понять, что это и что оно значит. Та младшая сестра Уйен Хошу отправилась к Шоно Батору и разговаривает: „Этакая и такая штука прибыла. Никто не знает!“ Тогда Шоно Батор сказал: „Он обладает многочисленным войском, подобным иглам, одинаково с этими семьюдесятью верблюжьими вьюками!“ Тогда те вьюки с иглами высыпали в море.

На их место он устроил дерево без конца и без основания и послал. После того, как тот ушел, он присылает к Хон Тайжи три лука Манзан.[1] „Что это?“ спрашивает Хон Тайжи. Нет человека, который мог бы натянуть его тетиву. Тогда младшая сестра его Уйен Хошу говорит: „Разве что Шоно Батор натянет тетиву!“

Шоно Батора приводят и он подает ему лук, чтобы натянул его. Шоно Батор натянул его, слабое [место] его согнул, твердое [место] его переломил и отпускает назад. Тогда он пожалел Шоно Батора: „Не следует вытягивать большие пальцы полезного сына своего!“

Тогда Тэмэ Улан приходит к ним воевать войною. Тогда войско Хон Тайжи близко к поражению. Тогда сын его Шоно Батор отправился со словами: „Я выйду к неприятелю!“ И когда он сразился, он разбил, отстранил и прогнал войска Тэмэ Улан Хана.

Затем, разбив их, он пришел, и тогда перестал Хон Тайжи запирать Шоно Батора в железный амбар. После этого Шоно Батор, рассердившись на то, что ему растянули большие пальцы и вытянули его лопатки, сказал своим людям и войскам, чтобы они вошли в подданство северного белого царя, следующим образом: „Идем, подчинимся северному хану!“ и вышел вместе со своими людьми. Отец его Хон Тайжи узнал и погнался за ним со своим войском. Перебравшись на северный берег моря, он сел там и запел:

„Ты думаешь, что припер меня
К черному, черному морю?
Халюная соловая переплывет!

[1] Название лука.

Когда все твои войска придут,
Шоно Батор их поборет!“

„Ты думаешь, что запер ты меня
У синего, синего моря?
Старая соловая переплывет!
С эстолькими тысячами войск тебя
Шоно Батор поборет!“

„Я выбрался, дав вонзить себе
В лопатки семьдесят стрел!
Я выбрался, дав вонзить себе
В крестец много стрел!“

Когда он так пел и повествовал, войско Хон Тайжи-батюшки ничего не могло поделать. Между тем, побыв там, они уславливаются, давай перестреливаться мол. Тогда витязь Хон Тайжин говорит: „Стреляйте!“ Когда они стреляют, стрелы их не достигают той стороны моря и падают. Тогда Шоно Батор говорит: „Положите свои потники в воду и, намочив их, наверните их на лиственницу!“ Когда он стреляет, стрелы его пробивают насквозь три двойных потника и вонзаются в лиственницу. Ну, тогда витязи Хон Тайжи отступают, повернув обратно. „Нет возможности!“ говорят они.

Шоно Батор пришел сюда к северному белому царю и сказал: „Я стану вашим подданным! Я пришел к вам с войском!“ Тогда северный белый царь говорит: „Есть у нас здесь такая проклинательница черная шаманка. Куда она ни взглянет и ни произнесет свое проклятие, в той стороне умирают все люди и скот!“ — „Я могу ее побороть!“ говорит Шоно Батор. Тогда он говорит: „Что тебе нужно? Побори ее!“ Тогда он говорит: „Мне ничего не нужно. Если я умру, то покройте меня огненно-черной лисицей!“ Затем он отправляется стрелять в нее.

Тогда он спрашивает царя: „Когда я буду стрелять в эту шаманку, если я буду целить в ее голову и стрелять, умрет царь. Если я выстрелю в середину, в грудь, то я сам умру! Если я выстрелю в нижнюю часть тела, то умрет твой подданный народ. Куда же мне стрелять?“ Тогда северный белый царь говорит: „Сам знай!“ Тогда [он говорит]: „Если выстрелить в ее голову — умрет хан! Чем это, лучше сам умру своей простой черной личностью!“ Когда он, сказав это, выстрелил в проклинательницу черную шаманку, прострелил ей насквозь грудь и свалил ее и она застреленная падала, [она произнесла следующее]:

„Какого хана стрела это, что осилила мои неодолимые кости?
Какого хана подданный это, — что подавил мое неподавимое тело?

Какого хана подданный ты, — что прострелил безжалостно мое любимое тело?“

Затем стегно ее падает, задеваясь, в море. Грудь ее подымается на небо. Затем Шоно Батор остывает в ногах, он становится синим камнем и находит [вечный] покой. Тогда уставился он, став изваянием из темного камня. Затем находит он покой, подавив непобедимого врага северного белого царя.

Когда облекают Шоно Батора в панцырь из огненной черной лисицы, не хватило одной лисицы, и они не могут найти ее. Когда они, не будучи в состоянии найти ее, идут, то находят ее в Иркутске, в белом городе. Затем этот город получает название „Иркутск, Город Белый“.

ШОНО БАТОР

(Второй вариант)

Эсэгэ Малан Тэнгри имел трех сыновей. Самый старший сын его АюханХан [Ойратский Аюка Хан], средний сын его Амарhанан [Ойратский Амур Сана], меньшой сын его старик Сагадай [Чагатай]. Он признал неправым Амарhанан Хана. Затем остальные перессорились и признали неправым. Признав неправыми, Амарhанан Хан со словами: „Достигну я бессолнечной страны, земли без растительности!“ собрался и пошел. После того, как он собрался и пошел, Аюхан Хан взял с собой тридцать три сановника своих и триста воинов. Заставив их последовать, он вышел искать его. Он шел, переваливая через гору. Когда он шел и шел, Амарhанан Хан запел перед ним и затемнил своим волшебством его глаза. Он поспешно пошел, решив настигнуть его. Затем он не настиг его. Он въехал в бессолнечную страну. Он поехал назад. Когда он подошел к долине Номтийн Гол, то была там прекрасная местность. Остановившись там, Аюхан Хан покормил своего коня. Когда он кормил своего коня, не было там воды. „Такая прекрасная местность и какая безводная!“ сказал он и приказал своим тремстам воинам: „Оседлайте своих коней!“ Повернув обратно, Аюхан Хан три раза ударил по земле своей плетью. Когда он ударил землю, земля раскололась. Показалась вода. Юго-западное море показывалось, показывалось и, сильно показалось. Оказавшись в безвыходном положении, он поехал назад домой. Когда он возвращался домой, Эсэгэ Малан Тэнгри узнал об этом и послал своего самого младшего брата со словами: „Надо бы людей впустить, разлить бы воду!“

Тогда младший брат его Шударман отправился, вырвал юго-восточную тайгу и не закупорил [море] сзади. Вытащив северо-западную тайгу, он не закупорил воды. Рассерженный, он схватил семь гор и бросил их. Когда он схватил и бросил их, то закупорил. Вот это-то и является пупом этого юго-западного моря.

Когда Аюхан Хан ехал и возвращался, напал на его скот и свалил его скот огненный черный волк. Аюхан Хан удивился: „Что теперь

будет?" С этими словами он взял свой лук и посмотрел: на луке его родился витязь из плоти и мяса — Хон Тайжи. Он послал за ним в нижний мир и велел его привести. Витязь пришел и сказал: „Я подавлю!" В ту ночь витязь отправился и стал подкрадываться к его скоту. Придя в полночь, огненный черный волк задирал его скот. Хон Тайжи стреляет и пришептывает. Он прострелил насквозь его белую хрящевую часть шеи. Хон Тайжи удивляется: „Что я теперь убил?" и бежит с этими словами. Когда он подбежал, появилось крови целое озеро и лежали внутренности целыми ложбинами.

Хон Тайжи приходит к Аюхан Хану. Затем он говорит: „Я подавил твоего врага". Теперь Аюхан Хан спрашивает: „Что возьмешь?" Затем он говорит: „Стань ханом!" Тот не согласился стать ханом. „Мне нужна жена. Жену твою Ама Саган Хулгана [Белоротая Мышь], начальствующую над двенадцатью женами, ее я возьму!" Сказал он. „Ладно, коли привел своего друга, то отдам уж ее!" сказал Аюхан Хан. Снарядив их он отдает свою жену. Из мяса двенадцати быков сделал он горсть мяса и наложил его в мешок. Он соединил мясо двадцати быков, приготовил оба бедра и кладет его в мешок. Он берет горные камни и затыкает их в стремянные ремни. Он берет валуны-камни и затыкает в стремянные ремни. Затем он говорит: „Ходи жестче черного камня! Ходи более сильным, чем темный камень!" Затем, снарядив эту царицу свою, он отпускает ее.

Хон Тайжи едет, едет. В промежутке, тем временем как она ехала, доходя до полдороги, она родила. Царица Ама Саган Хулгана говорит Хон Тайжи: „Что делать с сыном?" Хон Тайжи говорит: „Бросим его здесь на дороге!" Затем, спеленав его, бросают. Когда бросают, кладут его в волчью яму. Затем возвращаются домой. После того, как они вернулись домой, после того, как прошло тринадцать лет, сын постепенно находит следы своей матери и приезжает вслед за своей матерью. Когда он прибывает, мать его сидит и разминает лосиную кожу так, что скрипит. Она сидит и разминает кожу изюбря так, что трещит. Сын ее вошел и потянул за дверь ее, и она говорит: „Кто там?" — „Я!" говорит он. „Если ты мой сын, то, когда ты произнесешь три слова, закапает из моей правой груди желтое молозиво!" [говорит она]. Когда он произносит три слова, капает. „А, мой сын!" сказала она и впустила его, открыв ему дверь. Она берет его к груди своей и сидит и держит его. Она сидит и дает сосать свою грудь. Пока они так сидят, приходит Хон Тайжи. „Это кто же такой, этот мальчик?" говорит он. „Это наш сын!" говорит она.

По прошествии трех суток, она положила его в колыбель. Когда клала его в колыбель, то дала мозговую кость и заткнула в колыбель камень и дала ему имя. Они спорят об имени. Она дала имя „Шоно Батор [Волк Богатырь], рожденный в волчьей яме".

Затем был Сэрэн Галдан с тремя сыновьями. Хон Тайжи вышел на охоту. Поохотившись, Сэрэн Галдан ничего не убил. Шоно Батор поймал изюбря и привязал его живьем к дереву. Сварив чай, он ложится. Сэрэн Галдан приходит и не узнает его.

Затем он спрашивает: „Отдай мне своего изюбря!"—„Бери!" говорит Шоно Батор. Затем говорит: „Отрежь большой палец правой ноги и отдай мне!" говорит он. „Давай поменяемся!" говорит он. Тот отрезал свой большой палец и отдает его. Он забирает изюбря и ведет его. Вернувшись домой, он говорит: „Шоно Батор ничего не убил!" Он говорит своему отцу: „Он ничего не убивает!"

Шоно Батор приходит вслед за ним. Он убил и приносит сорок и галок. Тогда тот думает: „Мой сын хорош!" думает он. Хон Тайжи думает: „Этот сын плох!" Затем решил его схватить. Затем он запирает его в железный амбар. Он запирает Шоно Батора в железный амбар.

Затем младшая сестра его приносит и подает ему пищу. Когда она приносит ему и подает, Шоно Батор спрашивает девочку: „Что снаружи шумит?" Девочка говорит: „Прибыли шесть верблюжьих вьюков. Иглы прибыли!" говорит она. „Шесть верблюдов дров прибыло!" говорит она. „Прибыли деревья без концов и без вершин!" говорит она. „Отец говорит, чтобы ты пришел!" Дочь его отправилась и выпустила Шоно Батора. Выпустила она его, отправила и опять смотрит: прибыл вместе с вьюками желтый лук. Шоно Батор взял его, перетянул его, положил в мешок и послал его назад. Затем Хон Тайжи подумал: „Не полагается моему сыну здесь быть. Запру его снова в железный амбар!" и запер своего Шоно Батора в железный амбар.

Когда же дочь его отнесла и подала ему чаю и когда он спросил: „Что это за шум снаружи, что шумит?" [она говорит]—„Хон Тайжи привел воинов, чтобы убить Шоно Батора!" Услыхав это, Шоно Батор раскидал ногою вдребезги железный амбар и вышел. Когда он побежал в середину коней, находился там русский халюный конь. Схватив его и сев на него верхом, он поскакал.

Он заставил коня скакать, и прибыл к юго-западному морю, перебрался через него, заставив своего коня перескочить через него. Когда он перебрался, то заднее правое бедро [коня] замочилось. „Зачем я выехал теперь?" думает он. „Я буду побежден врагом!" думает Шоно Батор. Падь, куда можно было бы выйти преграждена, края, куда можно было бы выйти нет.

Он натягивает свой желтый лук, так что он выворачивается назад. Когда он натягивает и пускает, он простреливает вдребезги гору и преграду входной ложбины. Он простреливает гору насквозь. Когда он таким образом едет, то едет и думает: „Представлюсь-ка северному белому царю!" Затем он прибывает туда. Когда он прибывает, там происходит

война. „Я подавлю того врага!“ говорит он. „Ладно, подави!“ говорит тот. Он отправился на врага, и когда он смотрит, безхвостая баба глядит над воинами и губит воинов. Шоно Батор говорит: „Я выстрелю! Я выстрелю в твой хрящевой белый шейный позвонок!“ говорит он. Та женщина говорит: „Если ты выстрелишь в мою хрящевую белую шею, то погибнет северный белый царь!“ говорит она. „Если ты выстрелишь в мою грудь, то погибнет подданный народ!“ сказала она. „Если ты прострелишь мой хвост, мой крестец, то Шоно Батор сам умрет!“ говорит она. Прострелив ей насквозь крестец, он сваливает ее. Он приходит к северному белому царю и говорит: „Я подавил твоего врага!“ Собрав двенадцать ханов своих и велев приложить руку он говорит: „Дай подпись!“ Он собирает двенадцать ханов. Он велит приложить руку. Он прикладывает золотую печать, берет с него слово. Когда берет слово, то говорит: „Не брать в солдаты людей, пошедших и последовавших за мною! Не брать ни на какую службу!“ Затем Шоно Батор сказал: „Теперь я откочую!“

СТАРИК ТЭНСЭХЭНДЭЙ

В прежнее время был старик Тэнсэхэндей с быком, имевшим плешину в пядь. Был он близок к десяти тысячам лет. Запрягши его, он отправился за топливом. Заставив его перескочить через пень, он этим убил его. Затем, ища того, кто съел бы быка, он встретился с вороной: „Что будешь есть?“ спрашивает он. „Съем один глаз его!“ [отвечает ворона] насыпал и сказал: „Ешь!“

Затем он встретился с сорокой. „Что будешь есть?“ спрашивает он — „Я поела бы перепонку сычуга!“ [говорит она.] Насыпал он и сказал: „Ешь!“ Затем пошел он дальше и встретился с мангатхаем. „Что будешь есть?“ спрашивает он. „Что дашь, то и буду есть!“ говорит он. Заставив его следовать за собой, он привел его домой. Он не вмещается в дверь. Он бросил мясо через дверь. Отдал ему все свое мясо. Затем мангатхай сказал: „Зачем ты меня привел, коли не насыщаешь меня?“ Вырвав дверь, он вошел, схватил его самого и унес к себе домой.

Приведя его к себе в дом, он привязал его к дымовому отверстию. Затем он сам пошел на охоту. Затем, после того, как тот вышел на охоту, он сказал пяти шелудивым сыновьям его: „Дайте мне саблю вашего отца! Я отрежу и дам вам своего брюшного жира!“ Пять шелудивых сыновей его дали ему саблю своего отца. Перерезав той саблей свою веревку, он слез. Затем он сказал: „Ложитесь спать! Кто из вас по хорошему зажмурит свои глаза?“ Те сыновья забрались на свои кровати и легли и зажмурили глаза. Взяв топор, он отрубил им головы. Он вылил кровь в пять желудков их и положил их головы на их места. Мясо он сварил и поставил на стол. Выйдя наружу, он сам спрятался. Мангатхай пришел. „Гм, гм! оказывается, мои пять шелудивых сыновей уже вытащили мясо!“ Сев за стол он начал есть. Глаза его дергаются. „Гм, гм! Вероятно дергаются оттого, что не подбросил мяса в огонь!“ Мангатхай бросил в огонь мясо. Сев опять, он начал есть. Уши его стали дергаться. [Он подумал:] „Однако это дергаются от того, что не разбудил детей!“ Затем отправившись туда, он стянул одеяло — пять голов покатились в пять сторон. Он выбежал наружу. „Куда ушел старик Тэнсэхэндей?“ — „Нахожусь в доме, нахожусь в доме!“ [отвечал тот.] — Он вошел

в дом и посмотрел — здесь нет, там нет. „Старик Тэнсэхэндей, куда ты ушел?“ — „Снаружи нахожусь, снаружи нахожусь!“ Выйдя наружу, он стал искать. Он не мог его найти. „Старик Тэнсэхэндей, куда ты ушел?“— „Я нахожусь в доме!“ — Когда он перерыл все дно и посмотрел, тот вылез из-под пола и побежал. Побежал он через ледяное море, думая о том, что будет настигнут. Он вылил ему один желудок крови: „Ни с клеща не оставлю я черной крови своего сына!“ Таким образом стал он лизать и приморозил свой язык ко льду. „Руби между языком и льдом!“ С этими словами он рубнул его белый задний шейный позвонок. Снова вскочил и побежал он. Снова вылил он один желудок крови. „Ни с величину клеща не оставлю я черной крови!“ сказал мангатхай и стал лизать и опять приморозил свой язык ко льду. „Руби между языком и льдом!“ сказал он, и тот отрубил ему вторую голову. Вскочив, он снова погнался, снова думая о том, как бы догнать его. Снова вылил он один желудок крови. Тогда он опять стал лизать ту кровь и опять приморозил свой язык. „Руби между языком и льдом!“ сказал тот и он опять отрубил ему голову. Снова вскочил и погнался он, думая о том, как бы догнать его. Снова вылил он один желудок крови. Снова стал он лизать ее, и опять приморозил свой язык. Тогда отрубил он ему все его головы. Мангатхай умер. Старик Тэнсэхэндей на радостях засмеялся и, продолжая смеяться, умер от хохота.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ И ПЕРЕВОДАМ

Варианты многих из издаваемых здесь произведений устного творчества бурят были в свое время записаны разными собирателями и переводы или краткие пересказы содержания их можно найти в литературе.

Близкой по содержанию к былине „Еремей Богдо Хан" является былина „Алтан Шагай", записанная мною неполностью. Рассказчик не мог как-следует рассказать всего того, что следует за женитьбой Алтан Шагая, и прервал свой рассказ на том месте, где герой встречается с настоящей царевной и открывает обман своей жены, выдававшей себя за царевну, но оказавшейся служанкой. Весь этот эпизод находится в былине „Еремей Богдо Хан", с которой былина „Алтан Шагай" имеет общего еще многое другое. Полностью былина „Алтан Шагай" была записана Ц. Ж. Жамцарано в улусе Кундулун. Пересказ или вольный перевод одного из вариантов, записанного в б. Аларском ведомстве и очень близкого к былине „Еремей Богдо Хан", был опубликован Н. И. Затопляевым.[1]

Вариантом былины „Хан Сэксэй Мэргэн" является сказание „Алтансэсэк и его сестра Эрмэльжин-гохон-абаха", записанная Хангаловым у бурят б. Балаганского ведомства.[2]

Издаваемая здесь сказка „Мальчик-сирота" является более полным вариантом сказки „Сирота и Желтая Собака", записанной у аларских же бурят покойным П. П. Баторовым и изданный только в переводе Н. И. Затопляевым.[3]

Сказание „Яндарман Хан" является одним из вариантов устной версии сказания об Арджи-Бурджи. Близким по содержанию к данному

[1] Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии. Т. I, вып. 2. Иркутск, 1890, стр. 1—29.

[2] Бурятские сказки и поверья, собранные Н. М. Хангаловым, о. Н. Затопляевым и другими. Зап. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. по Отделению Этнографии. Т. I, вып. 1. Иркутск, 1889, стр. 49—61.

[3] Сказания бурят, записанные разными собирателями, стр. 51—56. Ср. близкий вариант, записанный Рудневым (сказка „Золотое кольцо"). Хори-Бурятский говор. Вып. 3. Перевод и примечания. СПб., 1913—1914, стр. 048 и сл.

сказанию является тот эпизод литературной версии Арджи-Бурджи, в котором говорится о рождении Шалу, брошенного во время бегства в волчью берлогу.[1] Имена героев этого сказания легко поддаются отождествлению с героями литературной версии: Яндарман Хан, несомненно, Гандарва; Мигар Гарамжа — Викрамадитья, а Шалай (шāлā̄) — Шалу.

Издаваемые здесь два варианта сказания о Шоно Баторе очень близки к прежде известным вариантам, записанным Хангаловым у балаганских бурят,[2] и Затопляевым у аларских бурят.[3] Один из вариантов этого сказания был также издан на бурятском языке.[4]

Наконец, сказка о старике Тэнсэхэндэе очень близка, по содержанию, к сказке „Тенехон", записанной Хангаловым у балаганских бурят.[5]

---

[1] Ср. А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Петроград, 1921, стр. 34 и сл.; ср. Арджи-Бурджи. Монгольская повесть, переведенная с монгольского ламою Галсан-Гомбоевым. СПб., 1858 (из журнала Общезанимательный Вестник, 1851 г., № 1), стр. 4 и сл.

[2] Сказания бурят, записанные разными собирателями, стр. 36—44.

[3] Там же, стр. 44—49.

[4] Чано батур. Героическая поэма иркутских бурят-ойратов. Запись Н. Амагаева. Послесловие Агвана (литография).

[5] Бурятские сказки и поверья, собранные Н. М. Хангаловым и о. Н. Затопляевым, стр. 21—24.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К ОБЕИМ ЧАСТЯМ

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
33	3 снизу	з	з̀
41	9 сверху	звуком	знаком
46	15 „	халх.,	халх.
47	7 снизу	к-öl	köl
49	7 сверху	інзăґăң	інзăґăң
49	11 „	ілґăхă	ілґăхă
55	7 снизу	бо̄	бо̄
61	11 сверху	наблюдаюдаются	наблюдаются
83	4 снизу	формы	формы,
93	2 „	ėрjўп	ėрjӯп

К § 76 добавить:

Наряду с формой comitativi-sociativi на -тē ~ -тē существует еще форма на -лāр ~ -lēр, из бурятских говоров известная автору еще в говоре эхрит-булгатов, напр., ал. шамалāр ʿс тобоюˀ. Суфф. -лāр восходит к -*$l\bar{a}$ + -*βar, где -*$l\bar{a}$ = мо. -*luγa* — суфф. comitativi, а -*βar = мо. -*ber* — суфф. instrumentalis. Суффикс -лāр оказывается таким образом сложным и состоящим из суффиксов comitativi и instrumentalis. Суффикс -лāр из других монгольских наречий известен калмыцкому, где ему соответствует -лāрң возвратнопритяжательного (безличнопритяжательного) склонения.

Суфф. -лāр свойствен, повидимому, также многим южно-монгольским наречиям, ибо в современных южно-монгольских рукописях (чахарских, ордосских и т. д.) очень часто встречаются формы на -*lar* или -*luγa ber*.

К § 77 добавить:

Instrumentalis очень часто употребляется также в значении comitativi-sociativi, особенно от личных местоимений множественного числа, напр., манāр ʿс нами', которые являются даже значительно более употребительными, чем формы на -тē.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	17 сверху правого столбца	хуґа̄^{i}дăбă	хӯґа̄^{i}дăбă
3	18 снизу левого столбца	ноґ тŏлŏжŏ	ноґтŏлŏжŏ
12	10 сверху	хоjӯлăн да̄	хоjӯлăндā
13	15 снизу	шёґшӯрнёhē	шёґшӯрнёhē
16	15 сверху	ахӑ^{i}jā	ахӑjā
19	17 снизу	нарнē	нарнĕ
20	2 снизу левого столбца	а jăндă	ajăндă
23	20 „ „ „	зо̄шёнō̄рёмнĕ	зō̄шĕ нō̄рīмнĕ
23	5 „ правого „	jӯмёдё	jӯмĕдĕ
24	15 „	рāлдăмăршнē	рāлдăмăршнĕ
24	14 „	jорлōjёш	jорлōjĕш
26	5 сверху	гёжё	гежĕ
43	18 снизу левого столбца	елёгёң	гелĕгёң
82	19 сверху	ёдˇхērē	ёдˇхērē
90	20 снизу	наhăнсōo̱ōhӯ	наhăнсōo̱ō hӯ
109	2 „	ẏлēхё бō̄п	ẏлēхĕбō̄п
119	16 сверху	тились притя- гивая	тились, притя- гивая
149	18 „	шагнул раз	шагнул раз,
164	15 „	и соображая	и, соображая
167	5 „	Бухэ.	Бухэ“.
175	12 „	Хартагай Хана	Хартагай Хана,
178	14 „	плачешь жалея	плачешь, жалея
178	18 „	дрова“!	дрова!“
181	13 „	наперсток она	наперсток, она
185	15 снизу	Каким таким	По каким таким
186	15 „	спрость,	спросить,
187	2 „	войска	войско

